

Николай Рерих

ПИСЬМА В АМЕРИКУ

1923—1947

10.VI.23

Дорогие друзья, вчера послали Вам радио: “Учитель с Вами. Едем в Италию и в Энгадин” — так было Указано. Сообщите, почему 9-го июня это было нужно? Очень мудро, что до Италии мы приостановились в Виши до 27-го июня. Порума подкрепилась, да и всем полезно попить воду и попринимать ванны. Будем жить здесь тихо — ничем не усложняясь — помня, что делаем “очередное дело”. Конечно, Грант не поедет в Санта-Фе — там для нее могила. Вчера Е.И. видела луч Учителя. Указания все время направлены — чтобы терпеливо переживать положенные сроки. Сообщите (Грант разошлет) прессе:

1. Никол[ай] Рерих получил приглашение устроить выставки в Париже и в Брюсселе. Французское издательство “Итво” обратилось к Р[ериху] с предложением издать по-английски книгу его последних статей, на что художник дал согласие. Для Америки это издание имеет особый интерес, ибо в него войдут статьи с оценкой Америки, а мы знаем, что проф[ессор] Рерих при своих широких международных тенденциях всегда был горячим другом Америки. Издательство “Жар-Птица” в Берлине готовит к печати большую монографию о Р[ерихе], в тексте которой будут статьи Рабиндраната Тагора, Альфреда Боссома, Леонида Андреева и др[угих].

2. Проф[ессор] Рерих в Париже получил от княгини М.Тенишевой печатное сведение о том, что живопись в церкви имени кн[ягини] Тенишевой очень повреждена. Эти фрески были одной из наибольших работ мастера. (Пришлите вырезки.)

Кроме газет пошлите эти сведения Матиссу, Мерриту, Дымову.

Книгу, вероятно, придется печатать в Вене или Праге. В Париже очень плохие шрифты. Когда выезжает Ояна? Так рады будем увидеть ее — часть Круга, где заложено так много. Сведение из “Тайной Доктрины” и Ваше известие о пасторе замечательны — все идет, как надо.

Целуем крепко Вас всех.

Духом с Вами,

•Р/Х•

14.VI.[23]

Виши

Дорогие друзья, как замечательно предостережение Грант — истинно, ей придется выдержать нападения розенкрейцеров и родных. Но пример Ояны должен помочь ей. Как быстро Ояна справилась с опасностью! Конечно, этого темного человека видела С[офья] М[ихайловна], и, конечно, он и ему присные будут пытаться извлечь сведения. Так трогательна приписка Иероваама — так и вижу, как он входит и спешит приписать доброе слово, — и эти *добрые* слова сокращают всякие расстояния. Да и что значат расстояния для духа! Жаль, не можем прочесть еврейские газеты — чувствую там что-то хорошее. Привет Ривкину! Пусть держится! В вырезке из “Mus[eu]m Currier” извещается об ученических выставках и *потом* об однодневной выставке — надо наоборот. В Германию можно послать “Stone and Cement”, но под названием “Legende of Beauty”. Кроме того, можно “New Era” и “Truth”. (Trutti, op. 2.)

Вообще, будем бережно-бережно нести все порученное, ибо по всему видно, что старый мир физически отживает, и почему не взять то, что предлагается так легко. Не знаю, что делать с картинами? В страхование, после опыта с Чикаго, верю так мало. Но, с другой стороны, именно над Музеем знак Учителя. Сейчас жена моя начала проверять текст русской книги. Оказывается, нашлись пропуски и неточности, а печатать, видимо, придется в Вене, откуда корректуру получить нелегко. Сейчас письмо из Берлина в Париж идет 6 дней — так аппарат развалился. Яруя приедет в Вену — и я смогу дать ему указания на Россию.

Сейчас сидим в Виши — чинимся. Погода дождливая, серая. Толпа такая же. Вскройте ящик с книгою Учителя и пришлите 4 экз[емпляра]. Спросите Народного о его статье. Что прислала Adney? Очень радуемся сношениям с “Temple Artisan”.

Целуем. Духом с Вами,

•P/X•

I.XI.23

Родные, опять шлю толстый пакет. Найдете в нем лики Ваших новых братьев. Только подумайте: ведь Тарухан с того самого данного Алтая!! Я вижу, как он и Логван поговорят о серебряных горах. О реках, несущих в себе бесконечную водную энергию. Как все Вы прислушаетесь к сказке кладов Сибири. Храм Ориона. Оба они, Хан и Морей, говорят о совершенно изменившейся их жизни за эти дни. Притекают к ним неожиданные возможности. Также и Яруя — является “плотным пакетом”, которому можно верить. Немного юн головою Чахембула (и даже мнит, что будто бы что-то знает, а сам в приготовительном классе), ну да он по военной части — ему простительно. “Adamant” выйдет лишь 10-го ноября. При заказах надо все обусловить: и бумагу, и цену — иначе пытаются в конце подменить. После нашего отъезда посылайте в Индию лишь русские письма, остальное читайте и отвечайте по усмотрению.

Целуем. Духом с Вами,

•P/X•

* * *

Уже давно было Указано, что Людвиг Нобель полезен для Нобелевской премии. Конечно, так и оказалось.

Ludvick Nobel живет 10, rue de Dame (Clichy), Paris. Он — лучший канал для передачи в Комитет. Комитет в Stockholm'e и Брюсселе. Он очень ценит меня как художника.

Но в этом случае не называйте меня художником (премии по искусству нет). Называйте world-famous деятелем по пропаганде мира. Пошлите “Adamant” и “World of Roerich”.

Через Красоту, Поэзию идет создание Культуры. В 21-й стране прошла моя пропаганда. Основание объединяющих учреждений. Пишите от групп интеллигенции. Каждый год подписывайте иными именами. Спросите его в письме, какие дополнительные сведения ему нужны. Напишите Яруе, чтобы он тоже писал от рижских людей (приложив те же книги). Если премия будет — это хорошо для Учреждений.

Для подписей можно просить и сторонних людей вроде Крейна, Сутро и друзей Селивановой. Напишите к весне Тагору, прося его присоединить подпись. Также — Bottomley. Все эти бумаги пишите не на бланках, а на бумаге без надписей.

Указывайте, что с 1890-го года веду пропаганду культуры и мира в самых разнообразных странах и разных изданиях. (В книге Селивановой — библиография и общественные должности.) Картины как бы иллюстрируют большую Книгу о красоте мирной духовной жизни. Кажется, лучше повторять перед весной, в конце зимы.

* * *

Там, где воспроизводите Знак Школы, или Кор[она] М[унди], или Музея, никогда не прибавляйте никаких рисунков или орнаментов. Все это будет унижать Знаки и разбивать главное впечатление. Надо идти лишь высшею мерою единства впечатления. В этом сила.

* * *

Сейчас прочли ненапечатанные главы “Василия Чураева”* — какая это сильная вещь. Тарухан идет твердо и мыслит широко.

* * *

Предложим Чарльзу Крейну издать книгу Тарухана в переводе. В Америке ее отлично примут. Как там Алтай описывается. Красота.

* * *

Посылаю выдержку из лекции Бердяева. Если он заговорил о мистическом понимании — это очень много.

* * *

Имейте в виду, что Руманов склонен к легкомыслию, а потому все идущее от него принимайте осмотрительно. К лицам, посланным от него, отнеситесь с опаскою и ничего лишнего не скажите.

* * *

Предупредили ли Davies, что “New Era” вошла в “Adamant” и для них лишь месяц остался до выхода книги. Чтобы не было нареканий.

* * *

Если страх[овой] агент из Чикаго будет чем-либо угрожать — надо его припугнуть от Корона Мунди, что он затрагивает интересы агентства и потому рискует иском.

* * *

Порума пишет, что трудно достижимо *терпение*. Но это еще легкое совершенство, особенно когда за два года на глазах вырастает целый храм. Вот если сухую палочку три года поливать, пока первый листик покажется, — вот уже это подвиг. Как было у Св[ятого] Иоанна.

* * *

Так много кругом возможностей — лишь бы не расплескать. Как было Указано год назад, именно Бако даст Юрику полезные сведения по Тибету.

* * *

Сон Ояны о трех годах, думаем, надо понимать [так], что через три года нам придется скрыться. Может быть, вообще возникнут слухи об исчезновении нашей экспедиции. А Вы скажите себе: “Слава Учителю — еще ближе к цели”.

* * *

Сейчас видения от 20-го получили. Прекрасно наблюдать, как мудро даются намеки во всех направлениях.

* * *

Гребенщиков и Завадский *не знают*:

1. О получении Камня. (Знают лишь легенду без отношения к нам).
2. О сообщениях через столик. (Слышали о видениях, писаниях и голосе).

Знают:

1. О грядущей Единой Религии.
2. Об Алтае — как избранном месте Храма.
3. Немного знают о Б[елой] Луже. Видели портрет Учителя.

* * *

Из моих статей не были напечатаны: 1) “Одеяние Духа”, 2) “The Right of Entrance”. Их еще до 1-го янв[аря] можно дать. Была ли “New Era” в “Our World”?

* * *

Вчера умер старик J.Seligman, антиквар. Хорошо, что мы успели осенью повидать царские палаццо этих антикваров.

* * *

Очень ждем число учеников в Школе. Число 77 по роялю — ведь это прекрасно. Хорошо, что все нарастает медленно, а то слишком трудно сразу управиться с целым батальоном.

* * *

Сейчас вернулись с Осеннего Салона. Посылаю список и адреса членов. Выставка непривлекательна и неубедительна. Ощущение тренированных певцов, которым не о чем петь. Опять висят тысячи картин, и не хочется их у себя иметь. Очень плох Maurice Denis — хорошо, что мы его не нашли дома. Есть маленький [уголок] “старых” — хороши Manet, Cezanne, маленький Гоген — вот и все. Запоминается японец Фужита. Масса отвратительных тел и ничтожных пейзажей. Цены от 150 fr. до 30 000 fr. Средняя цена 2000 — 3500 fr. Работы Светика там были бы в первом ряду.

29.VI.32

Наггар

1. Мы очень озабочены, не получая журнала заседаний после 10-го апреля. Мы не допускаем мысли, чтобы журналы заседаний не [велись], но думаем, что, может быть, по содержанию своему они не вверяются почте, или же, что особенно печально, почему-то до нас не доходят. Report’ы Президента доходят полностью, но не видно, в каких заседаниях они обсуждались и какова была реакция на них. Ввиду сообщений от мисс Грант о том, что письмо Е.И. от 20-го апреля было прочтено 8-го июня, надеемся, что все в кавычках переводится без замедления, но, чтобы упростить положение вещей, мы, по возможности, будем придерживаться более коротких выражений в наших заседаниях.

2. Report’ы Президента запрашивают нас о совете по финансовому положению. Конечно, кардинальным обстоятельством будет развитие

деятельности Комитетов Капэнь. Эти Комитеты уже вызваны к жизни год тому назад. Очевидно, состав их представляется недостаточным, и потому можно всячески увеличивать их состав, не считаясь с численностью.

Кроме Комитета Френдшип Бонда на то же благосостояние Учреждений работают и Женское Единение, и Воспитательный Фонд Выставок, каждый внося свою лепту в такое экстренное время. Газетные статьи сообщили официальные данные сэвинг банков в Америке, из чего видно, что в стране отложены огромные суммы лишь некоторою частью населения. Если верить этим официальным данным нью-йоркских газет, то угнетенное положение происходит не от отсутствия денег, но от неправильного мышления, прежде всего о культурном состоянии страны. Расширенные комитеты могут постепенно распространять свою деятельность в те сферы, которые, может быть, ранее не были затронуты. Конечно, совершенно ясно, что экономия должна быть соблюдаема до крайности, но так же, как во всех прочих Учреждениях, должен оказаться и какой-то приток извне через новых людей. Все указанные люди, конечно, могут быть полезны или непосредственно, или, что еще более вероятно, какими-либо своими косвенными советами и связями. Такие люди, как упомянутые Вами Лэман или миссис Рузвельт, конечно, никогда не будут говорить о непосредственном денежном участии, но зато их совет и влияние могут оказаться гораздо более существенными.

Мы рады, судя по письму Шклявера, возобновлению переписки с Нью-Йорком. Гибельнее всего было бы самим внести панику в ряды сотрудников, которые могут слышать какие-то клеветнические извращения, но из молчания самого центра могут допускать нелепые выводы.

3. Мы очень обеспокоены отъездом Эрнста. Так же ли деятельны его сотрудники? Мы глубоко изумляемся, что Комитет Бондхольд уже ломает второе формальное соглашение, нисколько не заботясь о возможных для них самих последствиях. Достаточно ли было закреплено соглашение Эрнста с Рик, и, если было, то, вероятно, оно дает повод к сугубому преследованию рэкетиров. Также странно непоявление их адвокатов в суде. Нет ли в этом отсутствии какой-то уловки?

4. Судя по письмам Шкл[явера], гр[аф] Флери указывает как на источники, главным образом, клеветы, на какие-то русские круги. Вероятно, мы прямо или косвенно возвращаемся к давно известным именам Джин и Харит, которые как целые гнезда клеветы указаны были для расследования.

5. Соображения мисс [Э.] Лихтман о местном Совете Лиги Культуры очень своевременны и уместны. Чем скорее будут проведены в исполнение, тем лучше. Конечно, такие неустойчивые характеры, как Стокэв и Келл., не годятся для такой организации; другое дело, если они сами будут стучаться в эту организацию, что, впрочем, по Вашим письмам мало правдоподобно. После основания Американского Совета Лиги Культуры можно думать о таких же Советах и в других странах, из которых затем будет избран один Центральный Совет, но ближайшее делопроизводство останется за первоположниками, иначе говоря, за инициаторами.

6. Нас радует сообщение о консуле Новаке и переговоры с консулом Х. Среди списков привлекаемых к деятельности лиц мы не видим в последних письмах имени Ражославича, но, по-видимому, он мог бы быть очень полезен, располагая твердыми формулами.

7. Очень просим Press сообщить, где именно появлялись отзывы о “Державе Света”; было бы странно, если бы здесь, где сношения с прессой очень ограничены, их появилось бы больше, чем в Америке. Что сделано Гребенщиковым для отзывов и распространения русского издания? Пока мы слышали лишь об одном отзыве в Буэнос-Айресе, но, конечно, он произошел совершенно другими обстоятельствами. Через два месяца книга потеряет для прессы свое значение.

8. Посылаем Вам еще приветы для Конференции.

Из писем наших Шкл[яверу] и барону Т[аубе] Вы видите, что мы употребляем все силы к успеху Конференции и Выставки. Это обстоятельство именно и будет тем внутренне значительным при всех прочих положениях.

29.XII.33

Родные,

Вероятно, это будет одним из последних писем перед Новым годом. Пусть этот Новый год действительно будет новым и принесет с собою и новые успехи, и новые мысли, и новое единение. С каждым днем Вы, конечно, чувствуете, что без единения, без взаимного доверия нельзя ожидать настоящего успеха. Многое, может быть, кажется в суете жизни незаметным и безобидным, но в пространственном плане часто такие стрелы и вехи окажутся очень тяжкими. Потому уберемся от всего, что может поглощать драгоценную энергию без пользы.

1. Своевременно из Парижа от Ф[лери] получите письменный или телеграфный запрос, нужен ли его немедленный приезд в Нью-Йорк. Тогда немедленно телеграфируйте по адресу Центра, что приезд абсолютно нужен немедленно, иначе произойдет вред. Вы, конечно, понимаете, зачем это нужно, ведь приглашения по многим странам совершенно неисполнимы по денежным условиям.

2. После половины февраля через Друга устройте, чтобы миссис Перкинс телеграфировала бы в Ам[ериканское] Конс[ульство] в Париже о выдаче разрешения на въезд. Конечно, пусть будет это сделано вполне достойно, иначе, ввиду наличности многих знакомств, около Консульства могли бы пойти нежелательные толки. Конечно, разрешение должно быть на двоих — для Ф[лери] и старшего сына.

3. Конечно, не следует никому сообщать о приезде Ф[лери]. На этот раз никакой публицистики не нужно.

4. Хотя время чрезвычайно трудно, но все же следует продолжать планы и соображения о финансовых возможностях. Если что-либо было невозможно вчера, то оно может стать возможным завтра. Эту старую истину приходится очень помнить.

5. Относительно продажи художественных предметов также не следует отчаиваться. Было бы ошибкою считать, что никаких возможностей нет. Отсутствие возможностей может быть для определенного лица и в

определенных местах, но как общее правило эти возможности следует искать постоянно. Неожиданное нахождение их слишком обычно происходит.

6. Разве не замечательно, что один почтарь приносит сведение о действиях тьмы, утверждающее, что вообще охрана худож[ественных] ценностей и культурных сокровищ невозможна и несвоевременна, а в то же время приходит сведение о единогласном принятии Пакта конгрессом в Монтевидео?! В то время когда отживающие скелеты противодействуют, именно тогда молодые жизненные страны понимают и звучат на понятие культуры. Из постановления в Монтевидео нужно сделать наибольшую пользу. Радует, что и Друг наш будет иметь еще один прекрасный повод для беседы и убеждения chief'a. 31-го декабря я все время имел в мыслях нашего Друга и рассказывал Е.И. один план, который может чрезвычайно исправить и подвинуть положение вещей. А теперь новое сведение из Монтевидео должно еще раз опровергнуть инсинуации старого дома и все его вредные шептания. Следует очень укрепиться на том мнении, что неинтеллектуальная некооперация* не представляет из себя какое-то обязательное учреждение, тем более, что Америка ведь не участвует в Лиге Наций. А теперь без еще двух больших держав — Японии и Германии — пресловутая Лига делается каким-то частичным учреждением.

Поистине, можно сказать, что будем поспешать всеми силами к сужденному свету, который тем ярче горит, чем сердечнее и восторженнее устремляемся мы к Вл[адыке]. Телеграмму о Монтевидео мы передали Ману в Лахор и Шкляверу в Париж.

Будьте бодры и находчивы. Духом с Вами,

Николай Рерих.

8.VII.34

Харбин

Дорогие,

Посылаю Вам для передачи куда следует:

1. Состав Правления Сельхоз. Кооператива.
2. Копию договора одного из существующих здесь Кооперативов.
3. Справку об активах 3-х артелей (Кооперативов, уже существующих здесь).

На этот Маслодельный Кооператив желательно было бы получить американских долларов 10—15 тысяч при 10—12% годовых на этот капитал, держание которого может быть возобновляемо ежегодно. Капитал этот нужен для оборота и усовершенствования дела, но, как видно из актива этих Кооперативов, может быть возвращен через год. Конечно, этот Маслодельный Кооператив является особым от хозяйственного плана уже имеющегося у Вас Сельхоз[яйственного] Кооператива, который теперь Вы можете пустить в ход.

Шлю Вам лучшие мысли,

Николай Рерих.

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ КООПЕРАТИВ
“АЛАТЫРЬ”**

Под покровительством Н.К.Рериха.

Состав Правления:

Председатель — агроном В.К.Рерих.

Члены:

1. Инженер М.В.Карбышев (Гиринская ул., 48).

2. Ученый лесовод Б.П.Переляев (Чинха-Отливная ул., 16).

Адрес: Харбин, Садовая ул., 15.

К сему прилагается:

1. Справка об активах уже имеющих Маслодельных артелей (Кооперативах) в Манчжу-Ди-Го.

2. Копия договора членов одной из артелей (для ознакомления).

Прим[ечание]:

Ранее посланный план Сельхоз[яйственного] Кооператива остается в полной силе.

9.VII.34

Дорогие,

Из прилагаемых документов по Кооперативу Вы видите, что это обстоятельство можно опять пустить по должному руслу. При сношении с Другом укажите на следующее странное обстоятельство. За апрель и май месяцы мне должно было быть переведено по 500 ам[ериканских] долларов, иначе говоря, 1000 ам[ериканских] долларов. Между тем за апрель-месяц в начале июня получили два чека, всего на сумму 390 ам[ериканских] долларов. За май-месяц 6-го сего июля было получено 225 ам[ериканских] долларов. То есть 615 ам[ериканских] долларов вместо 1000 следуемых. Если даже из этой тысячи (1000) мы вычтем 10%, то и то следовало получить 900 ам[ериканских] долларов, а не 615. У Юрия такие же странности в получении. Кроме того, различная сумма чеков, ничем не объясненная, естественно мешает найти какие-либо удовлетворительные разъяснения. Теперь другое, как Вы, вероятно, догадываетесь и по-сегодня ботаники так и не доехали. Не скрою, что это становится похожим на саботаж и лишает возможности координировать действия. Кроме того, первый сезон уже пропущен, и мы лишены возможности делать соответствующие планы. Каждый день ожидаем от них известий, но все тщетно. Кроме того, опасаясь, не ведут ли они каких-либо самостоятельных некоординированных

переговоров и этим затрудняют положение вещей. Им были сообщены точные инструкции, и невозможно даже придумать, почему именно они им не следуют. Все это чрезвычайно прискорбно. И без того в мире очень много сложностей, к чему же сотрудники будут их усугублять! Казалось бы, наоборот, следует всеми мерами, со всем благожелательством избегать всяких усложнений и нагромождений. Надеюсь, что у Вас все развивается благополучно и Москов, Гущик и прочие воспринимают резонные доводы.

Шлем Вам лучшие мысли и надеемся, что книги о Сибири и Конвенции подвигаются успешно, а здоровье Ваше не причиняет огорчений.

Духом с Вами,

•P/X•

Мне удалось много раз прекрасно говорить о Друге.

28.VII.34

Харбин

Дорогие,

Посылаю Вам для нашего архива (конечно, не для печати) записку о проекте здешней Академии художеств. Также Вы будете рады слышать, что возглавлена и вторая группа Свято-Сергиева Содружества. Все это является нужными подготовлениями. Очень надеюсь, что Сав. умело погружается в метерлинковскую поэзию. Надеюсь, что и его коллеги в Париже пишут в выставочную страну. Все это чрезвычайно полезно, ибо человеческое сознание не всюду может схватить основание. Если бы Вы слышали некоторые нелепейшие здешние слухи и выдумки, Вы бы от души посмеялись, удивляясь, куда направляется энергия человеческого мышления. Люди часто готовы думать о самых неправдоподобных вещах и в то же время упускать самое главное.

Сегодня в первый раз я прочел в газете заголовок “В аппарате природы какая-то “поломка”” над статьей о всевозможных земных бедствиях — водных, климатических и прочих. Неужели люди наконец-то додумались о том, что эти знаки не случайны? Здешний даровитый писатель Хейдок очень интересуется приложением к современности слов пророка Даниила. Если бы господин Мэру написал мне по-русски свои соображения об этих пророчествах для передачи г-ну Хейдоку, было бы полезно. Почти что везде находятся вдумчивые, ищущие люди. Если не количеством, то качеством их значение так велико.

Еще раз надеюсь, что томительная жара в Нью-Йорке прекратилась и ничто иное не отягощает ни Вас, ни нашего Друга. Ни о нем, ни о ботаниках более не пишу, ибо в прошлом письме, думаю, все было исчерпано. Конечно, наш Друг понимает, что не только словами, но, где нужно, мечом справедливости строим.

Очень ждем получения многих книг “Знамя Святого Сергия”, спрос на которые все увеличивается. Мне передавали, что в библиотеке на эту книгу

имеется огромная очередная запись. Спросите Шклявера, как идет продажа книги в Париже и имеется ли она и в других европейских городах. Европейских отзывов я еще не видел.

Надеюсь, что появившаяся здесь статья косвенно подкрепит Москова, который должен понять, что все дела самоокупаемы, все начинается с малого, а кроме того, ему вполне естественно обращаться, хотя бы и за небольшими суммами, в американский foundation, как я уже и писал. Надеюсь, что и все остальные трудности преодолеваются успешно.

Посылаю Вам три фотографии картины доктора Орлова, желательно достать экспертиз-отзывы. Пусть одну из них Шклявер покажет Анри Верну, другую можно бы послать Фридлану или кому-то другому в Германии или в Голландии, которому мы посылали. Третью покажите в Нью-Йорке — кто окажется под руками. Потом напишите мне о полученных результатах, если же результаты будут хорошими, — то и приблизительную цену. Хотя картина частично и реставрирована, особенно лицо одного ангела, но она, несомненно, оригинал, а в правом углу, как видно на детальной фотографии, видны буквы S.R.F.

Даже американский консул советует нам не ждать ботаников ввиду того, что лишь август возможен для работы, затем начнутся заморозки. Все еще не знаем, решили ли ботаники ехать, но дальше воскресенья 29-го июля мы отложить поездку не можем. Будьте бодры и действуйте.

Духом с Вами,

•P/X•

21.X.35

Наггар

Родные З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

Шлю Вам сердечный привет по возвращении и радуюсь, видя Ваше мужественное бореие против всяких неправд. Из приложений, которые Вы можете показать верным людям, Вы видите наши мысли. Действительно, совершенно невероятно представить, чтобы неопровержимые факты так забывались и извращались. Поистине, каждый честный человек оценит истинные факты и будет потрясен темною злонамеренностью разрушителей. Но мы знаем, на всей нашей жизни и на всех исторических примерах, что Свет побеждает тьму.

Когда Вы читали в порядке написания мои записные листы, то, наверное, Вы обращали внимание, насколько они отвечали действительности? Ужасно подумать, что у последней черты могут происходить такие ужасные одержания и патологические распадения. Но мы знаем, что несломимую твердостью, мужеством, преданностью и честностью побеждаются самые ярые нападения. Вы также знаете, что есть тактика адверза* и как ею нужно деятельно пользоваться. То, что Вы сообщили о Филад[ельфии] чрезвычайно характерно. Как только получится от них

помянутое Вами заявление, мы сейчас же ответим. Наверное, так же отнесутся и другие честные люди.

Отбор ликов неизбежен во всем. Выявление предательского элемента необходимо, ибо далее это обстоятельство могло сделаться еще более вредным. Вы знаете, что на все решительно соображения имеются у нас факты и обоснованные ответы. Прискорбно подумать, что денежный дар Учреждениям будет так извращен в толковании злоумышленников. А соображение об отсутствии благодарности глубоко нелепо, ибо существует множество письменных доказательств. Кроме того, нам ли не знать, насколько ценна признательность как таковая. В последующих меморандумах будет освещен и статус картин и будут делаться выписки из соответственных журнальных постановлений. Вас — трое, и с Вами все честные души, и Вам легко говорить о правде, ибо решительно все Вы можете подтверждать фактами.

Не пишу о Канз[асе], хотя имеется прекрасное предложение. Вы понимаете, что при существующих обстоятельствах даже невозможно касаться этого предмета. Ведь темные силы разрушали осуществление этих возможностей. Они же свирепо содрогаются при одном упоминании о 1936-м годе*. Но они забывают, что у них один путь, а у Света бесчисленное множество возможностей. Темные могут пытаться преграждать, они могут довольствоваться лишь какими-то отложениями и видоизменениями, но нарушить Космический Закон они все же не могут. Ведь все ранее слагается надземно, а затем приобретает земные формы. Но прискорбно видеть, как самые лучшие возможности подвергаются покушениям, хотя бы и с негодными средствами. “И это пройдет”, — так говорил Соломон. А если мы все приложим весь наш опыт, все единение и все огненное рвение, то пройдет это скоро.

Вы, конечно, понимали, что формально приходилось как бы ужасаться, например, харбинскими черносотенными выпадами. Но теперь, вне почты тех стран, можно сказать, насколько эти выпады были к истинному благу. Ведь темные произнесли такие суперлативы, на которые раньше никто не рисковал. Если была произнесена формула Метерлинка, то ведь впервые на газетном листе она с ужасом была произнесена темными. Хотелось бы знать, что именно писал Ач[аир]. Конечно, переписка с такими нестойкими элементами стала абсолютно не нужна. Имеют ли филад[ельфийцы] рижский сборник? Очень рад возглавить факультет истинного Мастер-Института. Хороший каталог. Ведь с самого начала так и было, и никто не может отнять, что именно мы с Вами основывали Школу Объединенных Искусств. Надеюсь, что Фр[ансис] приписалась к какому-либо агентству. Важно хотя бы номинальное приобщение. Конечно, Мор[ис] не покидает вверенного ему Музея.

Скажите привет Сутро — нашему первому другу еще со времен Лондона, также поприветствуйте Стокса — мы так сердечно его поминаем и твердо знаем его несломимую честную твердость. Приветствуйте Меррита, пошлем ему в подарок — в знак давнишней дружбы — желаемую им танку. Приветствуйте Воона — кажется, Фр[ансис] знает к нему дорогу. Замечательно, что он изначально так не любил некую особу. Приветствуйте Кунц Бэкер, Уайтсайд и всех самоотверженных друзей, собравшихся около

Школы, — Зейдель, Фосдиков, Дона. Также приветствуйте всех сотрудников иногородних и в иностранных обществах. Ведь Общество должно продолжаться, общественность не есть департамент. Никто на свете не может запретить людям общественно объединяться около уже излюбленных ими идей. Истинная Живая Этика сейчас более чем когда-либо необходима в жизни, чтобы выкорчевывать все злоумышленные и ложно искривленные понятия. Приветствуйте Давида. Всегда я чувствовал к нему и доверие, и дружбу. Считаю его не только помощником в нынешнем деле — сотрудником и во всем великом будущем. Несмотря на тяжкие современные условия, все же существуют культурные и образовательные учреждения и общества. Мир живет идеями, и раз идеи не умирают, то около них всегда найдутся и возможности, если не будут отринуты мерзким неискренним мышлением. Трудности лишь ступени успеха. Все исторические примеры, начиная от Моисея, через Акбара, Леонардо, св[ятого] Сергия [Радонежского] и множество подвижников, дают нам живые примеры переживания трудностей для лучшего будущего. Никто на свете не запретит устремляться и служить лучшему будущему.

Приветствуйте Катр[ин] и Инг[е]. Вот уже, поистине, прекрасные души, деятельные и стоящие на преданном дозоре. Цените таких друзей-сотрудников. Хорошее письмо от Лейлы Мейлх. Пусть Фр[ансис] непременно войдет с ней в ближайшее сношение, может быть, через нее возможна даже и продажа картин для музеев или частных собраний. Во всяком случае, такое ценное мнение очень важно. Приветствуйте и Формана, и Флейшера, пусть они о нас помнят так же, как мы о них. Не осталось ли друзей из кетнеровского сообщества — ведь там были хорошие молодые души. Приветствуйте и знакомых директоров музеев, и Морея и Тарух[ана], Ниночку и Таню, также и Москова. Думаю, что они все отлично поймут происходящее. Очень берегите всякие документы; Вы знаете, что одержание и патологические болезни очень близки. Вы знаете, как опасен и убийственен империл; когда ранее уже были сложные операции, то насколько больше может влиять накопление яда. Как это прискорбно, когда вместо быстрого поступательного движения приходится заниматься вещами, которых могло бы и не быть вовсе, если бы некие сердца были проникнуты познанием Учения. Вы помните мой записной лист о непростимой хуле на Духа Святого. Вы помните все, что Сказано о последствиях предательства, как ужасно видеть в жизни именно такие проявления. Но вся эта тьма не только не отемнит Ваших друзей, наоборот, она вызовет в них их лучшие качества. Разве не поразительно изречение Охара Косгрева, да и замечательно слово Давида о Муссолини. Бедняга Муссолини окончательно провалился. Как бы ни кончилось его злосчастное предприятие, но он уже осужден и провалился. Дайте русские книги мои — Скумэкер. Неужели находятся люди, которые могут помогать итальянцам в их незаконном бесчеловечном нападении?

Еще и еще потрясает меня убийственное отношение некоторых личностей к Сердцу — тому Сердцу, которое все дало.

Закончу, вспоминая факт последних дней в Харбине. После чудовищной черносотенной литературы ко мне пришла известная поэтесса М. Колосова от группы молодежи и сказала, что только теперь, благодаря этой литературе,

они поняли все мое значение и считают своим долгом выразить [это] и закрепить. Разве не поразительно, что именно тактика адверза может достигать таких формул?! А ведь такие же формулы — повсюду. Итак, будьте бодры, как и подобает быть в часы великолепной битвы. Имейте меморандумы всяких словоизвержений. Храните документы от всяких покушений. Посылаю привет Крейну, перешлите прилагаемую открытку Бринтону. Вооружитесь всем оружием Света в обеих руках. Свет побеждает тьму.

Духом с Вами,

P.

24.X.35

Наггар

Родные З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

Пришли письма от З[ины] и М[ориса] — опять сколько горестных знаков предательства! Хочется мне знать, имел ли М[орис] разговор с сестрою своею. Как бы различны они ни были, но все-таки они принадлежат к тому же почтенному и богобоязненному дому. Оба они имеют ту же мать, почитаемую местным населением как святую. Чудовищно подумать, чтобы дочь такой матери, воспитанная в священных и высоких традициях, вдруг утратила бы понятие о добропорядочности и облеклась в одежды предателя. Думается, что долг М[ориса] как старшего брата сказать ей именем ее матери, что выполняемое ею предательство ужасно во всех отношениях. Помимо всех особых условий происходящего злодеяния, существуют же общечеловеческие понятия о чести и добропорядочности. Отдает ли она себе отчет, что ее поведение бросает тень и на ту высоконравственную семью, к которой она принадлежит. Ведь попираются самые священные основы, и все дело из пределов частных уже становится принципиальным и со священной стороны.

Посылаю Вам конфиденциальную копию моего заявления о положении всех моих картин в Америке. Вы уже имели с прошлой почтой копию самой декларации, которая является документом чрезвычайной важности. Что бы ни происходило за этот период с самими стенами — кирпичными — дома, это не может нарушать наш общий торжественный дар Нации. На этой основе мы должны все прочно окопаться. Никто не может претендовать или завладеть собственностью Нации, ведь это уже составило бы грандиозный общенациональный процесс, за который взялись бы с патриотической стороны зрения лучшие юристы. Ведь в декларации мы все единодушно объявили определяемый каталогом состав Музея собственностью Нации.

Мы не требовали никаких благодарностей — это была наша патриотическая культурная декларация, от которой мы ни в коем случае не можем отступить. Конечно, ознакомьте наших друзей юристов с этим положением вещей. Также хорошо, если Фр[ансис] ознакомит с этим

положением декларации Лейлу Мейлх, которая близка многим ценным в этом отношении кругам. Считаем, что письмо ее было необыкновенным даром посланным. Используйте всемерно это обстоятельство.

Также используйте всемерно и расскажите друзьям эпизод с нашим преподавателем Броуном, о котором писала З[ина]. Если посторонние люди усматривают такую ближайшую пользу имени, то кольми паче должны это осознавать все ближайшие. Всякий такой эпизод, конечно, Вы используйте широчайшим образом. Конечно, З[ина] права, что Сутро должна перенести свои благие завещания на “Урусвати” здесь, при условии управления основателями, как ею и было предусмотрено. Ведь что-то подобное хотела сделать и Букс — как когда-то писала З[ина]. Конечно, должны быть упомянуты и те сотрудники, которых она перечисляла, согласно письму Зины.

Передаваемые Вами разговоры о ценах на мои картины являются прямо смешными и уродливыми. Махание чеками за такое количество картин недостойно, и каждый культурный человек скажет на это: подумайте, о чем говорите, или вы вообще не знаете ценности художественных произведений. Всем известны цены художников, как Зулоага, А. Джонс, Соролья-и-Бастида, Матисс и других международных художников. Всякому известно, что в 1827-м году губернатор Фуллер заплатил 100000 долларов Зулоаге, портреты же оплачивались по 25000 — сравните портрет Падеревского у Стейнвей и так далее. Также всем известно, сколько сот тысяч Соролья-и-Бастида получил за свои фрески в Испанском Обществе. Цены на Матисса и других не тайны и всем хорошо известны. Потому люди, знакомые с искусством, предполагают, что я за все содержимое в Музее получил какие-то миллионы долларов. Когда же они узнают действительные цифры, они даже встречают это с недоверием. Людям, следящим за ценами искусства, неизвестно, что даже недавно за картину мою было заплачено 6000 долларов. Зина знает о другой картине, которую мы по знакомству отдали за 5000 долларов. Также известно, как в России результатом одной выставки были 100 тысяч рублей, что по местной валюте имело значение не менее 100 тысяч долларов. Вообще же вменять художнику то, что его произведения покупаются, было бы чудовищным и, прежде всего, некультурным. Вообще, судя по письму З[ины], пожертвованные Учреждению 500 тысяч долларов и вложенные под проценты 600 тысяч оказываются какими-то растяжимыми. То выходит, что они шли и на постройку здания, то чуть ли не были истрачены на картины, то на всякие прочие надобности. К тому же, если припомните, что все эти суммы относятся к периоду в 14 лет, то как же они распадаются по годам?

Нелепо говорить о том, что я мог быть виною receivership’a, ибо сам Луис в журналах заседаний отмечает совершенно точно причины этого кризиса. Вообще, большое счастье, что все копии журналов заседаний, герог’ы Президента и прочие документы находятся в полном порядке. Мы будем выписывать для Вас относящиеся к современным обстоятельствам детали. Какой необыкновеннейший суммариум получается! Наверное, друзья и юристы будут потрясены как нелогичностью, так и необыкновенными противоречиями. А какая бездна благодарностей была выражаема как нам, так и с нашей стороны прежде всего Президенту, а также и всем остальным сотрудникам! Также Президент выражал свою признательность Зине за

прекрасное ведение дел. Благодарили и Франсис; словом, то, что было и что происходит сейчас, — это день и ночь по своим нелогичным противоречиям. Что-то уже давно было задумано, как пишет Зина. А потому держите в полном порядке документы и всю переписку.

Соображения о г-же Мигель и смешны, и чудовищны. Моя защита памятников древности известна с 1898-го года. Выражена она во всевозможных писаниях и докладах. Доклады о специальной охране памятников посредством особого знака и общего соглашения имеются в моем архиве, если только он так же, как мой диплом на академика, не был выброшен на улицу. Мой большой poster о разрушении Лувэна и Реймса был отпечатан в 600 тысячах экземплярах. Конечно, я всегда ценил единомысленные симпатии. Всем сердцем я одобрял как Кунц, так и Мигель, и воодушевлял всеми силами решительно всех, кто мог мыслить в тех же направлениях. Помню, как одна дама пришла ко мне, уверяя, что ей давно мыслилось о том же, и я сказал ей, что, может быть, уже и Александр Македонский мечтал о таком же священном охранении. Во всяком случае, имя Герострата не случайно так было отмечено в истории. Г-жа Мигель была и на конференции в Бельгии, а также приходила ко мне во время прошлого моего пребывания в Нью-Йорке. Беседа была дружественная, и Франсис об этом знает.

Конечно, если одержание и предательство доходят до бешенства, то можно ждать всяких клеветнических выкриков. По этому поводу посмотрите мои слова в последнем заседании, на котором я председательствовал перед самым отъездом в Сиэтл. Итак, мое предвидение о возможности предательства, увы, оправдалось. Тем крепче и мужественнее будем держаться — ибо вся правда за нами. Предупредите юристов, что Л[уис] написал мне о том, что будто бы какой-то attorney bondholder'ов намеревается встретить меня на пароходе при въезде в Нью-Йорк с бумагами*. Конечно, правда за нами, но ведь клеветать и предательски манипулировать можно всячески. Ведь Л[уис] имел и имеет мою полную доверенность. Не странно ли нашим адвокатам, что именно человек, имеющий полную доверенность, может так клеветать и бросаться на лицо, ему вполне доверявшее. Ведь такая ответственность особо тяжка... Сейчас мы заняты работой по экспедиции, согласно указаниям департамента. Кроме того, делаем всевозможные выписки, которые будем непрестанно посылать Вам для ознакомления всех верных людей. Конечно, как Школа, так и Press, — все это должно и жить, и развиваться. Из моего меморандума №1 вы видите, как мы твердо стоим и за то, и за другое. Зина знает, что "Бел[ухе]" концессия была дана, и требовалась сравнительно очень маленькая сумма, так что только злоумышление может твердить о неудачности. Вот и теперь Канз[ас] дан, но предательские обстоятельства лишают меня возможности даже упоминать об этом. Со временем ознакомлю Вас с меморандумом по всему этому делу. Посылаю друзьям в разные страны приветственные весточки. Там, где не знаем адреса, делаем это через Вас. Очень важно, чтобы Фр[ансис] укрепила дружбу с Мерритом и Вооном. Вообще всячески укрепляйте друзей, ибо за Вами сама Правда.

Духом с Вами,

Замечательно сведение о блюде Амр[иды], сообщенное Морисом. Хорошо бы иметь хоть маленькую его фотографию. Как трогательны проявления Амр[иды] и Инг[е], шлем им самые лучшие мысли. Верные воины Света. Циммерм[ан] может заявить Гартм[ан]у о том, как он помогал... и как с ним безобразно поступили. Так лучшие резиденты будут отогнаны.

18.XI.35

Родные наши З[ина], Фр[ансис] и М[орис],

Ваш дух хотел, чтобы весточки Ваши от 29-го окт[ября] дошли в памятный день 17-го ноября*. Так и случилось. Вчера мы их и получили, читали и вместе с Вами и радовались, и горевали. Все Ваши сердечные зовы глубоко отозвались в нас, и мы посылали Вам те же мысли о самом лучшем, о светлом будущем.

Давно Сказано, что по гладкой поверхности к вершине не подойти. Сказано: благословенны камни, раздирающие обувь и помогающие восхождению. Так оно и есть. Но не подумайте, что можно назвать благословенными предателей. Именно предательство есть наихудшее самогубительнейшее и мерзейшее преступление. Так о нем и Сказано во всех Скрижалях и во всех Заветах. Все то, что Вы сообщаете во всех Ваших трех письмах, доказывает, что предательство уже вступило в область отвратительного безумия. Нужно быть осмотрительными, как при встрече с настоящими тиграми. Вы и сами это видите. Разве не поразителен факт, сообщенный Мор[исом] о портрете и разбитых стеклах? Наверное, Вы слышали к этому показательному эпизоду и еще какие-то продолжения. Темные силы всегда кончают взаимной потасовкой и уничтожением. Так же точно и Черная и Белая из трио, наверное, кончат потасовкой. Мужское письмо от трио, полученное З[иной], является документом, который нужно очень хранить. Ведь в нем выражена вся захватная политика; в нем сказано, что постановления 29-го года ниспровергнуты. Но ведь никто из нас не дерзнет ниспровергать нашу Декларацию 1929-го года — ведь это означало бы, что мы не признаём интересы нации и отказываемся от своего слова. Верным друзьям, как Флорент[ина], Стокс, Сторк, Косгр[ев] и др[угие], скажите и об этом. Но имейте и в этом вопросе следующую осторожность: ведь предатели завладели потемнившим умом Г[алахада]; таким образом, они для довершения разрушения через него могут добиться аннулирования нашей Декларации. Потому во всяких таких предметах нужна осмотрительность до времени, чтобы ничто не просочилось из Ваших действий в лоно предателей. Помните также и то, что до приведения в действие известного Вам постановления, которое было и Вами подписано, о восстановлении нас по окончании реорганизации мы является формально посторонними людьми. Если это постановление не будет приведено в исполнение или просто будет ниспровергнуто большинством голосов

насильников, то нам останется единственный путь — обвинять весь Совет Trustees в неисполнении постановления.

Вы понимаете, какое деликатное положение возникает, если мы будем поставлены в необходимость действовать против всего Совета Trustees. Такое же деликатное положение возникает и при, казалось бы, простом вопросе о выдаче новой доверенности. Казалось бы, самым простым было выдать такую доверенность одному из Вас троих — это было бы вполне естественно. Но тем самым поставили бы это лицо под прямой удар. Ведь и без того белая дьяволица сидит на пороге Школы и щелкает зубами; такой же опасности подвергнется и Press, если бы мы выдали доверенность на имя Дэв[ида] Гр[анта]. Вы уже знаете отношение к Циммерману. Идя дальше по нынешним обстоятельствам, и ему нельзя дать доверенность. Казалось бы, остается еще подходящий человек — Гартн[ер], но, зная его истинное отношение к трио, жаль растратить эту силу и сделать его своим формальным представителем. Тогда он потеряет ценность голоса в своем Комитете. Ведь его формулы о предателях очень звонки и существенны. Значит, с величайшей осмотрительностью нужно поступить и в простом деле выдачи доверенности. Конечно, Вы понимаете все эти соображения. Кто же мог быть тем, кто мог бы иметь эту доверенность, не вводя и Вас в такое трудное положение? С Вашей точки зрения, какое же это могло быть лицо? Кроме того, нужна ли вообще эта доверенность? — ведь в банке денег почти нет, а вести судебное дело на длинных расстояниях невозможно. Значит, не следует ли сейчас просто отнять доверенность. Как видите, и об этом вопросе нужно очень и очень подумать. На эти соображения особенно наводит то обстоятельство, что Фр[ансис] пишет о письме, которое она случайно видела. Значит, омраченный человек находится с дьяволицей в переписке и все возможности его положения могут быть предоставлены для каких-либо злокачественных действий. Наверное Фр[ансис] во время своей поездки нащупала многое полезное. Здесь же по получаемым из служебного учрежд[ения] телеграммам мы видим лишь непозволительный сумбур, там происходящий. Кроме того, разве не возмутительно, что З[ина] должна представлять все свои каталоги и программы на суждение, а директор другого департамента делает все самовольно? Также разве не возмутительны угрозы встретить какими-то бумагами на пароходе? Ведь по каким-то странным законам обвинять человека можно в чем угодно. Правда, он может перед судом оправдаться, истратив на это целое состояние. Но первое ложное обвинение будет сделано лишь для срыва общественного мнения. Негодяи всегда так и поступают. Необходимо также спасти и манускрипты, и переписку, но и это нужно сделать так, чтобы из Вас троих никто не пострадал. Множество соображений приходит, когда ознакомляетесь с тем, что преступные намерения изговаривались уже давно. Нам очень нужно знать: не было ли в течение последних двух годов подписано Вами, невольно, еще каких-либо документов? Ведь оказывается, что были временно заменены proxies по постановлению всего Совета Trustees. Значит, предатели в свое время старались прикрыться и Вашими подписями. Minute есть документ.

Из всех этих соображений не выведите заключение, что надо лишь выжидать и бездействовать. Наоборот, нужно всячески действовать.

Исследовать все окружающее, чтобы знать наверное, на что можно полагаться. Мы уже видели, что первые такие наблюдения дали самые благоприятные для всех нас результаты. Можно уже сказать, что общественное мнение будет с нами. Но еще нельзя заключить, не будет ли каких-то формальных попыток со стороны сбитого с толку Г[алахада]. Прежде всего нам нужно закончить работу по экспедиции, как Указано; нужно отослать отсюда все отчеты и оттуда получить удостоверение в том, что действительно наши отношения с тем учреждением совершенно покончены. Лишь после того как мы будем иметь в руках в писанной форме удостоверение в том, что отчеты приняты и сношения все абсолютно кончены, мы сможем говорить как частные люди с тем человеком, от которого и у нас, и у Вас имеется множество документов и писем. Кстати, какой партии принадлежит Гартн[ер] — дем[ократической] или респ[убликанской]? Сейчас, как Вы понимаете, и такие обстоятельства чрезвычайно ценны. Трогательно, что Чайка хочет иметь духовное восприимчивость Е.И. для дочери, а Фр[ансис] будет godmother. Вообще все происходящее сейчас знаменательно. Также ценно будет знать о визите Катр[ин] и Фр[ансис] к Чарльзу К[рейну]. Помнится, он всегда очень не любил тех предателей, а к Вам относился хорошо. Весьма примечательно, как многие люди проводили черту между Вами тремя и ими. Пусть Мор[ис] повидает проф[ессора] Марка Вальдмана, с которым мы несколько дней ехали на пароходе. Кажется, тот встречает многих людей, и мы просили его передать Вам привет. Радует всем соображениям Фр[ансис] о возможности в Южн[ой] Ам[ерике]. Обратим плуги на новые пашни. Конечно, и в этих возможностях нужно знать нечто определенное окончательно, чтобы не вышло каких-нибудь окислительных недоразумений.

Не представляется ли каких возможностей к продаже картин, вернувшихся из Музея к Мор[ису], если они, по счастью, не отданы в темницу предательскую? Всячески думаем и о таких основных вопросах новой пашни. Хотя гнусно запрещение давать лекции в комнатах Музея, но, с другой стороны, есть что то и хорошее в том, если лекциями Школы оживится более школьное помещение.

Вы правильно пишете, что программа лекций Департамента состоит из даровых, везде слышанных уже лекций. Резиденты не дураки и скоро поймут, что именно им преподносят. Потому, если бы живая школьная вода, а также южноам[ериканские] встречи и собеседования происходили бы в Школе, это можно было бы объяснить именно счастливой возможностью объединения на просветительной почве и еще большим единением с учащимися. Кроме живописного класса, в большом танцевальном классе могут вмещаться до двухсот посетителей. Как всегда, лучше, чтобы зал был переполнен, нежели половина помещения терялась бы во мраке пустоты. Итак, всеми силами осуществляйте смысл самостоятельности. Если нащупаете, что возможно где-то открытие новых групп или кружков имени*, то пусть они образуются, а затем мы их сведем в новое жизненное общество.

Конечно, мы понимаем, что теперь нужно согласиться на все желания Флор[ентины] относительно ее книги. Но разве при начале печатания с ней не было установлено ясных условий и разве она не знала о том, какой процент получает издательство за свои труды? Следует иметь печатный

бланк с изложением условий, который в будущих соглашениях с авторами давать им подписывать. Таким образом, все соотношения будут ясны с самого начала. Но, повторяю, с Флор[ентиной] теперь нельзя иметь каких-либо суждений об этом, как Фр[ансис] правильно и полагает. Через несколько дней после свидания Вашего с Гартн[ером], которое, как Вы писали, назначено на 22-ое ноября, Вы будете иметь его мнение. Нам его крайне важно знать во всех подробностях. Следует осмотрительно отнестись и к вопросу, когда именно Фл[орентина] могла бы перейти к суд[ебным] действиям? Как уже мы и писали, не следует ли раньше организовать трем нашим доброжелательным кредиторам — Флор[ентине], Амр[иде] и Ч.Кр[ейну]? Выстрелы вразброд могут лишь понизить эффект.

Итак, будем во всех направлениях исследовать и собирать полезные факты. Наверное Фран[сис] уже начала свою историю о новоявленных Куломбах*, даже не в квадрате, но в кубе. Медленной почтой пошлю. Еще два добрых голоса из Харб[ина]. Может быть, статья “Пророки” даже и пригодилась бы. Представляю судить по местным условиям. Большое спасибо Олегу Шаховскому за его трогательное стихотворение. Если сообщите его отчество и адрес, буду рад написать ему.

Интересны сведения и о Греб[енщикове], Моск[ове] и Завад[ском]. Наверное, и они что-то чувствуют и реагируют. Вообще сообщайте все, что может выдержать письмо. Из Х[арбина] пишут, что почта туда может быть затруднена, да и всякая почта нелегка. Все это знайте. Е.И. опять должна принимать строфант. Только подумайте, на что пытаются посягать предатели. Даже Учение, по их словам, иссякает. А между тем еще одна книга выходит в Риге, и готовится к печати следующая. И сколько материала еще не изданного! Сатанинская злоба! Предатели уже бьют свои стекла в неистовстве. Ужасна их участь. И победа Света уже близка! Так и облечемся во всеоружие Света во всей стремительности и благоразумии.

Как трогательно письмо Фосд[иков], трогательны весточки и от Клайд и Дорис.

Всем сердцем с Вами,

P.

Обратим серьезное внимание на следующие соображения. Будем иметь в виду точный текст нижеприведенного постановления. Ведь именно на этом тексте придется основывать Trustship. По счастью, как увидим, в постановлении упоминаются некоторые обстоятельства, которые дают прямой выход для членов Совета, подписавших постановления в незнании подготовленных уловок. Напомним себе полный текст постановления:

“Протокол 327-го заседания Совета директоров Музея Рериха от 20.02.1935. Присутствовали: Л. Хорш (президент), Н.С. Хорш, З.Г.Лихтман, Ф.Р. Грант, М.М.Лихтман.

М-р Хорш заявил, что по рекомендации юристов 19-го февраля состоялось собрание Института Объединенных Искусств, в котором м-с Шафран и м-с Сидни Нюберген участвовали в качестве директоров (trustees) в отсутствие профессора и м-м Рерих. Юристы сочли это действие необходимым (как было сделано и в 1928 г.). После передачи здания

Институту м-с Шафран и м-с Ньюберген уйдут в отставку, а профессор и м-м Рерих будут вновь переизбраны в качестве директоров Института Объединенных Искусств”*

В постановлении имеется ссылка на подобную же процедуру, имевшую место в 1928-м году. Это обстоятельство чрезвычайно важно. Если и тогда требовалось лишь формальность, то она была сейчас же аннулирована, и мы были автоматически восстановлены в правах trustees. Обратите внимание, что в Постановлении определенно сказано, [что] *подобное же действие имело место в 1928-м году*. С тех пор все журналы заседаний подтверждают о полном восстановлении нашего Trustship. Также определенно сказано, что по возвращении здания мы будем восстановлены как trustees Мастер-Института. Возвращение здания состоялось 24-го февраля 1935-го года, после этого срока мы принимали участие в делах и постановлениях Учреждений, значит, автоматически состоялось то обстоятельство, о котором упоминает конец вышеприведенного Постановления. Именно то обстоятельство, что журналы заседаний после 24-го минувшего февраля имеют многочисленные свидетельства нашего участия в делах — именно это обстоятельство доказывает, что все остальные trustees понимали наше полноправное участие в суждениях. Таким образом, вполне понятно, что мистер и м-с Лихтман и мисс Ф.Грант после 24-го февраля не делали из этого обстоятельства особого суждения, так как автоматизм нашего восстановления в правах доказывается нашим участием в делах после 24-го февраля сего года. Частные письма г-на Хорша о том, что он лично не будет писать мне конфиденциально (письмо от 8-го авг[уста] сего года), а также письмо на мое и Е.И. имя от лица г-на Хорша, говорившего частным порядком за его двух соучастниц (от 4-го сент[ября] сего года), не имеют никакого юридического значения, ибо являются выражением их личных чувств. Следует Вам посоветоваться с юристом, правильно ли, с их точки зрения, такое мое понимание процедуры, имевшей место к 24-ому февраля сего года и все последующее явное наше участие в делах и суждениях Учреждений. Если бы мы не продолжали быть членами Совета, то на каком же основании, как Е.И., так и я, получали журналы заседаний, высказывались по поводу их, и наши суждения принимались во внимание Советом? Небезынтересно упомянуть и о высказывавшихся уже за это время благодарностях со стороны г-на Хорша. Значит, Вы должны твердо стоять на том вполне логическом обстоятельстве, что, по Вашему пониманию, наш фактический Trustship и не прерывался, а подписание посредством проху было лишь кратковременнейшей формальностью. Все эти обстоятельства следует запомнить и стоять на них твердо, ибо тем самым разрушается неминуемый вопрос о том, почему после 24-го февраля с[его] г[ода] немедленно не был поднят вопрос о нашем восстановлении. Мы понимаем, что Вы не поднимали такого вопроса исключительно по прецеденту 1928-го года, когда также кратковременное формальное замещение было немедленно же восстановлено. Если в этих соображениях Вам что-либо неясно или юрист скажет Вам какие-то еще свои соображения, непременно известите нас в полнейшей точности. Ведь юрист, конечно, поймет, что Вам следует избежать неловкого положения, в которое некие люди будут пытаться Вас поставить, объясняя по-своему, почему Вы

согласились на наше, хотя бы кратковременное, замещение. Как видите, в этом смысле у Вас имеются прекраснейшие доводы.

Будем ждать от Вас соображений ко всему вышесказанному. Думается, что возможно полное ознакомление Гартн[ера] со всеми правдивыми обстоятельствами даст прекрасные результаты. Полагал бы дать ему мою доверенность, если это, как я уже упоминал, не стеснило бы другие его полезные действия. Обо всем этом будем ждать сообщений.

19.XI.35. Сейчас получена Ваша телеграмма от 17-го ноября. Вы спрашиваете совета по поводу действий Г[алахада]. Сейчас единственно нужно полнейшее осведомление о том, на что именно упирают действия Г[алахада] и как именно к этому относятся люди, им осведомленные. Если это относится к Договору об Охранении*, то всякие в этом отношении инсинуации не столько плачевны, сколько смехотворны. Вы уже имели наши к тому соображения, а Фр[ансис], вероятно, уже посещала и некую особу М. — во всяком случае, эти соображения нелепы. Ведь каждый день могут появляться индивидуумы, которые могут заявлять о том, что и у них были такие же мысли. Каждый изобретатель имел дело с такими поползновениями. Но, может быть, инсинуации направляют в какую-то другую сторону? Ведь выдумать можно все, что угодно. И на машинках можно написать любой подставной документ. Вот почему мы так беспокоились об украденных машинках. Все меры нужно принять к тому, чтобы документы, бланки и машинки не могли бы попадать в злонамеренные руки. Телеграфируем Вам, чтобы Фр[ансис], по возможности узнала как содержание доноса, так и реакцию на него. Ведь доносчик больше всего боится о выданных им самим документах, в которых он очень определенно обязывает известных лиц. Итак, будем ждать Ваших дополнительных к этому вопросу сообщений. И рады узнать из телеграммы, что в этом направлении Вы и действуете. Конец Вашей телеграммы говорит о чем-то весьма правдоподобном.

Неприменно уведомьте об этом Гарт[нера] и юристов. При этом не забудьте Ваше сообщение о каком-то неведомом нам *lien'e* на картины. В этой комбинации нет ли желания разрушить не только стоимость картин, но и причинить еще какой-либо глубокий вред? Ведь немыслимо даже предположить, чтобы злонамеренность могла простирается до того, чтобы, пользуясь моим отсутствием, без моего ведома распорядиться присланным в Нью-Йорк достоянием Е.И. Ведь, как Вы знаете, все мои картины принадлежат Е.И., чему имеются многие доказательства уже с давнего времени. В монографии 1916-го года (именно у Вас) все мои картины значатся именно собственностью Е.И., конечно, кроме тех, которые были уже проданы другим владельцам.

Кроме того, г-н Хорш, действуя по моей доверенности, даже без моего особого указания переводил деньги за проданную картину г-ну Хиссу на имя Е.И. Этим самым подтверждается, что и г-н Хорш знал, что мои картины принадлежат Е.И. Если юристы находят нужным, я могу к этому прислать подтверждающую бумагу. При манипуляциях с картинами можно ожидать два злобных движения. Одно может быть всецело корыстным для присвоения и нанесения денежного ущерба. Другое же возможно как чисто разрушительное, а именно, чтобы по примеру 1906-го года бросить вещи на

принудительный казенный аукцион для всяческого разрушения. Конечно, второе действие противоречило бы корыстолюбивым основам неких лиц, но при всяком проявляемом безумии — все возможно, и нужно быть предусмотрительными во всех отношениях.

Вы ведь помните, как в 1906-м году, после С[ент]-Луи[са], восемьсот русских картин были безобразнейшим образом проданы с молотка таможеню за маленький долг устроителя выставки таможене. Тогда пропало 75 моих вещей. И мы впоследствии узнавали о безобразнейших обстоятельствах аукциона. Мало ли на что может толкать зверское одержание и безумие. Среди расследования о том, что узнала Фр[ансис], нужно как-то осведомиться, нет ли каких-то сношений со всякими тиграми, обезьянами и прочим зверьем. Если некие люди дошли до всяких преступнейших посягательств даже на самое Высшее, то от них можно ждать и других подобного же рода действий. Наверное, постепенно будут выясняться и многие другие факты. Для усиления нашей общей казны нет ли каких-либо полезных соображений о возможностях продаж? Кроме того, надо выяснять, куда и каким порядком по нынешним временам можно бы прислать и еще несколько вещей, не рискуя их захватом злодеями. Куда именно послать такие вещи, ибо Ваша квартира для этого непригодна. Может быть, как мы уже писали в прошлых письмах, Фр[ансис] получит какой-то дельный к тому совет от Воона? Ведь и среди галерей столько жуликов! Какую именно мою картину получила Флор[ентина] в обеспечение какой-то суммы, данной ею — уже в течение моего отсутствия в экспедиции? Ведь операция была произведена без моего ведома, и никаких денег от нее ни я, ни в Наггаре не видели. Знает ли Флор[ентина] об этом? Этот факт важен и потому, что впервые было расходовано имущество Е.И. для каких-то других надобностей. В Вашем списке картин должна значиться эта операция. Конечно, я имею в виду не ту картину, [которую] Флор[ентина] купила еще до моего последнего приезда в Ам[ерику], но другую, которую она получила в обеспечение за какой-то не то заем, не то какой-то другой взнос денег. Деликатно выясните с нею этот вопрос. Ведь и другие ее деньги до здешнего Института, как Вы знаете, не доходили, можно ей и об этом намекнуть. Ведь Вы знаете, что и деньги от Стокса далеко не дошли сюда. Помните и об этом. Итак, еще раз храните все документы, храните решительно все, чтобы не попало в руки подделывателей, извратителей и разрушителей. Всякая осторожность [нужна] в почтовых сношениях. Ни у Вас, ни у нас нет никаких злокозненных тайн, но некие люди в безумии могут извращать все, что угодно. Мужское лицо из трио лучше называйте по его настоящему имени — Леви*. Итак, каждый день приносит новое, но вместе с тем приносит и новую бодрость, устремление к Свету и Истине.

Будем ждать Ваших сообщений.

Еще и еще раз всем сердцем с Вами.

Дорогие мои,

Шлю Вам наш сердечный привет к праздникам и Новому году. Какие же пожелания? Да все те же — добротворствуйте неустанно во всех направлениях, рассеивайте тьму везде, где ее заметите. Будьте бодры, мужественны, здоровы и сильны. Не ужасайтесь никакому звериному реву, нередко звери бывают лучше двуногих. Вот сегодня под окном опять кричал леопард, но даже при его кровожадности, вероятно, в нем было меньше зависти и злобного клеветничества. Помните мою статью “Болезнь клеветы”. Пожелаем всеми силами, чтобы в новом году мир хотя бы немного осознал весь ужас безумия клеветничества и предательства.

Как часто Вы даже не знаете, кто именно изобретает первоначально злобную нелепость, а затем какие-то неумудренные, как сороки, болтают ее. Если тверд Ваш путь, и светел, и ясен, то сорочьи стрекотания нисколько не затрудняют Ваше совершенствование. Если бы свинячье хрюканье и сорочье стрекотание были так вредоносны, то я был [бы] уже прикончен. За сорок пять лет работы чего только не болтали завистники и злоумышленники. При этом обычно они впадают в своеобразные суперлативы, так что мой покойный учитель Куинджи однажды сказал моему завистнику: “По злобе своей Вы сделали его и всемогущим, и вездесущим”. Вы помните, и не так давно, бывшую американскую статью, носившую странное, но знаменательное название: *“Как я был превознесен моими врагами”*. В моей жизни враги и завистники не раз пытались постараться. Что только не измышлялось! Шептали, что картин *я сам* вовсе *не пишу*, но заказываю их известным художникам. Писались абсолютные небылицы о наших путешествиях. Завистники себе на радость уже трижды меня похоронили, а [я] все-таки жив. Даже панихиды служили и некрологи писались хорошие. Ведь, по невежеству мира, смерть считается достаточной для прекращения клеветы. Писали, что у меня карманы полны рубинов и жемчугов, которые я раздаю пригорошнями. Говорили, что от моего взгляда люди седеют. Утверждали, что я читаю все мысли, что мы завоевывали целые страны. И в сражениях пули отскакивали от нас. Отводили широчайшее поле какой-то политической деятельности. Вы ведь не раз читали все эти небылицы. Затем суперлативы еще повысились: обозвали самым Антихристом, главою всемирного Коминтерна и Фининтерна, главою масонства. Писали, что я будто бы выдаю себя за воплощение Преподобного Сергия. “Очевидцы” утверждали, что видели меня ходящим по воде. Вот в какие своеобразные суперлативы вдалась зависть и злобность. Теперь до меня дошли новые слухи. Разрушители продолжают свои злостные попытки. Некий негодяй распространяет клевету о том, что я никогда и не заботился о сохранении культурных сокровищ, что Пакт вовсе не мой, и Знамя не мое. Находятся и какие-то жалкие слушатели, внимающие этой недостойной клевете. Эти жалкие люди упускают из вида, что не только существуют печатные доказательства за многие годы, но со времени *первых Конференций Пакта* прошло уже несколько лет. Если кто-нибудь имел сказать что-либо, то он имел достаточно времени для этого. После подписания Пакта 15-го апреля я писал Вам, что такой международный добростроительный акт, наверное, вызовет *реакцию сил темных*. Ведь слуги тьмы не дремлют и пытаются вносить разрушение и разложение всюду, где только можно. На то они и

служители тьмы. Но какова же должна быть низость неких земных двуногих, которые будут пытаться даже повредить всему делу, лишь бы нанести личное умаление! И как жалки те, неразумные, легко вовлекаемые в пучину зла слушатели, которые готовы принимать на веру каждый клеветнический вымысел. И ведь мы не можем сказать, чтобы эти слушатели были просто какие-то безграмотные невежды. Плачевно видеть, что разрушители пробираются и на верхи. Что же им еще остается придумать? Вспоминаю, как в 1930-м году в Лондоне проф[ессор] К. таинственно спрашивал меня: “Скажите — ведь Вы не Рерих, а Адашев?” Нужно было иметь достаточно юмора, чтобы не послать такого вопрошателя в преисподнюю, где и есть его настоящее местонахождение. Вспоминаю к новому году все эти знаки тьмы, вплоть до самого новейшего клеветнического изображения, не к тому, чтобы мы огорчились ими. Вы ведь помните мою статью “Похвала врагам”? Вспоминаю все это лишь к тому, чтобы и Вы, друзья, с оружием Света в руках мужественно встречали все нападения тьмы. Если Вы хотите служить на поле Просвещения и Добра, Вы должны быть готовы тем мужественнее отражать зло во имя справедливости.

Будьте бодры и сильны,

Р.

СОВЕТУ МУЗЕЯ Р[ЕРИХА] В НЬЮ-ЙОРКЕ

Исключительное время сейчас. Также должны быть исключительны и все действия. Не наша вина, что произошел мировой кризис. Не наша вина, что именно квартирная ценность больше всех прочих ценностей пострадала в Америке. В то время когда даже печатанье в ценах понизилось лишь на 10%, квартиры потеряли чуть ли не половину своей стоимости. Вероятно, и это явление временно, но с ним приходится считаться. Также не наша вина, что Банк “Бонд и Мортгэдж” оказался преступным в своих действиях, а затем [вместе с ним и] самочинный Комитет, полный антикультурных намерений, нанесли нашим Учреждениям поистине неисчислимые убытки. Если даже друзья наши опасаются пожертвовать Музею [хотя бы] одну книгу, то что же говорить о вреде, нанесенном всем денежным пожертвованиям! Но мы не можем лишь сетовать, огорчаться и ссылаться на факты мирового свойства, как, например, мировое разорение целых стран и подавление всякой жизнеспособности. Культурные учреждения на то и существуют, чтобы оздоравливать зараженные и ослабленные основы. Недаром подобные учреждения и зовутся в сознании людском якорями спасения. Недаром в программе Мировой Лиги Культуры, посланной Вам 24-го декабря 1931-го года, так широко была очерчена программа Лиги Культуры, а сам Знак ее был того же значения, как и знак нашего Знамени Мира. Во имя этих великих понятий Культуры и Мира и следует принимать все те исключительные меры, которые оказались бы в соответствии с неслышанным мировым напряжением.

Правда, наши адвокаты уже выдвинули два крупных иска антикультурным противникам нашим. Но совершенно необходимо, чтобы эти иски, сумма которых очень скромна сравнительно с нанесенными убытками,

были проведены со всем энтузиазмом защиты культурного дела. Лучшие люди Америки называют вред, наносимый нашим Учреждениям, национальным бедствием. Вот в пределах такого бедствия, в размерах мировой case celebrated, найдут наши адвокаты-защитники тот неисчерпаемый энтузиазм и находчивость, которые пересилили бы все уловки сил темных. Только в несломимом энтузиазме осознания справедливости и в огненном негодовании о всех уловках рэкетиров можно победоносно закончить эти благородные действия.

Так же, как и раньше, и теперь не могу я понять, отчего наши культурные Учреждения, отдающие все средства на широко образовательные цели, не могут быть всецело освобождены от налогов, подобно целому ряду других учреждений. Если может быть освобождена ИМКА, если Рыцари Колумба, и те освобождены, если Учреждение в Саратогe заслужило освобождение, то неужели наши образовательные цели не равняются упомянутым учреждениям? Не верю и никогда не поверю, чтобы наши образовательные цели не заслуживали такого же внимания. Если в наших наименованиях какая-либо фразеология не отвечает целям вышеозначенных учреждений, то ведь не слова же — дело. Всегда легко можно изменить эти слова так, чтобы они вполне ответили даже самому официальному мышлению. Мы никогда не гнались и не ограничивали себя узкими терминами, ибо вопросы Культуры должны быть чужды всякой такой условной ограниченности.

По-прежнему я твердо убежден, что могут быть найдены формулы, вполне отвечающие истине, которые докажут, что наша задача вовсе не меньше в образовательном значении, нежели уставы вышеозначенных учреждений. Значит, адвокат, ведущий это дело, должен еще раз проникнуться доброжелательством и энтузиазмом, которые откроют ему врата справедливости. Широко отмеченное в прессе и в общественном мнении недавнее решение судьи Шинтага, конечно, не есть совершенно исключительное явление в мире юстиции Соединенных Штатов Америки. Тем же высоким культурным путем могут помыслить и другие представители судебного мира. Но наши защитники должны неумолимо, неотступно устремляться к победе. Отменив даже всякую мысль о возможности отступления. Если печальная действительность снижения квартирных цен в Америке отразилась на бюджетах, то мы ведь никогда и не думали, что все существование образовательных учреждений зависит лишь от квартирных цен. Все образовательные учреждения Америки существуют общественным иждивением. Разнообразны способы привлечения этих сил для поднятия культурного уровня страны.

У нас уже положено основание к приисканию подобных внешних средств. Мы имеем членские взносы, марки, именные комнаты, именные кресла, именные полки библиотеки, наконец, мы уже с половины 1931-го года имеем десять разнообразных комитетов для привлечения средств. Пусть деятельность этих комитетов значительно затруднена преступным образом действий наших противников, но все же комитеты существуют и, оправившись от первого неприятельского натиска, должны опять деятельно и мужественно приняться за свое неотложное дело. К счастью, можно сказать, что начавшееся общее улучшение финансового положения Америки может

значительно воодушевить наши комитеты. Всякая неудача в прошлом не есть нечто непреодолимое для будущего. Если бы даже кто-то, огорченный противодействием, вздумал отойти от культурного дела, то эту брешь надо немедленно заделать новыми привлечениями. Пусть на месте павшего дерева немедленно будет посажено десять новых. Также в такой же прогрессии пусть нарастают как финансовые, так и идейные планы комитетов. Навсегда забудем всякое прошлое. Перед нами будущее, в котором человечество с каждым днем все более нуждается в маяках культуры.

Если число наших комитетов почему-либо недостаточно, сделаем их больше. Если число участников каждого из них желательно увеличить, то пусть же каждый участник комитета назовет хотя бы одного своего друга, желающего потрудиться во имя Культуры. Чтобы программы отдельных комитетов не рассеивались в недостаточном взаимном осведомлении, пусть же Совет Музея, приглашая по мере надобности председателей комитетов, частично или пленарно, установит регистрацию всех конкретных предложений и достижений. Заседания комитета не есть только обмен мнениями. Должна быть сводка этих мнений, показательная — как и когда приложить в жизни многие ценные мысли. Иначе, лишь обменом мнений, может получиться какая-то отвлеченность, между тем как комитеты эти созданы лишь для активной практической деятельности. Ни в чем решительно мы не стесняем эту деятельность комитетов, когда она укладывается в широкие рамки Культуры. Мы понимаем, что преступные неприятельские действия чрезвычайно затруднили действия комитетов, но сейчас, когда мы имеем уже пять благоприятных судебных решений, это официальное признание должно окрылить членов всех комитетов. На расстоянии многое нам кажется неясным. Так, например, остался неясным комитет, предложенный консулом Чехословакии Новаком. Вполне понятно, что по занятости своей наш друг Гордон Баттль оказался не в силах принять казначейство этого комитета. Но после этого вся идея комитета как-то замолкла, точно бы она зависела от чьей-то личности и только. Задачи комитетов настолько широки, настолько неотложны, что личность не может иметь значения в этих обширных построениях. Кроме того, на всем житейском опыте мы знаем, насколько нежданно могут приходить сотрудники. Магнит энтузиазма, сердечного великодушия, взаимного дружелюбия есть величайшая сила. Там, где существует внутреннее сердечное единение, там этот магнит развивает мощь необычайную. Помню, как трогательно однажды сказал наш сотрудник Джайлс о том, как глубоко он был потрясен и восхищен нашим внутренним единением. Действительно, не в том дело, чтобы писать имена на одном листе бумаги, но в единении и созвучии сердечном кроется великий талисман, который восхищает каждое звучащее человеческое сердце. А звучащих сердец много. Потому во имя исключительного времени, во имя всех светлых огней сердечных примем неотложно меры исключительные. Пусть без огорчения работают сотрудники наших Учреждений. Пусть не поникает воля членов комитетов. Пусть кипят новые мысли, пусть вспыхивают предложения, и то, что вчера не дошло, дойдет завтра или послезавтра. Пусть и друзья, и враги чувствуют, что созидательная деятельность идет и никакая тягость не может отуманить

мысль. Ощущение ясной повелительной мысли привлечет новые сердца. Мы должны искать новых. Каждое дело должно всегда искать новых, ибо это есть рост. Итак, неотступно будем расти и в единении привлечем и новые сердца, и новые исключительные меры во благо Культуры. Не упустим сроки! Поистине, каждое действие может, должно быть обращено в торжество Культуры!

30 ноября 1935 г.

Н.Р.

I.XII.35

Дорогие Зин[а], Фр[ансис] и Мор[ис],

Посылаю *для Вас* эти мои мысли, примите их к сердцу. И написаны они сердцем.

К сообщению моему от 29-го ноября должен прибавить следующее. Прилагаю при нем копию телеграммы, только что полученной. Известили Вас следующей телеграммой — копия также прилагается. Обращаю внимание, что обе телеграммы за подписью Хорш[а] были посланы в один день. С той только разницей, что первая была послана Л.С.О. (скоро), а вторая, при сем приложенная. Ожидаем, что посоветуют юристы по поводу первой телеграммы. Теперь же еще раз суммирую мою твердую убежденность по поводу происходящего.

1. Твердо знаю, что экспедиционные суммы не подлежат налогам. Так было не только во всех прошлых экспедициях, но вполне подтверждается и теперь от департ[амента] агрикультуры [по]казавшего нам, что налогу подлежит лишь жалование, но не все экспедиционные суммы. Все эти указания, конечно, в письменном виде. Всем Вам известно, что наша экспедиция задумывалась нами очень давно, еще в бытность в России, чему свидетельствуют многие мои картины и темы писаний. Уже из Лондона в 1920-м году мы предполагали осуществить эту экспедицию, но за отсутствием достаточных экспедиционных средств это было невозможно. Также всем Вам известно, что все средства, полученные от наших Учреждений, полностью были положены на осуществление экспедиции. Никакого жалованья я не получил, и средства шли исключительно на содержание свыше пятилетней экспедиции. Никто не может сказать, что я утаивал где-либо средства своекорыстно. Каждому знакомому с бюджетами других более коротких экспедиций известны расходы, с ними неразрывно связанные.

2. По приезде в Дарджилинг в июне 1928-го года мы узнали, что, как выражался сам Хорш, для Вас приготовлен подарок. Из письма его видна не только его оценка, но и воодушевление граждан Америки моими трудами. Этот подарок, как называл г-н Хорш, был мною употреблен на продолжение и окончание экспедиции. Уже из него мы платили через Бейли тибетскому

правительству за предоставление каравана. Из него же был оплачен Танжур и Канжур*, отданный в библиотеку Музея, из него же были произведены расчеты со служащими экспедиции с выдачей им на обратный путь и прочие неминуемые связанные [с ним] расходы. Затем согласно предложению Совета Trustees Музея были произведены все подготовительные работы по учреждению Института Научных Исследований. Эти приготовления вызывали значительные разъезды и ознакомления, которые приходилось *оплачивать*.

Затем мною был пожертвован для Института один акр с двумя строениями. В это же время составлялись и научные труды по поводу экспедиции. Продолжительность экспедиции лишь доказывает, что и расходы по ней в течение целого ряда лет были немалые. При этом, находясь продолжительные промежутки времени в местностях диких, отрезанных от сообщений, мы были во власти местных условий и должны были подчиняться существующим обстоятельствам. Гибель всего каравана и пяти человек персонала на высотах Тибета были достаточно упомянуты в наших печатных трудах. Необходимость местных подарков также общеизвестна. Но, несмотря на все трудности и опасности, мы совершали полезную для Америки и науки работу.

3. Лишь какая-то необъяснимая злонамеренность может вводить правительство Ам[ерики] в заблуждение, представляя в ложном виде все наши труды. Думаю, что не было такого случая, чтобы человек, положивший все на пользу общественную, был бы преследуем за время нахождения в диких пустынях Тибета. После этого я дважды был в Америке в полном доверии, что Хорш, имевший мою полную доверенность, сделал все так, как следует по закону, представив правительству справедливые доводы. Иначе к чему же он имел полную доверенность и все время выполнял формальности внесения налогов? Значит, мы имеем дело не только со злоупотреблением доверием, но с чем-то давно задуманным. Свидетельством этого служат многочисленнейшие письма, рапорты самого г-на Хорша, где он в самых громких выражениях восхваляет мою самоотверженную общественную работу.

Отправляясь в многотрудную экспедицию, я полагал, что г-н Хорш, принявший на себя все финансовое заведование, в том числе и заведовавший справедливым внесением налогов, если таковые из чего-либо истекали, должен был добросовестно исполнить эту принятую на себя задачу. Я не гражданин Америки и даже не резидент ввиду моих отсутствий по научным и художественным работам. Полагаю, что гражданам Америки, принимающим на себя доверенность, следует знать законы страны. А теперь мы видим, что по прецеденту теперешней экспедиции экспедиционные расходы действительно, как я и знал ранее, не подлежат налогу.

Налоговый департамент, даже не известив меня о размерах предполагаемых ими сумм, накладывает lien на мои картины в Америке. В истории Искусств этот эпизод остается показательным. Уже в 1906-м году с аукциона было продано в Америке 800 русских картин за небольшой долг устроителя выставки таможене. Среди этих 800 распроданных картин было 75 моих*, оценку которых можно найти в монографиях. Тогда я работал для России. Теперь же я работал для Америки, и результаты этих художественных и научных работ широко известны миру. Итак, наложенный

lien, вероятно, является особым выражением признательности страны, которой я принес свой опыт, умение, способности. Из моих малых средств, сколько мог, я уделял во славу Америки, а качество моих картин, казалось бы, достаточно оценено.

Итак, после пятнадцати лет моей самоотверженной и трудолюбивой работы на пользу Америки Америка хочет так своеобразно отпраздновать это пятнадцатилетие. Но все же я верю в справедливость. Верю, что найдутся люди, которые, вникнув во все обстоятельства этого дела, во имя истины, по достоинству Америки поступят справедливо.

4. Передо мною лежит письмо Хорша от июня 1928-го года, в нем он посылает мне тысячу поцелуев. Неужели все это были Иудины поцелуи? В письмах от июня того года ничего не говорится о каких-либо налогах и ничего по этому поводу не спрашивается. Между тем Вы знаете, что налоги вносятся ранней весной, поэтому, вполне естественно, я должен был предполагать, что этот вопрос вполне урегулирован. Он меня извещает о сумме денег, находящейся на моем счету. Разве не должен я предполагать, что эта сумма уже вполне безусловная, очищенная от налогов, если таковые вообще предполагались.

Передо мною лежит и официальная, за подписью Хорша, бумага, утверждающая, что экспедиция продолжалась до 1929-го года, — значит, суммы 1928-го года также были расходованы на нужды и на окончание экспедиции, как сказано в этом письме выше. Передо мною лежат множества писем Хорша с необычайными восхвалениями трудов экспедиции, моими работами и заботами о здоровье Е.И. Имея такие документы, собственноручно им написанные, мог ли я предполагать, что после всех этих излияний дружбы и преданности Хорш сознательно будет пытаться подвести меня? Вы знаете, как заботливо отношусь я к исполнению законов, по[тому], не будучи осведомленным об американском законодательстве, я и дал полную доверенность Хоршу — америк[анскому] гражданину, в распоряжении которого всегда находились и адвокаты, и бухгалтеры. Совершаемое им сейчас злоупотребление доверенностью — моим глубоким доверием — есть великое человеконенавистничество. Печально убеждаться, что человек произносил столько высоких слов в то время, когда сердце его все же было закорюченнее в своекорыстии и предательстве. Нам доподлинно известно, что во время краха в 1929—30-м годах многие даже очень крупные деятели, потеряв средства, неожиданно не могли платить их деловой налог. Правительство приняло во внимание это положение и создало для них особые условия, придя широко навстречу сложившимся обстоятельствам. Это были просто деловые соображения. В нашем же случае дело имеется с культурными трудами, в которых для пользы Америки даже сама жизнь подверглась опасности, и вдруг, именно в этом случае Деп[артамент] налогов поступает так холодно, даже не спрашивая ни о каких привходящих обстоятельствах. История будет знать, как во время когда мы физически погибали на морозных высотах Тибета — именно в то самое время, как теперь оказывается, мы совершали проступок против Америки. Это простое фактическое соображение настолько чудовищно, что даже не укладывается в мышлении. Хочется сказать себе: тут что-то не так и, конечно, прежде всего налоговый департамент введен в заблуждение злоумышленниками,

предателем, держащим мою доверенность с 1923-го года. Не могу допустить, чтобы правительство и, в частности, налоговый департамент, могли бы быть несправедливы и не принимать в соображения обстоятельств, которые, казалось бы, так [ясны] для каждого. Только подумать: ведь мы даже не знаем, из каких именно цифр складываются 48 тысяч, упомянутые в телеграмме. Значит, кто-то эти 48 тысяч какими-то махинациями сложил, умолчав, что эти деньги из себя, в сущности, представляли, на какие цели они были расходованы. Повторяю, экспедиции не платят налогов с экспедиционных денег. Разве Андриус, когда он собрал сотни тысяч на экспедицию, разве он заплатил половину их как налоги? Ведь нигде же это не делается. Значит, в нашем случае злобная предательская воля пытается ввести налоговый департ[амент] в заблуждение. Юристам это положение вещей должно броситься в глаза и вызвать справедливый отпор.

Да будет!

Посылаю Вам Знамя Мира — как видите, оно одно из тех, которые были получены мною еще в Нью-Йорке. Пусть оно висит в директорской комнате Школы. Я никак не мог предположить, что в Школе не было этого нашего Знака, но Фр[ансис] пишет, что она не могла достать знамя от г-жи Хорш. Если мы хотим, чтобы во всех Школах был бы Знак, напоминающий о необходимости охранения культурных ценностей, то тем паче он должен находиться в пределах нашей Школы. Рад слышать из Ваших писем, что ученики Катнера сняли целый дом и преуспевают вместе с ним — со своим Учителем. Передайте им мой привет — ведь наша дружба не должна нарушаться. Рад слышать, что и у Греб[енщикова] дела, по-видимому, налаживаются. Приветствую и их, ведь там Радонега и Часовня Священного Воеводы*. Рад слышать о преуспевании Завадских, в свое время мы им чистосердечно помогали и всегда храним к ним доброе чувство. Приветствуйте их и Ниночку — она такая хорошая душа. Сердечно будем приветствовать всех на путях Культуры. Перебором всякие предательства.

Шлем Вам сердечные мысли — духом с Вами,

P.

5.XII.35

Дорогие З[ина], Фр[ансис] и М[орис],

Для памяти записываю, как показательно г-н Хорш прервал со мною сношения. Из сопоставления приведенных здесь фактов еще раз видно, насколько все его поступки были заранее задуманы.

1. Переписка с г-ном Хоршем до июля-месяца шла нормально. Еще так недавно мы имели его письма с патетическими восклицаниями о том, что “имя нужно держать высоко” и со всякими другими суперлативами по нашему адресу.

2. В начале июля до нас в Монголию дошла уже почтовым порядком телеграмма г-на Хорша о каких-то новых возможностях. Телеграмма

кончалась словами “writing confidential” [англ., пишу доверительно]. Если бы эти слова относились к предыдущему тексту телеграммы, то, конечно, было бы сказано вначале “Confidentially”. Значит, “writing” означало какое-то посланное доверительное письмо, которое мы и ожидали.

3. В моем дневнике, как всегда посланном на имя г-на Хорша, от 10-го июля с[его] г[ода] я отметил: “Последняя телеграмма Луиса о новых возможностях пришла как нельзя более кстати. Ведь чем больше разнообразных возможностей появится, тем удачнее...” Так добродушно и доброжелательно я отметил упомянутую телеграмму г-на Хорша.

4. Вместо ожидавшегося нами доверительного письма уже по приезде в Пекин до нас дошло письмо Хорша от 7-го авг[уста], копия которого прилагается здесь. Не буду пересказывать все его грубое содержание. Всякий прочитавший приложенную копию поймет всю преднамеренность и злонамеренность этого письма.

5. Хотя я и был глубоко поражен тоном письма г-на Хорша, все же немедленно от 11-го сент[ября] послал ему опять-таки в дружелюбном тоне письмо, копию которого здесь прилагаю. Доброжелательно просил я г-на Хорша разъяснить мне, почему он считал именно вышеупомянутую свою телеграмму доверительной, ибо весь дневник был послан на его имя, а к тому же ни содержание телеграммы, ни странная приписка в конце “writing confidential”, могла только относиться к какому-то следующему письму. Всем известно, что говоря о телеграмме, пишут “cabling”, а о письме говорится — “writing”. Обычно в конце телеграммы прибавляется одно слово — “writing”, и получивший телеграмму знает, что письмо следует. На мое письмо от 11-го сент[ября] я ответа уже не получил. По приезде в Наггар я нашел письмо, адресованное на имя Е.И. и мое, в котором г-н Хорш в грубых выражениях сообщал о безвозвратном разрыве с нами всяких сношений.

6. Сопоставив эти факты, можно еще раз убедиться, насколько злоумышления г-на Хорша были заблаговременно задуманы и, вероятно, лишь ожидали окончания реорганизации. Злоупотребления доверием со стороны г-на Хорша можно найти в целом ряде и других фактов, помимо злостного злоупотребления в вопросе с налогами за годы далекой Среднеазиатской и Тибетской экспедиций. Каждому юристу, конечно, ясно злоумышление г-на Хорша как моего полного доверенного в вопросе с налогами. Фонды, положенные на экспедицию, как Вы уже знаете, не подлежат налогам, об этом я писал Вам в прошлом письме. Но если бы г-н Хорш был иного мнения, то почему же он девять лет вводил меня в заблуждение и не платил налогов, тогда как все дело налогов находилось исключительно в его руках, о чем Вы прекрасно знаете? Также Вы знаете, что со времени нашего отъезда в Индию я был в Америке всего три раза. Первый раз в 1924-м году — на шесть недель, второй раз в 1929-30-м [годах] — на девять месяцев и в третий раз в 1934-м году — на один месяц. Значит, в общей сложности за 13 лет я был в Америке всего один год с несколькими днями. Вполне естественно, что за это краткое время специфическая техника г-на Хорша не могла стать очевидной. Теперь же, наверное, и у Вас выясняются множества случаев злоупотребления доверием со стороны господина Хорша.

Например, какой такой lien на мои картины со стороны г-на Хорша был произведен когда-то — или прошлую весною, или летом? Мы ничего не знаем об этом, и лишь З[инаида] Г[ригорьевна] Л[ихтман] в одном из своих писем осенью упоминает о чем-то подобном. Мы уже просили Вас сообщить об этом факте с возможною подробностью. А теперь просим собрать и припомнить всякие другие странные особенности действий г-на Хорша. Также мелькнуло сведение о том, что г-ном Хоршем забраны все семь shares Учреждения. Конечно, пользуясь *безграничным доверием* всех нас, г-н Хорш мог творить очень многое, подобное его злонамерениям в отношении меня. Если же кто-то спросит, почему мы все оказывали г-ну Хоршу такое исключительное доверие, скажите, что ввиду его главного денежного пожертвования мы и не могли поступать иначе. Кто же мог бы предполагать, что человек, вложивший в дело деньги, теперь сам же станет разрушать дело, вредить интересам bondholder'ов и искоренять первоначальных основателей дела и весь престиж Учреждений? Предполагать все это просто чудовищно, ибо с такого рода поступками нам лично никогда в жизни встречаться не приходилось. Ведь мы даже ничего толком не знаем, как именно происходило такое важное действие, как временное замещение нас прочими. Да и Вы, вероятно, тоже всех действий не знаете, ибо председателем был г-н Хорш, а секретарем — его супруга. Вы уже писали, насколько трудно и даже вообще невозможно для Вас получать деловые осведомления. Вам уже давно перестали посылать копии журналов заседаний, что еще при мне было решено. Да, *злоупотребление доверием* выказалось чудовищно во всей своей ужасной наготе. Ждем сведений, какому именно адвокату дать доверенность, чтобы ею уничтожить доверенность, имеющуюся у г-на Хорша.

Шлем Вам сердечные мысли.

Духом с Вами,

P.

6.XII.35

Дорогие З[ина], Фр[ансис] и М[орис],

Для памяти записываю разные соображения и факты в связи с происходящим сейчас злоупотреблением доверием со стороны г-на Хорша. Конечно, мы полагаемся на мнение таких известных адвокатов, как Х. и Ш. Они знают местные законные процедуры, а кроме того, они больше нас знают г-на Хорша и его делопроизводство. Ведь последние годы г-н Хорш, безусловно, чаще встречался со всеми адвокатами, чем за все время с нами. И в отношении Пакта г-н Хорш, будучи сам Председателем Комитета, как видим из Ваших писем, допускает вредные злоумышления. При этом в своей злобе он аннулирует и свое в этом мировом культурном деле участие и значение. Конечно, нетрудно опрокинуть все злобные выдумки, ибо, по счастью, за мною более сорока лет работ определенной значимости. Не

раз уже сообщалось в книгах различными писателями о том, что с самого начала, буквально от моей первой картины “Гонец”, шла та же самая весть о сохранении культурных сокровищ. Даже под моим портретом, изданным Общиной [Святой] Евг[ении] в Петербурге, стоял мой девиз: “Из древних чудесных камней сложите ступени грядущего”. А сколько было говорено о Стяге, о священной Хоругви, о Знамени! Сколько было говорено о мире как об единственном основании творческого труда! Сколько поединков было выдержано за достоинство культуры. А теперь, как Вы пишете, злоумышленники хотят сказать, что всего этого не было, но это им не удастся, ибо свидетельства сорокалетней деятельности и голоса друзей, знающих правду, не умолкнут. Но поразительно, что господин Хорш и две его сообщницы вдруг, скоропостижно отрицают все, что ими же было написано в самых решительных выражениях.

Вы сообщаете, что друзья уже пишут. Это вполне естественно, ибо и я сам во всех случаях, где нужно было восстановление истины, выступал очень твердо и неотступно! Вспоминаю, как мы с М.Лихтманом посетили Олбани и как радушно мы были там встречены, — это было светлое начало учреждения [Института] Соединенных Искусств. С тех пор мы видели во многих случаях примененное то же понятие и всегда радовались таким последователям. И теперь вижу, что для Олбани, как видно из Вашего отчета, я остаюсь Президентом-Основателем. Ведь не вводит же кто-то и Олбани в заблуждение? Вспоминаю, как Вы ездили и хлопотали о Бел[окурой], и мы помогали, насколько могли, в этом деле, ибо всегда радовались открытию возможностей для Америки. Ведь никто же не скажет: такие возможности нехороши, ибо сколько же подобного осуществляется.

Вы сообщаете о том, что и Вам постоянно выдавались чеки от имени г-на Хорша на Ваше имя, которые, по существу, принадлежали делам. Не включены ли всякие деловые расходы на личные счета? Ведь если в одном случае так явно проявилось подготовленное злоумышление, то ведь то же самое можно предполагать и ожидать и во многих других случаях. Если убийца был пойман с ножом, с которым он уже ходил накануне, то весьма естественно предположить, что он злоумышлял нечто уже давно. Слава Богу, нам нечего скрывать, всегда мы действовали в добротворчестве и в доброжелательстве. Всегда заботились о дружелюбии, о сотрудничестве, о кооперации.

Г-н Хорш сейчас злонамеренно говорит, что все не увенчивалось успехом, но Вы-то знаете и, если нужно, можете доказать, что Ваши поездки были успешны и лишь недостаток финансовых возможностей, которые были в исключительном заведовании г-на Хорша, не позволял этим начинаниям развиваться. Но даже стесненный в средствах “Алатас”, все же существует, а Новый Синдикат и Press могут начать развиваться каждую минуту, когда им будут даны средства. Тем же, кто сказал бы, что Школа не развивается, Вы даете письмо Брауна, в котором этот посторонний для нас человек высказывает определенное мнение художника и педагога. Запрещением или умалением лекций тоже ничего удачного достигнуто не будет. Удача лежит в качестве внутренних мыслей, в единстве, в честном сотрудничестве, но не в злонамерениях. Как плачевно видеть людей, которые, не стараясь ознакомиться с истиной, как попугаи повторяют злонамеренные измышления.

Вероятно, злоумышленники думают, что у них достаточно припасено всяких “мануфактурных” документов, но правда выше лжи, и Свет побеждает тьму! Мы порадовались высокодружественному письму благородно негодующего Стокса. Слышим о выражениях Косгрева и Сторка, Сутро, знаем, как говорит Кунц Бэкер, Уайтсайд, Мавкафферы и многие другие истинные друзья, которые открыто восстают против темных проделок. Привет ученикам Кетнера, которые понимают Гурушип*. У меня к ним было доброе чувство — поприветствуйте их. Приветствуйте всех, кто за правду, за честность, за Свет! Злоумышленники хотят нанести еще одну рану больному сердцу Е.И. — именно они знают, как она больна и как сердце ее реагирует на все темные злодеяния! Убийцы духа и тела, ради своих корыстолюбивых целей они злоупотребляют доверием и тем оказывают самое злейшее преступление против человеческого достоинства.

И за Вас болит сердце, когда знаем, каким несправедливым и чудовищным нападкам Вы подвергаетесь ежедневно, когда стоите на Священном Дозоре о делах Культуры! Верю, что юристы примут все необходимые меры, чтобы раскрыть темные махинации и выявить истину. Сейчас они будут бороться не только о деловых отношениях, но о чести и достоинстве.

Привет защитникам!

Духом с Вами,

P.

Вероятно, уже в следующем письме, которое мы получим от Фр[ансис], будут подробности ее поездки в столицу. Очень одобряем совет, поданный чилийским другом. Ведь в этих странах очень живет понятие о чести и достоинстве, и потому этот друг, конечно, чувствует, почему его совет так важен. У Вас множество материала, чтобы выполнить совет в самой сильной и звучной форме. Даже при воображении не можем представить себе содержание того тайного письма, о котором Фр[ансис] поминает. И на которое сами получившие его предлагают Вам возразить. Как жаль, что мы не имеем здесь изображения того плаката — Знамени, которое во время великой войны было роздано по воинским частям и прикрепляемо к выдающимся монументальным строениям. В середине этого изображения была фигура вандала-разрушителя, а кругом в медальонах были виды разрушенных городов. Таким образом пикториальное изображение уже было введено в жизнь, а теперь, с годами, принимает те размеры, которые и предполагались. Говорю об этом уверенно, ибо покойный государь всегда почитал ценность исторических памятников, и, конечно, если бы не жестокая судьба его, он продолжил бы в мировом масштабе мое предложение.

И в широких культурных кругах та же моя идея отзвучала. Даже когда мы устраивали выставку Искусства Союзных Народов, в которой я был Председателем Комитета, ее главное назначение было — напомнить человечеству о сокровищах творческих, подвергавшихся опасности разрушения. Пусть мне скажут, кто же другой столько писал, читал лекций и активно выступал в защиту памятников творчества. Уже со времен Академии Художеств я исследовал памятники, требующие охранения. В 1903-м году мы

с Е.И. объехали, можно сказать, все сердце России, запечатлевая, я — кистью, а Е.И. в пятистах фотографиях, Пантеон древнего Искусства.

В монографиях неоднократно упоминалось о естественности того, что идея охранения культурных сокровищ оказывается связанной с именем художника, лично потрудившегося десятки лет для проведения этой идеи в жизнь. Как это недостойно, что какие-то злоумышленники готовы вредить всей культурной идее, лишь бы нанести вред личный. Какая несоизмеримость всемирной полезной идеи и мелких происков вредит ей, лишь бы излить свою злобу. Конечно, я повторяю все то, что Вы уже давно знаете, но не могу еще раз не повторить, как я поражен, что злоумышленники пользуются именно далеким отсутствием, чтобы за это время повредить не только мне, но и самому священному культурному делу. Но друзья не дремлют, сумеют встать за правду.

15.IV.36

Родные наши З[ина], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Получено доброе письмо от Формана, на которое и ответим. Он совершенно справедливо возмущается на тех, кто выказывали такой интерес к книгам Живой Этики, [а] теперь выбросили их как негодные вчерашние газеты! Действительно, такое отношение к тому, чем трио будто бы жило 14 лет, поистине потрясающе. Также и уничтожение знака, значение которого им было известно. Разве это не святотатство! У Фр[ансис] имеются вырезки из прошлогодних июньских газет с клеветническими статьями Поуэла. Одна газета была “Chicago Tribune”, а другая, если не ошибаюсь, “Washingt[on] Post”. Может, были и перепечатки тех же мерзких статей. Не думают ли адвокаты предъявить иск и к этим газетам за статьи Поуэла? Ведь со времени помещения этих статей не прошло еще и года, а они, во всяком случае, содержат ложные сведения, бросающие тень. Ведь мы имели доказательство, что перепечатаны они были во многих других газетах. Д-р Хассельман из Манилы прислал нам такую местную вырезку, возмущаясь ею и спрашивая, будет ли достойный amendment? Такое же возмущение произвели эти статьи и в Китае. Конечно, они же подали повод и к злошептаньям, и злорадству во всяких старых домах. Пусть Франс[ис] ознакомит адвокатов с этими вырезками, и пусть они решат, не следует ли тронуть и эти газеты, если наши адвокаты будут вполне уверены в достаточном доказательстве. Конечно, адвокаты должны иметь в виду, что эти большие газеты могут выпустить на них своих очень сильных адвокатов, и потому с такими противниками можно состязаться лишь при наличии твердых, по местным законам, данных. Помните поуэловские измышления о большом казачьем отряде, снаряженном нами? Ведь такое измышление затрагивает многие страны. И сделано оно с явной вредительской целью, чтобы в некоторых странах создать впечатление о чем-то политическом. Вы ведь знаете, что весь этот огромный казачий отряд был персонифицирован одним стариком поваром. Ведь Фр[ансис] помнит, что именно эти статьи

положили начало разрыву бывшего Друга с нею и нами. Таким образом, первый и всякие последующие ущербы уже налицо. Получается какой-то заговор, и, в конце концов, нужно же когда-то распознать, где же его истинная основа и источник? Нелепее всего то, что, по совести говоря, мы не знаем, в чем состоят эти заговоры. Мы знаем, где они, и знаем сущность их, но внешняя местная формулировка необходима для отражения и пресечения. Ведь для адвокатов не только нужно знать о сущности, но и о формальных выражениях. Мы знаем о заговорах и не удивляемся их существованию, иначе и не было бы тьмы вообще. Знаем также, что чем успешнее мы будем в одной части процесса, тем глубже будет вражеский подкоп с какой-либо другой. Ведь битва есть битва! Во всем ее и темном значении. Хотелось бы нам уже послать что-либо и для Клайд, но неясность с тайной Меррита еще раз напоминает нам об осторожности. Как характерно все, что Мерр[ит] сообщал Фр[ансис] о местном положении, — если зло так широко распространилось, то ведь оно будет отражаться и на всех делах. Потому-то такая небывалая предусмотрительность и убедительность нужна. Вы читаете теперь пресловутые дневники и report'ы и еще раз убеждаетесь и понимаете, как трудно было строить и как нужно было дотянуть до срока. Ведь Вы все помните и наше последнее собрание перед моим последним отъездом. Вы чувствовали, в каком настроении мы уезжали. Да и могло ли быть иначе, ведь в напутствие мне было самой предательницей сказано, что они не будут с Вами работать. А затем начались кощунства и святотатства уже явные. Создался ли второй Комитет? Сейчас должны быть призваны и все резервисты. Встречайте больше людей. Фогель есть тот адвокат, о котором слышала Франс[ис]. Конечно, он не может быть нашим адвокатом, но, как Сказано, может быть полезен, ибо у него есть друзья в политических кругах. В этих путях может быть существенная польза. Не откладывайте. Указанная Мартин находится при Клайд. Удивлялись мы встретить имя Линден в описанной Вами комбинации. Неужели она на той стороне? По видимости она была порядочной. Nincompoop писал Морису о disloyalty. Любопытно, какая же такая формула существует и какие к ней доказательства? Думаем, не передаются ли кому, возможно, какие-то сфабрикованные черные messages! Вот почему так важно, что сейчас ускоренным порядком выходят книги Учения в Риге. Уже вышла третья часть [“Мира Огненного”], и печатается “Общ[ина]”, и готовится к печати “Аум”. Скоро приступят к изданию первой части моих последних записных листов*, и просят составить книгу из писем Е.И., но, к сожалению, она не имела еще времени их проредактировать. Чрезвычайно важно, что и книга Франс[ис] подоспела, и так нужны были бы, как Указано, и добрые заметки в газетах и журналах. О книге Франс[ис] можно было бы получить целый ряд отзывов. Но не знаем, насколько издатели книги располагают свободными для этого экземплярами. Вы знаете, что без посылки книги невозможно получить отзыв о ней.

16.IV. Указано повидать людей из Аргентины — полезно. Также — заговор сил темных не мал. Старый дом пытается собрать всякие ложные показания. Они грубы и ложны. Следует при появлении их не обнаруживать никакого смущения. Нужно назвать их ложью, но внутренне нужно понять, что и они полезны, — так пусть лопнет нарыв ст[арого] дома. Значит,

подготавливается новая фаза заговора темных. Но раз Вы о ней будете знать, то отразите этим кустарные попытки с легкостью. Может быть, такие лица, [как] Фог[ель], располагая новыми кругами знакомства, могут быть полезны. Куда исчез Баттль? Ведь его мнение о всех этих обстоятельствах чрезвычайно ценно. В списке лекторов мы видим проф[ессора] Оверстрита, о котором Фр[ансис] была хорошего мнения. И Бабет Дейтч, которая написала о моем искусстве такую прекрасную статью. Интересно, какие именно инволюции происходят с людьми, которые уже выражались определенно? Любопытно, в чем же именно заключается эта disloyalty, о которой поминает pincompoor в своем письме к Морису? Такие злобно туманные словоизвержения нужно выявлять, иначе их невозможно пресечь. Ведь темные должны же противопоставлять хоть и измышленные, но конкретные наветы. Если допустить такому чертополоху разрастаться, то ведь негодяям слишком легко твердить о какой-то disloyalty to the case, надеясь, что никто не спросит их уточнить их мерзкое клеветническое словцо. Ведь культурная деятельность не только продолжается, но и разрастается. В последней почте пришло новое сведение, что в Белгр[аде] некоторые проф[ессора] хотят создать тип свободной Академии имени Р[ериха] (пока об этом очень не распространяйте, ибо уже ранее мы знали, насколько тамошнее амер[иканское] посольство враждебно), не будем темным давать пищу. Пусть думают, что ничего не делается. Также любопытно, какими же наветами может пользоваться Ст[арый] Дом? Неужели они дойдут до того, что по указке трио вытащат харб[инское] вранье Васьки Иванова и Голицына? Вы уже знаете, насколько низки эти оба типа. Кроме того, харб[инская] мерзость была в ноябре 34-го года, а 15-го марта 1935-го года токийское министерство извещало нас о “sheer ignorance” этих русских низких типов. Таким образом, токийская бумага, копию которой Вы имеете, вполне опрокидывает всякую ссылку на выпад харб[инских] желтых листков. Как образец этой грубой лжи можете указать, что в этих статьях указывалось, что Е.И. постоянно живет в Адияре* и вместе с Безант готовила Кришнамурти к его деятельности мирового Учителя. На самом деле, как Вы знаете, Е.И. никогда в Адияре и не была и ни Безант, ни Кришнамурти не встречала. Там же сообщалось, что я выдаю себя за перевоплощение Св.Сергия! После таких нелепо грубых и лживых сообщений для каждого здравомыслящего ясна степень той “sheer ignorance”, о которой упоминалось в имеющейся у Вас бумаге. Пусть адвокаты не отложат своего посещения к яп[онскому] консулу с этой копией токийской бумаги и проведут эту беседу в дружеских тонах, чтобы еще раз утвердить нейтральность консула. Сообщите также адвокатам, какого свойства были ам[ериканские] представители в Харб[ине]. Вы ведь помните сведения об ам[ериканском] вице-консуле. Также помните о пресловутых телеграммах Ст[арого] Дома, копии которых переданы бывшим другом Франс[ис]. Вообще все полученное Франс[ис] от бывшего Друга необходимо хранить в одном файле, ибо никогда не знаете, как и для чего пригодятся эти пресловутые документы. Потому так необходимо держать их наготове в полном порядке. На крайний случай у нас есть эти копии. Вся мерзкая кампания о Маньчж[оу-Го]* тем нелепее, что за все наше пребывание в Монголии я не имел буквально ни одного разговора, касавшегося политики. Письмо монг[ольского] князя, напечатанное в газете, достаточно

подчеркивает просто дружественные сношения, в которых никакой политики нет. Если бы бывший Друг хотел объяснить сельскохозяйственный кооператив как политику, то каким же образом он сам в нем хотел участвовать и внес 4500 ам[ериканских] долларов на начало кооператива? Пусть и об этом адвокаты знают, ибо идея культурно-экономических кооперативов всегда была в нашей программе, чтобы все культурные дела не рассчитывали только [на] пожертвования, но были бы самостоятельными и самооплачивающимися. Ведь и здание Музея предполагалось на том же кооперативном основании, и лишь амер[иканский] кризис 30-го года подорвал эту программу. Вот и в Риге сейчас сложился издат[ельский] кооператив, проектируется и другой.

Итак, будьте в полной готовности отражать всякие заговорщицкие попытки. Ведь и “Бел[уха]”, и “Ур” — все они предполагались, как кооперативы для широкого экономическо-культурного преуспевания. Все происходящее сейчас в мире достаточно доказывает, насколько успешно нужно прививать основы Культуры. Так, помните, родные, что “все на пользу”, и встречайте все темные атаки с оружием Света в доспехе Культуры. Возмущение вод необходимо для исцелений! Шлем Вам, родные, все наши самые сердечные думы, любимся милой карточкой Мориса. Она доставила нам истинную радость. На (Е.И.) столе целая галерея портретов близких, и мы любим посылать им привет сердца. Берегите здоровье. Обнимите Амр[иду]. Она еще раз проявила трогательную заботу. И так любовно относится к Вам.

Еще раз окружаем Вас сердцем.
Духом с Вами,

Е. и Н. Р.

19.IV.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Вчера отправили Вам телеграмму, предупреждая, чтобы предатели не стали извращать и злоупотреблять манускриптами-тетрадами*. Ведь манускрипты были даны лишь на хранение, а некоторые тетради были даже запечатаны. Потому если бы предатели стали злоупотреблять извращением смысла, то они покажут этим злоупотребление им доверенным на хранение имуществом.

Наверное, адвокаты знают соответствующую статью закона, охраняющую имущество, доверенное на хранение. “Вор поможет” — Вы помните это. Потому если будет достаточно выявлен преступный лик предателя в воровстве shares, или манускриптов, или в каких-либо других деталях дела, то все остальные его ухищрения приобретут в глазах старых домов и прочих построений совсем иную окраску. Был ли в “Нов[ом] Русск[ом] Слове” русский перевод письма Ст[окса] или Косгрева? Если они ни с того ни

с сего напечатали письмо Флейш[ера], то они обязаны поместить и ответ на него.

Также весьма любопытно выяснить причины охлаждения Кунц Бэкер, о которой мы говорили так много хорошего и хотели, чтобы именно она стояла и во главе Женского Единения. Как Вы помните, обе предательницы были именно против этого нашего предложения и поделили все места между собой. Действует ли теперь Единение Женщин, и вообще какие организации перекинулись на ту сторону? Также любопытно выяснить и позицию Кеттунен. Не думал я, что в ней может жить неблагодарность. Ведь с самого начала буквально постоянно мы окружали ее вниманием и доброжелательством. Какие же причины могут быть к тому, чтобы она вообще даже не ответила на мой привет? Вообще осталось неизвестным, получили ли некоторые лица приветы от Е.И., посланные ею с Леви отсюда в 30-м году. Со слов Гребенщ[икова] мы знаем, что он такого письма не получил. Возможно, что и другие также не получили. Также любопытно, вернулись ли Греб[енщиковы] из своей поездки? Ничего о них не слышно. Имеете ли Вы какие-либо данные от Завадск[их], ведь Ниночка вызывала к себе большое доверие и не раз выказала свое честное отношение. Все больше и больше необходимо выяснять состояние общественного мнения, ибо никто не сомневается в том, что с противной стороны употребляются все самые низкие меры, чтобы затемнить или, по крайней мере, усложнить отношения. Телеграфировали Вам и о танке Мерриту. Ведь по нынешним временам всякие неожиданности возможны.

Сейчас получили Ваши письма от 1-3 апреля. Прекрасно, что наши адвокаты чувствуют под собою такую твердую почву. Нужно надеяться, что другие два советника не будут их чем-либо расхолаживать. Понимаем Ваши соображения относительно того, что жалоба district attorney должна быть принесена после гражданского дела. Но во всяком случае такое уголовное преследование, подсказанное самим Ф.Ст[оксом], должно оставаться как истинное устрашающее обстоятельство для преступников. Удивляемся, что за целую неделю Вы не имели наших вестей. Ведь мы пишем отсюда не менее двух раз в неделю, а иногда и три, а за прошлую неделю было даже четыре. По номерам писем можете следить, в порядке ли все доходит. Также важно установить, сколько именно дней берет наше письмо отсюда. Ваши письма мы получаем через семнадцать-восемнадцать дней, но был случай, когда получили даже на шестнадцатый день. Все эти соображения тем более необходимо устанавливать, что никогда не знаете, какие специфические затруднения могут возникать; потому мы также беспокоимся о танке для Меррита, посланной еще в декабре. Неимение сведений о ее получении останавливает и посылку нашу вещей для Клайд. Кто знает, может, где-то изобретены какие-то препятствия? Относительно самой Клайд, конечно, нам все равно, начнет ли она свое дело самостоятельно или в каком-либо партнерстве. Конечно, если галерея, в которой она теперь работает, обременена долгами, то, естественно, невозможно принимать на себя такую чужую тягость. Если две подруги, из которых одна была названа (Мартин), также желают фактически участвовать в ее деле, то такой триумvirат может быть очень жизненным. Конечно, Вы помните всегдашний наш совет о том,

что каждое дерево должно расти постепенно, а потому не следует зарываться вначале слишком большими размерами. Ведь и не большие размерами дело может вполне носить культурный достойный облик. Лишь бы не было пошлого безобразия. Журнала “Земля Колумба” мы еще не получили. Посылаю Зине для передачи им моих статей (“Стойкость” и “Помощь”), кажется, обе они еще не были в амер[иканской] прессе. Если одна из них уже была напечатана, то пусть Зина заменит ее другим Записным Листом. Благодарим Фра[нсис за] южноам[ериканские] адреса. Конечно, Вы понимаете, что об Аргент[ине] мы писали не по поводу тамошнего местного общ[ества], но имели в виду Собрание, созываемое главою, о котором Вы нам и писали. Через местных людей следует оградиться от опасности, чтобы это собрание не вылилось во что-то вредное для Пакта. Ведь в Аргент[ине] были хорошие друзья и, насколько помню, книга Коразон была издана в Б[уэнос]-Айресе с аргент[инским] предисловием. Наверное, эти друзья Франс[ис] не замолчали? Также интересно, когда именно наши адвокаты предполагают начать беспокоить бывшего Друга по поводу медицинских корней К., — ведь у Франс[ис] имеется переписка об этом, выдержки из которой она пересылала Свят[ославу]. Как только будет нужно, Свят[ослав] вышлет и все остальные части переписки.

Получили мы и читали с великой радостью коллективное послание, составленное 24-го марта. Сердечно благодарим всех и устроительницу этого дружеского собрания. Трогательна такая забота ее. Ответим также соборным посланием. Находит ли Эвелин удобным, чтобы муж ее принял участие в Комитете? Ей виднее. Если Брэгдон так ответил предателям, то это очень хорошо и еще раз показывает его истинную культурность. Пусть еще и еще наши адвокаты имеют в виду, что чем больше будет лучших фактов на их стороне, тем мерзостнее будут вымышлять и нападать предатели. Предполагаются ли какие-либо заседания Комитета, учредился ли окончательно второй Комитет и что происходит в среде bondholder’ов? Ведь Сутро писала в комитет bondholder’ов, а затем и Косгрев; вообще нет ли каких-либо шевелений и с этой стороны — ведь предатели, наверное, разбрасывают всюду свои посягательства? Сказано: “Можно себе представить, какие кощунственные выкрики допускаются одержимыми!” Письмо Леви к Зине безобразно и еще раз доказывает их методы и образ мышления. Когда shares будут возвращены их настоящим собственникам, то тогда опять двое Леви окажутся против пяти, ведь все самозванно назначенные должны будут убраться из Мастер-Института. Долго ли Эрнст будет продолжать вести дело против своих же клиентов и прикрывать такие, явно темные, махинации? Даже слух о том, что Эрнст не брезгует и такими темными делами, будет очень губителен для его карьеры. В “Добротолубии” говорит Преп[одобный] Исайя: “Если простишь противоборца — получишь врага”. Так важно со всею яркостью обнаружить вор[ов] и их темные махинации — это упростит дальнейшее. Глин окажется другом вора!

Наступившие жаркие дни, к сожалению, не способствуют здоровью Е.И. — глубина напряжения очень велика. Шлем Вам, родные, наши мысли о грядущей яркой победе. Радуемся единению — сим победиши! Берегите здоровье.

Сердцем и духом с Вами,

Н. и Е. Р.

14.V.36

“Родные наши З[ина], Фр[ансис], Ам[рида] и М[орис],

Все еще Е.И. не совсем поправилась, очень медленно восстанавливается здоровье, а, впрочем, по текущим обстоятельствам всего мира это вполне понятно.

Разве не характерно, что Браун действительно хочет наедине видеть К.? Тигр приглашает к себе в берлогу, чтобы наедине показать свои зубы. Можно себе представить, какие бездны лжи, вымогательства и устрашения измышляются темными силами. Опять вспоминается, как Белокурая здесь обрезала конец телеграммы и вытирала, и вписывала в письмо Леви, которое Е.И. потребовала показать ей. Если известны два таких безобразных поступка при существовавшем тогда полном доверии, то можно себе представить, какая кухня подделок и подтасовок существует сейчас. Ведь они могут приписать и подделать все, что угодно. Например, Белокурая в бытность ее здесь переводила и писала на своей машинке все письма Е.И. Легко можно себе представить, сколько страниц можно изменить в многолистном письме, ведь подпись, или монограмма, лишь на одном листе! Там, где преступная злая воля готова очернить весь мир, лишь бы завершить свои преступления, там можно ожидать всевозможнейших подделок и наветов. Посылаю Вам по-англ[ийски], для Вас и для друзей, крик моего сердца. Ведь действительно ужасно подумать, что по мановению одного злоумышленника целые группы людей будут совершать безобразнейшие действия, которые останутся накрепко вписанными в историю Искусств и Культуры.

Очень хорошо, что наши адвокаты вполне уверены в своих доводах по делу налогов. Но пусть они всемерно осознают, насколько находчивы и организованы темные силы. Ни дня, ни часа не может быть потеряно для того, чтобы противостоять злу. Может быть, даже слишком слабо сказано: ни дня, ни часа, но уже нужно сказать: ни часа, ни минуты. Ведь отличие темных в том, что они необычайно яры, лукавы и неразборчивы в средствах. Нужно помнить, что силы тьмы знают, что это их восхождение и усиление кратковременно. Потому-то они спешат уничтожить и разложить все, что могут, чтобы продлить свое мрачное существование. Не следует думать, что силы тьмы нечто откладывают, потому что они чего-то боятся, наоборот, им нужно время лишь для приготовления новых ядов и всякого подкопного вредительства. Тигр настаивает, чтобы увидеть свою жертву наедине, и думает, что кто-то пойдет в его берлогу. Конечно, это наивно, лишь показывает, насколько темные пользуются всеми средствами. Помните, как и Вам предлагались квартиры на один год, но с тем, чтобы Вы подписали бумагу с отказом от всего Вашего достояния. Это тоже было крайне наивно

со стороны сил темных. Также наивно срезать конец телеграммы или грубо подчищать письмо, но ведь и с такими фактами мы уже встретились. Какая необыкновеннейшая бдительность, и зоркость, и подвижность нужны всюду, где возможны темные тропы! Малейшая неосторожность может производить неприятные последствия. Сейчас мы встретились с таким, хотя и небольшим, но показательным проявлением. Вернувшись из экспедиции, я нашел книгу некоего виндавского писателя Конр[ада] Принца — Рыбакова с посвящением мне, копию которого Вам для сведения посылаю. Прочтите ее внимательно и оцените в ней и “скребущегося в дверь”, и одержание империлом*. В то же время я узнал, что председ[атель] нашего Латв[ийского] Общ[ества] Стурэ имел с этим Принцем размолвку по поводу его книги “Импер[атрица] Нур”, окончившуюся разрывом и воспламенением авторского самолюбия Принца. Теперь мы получили сообщение о том, что Принц в своей последней книге “Во власти Кармы” до половины книги хвалит Учение и цитирует его, а затем во второй части свирепо и кощунственно на Учение и на нас нападает. Подробности мы еще не знаем, ибо книги не имеем и просили нам ее выслать. В этом эпизоде все показательно. Явная ненормальность автора, превозносящего в первой половине то, что он поносит во второй части. Не есть ли это повторение методов темных сил и в Нью-Йорке? Показательно также и то, что критика произведений К.Ив.Стурэ вызвала взрыв и ползание новой клеветы. Это лишь показывает, насколько нужно быть осторожным и “не дразнить диких зверей”. Неожиданно узнали, что “Священный Дозор”* продается в Париже и Риге. Как всегда, о Париже мы увидели это здесь в газете, но не от Ш[клявера]. Непонятно, каким образом это произошло? Нет ли этой книги и в лавках Америки? Если есть, то можно бы послать отзыв в “Рассвет” и “Свет”. Прекрасно написали наши адвокаты свое заявление по делу о клевете. Будем надеяться, что справедливость восторжествует. Главное же, чтобы адвокаты не падали духом и все время находили бы новые аргументы. Наверное, они понимают, что противная сторона во всех отношениях будет изобретать всякие ухищрения. Темным, конечно, хотелось бы безобразно распродать картины, и, наверное, такое вредительство в их плане, но наши адвокаты должны быть во всеоружии. Посылаем для Франсис отзыв о ее книге из хорошего южноиндийского журнала “Сколяр”. Надеемся получить и еще два отзыва. Можно бы иметь и больше, но, не посылая экземпляров самой книги, это невозможно. Сегодня Е.И. опять себя чувствует хуже, должно быть, затевается новое злоумышление. Наши адвокаты пишут, что за 35-й год с меня налогов не причитается. Не выходит ли, по их мнению, что Юрий за прошлый год заплатил зря? Впрочем, в таких вопросах лишь местные адвокаты могут судить. Письмо это дойдет к Вам уже в июне. Пожелаем, чтобы за летнее время устремление друзей не поникло, а, наоборот, укрепилось бы в сознании справедливости. Конечно, знающие Живую Этику знают, за что они сражаются. Берегите драгоценное единение и здоровье.

Все наши мысли с Вами, сердцем с Вами.

Р.

Учителю Николаю К[онстантиновичу] Рериху.

“Ты, позвавший меня на путь труда, прими умение мое и желание мое”. Примите, Владыки, “скребущегося в дверь” — я хочу научиться Радости. Вы знаете мои нужды лучше меня. — Но я обращаюсь за подачкой:

У меня слабое здоровье; страдаю от империла; шум в левой половине головы и головокружение, и вся левая часть тела очень слаба. Плохо переношу климат на Севере. Думаю, в Индию, в Общину, на послушание и работу.

Имею сильное устремление и готовность на трудности. Но если моя работа лучше будет принята здесь, то дайте здоровье.

Желаю принять не “частицу”, но Всю Чашу Блага.

Учение узнал только два месяца, но оно наполнило меня энтузиазмом.

К.Принц — Рыбаков

16.VIII.36

Родные наши З[ина], Фр[ансис], М[орис],

Опять наверное не знаем, дойдет ли сегодня к вечеру Ваша воздушная почта. Но всеми силами души чуем, что сейчас должны происходить спешные накопления для referee и прочих выступлений. Только подумать, что это письмо к Вам дойдет уже в сентябре! Какие же новые попытки злоумышленников обозначатся к тому времени? Советы указывают, что эти попытки будут очень и злобны, и определены. Можно ожидать их около картин. Но если наши издатели и все друзья соберут все материалы правды и защиты, то каждая злобная попытка окончится торжеством справедливости. Главное же, необходимо, чтобы publisher'ы могли без запинки правильно ответить на всем широком фронте. Ярая злоба преступников может бросаться на самые, казалось бы, неожиданные пункты. Широко за пределами Нью-Йорка сеются всякие попытки. Наверное, эти попытки также нелепы, как замочный приход для Вашего ареста, но злоба в своем самоотвержении не считается с нелепостью. Ей нужно лишь выпустить яд и сеять зло. Но, в конечном итоге, даже темные действия окажутся полезными. Например, по[добные] нападения мракобесов на Дальн[ем] Востоке породили неожиданных друзей и такие полезнейшие легенды, которые без старания мракобесов не получили бы такого нужнейшего распространения. Наверное, и Вы оцениваете этот поразительный пример тактики адверза. Впрочем, наверное, помянутые легенды до Вас не доходят, и потому, конечно, Вам труднее судить об этом. Но действия мракобесов и вандалов нуждаются в бдительном контроле, ибо они дают нам возможность проявить удары Света. Мощь ударов зависит от сопротивления. Разве не замечательно, что Билибин сейчас пишет фреску “Микула Селянинович” для здания посольства в Париже? Таким образом русский исторический эпос, одна из древнейших былин о торжестве земледелия и строительства, опять победоносно появляется на стендах во славу будущего строительства. Вот насколько неисповедимы пути! Мог ли кто-нибудь до этого года помыслить,

что именно в указанный срок свершатся такие замечательные подвижки? Все предсказанное совершается с такою точностью и в таких особо широких размерах, что каждый хотя бы ежедневно газеты читающий может поражаться, как осуществляется предсужденное.

К вечеру пришли письма Зины от 30-го и Франс[ис] от 31-го июля. Кошунство, произведенное в часовне св. Сергия, поистине потрясающе!!! Вот на какие кошунства и вандализмы посягают темные силы! Теперь Вы еще раз понимаете, почему даны Советы о возможности атаки на Музей, картины и все около этой сферы. Если до всякого суда можно (вероятно, ночью) врываться и кошунствовать даже в самых священных местах, то что же можно предположить в отношении всего остального! Из письма Зины и из письма Франс[ис] видим, что все Вы рады сотрудничеству с Миллером. Это очень хорошо, ибо этот опытный и философски настроенный сотрудник может быть истинно полезен. Надеемся, что Стокс знает о том, что Милл[ер] Указан. Наверное, все Вы ему об этом достаточно сказали. Что касается до названия Общества, то если бы, паче чаяния, оказалось, что Общество Р[ериха] инкорпорировано, то мы писали, что может быть и Ассоциация Р[ериха] или Центр Р[ериха] — словом, в любой форме может быть выражено общественное мнение. Ведь такая организация может иметь и бюллетень, и все прочие общественные функции. Посылаем это письмо, как несколько предыдущих, в двух копиях, чтобы одна осталась у Зины, а другая у Франсис. Мы помним, что Франсис вполне понимала язык, который был даже в их доме. Очень ценим все хлопоты Франсис об успехе Бостонской выставки. Конечно, кроме материала, посланного отсюда, весь главный материал Вы имеете в Нью-Йорке, а само выставочное помещение может подсказать, какими вещами и предметами его можно декорировать.

Конечно, было бы прекрасно, если осуществится аргент[инская] выставка. Все зависит от того, насколько сами художники почувствуют, что она им полезна. Очень тронуты сердечным письмом Фосдика и всем его отношением. Поистине, о друзьях, так ревностных, в тяжкие дни редко приходится слышать. В литературе иногда такие характеры указываются, но в современной жизни такая героическая самоотверженность — явление величайшей красоты. Да будет им Светло! Получаем вести с Дальн[его] Вост[ока], показывающие, что там очень хорошо воспринимаются современные сдвиги. Ко времени получения письма, вероятно, уже будет известно имя ref[ерее]. Можно представить себе, как ref[ерее] должен справедливо возмутиться повторными вандализмами, кошунством в часовне, самовольными попытками действий до определения суда, чудовищною попыткою Вашего ареста. Помимо статей законов, вся человеческая мораль и честь должны возмутиться такими преступлениями. Грозно время переживаемое, и судьи должны подумать, что они являются выразителями и утвердителями нравственного уровня всей нации. Берегите прежде всего здоровье духовное, иначе говоря, единение. Благо тем, кто выступил на защиту имени преподобного. Чудесный цветок вплетут они в свой победный венец.

Сердцем и духом с Вами,

Н. и Е. Р.

Родные З[ина], Фр[ансис], Амр[ида] и М[орис],

Хотя Ваша воздушная почта опять не дошла и объявлено о размытых путях, уже третий день идет проливной дождь, но все же шлем Вам краткую весточку, может быть, она дойдет как раз к началу разбора referee. Продолжает заботить нас Указание о возможности появления лжесвидетелей. Помимо всяких служащих в доме, злоумышленники могут найти и других pincomproor'ов. Ознакомили ли Вы адвокатов с биографиями их приспешников-pincomproor'ов? Ведь все эти pincomproor'ы — бывшие люди. Каждый из них по разным причинам должен был покинуть свои прежние занятия, и адвокаты непременно должны знать это. Давали ли Вы читать Миллеру мои статьи, в которых так хорошо отзываюсь об Америке, и эту сторону полного доброжелательства адвокаты должны твердо знать. Мы шли к Америке с открытым сердцем, принесли весь наш опыт, и знание, и творчество, и сейчас смотрим на Америку как лучшие друзья. Конечно, всю клевету и наносимый огромный ущерб мы не относим к стране, но локализуем около одной зловредной группы. Мы до сих пор не знаем, какие же причины, кроме трио, так действовать. В преступлениях трио там все ясно: и кража, и кощунство — все направлено, чтобы доказать, насколько они хотят оскорбить все великие Основы. Для нас особенно показательное последнее оскорбление часовни, этим злоумышленники показали, Кому они объявили войну. Дело не в том, что вынесено несколько икон, но смысл кощунства был в том, чтобы показать свое враждебное отношение к этому священному месту. Ведь не в разорении дело, но именно в явном желании произвести кощунство.

Может быть, кто-то посторонний и не оценит случившегося в полной мере, но Вам-то всем, знающим ее основы, должна быть вполне ясна неслыханная преступность этих деяний. Какова же была мера лицемерия трех преступников, когда они будто бы негодовали о совершавшихся вандализмах и произносили лицемернейшие речи в защиту культурных сокровищ! Какова же должна быть природная грубость и подлость, чтобы после стольких лет приобщения к Основам, к утонченному мышлению, к высшей культуре, они сразу могли скинуть как неуместное одеяние все культурное, все священное, все прекрасное! Если Леви хотел вернуть вложенный им в дела капитал, то разве такими преступными деяниями можно достичь успеха? Неужели же и все происходящее в мире не заставит этих преступников задуматься! На днях даже в местных английских газетах мы читали об Армагеддоне. Даже в самых, казалось бы, далеких сознаниях очевидность заставляет просыпаться чувство опасения о будущем. Но pincomproor'ов-преступников, служителей тьмы, происходящее лишь

наполняет злобою и мерзостью. Давно ли pincomproor восхвалял Высшие Силы, спасшие его от смерти, а теперь он будет оправдывать всякое кощунство против тех же Сил! Происходящее является просто кучею каких-то мерзостей, клевет и лжесвидетельств.

Получили ли Вы посланное нами Вам письмо Кеттунен? Вот во что превращается скудное сознание. Истинно: невежество есть ад. А в то же время уже пишутся фрески о Микуле Селяниновиче. Сокровище народного эпоса опять приобретает свое значение. Как замечательно наблюдать борозды судьбы! Недаром так обеспокоены силы ада. Пробуждение стремления к истинному знанию и культуре духа есть главное поражение тьмы. Мы написали Казинсу об удачном свидании Франсис с Селенами. Казинс известил нас, что моя картина так оценена махараджей, что он поставил ее среди своих любимых предметов искусства. В следующей почте передам Франсис просьбу редактора "Twenty Century" поставить его в связи с газетами Америки. Ввиду того, что он очень хороший журналист, может быть, херстовские газеты таким контактом заинтересуются? Как здоровье Косгрева, этого достойного друга и первоположника выступлений против тьмы? Просим передать ему наш самый сердечный привет. Вероятно, уже вернулся Ф.Сток — его голос у referee будет так необходим. Сегодня из-за размытых дорог не мог заезжать к нам наш Ман, везший журнал с рецензией о книге Сутро. Значит, лишь на будущей неделе сумеем послать этот журнал. Как-то откроется Школа? Но будем надеяться, что, хотя бы в поврежденном виде, она без опоздания начнется, ибо такая деятельность тоже является поражением сил тьмы. Надеемся, что и адвокаты окончательно оформили свою защиту правды. Ведь у них в руках столько документов высокого морального значения, которые нужны будут для referee. В связи с происходящим в мире так повелительно необходимо утверждать моральные основы. Только этим путем придет и все остальное. Ждем ответа на наш запрос о положении Лиги Культуры. Также, инкорпорировано ли новое Общество? Такой ответ общественного мнения тоже будет ударом для преступников. И ударом особо чувствительным. Ведь главная их задача — уничтожить авторитет, после чего остальное легко рассыпается. Все мысли с Вами.

Сердцем и духом,

Е. и Н. Р.

Для Зины и Мориса

26.VIII.36

Родные наши З[ина], Амр[ида] и М[орис],

Хотя и с опозданием, вследствие порчи пути, сейчас все же дошли письма от Зин[ы] по 7-ое авг[уста] и от Мор[иса], Кл[айд] и Дорис по 6-ое авг[уста], от Франс[ис] письмо от 8-го пришло неделей раньше. Очень

тронуты соображениями Франс[ис] о Буффало и Зин[ы] относительно Зейдель в связи с картинами. Примем во внимание необходимые при этом деле обстоятельства. Не забудем, что из-за действий Леви нам приходится сейчас особенно высоко держать знамя Музея. Вы знаете о цифре, в которую ценился Музей. Значит, если бы сейчас почему-либо произошло крупное падение расценок, то помимо всяких художественных и материальных соображений, это прежде всего создало бы большие осложнения и для всего дела. Ведь это не осталось бы тайной, и Вы можете себе представить, что на этом стал бы разыгрывать злоумышленник. Ведь между юристами многое становится обоюдно известным, Вы об этом прекрасно знаете, и таким путем всякие слухи могут достигать совершенно нежелательные уши. И без того для удобства посылки будут избегать город, и будут приниматься в соображение и размеры, ибо для посылок, как Вы знаете, существуют определенные правила, предусматривающие и размеры, и вес. Но, конечно, как Вы знаете, ценность картины не в весе и не в ее размере. Каждый коллекционер знает, как часто он платил за малую вещь во много раз больше, нежели за большую того же мастера. Припоминаю курьезный эпизод из Японии. На местной выставке я имел неосторожность похвалить картину одного известного художника, величиною, думаю, не менее 150 кв. футов, изображавшую туман в горах. Представьте себе однотонное безбрежное море тумана, чуть тронутого по холсту, из которого наверху холста поднималась небольшая снежная вершина. На другой день я был ошарашен сообщением, что художник, тронутый похвалой, подарил мне этого "слона". Мы конфузливо принуждены были замолчать этот дар, ибо с таким грузом мы двигаться не могли и заплатили бы за пересылку его большую сумму. Ценность каждого художественного произведения не в размере, но в его сущности. Если в Буффало имеется в виду определенная галерея, то относительно Лос-Андж[елеса] следует сообщить Зейдель, что сам способ выставления или ознакомления с картинами должен быть очень достойным. Ведь невозможно приносить картины на дом в неизвестную обстановку и там оставлять их на неизвестных людей. Нельзя показывать без рам. Публика менее всего ценит вещи, которые будто бы так легко циркулируют. Потому-то реноме самой галереи, где картины показываются, так важно. Уронив достоинство и ценность, невозможно будет их восстановить; к этому помню слова Акселя Галлен-[Каллела]. Конечно, Вы все эти соображения знаете, но Зейдель, оказавшаяся в этом деле новичком, может себе не представлять всех таких основных, крайне важных условий. Конечно, вспоминая Зейдель, я чувствую, что она найдет достойный вкус и такт, чтобы охранить поручение. Кто знает, может быть, и для Бостонской выставки некоторые небольшие картины пригодились бы. У Вас имеются две вещи, имеющие внутреннее отношение к экспедиции, может быть, успеют подойти и еще несколько. Не будем чересчур обременять почту. И то уже риск довольно велик. Помимо прочего у нас вследствие дождей путь затруднен временно. Какая разница в сроках корреспонденции! В то время как с Гинденбургом одно письмо дошло в девять дней, а пароходная почта берет пять недель, не говоря уже о долгих сроках почтовых посылок или грузов.

Понимаем все трудности Зины к открытию Школы — ведь столько разрушено и исковеркано. Полагаю, что было бы полезно немедленно же создать, кроме деканов, маленький Совет преподавателей. Наверное, кроме доброжелательных — Мордкина и Врионидеса, найдутся еще двое или трое, чтобы из них образовать нуклей и тем ближе иметь их суждение и советы. Таким образом, будет еще одна инстанция, с которой Зина будет в состоянии обсуждать создающиеся положения. Помнится, один из племянников Пальмера показался Юрию и Свету довольно симпатичным. Между прочим, вспоминаю, как хорошо покойные сестры относились к Зине, неужели их симпатии потом почему-то замерли? Чтобы не забыть, напомним Зейдель о некоторых бывших недавних ценах. Хисс — 6500 долл[аров], Мэри Гардин — 3800, Пальмеры — 5000, Крейн (по знакомству) — 3000; размеры этих картин Вам известны. Также не забудем и картины у Сутро. Снабдите этими сведениями и Зейдель, ей они могут очень пригодиться, как фактические данные. Также помните, что Сторк, по случаю, купил у Кошиц мою картину за 1800 долл[аров]. Мое “Святое озеро” в Ливерпуле дало хорошую цену, свыше 500 анг[лийских] фунтов. В Швеции за маленькую картину платили 6000 крон. Все это полезно для записной книжки Зейдель. Передайте ей наш сердечный привет.

Очень благодарим Инге за журнал заседания от 9-го июня. Вероятно, пришлете нам и журналы заседаний предыдущих собраний? Для истории дел такие документы чрезвычайно важны.

Здесь нам трудно установить, было ли собрание 9-го июня первым Комитетом Защиты или Комитетом Друзей Музея? На месте Вам виднее, как разделяются эти два Комитета. Впрочем, когда будет зарегистрировано наше Общество, то может быть один Комитет Защиты, а все другие могут действовать уже от имени Общества, будучи его членами.

Читали мы в газетах о завещании Пальмера, и еще раз становилось нам ясным, что атаки Леви на Учреждения могут отталкивать всех друзей. Пусть и адвокаты поймут, что делает клевета и вандализм. Действительно, можно представить отход многих друзей, если будут читать в газетах всевозможные клеветнические мерзости. А ведь такие друзья, как Пальмер, как Вы теперь видите, имели достаточно средств, чтобы посмертно откликнуться на нашу Школу и научно-художественные Учреждения, которым они уже начинали помогать. Вот плоды **клеветы**! Теперь, если бы кто-то сказал, что в газетах допустили всякие клеветнические выпады и общественное мнение вовсе не должно вставать на защиту правды, то такому человеку следует напомнить, что и в каждой культурно-цивилизованной стране общественное мнение особенно сильно выражается. Какой же вред причинили прекрасное письмо Ф.Стокса и Косгрева и упоминание газетами имени Плаута в связи с январской клеветой — наоборот, все эти голоса были заслушаны далеко за пределами Америки и вызвали удовлетворение в людях, преданных Культуре. На все дело о клевете мы не смотрим как на дело личное и частное — оно тоже составляет Крестовый поход за Культуру и прокладывает этап прогресса страны. Не лично болеем о клевете; только что в журнале “Вера и Жизнь”, полученном из Риги, читаем следующий пассаж: “В древности за колесницей победителя-триумфатора бежал клеветник, который громко кричал, обвиняя во всех самых ужасных преступлениях

украшенного лавровым венком триумфатора. Но этим клеветник не только не вредил последнему, а еще усиливал овации и рукоплескания в среде чествовавшего победителя народа". К такой манифестации пришла классическая мудрость. Знаем мы с Вами, что "клевета — как факелы дикарей в ночных переходах". Видите, как классическая мудрость заботилась об общественном мнении и пользовалась всеми средствами для того, чтобы ее вызвать. Если кто думает, что в истории Культуры достаточны неопубликованные определения суда — кто о них помнит!

Кроме того, очевидно, не без причин во всей истории человечества высказывалась забота о мужах праведных. Ведь и Плаут уже имел случай убедиться в странно формальном отношении суда, когда его ходатайство было отклонено. Ведь без общественного мнения не может быть и суда! Недаром многоопытный адвокат Дэрроу так еще недавно скорбел о всяких несправедливостях и причину этого видел в отсутствии общественного мнения. Вы уже знаете, как блестяще окончилось дело Юсуповых за клевету и дело бельгийского министра за клеветническое название его. Очень важно, что дело Юсуповых протекло в Америке и велось американским адвокатом-женщиной. Очевидно, этот адвокат очень понял элементы всего дела. Так же точно, если бы у кого-то еще осталось недоумение о причинах неприяда, то скажите ему совершенно ясно о всех семи причинах. Казалось бы, каждый вдумчивый человек поймет, что болезнь Е.И., сложившаяся на служении культурным делам, уже одна является решающим основанием. Если же к этому прибавить все последствия клеветнических выпадов и все отвратительные угрозы, всякие последствия докладов Лабуле и финансовые трудности, то ведь это получается целое нагромождение обстоятельств, из которых ни одно еще не было разрешено удовлетворительно. Покинуть же сердце Е.И. в смертельной опасности и одним опрометчивым решением все ниспровергнуть — ведь это недопустимо ни с какой человеческой точки зрения. Ведь те же люди, которые невдумчиво настаивают, после непоправимо случившегося хватают себя за голову в ужасе, что такое непоправимое несчастье произошло. Но Вы-то, родные, знаете, насколько невозможно идти против Указаний.

В Париже все время продолжают хлопоты по урегулированию последствий клеветы в передаче Лабуле. Без документов уже двигаться нельзя. Вообще, ни в чем не теряется ни дня, ни часа. Укрепляются и завязываются новые отношения. Постоянно получают доброжелательные доказательства из мест совсем неожиданных. Только что получили из Варшавы на польском языке целую брошюру о Пакте и даже не знаем, какие такие неведомые друзья ее напечатали. Но брошюра лежит перед нами и так же, как деятельность в Латвии и журнал литовский, напоминает, сколько неведомых друзей бодро работают во славу Культуры, понимая, что сейчас самое важное время для посева этих зерен, для своевременного урожая. Не дальше как вчера наш новый корреспондент из Гонконга прислал интереснейшие газеты. И вот при этом размахе происходящего как сугубо отвратительны преступления трио. Замечательны предложения в Лондоне и Варшаве руководить Домами Культуры. <...> Пусть все моральные основы дела будут особенно всемерно закрепляемы, полное Ваше единение будет залогом скорой победы.

Сердцем и духом с Вами,

Е., Н. Р.

27.IX.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и М[орис],

Получили Вашу телеграмму о первом дне краткого слушания и с вопросом: нужно ли растягивать дело? Совет получил: “Мудрое протяжение советуется, Милл[ер] поймет”. Так Вам и телеграфировали сегодня. Значит, не просто механическое откладывание, но именно полезно протяжение дела, чтобы дать возможность подойти новым обстоятельствам. Кроме того, и злая изобретательность трио когда-то начнет иссякать. Тот, кто не обессилит, тот и возьмет окончательный верх. Теперь ясно, что и Школа, и Press, усиленные советами, о которых уже говорилось, начнут сезон. А вторгаться посреди сезона уже гораздо труднее, ибо каждый учащийся в таком случае может предъявлять крупный иск. Жаль, что когда узурпаторы пришли закрывать Школу, то никто из учащихся, которым запретили взять их же вещи, не написал протеста и не угрожал судом. Статья о кощунстве, насколько нам известно, всюду произвела сильное впечатление. Еще раз стало ясно, с кем мы имеем дело, на что предатели способны и что именно лежит в основе из мерзких действий. Вот именно это лежащее в основе их мерзкого действия является непростительным и всегда, и в особенности в переживаемое сейчас время. Для людей, скользящих по поверхности, происшедшее кощунство мало что говорит, но Вы-то знаете все причины и последствия таких мрачных деяний. Из телеграммы Вашей заключаем, что первый день слушания, вероятно, прошел довольно бесцветно, иначе Вы отметили бы это в телеграмме; но все же, вероятно, опытные адвокаты по некоторым признакам могли вынести впечатление о настроении ref[eree].

Если ref[eree] вообще против Глина, то странно предположить, чтобы глиин[ские] приспешники могли бы влиять. Казалось бы, именно наоборот, все дело представляет прекраснейший способ оценки и деятельности самого Глина. Из Риги получена прекрасная статья известнейшего писателя Петра Пидского “Последователи Рериха и Риге”. Наши рижане тем более рады этой статье, что газета “Сегодня” до сих пор была полувраждебной. В основу статьи положена книга “Врата в Будущее”. Теперь уже заканчиваю и следующий том — “Нерушимое”. Уже приступлено к печатанию “Аума”, и всячески торопят Е.И. с присылкой манускрипта перевода “Тайной Доктрины”*. Сейчас Е.И. целыми днями за спешной последней корректурой манускрипта перевода.

Сейчас получены письма от Зиной и Фр[ансис] от 10-го и 11-го сент[ября]. В обоих письмах так мно-го значительного. Открытие какой-то театральной школы, конечно, направлено на разрушение. Оба leaflet’a сделаны чрезвычайно безвкусно и свидетельствуют о какой-то третьей разрядности. Очень характерно то, что Вы слышали о Бринтоне в связи с

домом. Неужели и тут Спарофучилли? Следует обратить большое внимание на то, что услышала Франсис. Хорошо делаете, что ознакомите с этим адвокатов. При этом имейте в виду следующие обстоятельства. Как Вы знаете, я пишу всегда в форме Дневника. Листы Дневника даже издаются отдельными книгами, доказательством чего служат книги “Врата в Будущее” и “Нерушимое”. Таким образом, мои Дневники являются моим литературным материалом. Если Дневники вращаются в пределах Совета Trustees, то я против этого ничего не имел. Но каждая выдача их за пределы Совета Trustees могла быть сделана лишь с моего специального согласия. Поэтому, если Вы узнаете, так или иначе, что мои писания или Дневники, которые я Вам посылал вместо писем, злоупотребляются для каких-то внешних умышлений, то адвокаты прежде всего могут и должны защищать их как мою собственность.

Кроме того, твердо помните, что все Дневники, посылавшиеся Вам, писаны на машинке не мною самим. Все они диктованы. Вероятно, и Вы убеждены в том, что в писаниях было немало описок, ибо человек, которому я диктовал, к сожалению, не был опытным секретарем. Также перевод делался, как Вы сами знаете, без моего ведома, и за точность его, конечно, я не отвечаю. Также Вы должны помнить, как я уже неоднократно заявлял Вам, что я удостоверяю лишь то, что подписано моим **полным именем и собственноручно**. То самое нужно сказать и о подписях Е.И. Все эти обстоятельства все наши адвокаты должны очень твердо запомнить, ибо вполне возможно, что злоумышленники делают всевозможные гнусные подтасовки. Например — всюду, где имеются в виду сельскохозяйственные кооперативы, злоумышленники могут сказать, что это было нечто политическое. Но Вы-то все знаете, что наши Культурные Общ[ества] и организации решительно ничего политического в себе не содержат. И в странах, где каждый политический намек был бы недопустимым, именно наши Общ[ества] не вызывают никаких противодействий со стороны местных правительств. Вы отлично знаете, что в наших программах всячески подчеркнута исключительно культурная деятельность. Та же исключительно культурная деятельность так ясно подчеркнута и в бумаге из “Гаймушо”, которую Вы прекрасно знаете. Таким образом, если бы Вы обнаружили злоупотребление моими Дневниками, которые вместо писем Вам посылались, то адвокаты должны немедленно пресекать такое новое злоупотребление. Если же производили какие-то выписки о харбинских мракобесах, то теперь Вы имеете сведения о шаляпинской истории и о гнусных выпадах тех же мракобесов против митрополита Сергия.

В последних письмах наших корреспондентов подчеркивается, что этот троичный выпад мракобесов весьма характерен по своему выбору известных лиц. Лживость Вас. Иванова (брошюру Клизовского* Вы уже имеете) и преступность Петереца, участвовавшего в той же мракобесовской атаке, Вам достаточно известны. Петерец уже успел побывать во франц[узской] тюрьме в Шанхае. Все это Вы знаете. Пусть будут все адвокаты на страже. Юрий послал для передачи Плауту отчет и чек через Зину. Просим его переслать это в департамент без всякой задержки. Корреспонденту Франсис из Аргентины пошлем отсюда привет. Обратите внимание, что последняя книга Жив[ой] Э[тики] помечена 26-м годом. Это и есть настоящая версия и год.

Мало ли какие могли получаться последующие издания. Вы прекрасно знаете, что книги эти не наши и не Ваши. Рижский издательский кооператив знает издание 1926-го года. Что касается договора о картинах с другом Кл[айд], то в нем нужно отразить некоторые обстоятельства.

1. Нужно сказать, что цена — по стоимости нынешнего доллара.

2. Не все картины сразу могут быть выданы по получении лишь четвертой части общей цены. Выдача может быть лишь пропорциональна.

3. Картины могут быть выдаваемы из места по обоюдному соглашению.

Конечно, все это пишется не по недоверию, но жизнь человеческая в руках Божьих, и мало ли в какие руки могут попасть такие соглашения. Как мы уже передавали Вам Совет — следующая книга для издания будет “Аум” в новом Agni Press. Поэтому перевод книги стоит на первой очереди. Потому мы были так счастливы узнать, что м-р Гартнер знает так прекрасно русский язык и уже перевел часть этой книги. Потому Е.И. его просмотрит и пошлет Франсис на окончательное утверждение. Надеемся, что и Общ[ество], и новый Press уже инкорпорированы.

Вы правы, предполагая, что всевозможные злоумышления будут проявлены. Но пусть адвокаты следят, из какого именно злоупотребления может получиться явная польза. Все, что делается злоумышленниками настолько грубо и безвкусно, что и в этом случае они наверное проявят такое же безобразие, как при закрытии Школы и кошунстве с часовней. Надеемся, что Мор[ис] написал Кауну о всех безобразных фактах.

Шлем Вам самые бодрые мысли ко дню битвы. Сердцем и духом с Вами,

Н.Р.

23.XII.36

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Пришло письмо от Зины от 3-го декабря, дополняющее описание неприемлемых условий соглашений, а также письмо Мор[иса]. Кроме того, получили и невероятный документ от газеты “Sun”, присланный Зиной. Мы телеграфировали Вам, что были крайне amused, читая его, и посылаем Вам меморандум наших ответов. Читая это неслыханное нагромождение подтасовок и цитат из лживых харбинских газет, право, не знаешь, смеяться или плакать. За целый почти год адвокаты с голландскими фамилиями высидели документ весьма слабый. Конечно, на каждый его пункт можно отвечать и можно лишь поражаться, что газета “Sun”, считающая себя большим изданием, может цитировать харбинскую белиберду из человеконенавистнических фашистских газеток. В свое время мы Вам послали выписку из фельетона шалаяпинского, в котором достаточно характеризованы харбинские нравы. Вы ведь помните, что и с меня фашистская газета требовала 500 долларов и по причине отказа проявила себя. Газета “Sun”, если любит цитировать ложь и ерунду, должна бы

цитировать из тех же газеток и другие абсурды: например, что я будто бы выдаю себя за воплощение Сергея Радонежского, что мы питаемся человеческим мясом, что я антихрист, что я глава мирового Фининтерна, что на нас напали в Пекине хунхузы и тому подобную ложь, которой они преследовали не только нас, но и всех порядочных выдающихся деятелей, например, проф[ессора] Гинса, Гондатти, Шалапина, митрополита Сергея и других. Странно, что адвокаты газеты “Sun” не сообразили, что имеющаяся у Вас бумага от “Гаймушо”, а также письмо в газету монгольского князя Деванга совершенно аннулируют все их лживые нагромождения. Из этих двух свидетельств видно, что Япония нас вовсе не преследовала и считает харбинскую выходку как sheer ignorance русских эмигрантов, а князь Деванг свидетельствует о наших с ним прекраснейших отношениях. Кроме того, неужели Глин и многие другие, а также Агрик[ультурный] Деп[артамент] не опасаются, что, отвечая на все эти ложные вымыслы, мы вынуждены будем предъявить как переписку о ботаниках, так и прочие письма и телеграммы, относящиеся к этому делу. Вряд ли Глину улыбается такой оборот, не потому ли трио в своих наглых условиях требовало прекращения дела о клевете. Вообще можно сразу понять, откуда был доставлен газете “Sun” весь материал. Совершенно нелепо указание на “мою” книгу в Урге*. Книга не моя, и никаких анонимных или псевдонимных книг у меня нет. К тому же у Вас имеется издание 1926-го года. Неужели же на основании приведенного вздора, взращенного в преступных умах, можно называть spy’ем и говорить о шпионаже? Кроме того, каждому бросается в глаза, что приведенный материал настолько противоречив, что никто не может даже понять, о чем же, собственно, идет речь.

Юрий называется “tsarist officer”, а между тем при отречении императора Юрию было четырнадцать с половиною лет. Согласитесь сами, четырнадцатилетних офицеров не бывает. Весь этот ерундовский документ может доставить для нашего адвоката повод не только разбить противника, но и насмеяться над ним. Как тщательно скрыто, что не нас увольняли, а мы отказывались ехать в Кукунор вследствие тяжкого там политического положения и за поздним сезоном. А где же четыре с половиною тысячи долларов, данные самим секретарем на кооператив? А где же ярое желание Хорша обогатиться на концессиях, которыми он вообще не умел воспользоваться? Да и что говорить? Вы трое знаете все. Конечно, в наших ответах мы лишь отвечаем в пределах произнесенного вздора, не ввязываясь в дальние суждения. Ведь прежде всего нужно ответить. У Вас также находится и вся переписка о ботаниках, а также отчет экспедиции, написанный Юрием, в котором содержатся некоторые полезные данные. Сколько раз в пресловутом “солнечном” документе* повторено о том, что мы были арестованы. Но во всю нашу жизнь никто из нас никогда арестован не был, ибо под арестом понимается физическое заключение. Когда мы все читали “солнечный” документ, невольно вырывались восклицания — для какого же затмения умов потребовался этот биографический скетч, вкрапленный грубейшим враньем. Например, сказано, что мы были высланы из Кашгара, но ведь именно там мы были вполне хорошо приняты. Сказано, что мы были высланы из Манчукуо, но ведь это наглая ложь, ибо, мы там задержались почти на месяц дольше, нежели предполагали. На таком

сплошном вранье строится целый “документ”, представляемый в суд. Неужели правосудие не распознает, где именно ложь. Во всяком случае, и Вы, и мы одинаково понимаем причину, почему трио хочет пресечь это дело. Еще раз лучшие пожелания к Новому году — о единении и победе.

Сердцем и духом с Вами,

P.

Для Зины и Мориса

9.1.37

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

За эту неделю Ваших писем не было, но косвенно дошли две добрых весточки из Америки: Джин Фосдик прислал очень сердечное письмо с приложением 16-ти своих статей из двух газет. Кроме того, Биософский институт коллективно сообщил, что ими в течение девяти дней собрано было 41000 подписей под петицией, которую Кетнер представил на конференцию в Буэнос-Айрес. При этом молодые биософы сожалеют, что в этот краткий срок, 9 дней, они успели собрать лишь 41000 подписей, иначе они имели в виду собрать гораздо больше. Оба эти сведения — и от биософов, и от Джина Фосдика косвенно имеют и для нашего дела огромное показательное значение. Ясно, что статьи на нравственные темы проникают в прессу беспрепятственно. Таким образом, и мы все можем так же точно напитывать добрыми темами и газеты, и журналы. Ведь не важно, чтобы статьи помещались только в “Times”, — и без этой антипатичной газеты в Америке великое множество всевозможных газет и журналов, а провинция иногда бывает гораздо более отзывчива, нежели очерствелые приморские города. Сообщение биософов лишь доказывает, что при существовании общественного ядра, иначе говоря, нашего Общества, можно так же точно получать огромные количества сочувствий по культурным вопросам. Трио всегда ненавидело биософов и старалось их как можно скорее выбросить как свидетелей всяких махинаций злоумышленников. Теперь же оказывается, что биософы и Кеттнер, которых нам представляли как абсолютно ничтожных и вредных людей, сразу после изгнания сумели не только обзавестись двумя домами, издавать два журнала, устраивать многочисленные лекционные выступления, писать в многих журналах, как американских, так и заграничных (чему мы здесь свидетели), а также организовывать такие внушительные общественные выступления, как специальная посылка своего представителя с многотысячной петицией в Буэнос-Айрес. Начали они, как Вы знаете, абсолютно без всяких средств, все они люди неимущие и тяжело трудящиеся, которые по грошам собирают возможности указанных своих выступлений. Также не забудем, что в коллективном письме они не забывают высказать свою признательность нам за первоначальную помощь и сочувствие. Вот такие показания в теперешние трудные дни должны весьма окрылять всех

нас и всех наших друзей. Ведь биософы начали гораздо позднее нас. У них не могло быть общественных накоплений, которые, судя по всем нашим отчетам, неотъемлемо за нами числятся. У них не было и широкой базы, и заграничных связей, и всех тех организаций, которые у нас уже имелись. Биософский институт, по-видимому, инкорпорировался без всех помех, так же, как и два журнала, теперь существующие у них. Значит, нет поводов к тому, чтобы и наше Общество было бы чем-то задерживаемо. Ведь наши программы, культурные и воспитательные, гораздо яснее и определеннее, нежели само слово “биософия”, даже еще не внесенное в словари. Сейчас биософы говорят об организации мира, но ведь наше Знамя Мира началось гораздо, гораздо ранее и потому, конечно, имеет приоритет. Не подумайте, что мы хотим так или иначе упрекнуть биософов за их мирные задачи, Боже сохрани, чем больше таких устремлений, тем лучше для человечества. Нам только хочется ободрительно для Вас всех указать на явные примеры растущих возможностей на наших глазах и с самыми ограниченными средствами. Может быть, наше Общество уже основалось и уже начинает действовать — дай Бог.

По-видимому, инкорпорация Арсуны также произошла чрезвычайно быстро без всяких помех. Даже Филадельфийский Центр еще летом проводил свою инкорпорацию. Было бы непонятно, если бы наше Общество, при всей опытности его участников, все еще находилось бы в зачаточном состоянии. И здесь, в Индии, очень быстро создан новый центр — Roerich Students International, а ведь там, кроме президента профессора местного университета, все молодежь от 16-ти до 20-ти лет. Тоже хороший пример, что при стесненных обстоятельствах возможно организованное сотрудничество. Знаем, что в настоящие тяжкие дни эти сведения Вас всех весьма порадуют и ободрят, еще раз показывая, что никакие злоумышленники не могут сломить культурные основы. Вместе с упомянутыми письмами пришло и очень бодрое письмо от Сутро, в котором она высказывает очень победные надежды. Действительно, преступное трио зашло уже в такие нагромождения лжи и мерзости, что произносимое им уже становится никого не убеждающим. Последнее письмо от Кауна уже звучит совершенно иначе, и он восклицает: “Горе, горе. Время летит, а я все занят будничными делами, а о духе подумать нет возможности”. Тон письма совсем другой, чем он был раньше.

11.1.37

Получили Ваши письма от Зин[ы] — 20-го, от Мор[иса] — 26-го и Фр[ансис] — от 25-го.

Наверное, Вы сохраняете копии всех таких писем, и это составляет части хроники всей неслыханной эпопеи. Спасибо милому Андару за прекрасную статью о “Нерушимом”. Радовались отличным мыслям Фр[ансис] об устройстве групповых собраний, которые могут привлекать новых и отчасти являются выражением общественного мнения. Для таких собраний

не нужно каких-то больших помещений, именно они могут быть не только в библиотеке, но и в помещении любого класса Школы. Школьные помещения даже дают интимность таким собраниям. Надеемся, что и Общество наше наконец учредится. Очень рады, что посланный [мною] знак Арсуны понравился Морису. Относительно корреспонденции с Хорнером мы посоветовали бы на будущее время поступать так: давать требуемые сведения Хоршу, а в то же время, для верности, копию этих сведений препровождать Хорнеру. Таким образом, сведения, касающиеся Школы, будут охранены от искажений. Благодарим Фр[ансис] за передел условий соглашения.

Конечно, преступная ярость трио вряд ли готова к человекообразным обсуждениям. Но, во всяком случае, пусть все протекает так, чтобы всем стала еще раз явною истинная сущность трио. Спрашивается, почему Белокурая имеет право на квартиру и на бесплатную пищу в ресторане, а Вы даже для начала обсуждения должны сами предложить свой выезд из Дома. Это звучит как-то необычайно уродливо, особенно же когда оно предусмотрено самими лицами, имеющими на своей стороне все права. Впрочем, вероятно, и все прочие пункты подвергнутся таким колебаниям, что лишь останется занести и эту процедуру на листы исторической хроники. Самозванные trustees поедают семнадцать обедов, а истинные основатели дела должны выехать из Дома — куда же дальше идти! Вообще наша планета вошла в круг самочинных захватов.

Очень характерно сообщаемое Вами восклицание Черной о невозможности каких-бы то ни было соглашений. Ведь они мечтали, подражая разным вандалам, продать Музей с торгов и провести полный разгром всей культурной стороны дела. Хорошо, что эти их мрачные поползновения и махинации выходят наружу и, таким образом, позволяют Вам заблаговременно принимать меры.

Странно, если личные письма Леви, в которых он определеннейшим образом говорит о том, что я ему ничего не должен, все же будто бы недостаточны. Хорошо, что эти достоверные доказательства все-таки вошли в рекорды referee. Пусть Зина переговорит с Давидом Моблеем. По нынешним временам может случиться, что трио успеет завладеть и этим лицом, если вовремя дружески Зина не обережет его. Также просим Зину сообщить Шаховской и Колокольниковой, что оповещенные их письма до нас так и не дошли. Кто знает, может быть, они написали неверно адрес или же письма, если они были воздушные, могли попасть в одну из аэропланых катастроф. Также просим выяснить, дошли ли посланные мною книги Фокину, Греб[енщикову], Мос[кову] и Завадск[ому]. По нынешним временам иногда заподозреваешь и почту, ибо вряд ли можно допустить, чтобы все они не отозвались на задушевные надписи. Также, удалось ли наконец повидать Баттля, ведь не может он быть целый год в разъездах? Удалось ли повидать Вагнера, Копланда, Меррик и тому подобных полезных лиц?

Итак, пока Вы оставили в покое Миллера. Это совершенно правильно, не будем также забывать, что прошлым летом именно он дал успешный поворот делу, когда другие считали вопрос о квартире С[офьи] М[ихайловны] безнадежным. Всегда будем помнить все успешно достигнутое, но если сейчас с ним что-то случилось, то временно оставим его в покое. Может

быть, со временем выяснится, откуда произошел ветер. Все эти психологические причины и следствия необыкновенно показательны и поучительны.

Теперь, когда у Вас еще раз укрепилось несломимое единение, можно надеяться на неожиданные удачные обороты дела. Для большинства земных обитателей смысл единения остается каким-то таинственным, чуть ли не сверхъестественным. Обычно совершенно забывается, какая мощь и какой добротворный магнит заключены в единении. Иногда для проведения его в жизнь [нужны] и терпение, и большая опытность, но и то, и другое за эти годы Вами всеми вполне накоплено.

Все еще не получили мы чека на тысячу долларов из банка для пересылки. Очень надеялись, что, по крайней мере, хотя вчера он дойдет, но, очевидно, вся банковская корреспонденция необычайно медлительна, итак, пошлем его сейчас же, как только получим. Здоровье Е.И. все еще не может наладиться — это так прискорбно! Посылаем Вам ревю за декабрь. Конечно, такие хорошие вести, как предполагаемый конгресс наших Обществ в Прибалтике, пока не оповещайте, ибо мрачные преступники поспешат напортить. Так же поступите и с некоторыми другими хорошими сведениями — ведь мрачные руки очень цепки, и коршуны не дремлют. Итак, будьте в единении, ибо оно есть неременное условие.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

8.IX.37

Родные Зин[а] и Амр[ида],

Спасибо за присылку одного экз[емпляра] “Культуры”. Пожалуйста, проверьте, в чем дело. В этом нашем экземпляре вместо шестой и седьмой страниц — белые листы. Трудно представить себе, чтобы такой дефект оказался бы именно только в этом одном экземпляре. Вероятно, чего Боже упаси, имеются и другие такие же дефектные экземпляры, которые могут попасть в разные руки. Вы можете себе представить, какое впечатление от этого получится! Ведь на первую такую книгу-брошюру будет обращено особое внимание, и могут произойти невероятные толкования. Трудно даже представить себе, каким образом мог получиться такой дефектный экземпляр. Не пишем об этом Фосдикам, чтобы не огорчать их, а Вы, пожалуйста, примите соответственные меры.

Получили от Вас две тетради дневника Рябина. Юрий просит сообщить, что дневники Кардаш[евского] и Рябина, а также и лекции Головина находились в его файле, который стоял у Зин[ы] в офисе. Вероятно, этот файл там и находится, и тогда дневники и нужные Юрию лекции Головина там же и найдутся. Если бы через Фосдика удалось разъяснить судье Вал. сущность дела! Ведь таким путем тот может определенно отнестись и к заключению Макса. А это имело бы огромное

значение. Вообще можно видеть, насколько каждое протяжение дела приносит новые возможности. Например, новый ход к судье Вал. обнаружился лишь за последнее время. Эта вновь открытая возможность еще раз доказывает, как необходимо встречаться и оповещать всех полезных людей. Срывание букв у входа в Музей лишь доказывает, что апостаты торопятся со своей дальнейшей серией злоупотреблений и вандализма. Вы понимаете, почему в общем письме известным порядком характеризуется Фламма как фосдиковский кооператив? Пожалуйста, поскорее изберите Фр[ансис] и Мор[иса]. Вообще время настолько напряженное, что следует избежать каких бы то ни было осложнений. Когда Андога повидает Рейнхарда? Ведь от Арсуны мы не имели никаких вестей, между тем Адриан должен был там побывать 15-го августа. В письме от 12-го августа Кл[айд] сообщила об общем успехе, и только.

Всего Вам светлого.

Сердцем и духом с Вами,

P.

22.IX.37

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Получили письма от Зин[ы] от 26-го авг[уста] по 3-е сент[ября] и от Фр[ансис] от 4-го сент[ября]. Кончается летнее затишье, и опять приблизился сезон, полный всяких боевых действий. Очень рады слышать из письма Фр[ансис], что она считает необходимым чаще посещать Стоу. Именно мы это и имели в виду, как по отношению к Стоу, так и по отношению ко всем прочим друзьям. Фр[ансис] правильно полагает, что неудобно посещать друзей лишь в минуту крайней необходимости. Наоборот, следует держать всех добрых людей в курсе дел, ведь каждый из них в свою очередь встречается с какими-то своими друзьями, и таким путем правда распространяется. Безразлично, будете ли Вы видеть друзей вместе, вдвоем или поодиночке, лишь бы только эти контакты происходили и вводили бы в орбиту действия новые силы и возможности. Будут ли эти посещаемые вроде Меррик с ее общественными связями, или вроде Косгрева, Меррита и Воона с их журнальными связями, или вроде Димс Тэлора, Джайлса с их художественными связями, — повсюду правда должна быть утверждаема.

Не будем сомневаться в том, что решение ref[eree] будет враждебно и будет противоречить справедливости. По всему ходу его суда было видно, что в силу каких-то таинственных обстоятельств решение его будет преднамеренным. Надо надеяться, что все наши юристы это обстоятельство учитывают и принимают заблаговременно надлежащие меры. Прежде всего опять-таки имеем в виду охранение injunction. Не допускаем, чтобы юристы позволили нарушить это чрезвычайно важное обстоятельство. Поздно будет, если юристы начнут думать об охране injunction'a, уже когда враждебное решение будет объявлено. На то они и юристы, чтобы предусмотреть все

заблаговременно. Каждый военачальник, даже вполне надеясь на конечный успех, должен предусматривать всякие неожиданности битвы.

Ввиду всяких таких неожиданностей, а в конце концов именно “ожиданностей” следует особенно сердечно отнестись к таким общественным начинаниям, как Арсуна и Фламма. Если бы наше общество могло своевременно состояться, то такие общественные инициативы не были бы настолько нужны, как сейчас, когда общество так и не состоялось. Конечно, общество могло состояться, хотя бы и не в Нью-Йорке, но в соседнем штате, имея в Нью-Йорке лишь отдел. Но если это не состоялось, то тем более нужно быть признательным и Фосдикам, и Клайд, которые исключительно своею частною инициативою теперь имеют в руках своих официальные корпорации. Будут ли эти корпорации велики или малы по размерам — неважно. Важно, что они являются официальными и корпорациями и как таковые могут возвышать свой голос в случае новых вандализмов и преступлений со стороны апостатов. Итак, отнеситесь со всею сердечностью к инициативе семьи Фосдиков. Ведь к такому добросердечному нуклеусу* могут присоединиться хорошие молодые души. Повторяю, что существование близких нам официальных корпораций весьма важно. Можете об этом обстоятельстве рассказать юристам, и они, наверное, весьма оценят такой новый общественный голос. А такие общественные голоса скоро потребуются с особенною настойчивостью.

Клайд пишет и подчеркивает, что она вполне уверена в соблюдении Адрианом его обязательства. Такая твердая уверенность, основанная на ее личных с Адрианом последних переговорах, весьма радует, ибо это было бы единственно естественным решением нашей финансовой необходимости. Теперь Мор[ис], вероятно, уже вернулся ко времени получения этого письма, и, таким образом, Вы имеете и от Мор[иса] ближайшие сведения. А ведь октябрь (срок взноса Адриана) уже через неделю. Радует, что бирбалова линия* так удачно продолжена концертами Мориса. Именно, пусть каждый из Вас в своей области всячески продолжает действенную линию, ибо в этом наилучший ответ апостатам. Не знаем, много ли посетителей привлекло летнее помещение Арсуны. Но если бы число их и не было значительным, то, во всяком случае, очаг Арсуны уже был зажжен и новая корпорация вошла в жизнь. И в этом случае будем приветствовать такую самодеятельность. Если бы не только Фламма и Арсуна, но и сотня других подобных очагов возгорелись, мы все должны сердечно радоваться.

Когда в Риге образовывался пекарный кооператив, мы радовались. Затем этот кооператив переустроился в издательский и сделался, как уже теперь можно убедиться, весьма значительным предприятием, основанным на полной самодеятельности. Все это весьма радостно, ибо культурные задания и должны распространяться в виде самодеятельных очагов. Сердечно радуемся сведениям о каждом Вашем выступлении. Будут ли это концерты Мориса, будет ли это участие Франсис в журнале Циммермана, будут ли это лекции Зины, будут ли это посещения полезных людей, устройство собраний, литературных завтраков, выставок и всевозможных прочих культурных выступлений, — все на пользу, все во славу Культуры. Вчера послали Вам записочку о радиопередаче из Дели 10-го окт. в 10 часов вечера — может быть, Вы получили ее вовремя, хотя не знаем, доходят ли

эти волны до Америки. А сегодня получили известие от Рудзит[ис]а, что и в Риге им предложили устроить радиопередачу 10-го октября. Удивительно, сколько незримых друзей обнаруживается, лишь бы только они познавали друг друга. Тем более храните единение.

Думается, что с возвращением Мориса Вы четверо могли бы устроить Комитет Музея и, если хотите, усилить его несколькими друзьями. Такой комитет не противоречит ни Комитету Защиты, и никаким прочим Учреждениям. Если Музей является учреждением общественным, то вокруг него, на пользу его, могут быть организуемы многие группы, ячейки, комитеты, ибо собственность нации вполне естественно должна вызывать общественный интерес, и сочувствие, и заботу. Во всяком случае каждое такое новое движение будет вносить с собою и новые возможности. Чем разнообразнее будут выступления и начинания, тем больше устоев получится для основного культурного дела.

В сегодняшнем письме своем Рудзит[ис] сообщает, что заведующий государственной типографией художник Л. будет художественным редактором монографии, и выказал свое особенно[е] сочувствие этому изданию.

Просим Фр[ансис] непременно дослать еще клише по списку, Вами уже полученному. Ведь такое издание, выходящее на 9-и языках со 150-ю репродукциями, будет превосходным продолжением бирбаловой линии. А приветствия, полученные сейчас из Индии, весьма трогательны своею сердечностью и искренними сильными утверждениями.

23.IX.37. Итак, сейчас перед нами находятся две очередных гнетущих заботы. Первая об охране injunction, и вторая — соблюдает ли Адриан свое октябрьское обязательство. Оба обстоятельства чрезвычайного значения, и то и другое может выбить из седла все наше воинство. Конечно, из писем Ваших мы понимали, что юристы наши уверяли Вас в полной возможности охранения injunction.

С другой стороны, Клайд письменно и подчеркнуто заверяла нас в том, что Адриан непременно соблюдает свое обязательство. Казалось бы, сомневаться и в том, и в другом обстоятельствах нельзя. Ведь юристы не будут же уверять в том, что вообще невозможно. И, с другой стороны, Клайд не будет после личных сношений с Адрианом письменно документально заверять о чем-то несбыточном. Ни юристы, ни Клайд не могут обманывать, ибо и те, и другие знают, насколько повелительно необходимы оба обстоятельства. Если бы была хоть какая-нибудь шаткость, хотя бы в одном из этих вопросов, то нельзя же и Вас, и нас довести до крайности. Итак, будем верить тому, что написано, но все же, ввиду близости сроков, и у Вас, и у нас не может не быть вполне понятной тревоги. Ради всего **Светлого**, следите всюду, где только возможно, чтобы не упустить и тем не попасть в непоправимое положение. Знаем, что Вы все и без того наполнены этим сознанием. Но сейчас повсюду накопилась такая лавина событий и обстоятельств, что напряжение велико, как никогда. Было бы ужасно, если какие-то непредусмотренные обстоятельства стали бы разрушать все то хорошее, что уже так близко. Будем на Священном Дозоре.

Да будет Вам светло.

Для Зины и Амриды

28.IX.37

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Пришли Ваши письма — от Зин[ы] от 6-го и от 9-го сент[ября], от Фр[ансис] от 14-го сент[ября], от Мор[иса] от 25-го авг[уста] и две телеграммы от 25-го и 26-го сент[ября]. Итак, свершилось то, что все уже три месяца как предугадывали. Ведь совершенно ясно, что решение произошло не на основах правосудия и юриспруденции, но под давлением и по проискам целой шайки глинообразных сущностей. Нельзя предположить, чтобы Плаут оставался в неведении до последней минуты, ибо он присутствовал при всех мерзких выпадах, происходивших во время слушания дела. Было совершенно ясно, что судья, имея в виде адвоката апостатов своего приемного сына, и с этой стороны уже был настроен против всякой справедливости.

Конечно, каждый мало-мальски порядочный человек, прочтя brief Плаута, поймет где правда. Но ведь в данном случае мы имели дело не с порядочными людьми, а с настоящей шайкой, с гангстерами, которые лишь думают о том, как ограбить и как оклеветать. Все время мы писали, выражая надежду, что юристы наши уже предусматривают возможность отрицательного решения и имеют полный план для **немедленных действий** и **охраны injunction**. Если на минуту предположить, что юристы не предусматривали всех необходимых мер, то это было бы чересчур фатально.

Вы уже имеете нашу ответную телеграмму от 28 сент[ября] с Советом об attorney Крейна. Вы помните, что превоначально сам Крейн (кажется, через Броди) предлагал своего адвоката. Но тогда, по-видимому, для того, чтобы не огорчить Плаута, это было отстранено. Теперь же, когда, судя по Вашей телеграмме, Плаут уже сам заговорил о необходимости adviser'a, то что же может быть лучше, нежели участие такой новой силы, как адвокат Крейна. Таким образом, именно подошла бы совершенно новая и большая сила, ибо, наверное, доверенный Крейна — не малый человек. Ведь нужно же, наконец, понять, что письмо Хорша 8 дек[абря] 1924-го года вполне покрывает все бывшее, о чем Вы все прекрасно знаете. Не буду еще напоминать о цифре в 200000, следуемых мне от учреждений, увеличенной потом цифрами в 20000 и в 15000, — обо всем этом много раз писалось и это все Вы наизусть знаете. Спрашивается, откуда же взялись еще особые средства на шестилетнюю экспедицию, если суммы, на которые ложно претендует Хорш, не входят в состав экспедиционных сумм? Для каждого

честного человека все это совершенно ясно. Но ведь мы имеем дело с шайкой бандитов, с гангстерами.

В письме Франсис прекрасно описано свидетельство книг, представленных Хоршем. Франсис правильно понимает, насколько все это недостаточно и преднамеренно. Мы очень рады, если, как заметила Франсис, новые адвокаты полны зоркости, находчивости и задора. Ведь только такими средствами можно бороться против гангстеров.

Не знаем, началось ли дело С[офьи] М[ихайловны], — ведь, казалось бы, по этому делу можно легче всего иметь новый injunction. Надеемся, что сейчас Плаут не чинит никаких предприятий для новых адвокатов, ибо должен же он наконец понять, что все эти дела представляют лишь **одно** дело. Чем больше может возникнуть таких боковых дел, тем полезнее, и тем больше криминальная сторона апостатов может быть выявлена.

Ведь теперь, как никогда, потребуется всевозможное выявление преступности апостатов. Надеемся, что и Народ[ный] не забыл сделанное ему приглашение. Очень рады, что Зина повидалась с Бурлюком. Мы не сомневались в том, что он весьма дружелюбен, а кроме того, он видит людей из совершенно другого сектора и может сказать им правду в своих выражениях. Пожалуйста, передайте ему прилагаемую открытку и скажите, что статья Голлербаха будет включена в монографию, издаваемую в Риге. Там же будет включена и статья самого Бурлюка по моему желанию, ибо я всегда был расположен и к нему самому, и к его искусству. Конечно, монография выйдет еще не так скоро. Теперь можно еще раз убеждаться, насколько необходимы были всякие продолжения Бирбаловой линии. Никогда не угадаете, откуда может произойти существенная польза.

29.IX.37. Право, дико делается, когда подумаешь обо всех лживых претензиях апостата. Он требует какие-то фантастические 113000. Затем правительство, инспирированное им, требует таксы с сумм выше 150000. Значит и эта сумма считается не экспедиционной. Спрашивается, а где все экспедиционные суммы? Значит, кроме этих цифр должны быть зарегистрированы в банках еще 250000 с лишним — но ведь таковых-то нет. Неужели же суд и правительство не обращают внимания на явные злостные манипуляции апостата? Странно подумать, чтобы в наш век, гордящийся если не культурой, то цивилизацией, было бы возможно подобное злоупотребление. Ясно ли это Генри?

Уход Дона, конечно, не есть потеря для дел, Зина правильно и отмечает, но поступок его чрезвычайно характерен именно после летнего времени. Можем представить себе, как семья Фосдиков возмущается этим поступком. Конечно, уже с мая-месяца никто не сомневался в решении ref[eree], и потому ясно, что поведение Дона не есть результат последних дней, а нечто задуманное уже давно. Не забудем, что — как Зина писала — он уже странновато держал себя и во время судебного разбирательства. Нет ли каких-либо новых сведений от Маленького Человека? Где остались длинные свитки? Если Франсис еще не удалось повидать Вейса, то сейчас это было бы особенно полезно. Поразительно, что причастие ref[eree] Франкенталера к ответственному епископскому посту несколько не облагородило его. Как это печально.

I.X.37. Сейчас дошло письмо Зины от 12-го сент[ября] с приложением привета к 10-му окт[ября]. Сердечно благодарю родную Зиночку за душевное приветствие. Чую, что писалось оно огнем сердца. Тем же огненным приветом хочется и нам ответить. Если бы только люди могли почувствовать, сколько прекрасных может быть во всей земной жизни восхождений и как свирепо-разрушительно сами люди ломают данные свыше возможности. Но и среди самых мрачных обстоятельств не может потухнуть свет сердца. Во имя неугасимого света мы шлем Вам, родные наши, все наши мысли.

У каждого свои трудности и горести. Только Единение, так повелительно Приказанное, может облегчать все трудные пути. Если говорим всегда о Единении и неустанно повторяем этот Заповеданный приказ, значит, каждое, хотя бы малое, попрание Единения уже может наносить опаснейшие удары. Чтобы и в самые трудные минуты написать письмо так, как написала его Зина, нужно много душевной бодрости. Сегодня, наверное, и Морис уже с Вами со всеми, и Ваше каре готово к несломимой битве. Поистине, сейчас никому нельзя менять положение его, ибо всякая перемена будет истолкована апостатами как уклонение, или поражение, или возможность к какой-то новой клевете со стороны преступников. Также совершенно необходимо иметь или собрание Комитета Защиты, или же, по возможности, широко оповестить всех друзей, Совет преподавателей, alumni, решительно всех, кто так или иначе может быть выражением голоса общественного мнения.

Все месяцы чувствовалось, что апостаты нечто готовят. Конечно, помимо решения ref[eree] апостатами задуманы и всевозможные другие вандализмы и преступно-бесчеловечные удары. Если когда-то требовался, что называется, сбор всех частей, то именно теперь он спешно необходим. Из нашей телеграммы Вы знаете Совет об adviser'е при Плауте. Конечно, Вы понимаете, что новая сила в виде адвоката Крейна могла бы во всех отношениях внести удачные продвижения. У Генри и без того три дела на руках: ведь, вероятно, дело С[офьи] М[ихайловны] сейчас особенно необходимо как повод к новой injunction. Итак, будьте вместе, как никогда. Пусть каждый зажжет защитные огни во всех своих секторах. Надеемся, Адриан не обманет — иначе что же делать. Еще раз спрашиваем Кл[айд] об этом же. Надеемся, что и сектор русских друзей — Москов, Бурлюк, Народный и другие, каждый в своем секторе, скажут слово о творимой возмутительной несправедливости. Шлем приветы и Стоу, и Флор[ентине]. Ведь у нее был какой-то интересный для дела знакомый. Помните, что Косгрев обладает очень ярким словом. Да и Меррит, несмотря на свою занятость, в решительный момент может многое сделать. Знаем, что Вы все сейчас на особом дозоре, и посылаем Вам такие душевные мысли, какие бы горы и океаны ни существовали между нами. Каждый за всех — все за одного. Соберем все единение, чтобы ни единая трещинка не проникла. Все вдохновимся.

Сердцем и духом с Вами,

P.

Родные наши Зин[а], Фр[ансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Пришли письма Зин[ы] от 13-го, 18-го и 19-го сент[ября] и от Мор[иса] еще из Санта-Фе от 19-го.

Масса сведений — особенно хорошо, что Генри и его друг действуют, по-видимому, энергично. Совершенно ясно, что апостаты могут быть потрясены лишь когда их атакуют, а главное, со стороны уголовной. Таким образом выявятся еще многие полезные обстоятельства, а кроме того, всем Вам удастся повидать еще новых полезных лиц. Если справедливость не живет в доме Франкенталера, то главный призыв должен быть к общественному мнению. Об этом говорилось уже много раз и так же упорно. Все мы будем знать, что великая страна прежде всего держится общественным мнением. Проверьте некоторых друзей в разных секторах. Поговорите с Уайтсайд, которая, в свою очередь, постоянно видит Дабо и прочих. Некоторые дальние друзья, если будут заброшены, то окажутся “сидящими на заборе”. Вы знаете это выражение, а долго усидеть на заборе нельзя, им придется соскочить или в ту, или в другую сторону.

Спасибо Зине за присланные оповещения о новом reseivership'е. Полагаем, что апостаты получили его с обратной распиской и таким образом этот акт зафиксирован. Такой шаг адвокатов практичен, ибо таким образом будет хотя бы временная гарантия от всяких приуготовленных вандализмов. Конечно, ни Вы, ни мы не сомневаемся, что такие вандализмы обильно приуготовлены и для них выжидалось лишь решение несправедливого ref[eree]. Можно себе представить ярость апостатов, когда против них получились еще три новых дела. Нужно надеяться, что у publisher'а хватит рассудка понять весь масштаб дел и он не впадет в какую-то глупую ревность, видя удачную подвижность Генри. Такая ревность, если не назвать хуже, была бы мрачно разрушительна. Это было бы все равно, если бы из Вас четверых кто-то стал бы восставать. Потому-то столько и говорится о Единении. Говорится это не потому, чтобы заподозривалось какое-либо разъединение среди Вас. После шестнадцати лет это было бы вообще немыслимо. Но всеобщее утверждение Единения есть как бы первое условие успешной обороны против всех сил темных.

Идея о литературном завтраке нам близка. Собрать художественный завтрак, вероятно, было бы невозможно, но после написания целого ряда книг, конечно, можно вполне рассчитывать и на литературное суждение. Во всяком случае, в каждом секторе существует свое преломление. Где есть упор на искусство, где на литературу, где на археологию, где на Знамя Мира. Каждый судит по-своему. Только что к нам дошло из Парижа сведение о том, что Русский Музей в Ленинграде посвятил моим картинам особый зал. Это сведение включает в себе глубокий смысл, и Вы, наверное, ему порадуетесь. Ведь это и есть то самое культурное продвижение, о котором мыслилось. Этот акт Музея совпал и с другим особым залом в Парижском

Музее. Вообще подобные самостоятельные проявления чрезвычайно показательны.

Предполагаемая выставка у Рейнхарда тоже будет настоящим боевым выступлением. Для нее нужно предусмотреть множество всяких условий, чтобы апостаты не нанесли существенного ущерба. Думается, что Фламма, как передаточная, существующая в Нью-Йорке, инстанция, может быть в этом случае очень полезна. Как я уже и писал, такая корпорация может проявиться при всяких попытках к вандализму со стороны апостатов. Там, где разрозненные частные лица, может быть, не успеют собраться, там уже готовая корпорация, имеющая свою цель продвижение культуры, может вполне возвысить свой голос. Мы только что получили от пандита Виаса из Аллахабада очень сердечное письмо, в котором он радуется своему избранию почетным членом Фламмы. Такими путями ткется благословенная ткань взаимопонимания и дружелюбия. Вероятно, и Рудзит[ис], и Лукин, и Монтвид[ене], и Серафинина и другие полезные лица могут быть почтены избранием Фламмы.

Из письма Виаса мы поняли, что рассылаются письма об избраниях. Имейте в виду, что мы таковых писем не получали — не пропали ли они в пути? Предлагаем также к избранию Рам Чандра Тандана, секретаря нашего Центра в Аллахабаде и редактора журнала “Hindustan Academy” (10 South Road, Allahabad, 6) хотя, может быть, Фл[орентина] ему уже и писала. Очень сердечное приветствие прислали милые Фосдики. Спасибо им — пишем им.

Также прекрасно откликнулись биософы, покрыв целый лист подписями. Они остаются друзьями, и в случае вандализмов они, как корпорация, тоже могли бы поднять голос. Статья Монтлака идет полностью в октябрьском “Educational Review”. Пошлем Вам оттиски. Мы опасались, что по длине она не пройдет, но нужно отдать справедливость здешним ежемесячникам, что известные темы ими печатаются весьма охотно. Теперь каждый день появляются сведения о новых хороших журнальных выступлениях.

Болеем душой за бедную Инге. Слышали, что медицинский надзор хорош и, надо думать, выздоровление идет быстро. Ждем сведения о подробностях этого несчастного случая. У нас в Монголии тоже чуть было не опрокинулся мотор на глубокой колее. Машина подскочила и стала задом наперед, причем шофер не мог даже понять, как мотор не опрокинулся вверх колесами.

Получили потрясающее известие из Арсуны о том, что Адриан опять отложил свой платеж до января. Неужели же у Адриана нет других деловых возможностей, чтобы выполнить свое обязательство? Кроме того, главный ужас в том, что платеж должен был состояться в начале октября, а мы вместо этого уже в октябре получили сведение об отложении платежа. Какие же экстренные меры могут быть принимаемы в такой не только короткий, но уже прошедший срок? Адриан пишет о своей уверенности, что в январе платеж состоится, но ни словом не печалится о том, что до января целая четверть года. Все это очень печально.

Очень рады успехам Мориса. Его чуткий талант, конечно, должен бы звучать в большей аудитории, нежели в Санта-Фе. Странно подумать, что Санта-Фе не имеет концертного рояля. Впрочем, когда мы были там, то местные художники очень жаловались на отсутствие покупательной

способности в тех краях и все они мечтали о посылке своих произведений куда-либо в другие большие города. Рады были получить оттиск лекции д-ра Хюэта, прочтенный в Арсуне. Как всегда, Хюэт умеет объединить древность с самыми новейшими основами. Получается живое и зовущее суждение, которое может быть так близко сердцу молодежи. Только что я получил приглашение от Федерации студентов в Дели дать им лекцию. Конечно, средства не позволяют тратиться на поездку, но можно послать им лекцию "Pax per Cultura"*.

Может быть, маленький человек добудет еще какие-либо полезные данные. Ведь у него, наверное, остались друзья. Если Фрида остается на прежнем месте, то, может быть, и оттуда можно, хотя бы косвенно, о чем-то осведомиться? Думается, что рано или поздно апостаты вызовут к жизни и этот, пока молчаливый, комитет.

Жаль, что по-прежнему остается мнение, что газета не ответственна за ярую клевету, в ней напечатанную. Какое нам дело, откуда газета осведомилась о всякой лжи? Ведь газета печатала вредную клевету не как цитату из другой газеты или другого источника, а как свою собственную, самостоятельную новость. Неужели же газеты в Америке не должны платиться за распространенную клевету? Все время мы слышим, как в Бельгии, во Франции, в Швейцарии, в Лондоне газеты платят штраф за свои вредные произмышления. При этом поводы к штрафу гораздо меньше, нежели в нашем случае. Все-таки хорошо, что Генри понимает, что это дело бросать не следует, ибо недаром беспокоило апостатов. Только бы publisher не скис окончательно. Ведь он должен помнить, что неоднократно получал помощь со стороны. Он должен понять, что при обороне нужны и всевозможные вылазки, иначе одна оборона делается бездеятельной и тем бессильной. А между тем Вы видите, какие события шумят в мире. Каждый день между газетными строками звучит нечто важное. Итак, Япония добилась, что весь мир осудит ее как агрессора бесчеловечного. Жаль, что наша корреспонденция по событиям на Даль[нем] Вост[оке] должна была временно прекратиться. Можно себе представить, как там распоясались всякие мракобесы.

Итак, опять бой за культуру. Надеемся, что решение ref[eree] лишь подвигнет всех друзей к активному негодованию. Ведь уже начались и Школа, и совет преподавателей активен. Будьте все неразрывно вместе, и в деле, и в духе.

Все наши мысли с Вами — в сердце и в духе,

P.

Для Зин[ы] и Амр[иды]

14.X.37

Родные наши Зин[а], Ф[рансис], Амр[ида] и Мор[ис],

Утром 10-го окт[ября] пришла Ваша страшная телеграмма о 8000 и с советом относительно Мэри. Вы можете себе представить, какой удар заключался в этом сообщении. При этом было удивительно, что publisher'ы, по-видимому, совершенно это не предусматривали. Между тем помянутое в телеграмме решение было всем известно уже с мая-месяца, и, казалось бы, никто не сомневался, что в этом случае будет проявлена вовсе не справедливость, а нечто преднамеренное. Значит, publisher'ы, как каждый стратег во время сражения, должны бы предусматривать наихудшее и сообразно этому немедленно же строить все остальные ходы. Между тем как будто publisher'ы, вопреки очевидности, предполагали нечто другое, но ведь каждый присутствовавший при разных эпизодах, Вами в свое время описанных, понимал, что нельзя ожидать никакой справедливости ни даже простой человеческой логики. Между тем publisher'ы не только не приветствовали привхождение новых publisher'ов, но и даже как бы выражали свое недовольство по поводу быстрых действий, предпринимаемых теми. Все это и странно, и огорчительно. Конечно, мы немедленно написали одному из здешних publisher'ов, спрашивая его совет, и надеемся через несколько дней иметь его ответ. Ведь здесь даже для сношения с ближайшим городом нужно положить шесть дней, а если publisher'у потребуются какие-либо справки из других городов, то, естественно, этот срок еще удлинится. В то же время мы телеграфировали Вам, прося узнать мнение ваших publisher'ов, как старых, так и новых. Ведь мы здесь не можем знать законных сроков и вообще всех publisher'ских мероприятий, которые могли бы вносить новое обстоятельство. Перенос прав собственности Мэри на какое-либо лицо вряд ли может иметь место, ибо для этого требуется известный срок. Также мы не знаем, в какой именно части Мэри должна участвовать. Конечно, Вы не могли все это ставить в телеграмму, но многое и детальное нужно знать. Думается, что новые publisher'ы, ведя сейчас два или уже три новых дела, могли бы посоветовать нечто радикальное.

Все обстоятельства, от мировых и до частных, настолько сгущаются, что нужна особенная осмотрительность. Не знаем, какого мнения Стоу и все прочие друзья. В телеграмме мы именно это обстоятельство и имели в виду. Ведь те же друзья могут потом говорить и сожалеть о том, что их вовремя не извещали и тем лишили возможности принять какие-либо соответственные меры. Чтобы избежать таких сожалений и нареканий, необходимо собрать друзей или, соответственно, их уведомить. Впрочем, об этом мы писали уже давно. Многое преломляется своеобразно, так, например, мое письмо к кузену оказалось ненужным для передачи. Затем, мой SOS к друзьям некоторыми из них даже не был читан. Вы знаете, что мы готовы подать свой голос, но иногда, право, не знаешь, что именно ответить местным настроениям. А если этого не знаешь, то и приходится раньше осведомиться и о publisher'ских, и о дружеских настроениях. Наверное, если не старые, то новые publisher'ы поймут, что нужны какие-то героические меры для защиты правды и справедливости. Какими-то бумажными доводами в перчатках невозможно отразить шайку гангстеров. Вот если бы какое-то новое сильное лицо вроде Стоуна или других такого же веса деятелей могло бы напугать глинообразных существ! Или же апостат мог бы быть обвинен с

криминальной стороны. Во всяком случае, если не старые, то новые publisher'ы должны же иметь в своей практике борьбу с гангстерами, для которых нет ничего святого, а каждый закон для них представляет лишь повод, как обойти его. Во всяком случае, нечто героически-драматическое необходимо.

Благодарим Фламму — милых Фосдиков — за сердечную приветственную телеграмму, полученную 11-го. Такая кооперация, как Фламма, может оказать большое нравственное содействие при драматических оборотах дела. Publisher'ы, как те, так и другие, должны знать о существовании этой корпорации, ибо в своих стратегических движениях они могут употребить такую официальную корпорацию как общественный голос или в каком-либо другом отношении.

15.X.37. Получили письмо от Дорис, в котором она в большом энтузиазме описывает начало **Арсуны** в Санта-Фе. Мы вполне согласны с нею о живописности Санта-Фе и о дружеском отношении д-ра Хьюэта. Вполне возможно, что Санта-Фе может быть хорошим летним местопребыванием **Арсуны**, но в зимнее время, конечно, трудно предположить о возможностях в Санта-Фе. Местные художники нам давно жаловались на отсутствие покупательной способности. Кроме того, даже и университет находится в Альбукерке, и, наверное, молодежь уезжает туда на зиму. Впрочем, на месте виднее, и мы всегда предоставляем полнейшую самостоятельность нашим Обществам и организациям. Если местные музыканты находят своевременным иметь в Санта-Фе музыкальную школу — они ближе знают возможный будущий отклик местного населения. Во всяком случае, Морис мог иметь в Санта-Фе летнюю сессию, не нарушая свою педагогическую деятельность в Нью-Йорке и не обездоливая своих нью-йоркских учеников в течение зимнего времени. Таким образом, хорошая Бирбалова линия могла бы быть продолжена, не нарушая ничего. Дорис поминает в письме, что предполагаются некоторые продажи картин, приобретенных Арсуною уже в Тульсе. Если такое решение вопроса возможно, то остается лишь радоваться, ибо Вы знаете о неотложном положении вещей.

Каждый день приходят добрые вести в письмах и журналах из разных концов Индии. Потом мы Вам пошлем коллекцию здешних приветов, а пока приложу последний, полученный вчера, из журнала "Weekend". Только что написал Ман, что многие друзья здесь в долине слышали broadcast, из Дели радио, и он считает это очень полезным. Вообще странно видеть, насколько доброжелательство друзей, зримых и незримых, контрастирует с отвратительными преступлениями апостатов и соединенных с ними гангстеров. Человеческий ум не может сжиться с мыслью, чтобы могли существовать такие крайности в суждениях. Неужели же не найдется какой-то Золя, который, во имя справедливости и человекообразия, мощным молотом разобьет все гнусные подкопы? Именно теперь, когда все в мире несется с головокружительной поспешностью, странно видеть, что могут происходить преднамеренные вредительства. Если бы Вы знали, какие интересные знаки получаем с разных концов! При всем нагромождении событий чувствуется незыблемая основа — лишь стоит рассмотреть ее сквозь мглу разных взрывов.

Пресса сообщает об особо сильных взрывах на солнце. Вот и такие неслыханные космические знаки сопровождают людские смятения. Неужели же всякие глинообразные существа настолько погрузились в подкупную спекулятивную атмосферу, что не отдают себе отчета в том, что они творят. Любопытно, какие же у них формулы и что такое, по их мнению, произошло в июне 1935 года? Ведь, в конце концов, мы так и не знаем, что именно они болтают и чем именно засоряют пространство.

Также остается удивительным преступное отношение к делу ref[eree]. Неужели допустимо, чтобы приемный сын воздействовал на своего отца — судью. Неужели допустимо, чтобы Эрнст, заседающий в Комиссии, блюдущей нравственность адвокатов, сам же прежде всего нарушал моральные основы?! Ведь Комиссия высказалась против его действий. Неужели же и такой явный козырь адвокаты не могут использовать?

И в общественном отношении невозможно допустить, чтобы страна потерпела такую явную несправедливость, творимую шайкою. Ведь общественное мнение достаточно понимает или должно понять, что преступление шайки будет засорять атмосферу всей страны.

Около явления, имеющего многих друзей в разных странах, найдутся силы, которые навсегда запечатлеют произвол, насилие и некультурность бандитов. И Фр[ансис], и Зин[а] ведут хронику творимых беззаконий. Позорно, чтобы оставались такие обвинительные акты хроники. Где же Золя, который соберет все эти вопиющие факты и скажет: “Обвиняю”? Не можем же мы сами сказать то, что должен сказать именно Золя.

Еще раз надеемся, что Плаут не препятствует более новым адвокатам, а, наоборот, содействует им, что каждая новая сила есть сильный козырь в происходящей борьбе. Не могут же апостаты подкупить всех должностных лиц, делая их участниками своих спекуляций. Ведь этот метод сил темных должен сделаться явным. Что Инге? Шлем Вам всем наши сердечные мысли. Болит сердце, а сроки спешат.

Сердцем и духом с Вами,

P.

Для Зин[ы], Амр[иды] и Мор[иса]

2.XI.37

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида] и М[орис],

Елена Ивановна опять больна. Уже третий день в постели — жестокие боли и температура. Вы понимаете, как это нас всех волнует, и всеобщее напряжение велико. Пришло письмо от 13-го—14-го окт[ября] со всеми сведениями о текущих перипетиях. Потрясает та неслыханная несправедливость, которая звучит в каждой фазе апостатского нападения. Когда читаешь решение несправедливого referee, то прямо делается ужасно: не знаешь, что это — глумление или прямое его участие в темной шайке?

Когда referee говорит, что заявление Хорша о том, что он мне все должен, а я ему — ничего, относится лишь к духовным вопросам, а не к материальным, то бросается в глаза, неужели же referee не хотел увидеть, что заявление это шло именно в связи с непосредственно до этого упомянутыми денежными документами. Когда Влад[имир] Ан[атольевич] Шиб[аев] прочел это решение referee, то он воскликнул: “Не может же остаться такая возмутительно несправедливая бумага в анналах без возражения”! Действительно, все решение referee наполнено такими явно несправедливыми выводами и пренебрежением фактов, представленных адвокатами с нашей стороны, что, действительно, должен же найтись тот сильный общественный голос, который во имя правды опрокинет эти предумышленные несправедливости. Были ли у Вас еще сношения с судьей Ст[оуном] — ведь такой опытный судейский человек сразу бы понял все творимое шайкой апостатов безобразие?

Спасибо З[ине] за присланную программу вечера, устроенного биософами. Очень трогательно выступление этой молодой деятельной группы. Я им уже писал, но и Вы еще раз скажите им, как глубоко мы были тронуты их сердечностью. Между прочим, интересно было бы иметь список присутствовавших. По нему можно бы ориентироваться, кто именно присутствовал, запечатлев свою дружбу. Спасибо также и милым Фосдикам за присылку двух книг, изданных Дельфийским Обществом в Чикаго, с сочувственными строками о моей работе. Интересно бы знать, из кого состоит это Общество, кто там председатель и откуда там дружественное веяние. На оберточной бумаге сохранился этикет Общества, адресованный на Фосдика, значит ли это, что Фосдик состоит там членом, или же это ответ на посланную книгу от Фламмы?

Получили телеграмму из Арсуны, что Адриан, наверное, заплатит в январе так долго задержанный им взнос.

После таких ясных и категорических утверждений нужно думать, что уже не может быть никаких дальнейших откладываний. Но вопрос остается открытым о времени до этого январского срока, точное число которого хотя и указано было ранее на 2-е января, но ведь, чего Боже сохрани, может варьироваться. Мы спрашивали, не может ли Адриан ввиду категорического своего решения на январь устроить что-либо временное до этого срока из каких-либо деловых источников, но об этом сведений не было. Как тягостно, что даже такие уже деловым путем закрепленные возможности все время не могут встать на твердую деловую почву. Ведь художник прежде всего существует от продажи произведений. Это обстоятельство не считается какою-либо благотворительностью или одолжением. Оно есть просто естественное дело. В прошлом году Ч.Крейн покрыл одолженные у него в свое время 5000 долларов зачетом трех картин, из них одна Светика, но ведь и теперь должно же совершиться что-либо на деловых основаниях. Конечно, весьма отраднo видеть столь непоколебимое решение Адриана выполнить подписанный им агримент. Когда человек говорит в таких превосходно утвердительных выражениях, мы не имеем права не верить. Надеемся, что Адриан найдет хоть какую-либо частичную возможность, чтобы создать мост до января.

Просим З[ину] дать Бурлюку статью В.А. [“Н. Рерих”] для его журнала. Два фото или клише дайте ему по собственному выбору. Каждое доброе желание должно быть поддержано. Если бы Бурлюк начал говорить З[ине] о каких-либо деньгах или покупке его картин, то З[ина] может совершенно искренно говорить, что сейчас обстоятельства таковы, что при всей дружбе к нему невозможно и думать о чем-то подобном. Вот когда дело решится утвердительно, тогда, может быть, и явятся другие возможности. Спасибо З[ине] за копию письма Хольта. Таким образом хорошие друзья получают настоящее осведомление, и только таким путем образовывается общественное мнение. Беспокоимся, давно не слыша ничего о Народном. Мы послали ему оттиск его статьи, перепечатанной в “Сколяре”, но известия о получении не было. Также в Риге не было получено приветствия от Народного, Меррита и Бостонского Арт Клуба. Допустим, что в клуб почему-либо не дошло, также и к Мерриту, но адрес Народного был дан им же на конверте его последних писем. Как его здоровье, и не случилось ли чего нового? Во всяком случае проверьте, состоялось ли его свидание с дамою, его приглашавшею. Также, были ли сношения с судьей Ст[оуном]. Также, почему Хьюэт не откликнулся в Ригу. Обычно он отвечал всегда очень вовремя. И вообще на наше письмо от 20-го января от него ответа так и не было, а между тем, судя по сведениям из Арсуны, с ним все благополучно. Еще странность — Об[щест]во Марка Твена писало в Ригу 18-го сент[ября] о том, что оно единогласно избрало меня почет[ным] вице-президентом вместо покойного Маркони. А между тем я никакого извещения об этом не получил. Не попало ли это извещение в Музей или, чего Боже сохрани, к апостатам?

5.XI.37

Вчера, в обычный день для америк[анской] почты, Ваших писем не было, может быть, они придут сегодня к вечеру, но уже после отхода этого письма. Елена Ивановна все еще в постели с высокой температурой, страдая от болей. Все это до крайности огорчительно. Ей так хотелось бы писать Вам, а вместо этого встать с постели все еще невозможно. Во всем мире происходят какие-то небывалые явления. Никогда не видели столько ложных солнц, никогда не было столько сверхобычных наводнений и засух, уже не говоря о всяких человеческих безумиях. Надеемся, что наши адвокаты поняли необходимость объединенного фронта, иначе какие же могут быть поступательные движения. Во всех делах, которые должны окончиться благополучно, поистине, Единение является неременнейшим условием. Это не есть общеморальный призыв, это и есть, и будет единственное условие преуспевания и победы. Неопытные люди могут думать, что внешне формального единения вполне достаточно, но ведь это не так, ведь активное Единение и действительное дружелюбие заключаются прежде всего в глубинах сознания. Очень надеемся, что юристы понимают все преимущества твердо объединенного фронта. И друзья сердечно почувствуют это твердое объединение. Хотя много раз мы уже писали о

необходимости действительных выступлений друзей, но это обстоятельство настолько важно, что помянуть его всегда полезно. Весьма хорошо, что майор Стокс является действующим председателем Р[ериховского] Общества в Нью-Йорке. Также мы были весьма порадованы, прочтя среди приветствий в Риге привет от Лео Стерна из Копенгагена в качестве почетного советника нашего Музея. Такое упоминание своего сотрудничества чрезвычайно ценно. Ведь эти приветствия останутся в анналах Конгресса и являются именно голосом общественности, о которой мы постоянно поминаем. Почетные советники Музея, пожизненные члены Р[ериховского] Общества, все жертвователи, все сотрудники, преподаватели и alumni — они связаны навсегда с общественным Учреждением. Но может явиться насильник-разрушитель, который всякими мрачно подстроенными махинациями будет пытаться нарушить и оскорбить общественный принцип. Ведь не ради самозванного “гейдельбергского доктора”, но ради общественно-просветительного принципа люди сотрудничали, жертвовали и труды, и средства, энергию и время. Нельзя же представить, чтобы в государстве, огражденном правовыми нормами, мог царить произвол, позволяющий преступному насильнику захватить общественное достояние. Юристы не только должны защищаться, но должны твердо и сильно отразить мрачные атаки преступников. Какое право имеет преступник прерывать и всю Вашу добросердечную просветительную деятельность? В Единении сила, пусть все добрые силы в Америке объединятся для защиты общественного блага и достоинства. Вы чувствуете все напряжение. Мысли наши с Вами. Пусть все добрые сотрудники сойдутся для полезных решений во имя правды и справедливости. Что бедная Инге? Как вернулся Ав[ирах]? Всюду кипящий котел событий.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

Для Зин[ы], Амр[иды] и Мор[иса]

18.XI.37

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида] и М[орис],

Из Риги получили сообщение о том, что и вторая посылка клише уже находится в пути. Видим из письма Лукина, насколько их это сведение глубоко порадовало. С ними и мы радовались, ибо каждое сотрудничество всегда так отраднo. Не забудем, что нашим балтийцам приходится преодолевать всякие житейские трудности. Конечно, среди них нет апостатов, но все же приходится им быть на священном дозоре. Приятно и то, что с литовским Обществом у них полнейшее сотрудничество, а теперь налаживаются и полезнейшие построения в Эстонии. Как часто бывает, вдруг обнаружились несколько аспирантов для нового эстонского Общества, и теперь нужно, чтобы эти несколько ручьев влились в одно дружное русло.

От Гребенщикова получили письмо от 17-го окт[ября], в котором он сожалеет, что не мог к 10-му окт[ября] поместить уже написанную им статью, ибо, как он говорит, все места оказались уже занятыми Московым. Впрочем, думается, что и “Свет”, и “Рассвет” поместили бы и статьи Греб[енщикова]. Он пишет, что ему все еще не пришлось повидаться с З[иной]. На это мы советовали ему повидаться, чтобы быть в курсе происходящих вандализмов. При этом еще раз мы напомнили, насколько местная колония должна бы наконец понять, какие преступления и вандализмы совершаются. Напомнили и о том, что происходящее является настоящим заговором. Как и полагается при заговорах, участники его посещают друг друга по черному ходу, замаскированными. Пусть Греб[енщиков] еще раз сообразит, что происходящее не есть только своекорыстное преступление Х[орша], но и имеет какие-то глубоко мрачные корни, которые ничем иным, как заговором, нельзя и назвать.

Пароходным пакетом получили от З[ины] еще вырезки статьи Москова, а также статью из старого астрологического журнала, — вероятно, она была сейчас найдена в каком-то архиве. С той же почтой пришло еще несколько копий вновь изданного в Риге каталога их музея. Вероятно, и Вы их получили — изданы они очень тщательно. И в последнем письме из Риги указывается, что число посетителей музея побивает всякие рекорды других местных музеев. При этом каждый день кто-либо из членов правления дежурит, и таким путем завязываются новые полезные контакты. Интересно, не было ли каких-либо продаж наших книг у Стокса и Стратфорда? Уже давно ни от того, ни от другого об этом не было никаких сведений, а между тем то тут, то там эти их издания неоднократно поминались, что могло вызвать к жизни и покупателей.

Вспомним еще раз преступно-гнусную проделку Хорша с “векселями”. Странно, что, по-видимому, наши юристы не подчеркнули важное психологическое соображение. Вы все помните, что перед самым моим отъездом в 1924-м, в декабре, Хорш, будучи моим доверенным, для каких-то своих технических целей просил подписать эти “векселя”, а затем сказал, что он их уничтожил и выдал 8-го декабря 1924-го года свое письмо, которым все это было ликвидировано. (Оригинал этого письма находится у Вас.) Все это вы знаете. С тех пор я дважды приезжал в Америку — один раз в 1929-м — 1930-м годах и последний раз в 1934-м г. Неужели же если бы вопрос о тех “векселях” не был аннулирован, то в течение этих двух приездов я бы не озаботился этим обстоятельством? С Вами со всеми в течение этих двух последних приездов мы обсудили всевозможные обстоятельства дел. Можно ли себе представить, чтобы мы все даже не обмолвились между собою об этих “векселях”, если бы в нашем представлении они еще существовали? Все мы, доверяя Хоршу, были в полнейшей уверенности, что его уверение об уничтожении самих документов, в согласии с его письмом, отвечает действительности. Ведь Хорш был, помимо своих должностей казначея и президента, и моим доверенным, а возможно ли к своему доверенному относиться без доверия? В конце концов, основываясь на уверении самого же Хорша, мы не должны признавать показываемых им теперь “векселей”, ибо, по его же словам, мы знаем, что те условные “векселя” 1924-го, выданные в один и тот же день, все им фактически уничтожены, разорваны,

значит, то, что он показывает теперь, подделка или же он оказывается бесчестным мошенником.

Все эти обстоятельства в руках опытного юриста и в глазах неподкупного судьи должны бросаться в глаза. Только при существовании какого-то мрачного заговора могут быть игнорируемы такие очевидности.

Спасибо З[ине] за отчеты по Master Institute за лето и сентябрь. Очень хорошо, что совет преподавателей находится в полной жизненности, а тем самым и в полной готовности. Каждую минуту могут потребоваться коллективные воздействия этого совета, ибо нельзя же в угоду произволу насилловать учебное заведение. Таким же порядком и все наши прочие комитеты, и Общество друзей (Стокс является в нем действ[ующим] президентом) должны будут проявиться, если со стороны апостатов произойдет вандализм.

20.XI.37. Сейчас получено письмо З[ины] от 30-го окт[ября] по 1-е ноября и письмо М[ориса] от 29-го окт[ября]. Надо надеяться, что Стокс находится в полном курсе поведения адвокатов. Если защитники будут впадать в пессимизм, то возможна ли бодрая защита правды, которая должна происходить при полном энтузиазме? Адвокат, берясь за такое глубоко принципиальное дело, должен не только заботиться о своем жаловании, но желать полную победу, а для этого изыскивать поступательные действия. Иначе может получиться полное извращение дела и окажется, что будто бы апостаты нас судят, тогда как дело вошло в суд именно в поисках справедливости против апостатов.

Не следует сомневаться в том, что глинообразные существа будут злоупотреблять всем своим положением, чтобы противозаконно воздействовать на судей и на все окружающее. Должно же наконец кому-то броситься в глаза, что в деле не только участвуют адвокаты апостатов, но и еще разные силы и справедливость. Ведь это не простое дело, но — борьба за культуру, в которой мрачные силы вандалов употребляют все свои подземные ходы.

Хорошо, что вернулся М[орис] и таким порядком дозор за Музеем может быть усилен. М[орис] спрашивает, можно ли во время концертов ставить и художественное живописное произведение. Конечно, можно, и во время исполнения “Сечи при Керженце” Римского-Корсакова Дягилев выставлял мое панно этого же содержания. Но это все мирные соображения, а теперь происходит тот принципиальный бой о правде и справедливости, при котором решительно все силы должны быть направлены против вандализма апостатов. Очень просим М[ориса] написать нам всю его беседу со Стоуном в столице. Не может быть, чтобы она окончилась ничем, ибо порядочный человек и опытный юрист не может отмахнуться от нарушения справедливости и не дать совета. Ведь сейчас необходимо не только абстрактное сочувствие, но и конкретный совет, в особенности от лица, работающего именно в этой области. Также, виделся ли М[орис] уже со Стоу[ном], ибо после долговременного летнего отсутствия вполне уместно и желательно повидаться с представителем Общества, который не может оставаться индифферентным к происходящим несправедливостям. Конечно же, все меры должны быть направлены к тому, чтобы по возможности

затягивать ход дела. Только этим порядком могут найтись и новые силы, и возможности. Статью Голлербаха* не нужно посылать в Ригу. Она пойдет лишь по-русски, и мы уже послали туда копию. Имеющиеся у Вас копии могут пригодиться для Амер[ики]. “Пещное действо” и “Коктебельские камни”* переведите соответственно “Three Youths” и “Ancient Stones”.

Было ли какое-либо собрание друзей, и как они реагируют на последнее несправедливое решение ref[eree]? Очевидно, что лишь общественное мнение может выступать против всяких подпольно-заговорщицких действий. Каково настроение и Стоу[на], и Флор[ентины], и Косгр[ева], и Нар[одного]? Оба последних во всех Ваших последних письмах вообще не упоминаются — что это может значить? Также следует держать наготове и разные молодые организации, ибо часто, где старое промолчит, там молодое найдет смелое слово. С одной стороны, нужно затягивать дело, а с другой стороны, спешить с привлечением отзывчивых воодушевленных людей.

Е.И. поправляется медленно, чему не способствуют землетрясения, которые оказываются и у нас. За последнее время их было уже восемь, причем в Шринагаре были даже убитые. Кончаем о **Единении**. Все мысли с Вами.

Сердцем и Духом,

P.

Для Зин[ы], Амр[иды], Мор[иса]

25.XI.37

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида] и М[орис],

Пришло хорошее письмо от Чайки — нашего Филадельфийского Центра. Пишет, что к 10-му окт[ября] у них было особое собрание, на котором доктор Бринтон сделал доклад — “Р[ерих] — художник и друг”, а Сторк читал на тему “Духовное значение Р[ериха]”. Это сведение радостно и потому, что Вы помните о странных сведениях относительно Бринтона, но теперешний его доклад совершенно опровергает какие-то слухи. Наверное, Вы уже знали об этом собрании и докладах, но считаю весьма полезным их подчеркнуть, ибо, таким образом, кроме Биософского института, значит, было собрание и в нашем Центре. Кроме того, помянутые доклады означают, что и Сторк, и Бринтон могут выявиться, когда придет необходимость общественного выражения против вандализма. Чайка также сообщает о том, что видела Фр[ансис] и слышала от нее всякие клеветнические выдумки и наветы, произносимые апостатами. Конечно, от этой мрачной тройки можно ожидать решительно все, что угодно. Во всяком случае, сохраните сношения с Чайкою, ибо таким путем еще одна правда может быть восстановлена. А никто не знает, когда потребуется экстренный сбор всех друзей.

Если друзья решат о полезности нового письма к кузену, то, конечно, это можно будет сделать. Это средство предлагается друзьям как еще один

ход поверх обычных путей. Мы, со своей стороны, готовы на все верхние пути, но для этого прежде всего нужно решение друзей совместно со всеми юристами. Ведь возникает множество вопросов, имеющих чрезвычайно важные последствия. Возникает вопрос о том, кто именно может распоряжаться имуществом Музея и Press'a, который значился "Roerich Museum Press", таковым Press всегда значился и остается таковым. Если бы произошло какое-либо вандальское покушение на имущество Press'a, то не значило бы это начало нового похода и на имущество Музея? Ведь для покрытия исков апостаты могут предложить продажу имущества всех Учреждений. Теперь можно понять еще яснее, почему было Указано еще в июле, что иски к Музею должны немедленно сопровождаться иском Музея к апостатам. При таком построении около Музея был бы еще длительный иск, который своим существованием охранил бы музейное и прочее, связанное с ним, имущество. Все это чрезвычайно важно. Из происходящих исков к Музею видно, что апостаты чрезвычайно их опасаются и прежде всего скрывают музейные книги. В то же время во время судебного разбирательства у referee Хорш признал, что организация Музея существует. Так, по крайней мере, мы знаем из Ваших писем. Если же организация Музея (корпорация) существует, то ведь и распоряжение Музеем принадлежит Совету Trustees Музея. Если бы в этом Правлении Ваши голоса делились поровну, то не следует ли нам дать Вам доверенность на эти голоса? Впрочем, Плаут имеет от нас двух доверенность вотировать по всем share'ам. Но ведь в Совете Trustees Музея были и Юрий, и Святослав. Всякие такие соображения могут вносить длительные диверсии во все дело. Кроме того, если одна injunction стоит под ударом, то нельзя ли иметь какие-либо иные injunctions, которые защитят имущество Музея? Представляется ясным, что для всех этих соображений не только нужно решение друзей, но и мнение всех юристов. Как бы является необходимость дружественного общего консорциума, который в качестве граждан Америки может рассмотреть крупный общественный вопрос. Итак, рассмотрите эти обстоятельства со всех точек зрения, чтобы тем самым охранить имущество Музея и все прочие имущества, с Музеем связанные. Кроме прочих юристов, теперь вернулся и брат, на глазах которого протекало все прошлое и настоящее дело. Брат именовал себя почетным советником Музея, которым он и состоит, — это обстоятельство тоже и значительно, и показательно. Не может почетный советник оставаться безучастным ко всяким происходящим или подготовляемым вандализмам. Ведь и Стокс, кроме главенства в Комитете Защиты, является, как ему нравится называть себя, активным председателем Р[ериховского] Общества. Таким образом, без него невозможно решать дела, которые могут быть или прямо, или косвенно связаны со всем музейным достоянием. Иначе те же друзья потом могут сказать, как жалеют они, что вовремя их вполне не извещали. С каждым днем становится понятнее, почему неоднократно упоминалось о необходимости делового собрания друзей с юристами совместно. Такое единение всегда чрезвычайно необходимо.

Большое облегчение принесло нам письмо от Кл[айд], в котором она еще раз совершенно утвердительно повторила сведения, бывшие в ее телеграмме, о том, что Адриан непременно сделает взнос в январе. После такого повторного решительного утверждения, конечно, Адриан не решился

бы ввести нас в пагубное заблуждение. До января попытаемся отложить некоторые платежи. Просим Мор[иса] написать в Тульсу, чтобы этот взнос был сделан телеграфно в Симлу Mrs Helena Roerich, Imperial Bank of India.

27.XI.37. Спасибо З[ине] и М[орису] за письма от 7-го — 8-го ноября, сейчас пришедшие. Спасибо за все новости и плохие, и хорошие — драгоценно видеть, как Ваши сердца стремятся к отысканию справедливости. Ведь несправедливость оказана со всех сторон — Эрнст должен ответить за свое предательство по отношению ко всем trustees, против которых он, будучи их же доверенным, выступил. Вообще адвокаты столько могут сказать против апостатов во всех отношениях, что лишь им остается выбрать, с их точки зрения, лучший порядок этих разоблачений. Морис превосходно ответил апостатскому адвокату о том, что именно они произвели необычный фокус-покус. Действительно, у Мор[иса] была шера, и фокусными манипуляциями она исчезла — это ли не фокус-покус — настоящий гран-гиньоль*. Именно так и нужно отвечать на всякие мрачные и глумливые выдумки апостатов. Очень хорошо, что Мор[ис] был у Стокса. Вообще, раз Стокс является активным председателем нашего Общества, то к нему следует Морису заявляться не только в дни, когда ожидаются какие-то платежи, но и вообще как к первому вице-президенту Музея. Ведь всех друзей нужно питать сведениями, и при теперешней Вашей всеобщей занятости совершенно безразлично, кто именно повидает добрых людей. Ведь прежде всего важен результат такого свидания и оповещения, а Вы все четверо находитесь в совершенно одинаковом положении. Осмотрел ли Морис Музей по возвращении своем подробно? Всегда лучше сделать такой осмотр с каким-либо верным свидетелем, ибо всегда могут потребоваться свидетельские показания.

Весьма принципиален вопрос о принадлежности собственности Press. Press не был инкорпорирован отдельно и значился Press'ом Музея. Тем самым всякие толки о собственности Press не являются ли прецедентом к рассуждениям и о самом Музее? Опять-таки, лишь местные адвокаты, приняв во внимание местные законы, могут сообразить, в каком сцеплении находятся эти обстоятельства. Конечно, кроме Стокса и Сутро необходимо обсуждать общее положение и с Косг[ревом], и с Нар[одным], и Мерр[итом]. Каждый из них имеет свой сектор, расположения, и таким путем может произойти весьма полезное взаимное осведомление. Кстати, может выясняться и круг распространения апостатов. Наверное, можно узнать состав Совета искусства, в котором, ко всеобщему удивлению, Х[орш] оказалась председательницей. Затем можно установить и число, и качество людей, посещающих устраиваемые ими лекции и занятия. Так как лекции происходят в доме, то, наверное, служащие знают число посетителей хотя бы приблизительно.

Хорошо, что Моблей и Совет преподавателей вполне активны.

Надеемся, что Пл[аут] вполне заблаговременно пришлет нам свои вопросы для Е.И. Не следует забыть, что магистрат бывает здесь лишь наездами и обычно зимнее время проводит не здесь, а Новый год обычно проводит в большом городе — несколько недель. Поминаю это к тому, чтобы не было недоумения о задержках, если таковые, в силу обстоятельств,

произойдут. В первой deposition Пл[аут] писал, что имеет право отвергнуть некоторые, не относящиеся к существу дела, вопросы. Надеемся, что и в этом случае он сделает так же. Ведь дело идет о краже манускриптов. Содержание манускрипта не входит в обсуждение, а похитители должны вернуть собственноручные манускрипты Е.И.

Было бы странно при вопросе о краже часов заниматься рассуждениями об особенностях часового механизма. Конечно, мы не удивляемся всем кощунствам, произносимым тремя апостатами. Они докатились в такую мрачную бездну, когда ничего святого для них не осталось. Пусть Плаут точно объяснит нам все обстоятельства этого дела с макускриптами, то е[сть] каков при этом денежный риск и какие уже были у него по поводу манускриптов переговоры, и через [какие] каналы здесь Пл[аут] проводит это дело. По предварительным его запросам мы понимали, что он адресуется прямо к местному магистрату, имя и звание которого он запрашивал. Если бы, кроме магистрата, были бы затронуты какие-то еще другие местные каналы, — мы должны знать заблаговременно. Кончаем зовом о **Единении**, ибо лишь в нем ключ к победе.

Сердцем и духом с Вами,

P.

1.XII.37

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида], и Мор[ис],

В письме от 11-го ноябр[я] З[ина] сообщает, что и другой судья оказался так же несправедлив, как и первый. Положительно, все эти действующие в мрачном разрушении лица являются членами какого-то заговора. Ведь нельзя же огульно отрицать решительно все фактические поводы, которые представляет наш адвокат. Если бы было какое-то частичное соображение судей, то еще можно было бы предполагать какое-то судоговорение и судопроизводство. Но при огульном отрицании всех законных доказательств наших адвокатов делается ясным еще раз, что мы имеем дело с преднамеренным заговором. Апостаты могли бы назвать свою партию “грабительство и вандализм” — этим все было бы сказано. Они пытаются забрать Ваше имущество, все шеры, все картины — словом, решительно все, а кроме того, потребовать еще какие-то фантастические 200000. Неужели же люди здоровые и добропорядочные не видят, что происходит именно грабительство и вандализм?

Когда от Хорша справедливо потребовали показать музейные книги, то он, как Вы пишете, самым наглым образом заявил, что эти книги украдены Зиною. Только подумайте, что по его совершенно голословному измышленному заявлению запрос о книгах прекратился. Спрашивается, где же можно обвинять совершенно голословно человека в воровстве и безнаказанно тем самым избегать справедливого обвинения? Спрашивается, неужели наши адвокаты не думают, что такое обвинение заслуживает

резкого ответа? Безразлично, при каком именно деле Хорш произносит свою преступную клевету. Раз эта клевета произнесена и в делопроизводстве зафиксирована, то для адвокатов она является чрезвычайным поводом нанести удар гнусному лжецу.

Если с каждым оборотом дела обнаруживается существование какого-то мрачнейшего заговора, то лишь общественное мнение может реагировать на такое недопустимое в стране преступление. Вот почему неоднократно мы поминали, что Комитет друзей должен быть активен. Такие лица, как Стокс, Косг[рев], Мерр[ит], Флор[ентина], Нар[одный], Фосд[ики], и все прочие друзья не только должны быть совместно с адвокатами ознакомлены с положением дела, но и должны совокупно обдумать, какие же общечеловеческие и общегражданские меры должны быть приняты. Когда-то письмо к кузену было признано неуместным, но потом один из юристов полагал, что и такое выступление могло оказать неожиданную моральную диверсию. Может быть, сейчас друзья совместно с юристом найдут, что какое-то такое письмо, конечно, новое, становится полезным? Такое действие может быть произведено лишь с согласия друзей о передаче письма делегацией. Конечно, лишь на месте можно судить о ближайших сроках для всего полезного, а такие общесогласованные обсуждения могут производиться не только наедине разрозненно, но именно в каких-то совместных дружеских обсуждениях. Попытки к мрачному грабительству и вандализму обострились. Уже нельзя только мягко защищаться, и это адвокат должен понять. Мягкие письменные доводы хороши в каких-то страховых или других механических дискуссиях, но ведь здесь происходит мировое злоупотребление основными человеческими правами, происходит самый гнусный вандализм, где наряду с художественными произведениями разрушаются и все человеческие основы. Происходящее принадлежит к числу именно тех вопиющих вандализмов, при которых бледнеют необдуманые разрушения, производившиеся невежественными руками. Ведь апостаты достаточно слышали о том, что именно есть вандализм. Они слышали о моральных основах, которые позволяют человечеству охраниться от непоправимых, навсегда остающихся в истории страны разрушений. Апостаты достаточно слышали о том, что разрушения происходят не только во время войны, но именно в так называемое мирное время. Апостаты читали и шекспировского Шейлока — все это знают апостаты, и тем самым их грабительство и вандализм становятся особенно тяжкими. К ним, к этим апостатам, приходят их соучастники в замаскированном виде, значит, эти личности отлично сознают, что они идут на темное дело. По черному ходу, в темных очках, с поднятым воротником, не приходят светлые вестники.

4.XII.37. Сейчас получили славное письмо З[ины] от 13-го ноября (на конверте 16-го). Как хотелось бы видеть, что все друзья встают на защиту попранной правды. Потому-то мы особенно указывали на собрание друзей, ибо иначе каждому будет казаться, что он остался в полном одиночестве, и, таким образом, его энергия будет падать и даже может произойти прискорбное раздражение. Если бы кто-то сказал, что лишь немногие члены Комитета Защиты обладают материальными средствами, то ведь это замечание будет совершенно не по адресу. Во-первых, на весы кладутся не

одни материальные средства, но и духовные, и интеллектуальные. Кроме того, человек, не имеющий личных средств, но зажегшийся сердцем во имя правды и правосудия, в такую вдохновенную минуту найдет в складах своей памяти многое полезное. Помните, что Народный был в очень добрых отношениях с недавно умершей богатейшей и деятельнейшей Рамзей. Ведь у каждого имеются друзья и знакомые, ценные в самых разнообразных отношениях. Но для выявления этих возможностей всегда полезно совместное обсуждение, при котором вспыхивает и негодование на преступников, и светлое пламя желания помочь правде.

Спасибо З[ине] за сведения об Отул. Что отложено — не потеряно, во всяком случае его связи и в Ам[ерике], и в Европе будут весьма полезны. Поддержите с ним самые добрые отношения, я же напишу ему дружественное письмо. Таких ценителей и доброжелателей очень много — нужно лишь открыть эти тайники. Биософский институт прислал нам стенограммы всех сообщений, сделанных на собрании 10-го ок[тября]. Все это весьма трогательно и радостно видеть, что и у Брэгдона находятся прекрасные определительные. Радует, что Флор[ентина] получила наше письмо, и будем очень рады получить [известие] от нее. Просим З[ину] оказать ей всю нашу глубокую дружбу, поблагодарить ее за все ее отношение, за всю ее помощь. Отеплите ее сердечно. Ведь у нее недавно была семейная утрата. Привет ей от нас — от всего сердца.

Странно, что Плаут, присылая нам копии вопросов по манускриптам, не только не дал ни одного своего совета касательно тех нелепейших вопросов, не имеющих никакого отношения к делу, но и не указал, писал ли он магистрату сюда отдельно, или же предполагается, что мы должны совершенно самостоятельно заявиться к магистрату. Впрочем, последнее вряд ли возможно, ибо [зачем] тогда Плаут брал у нас звание и даже имя магистра. Вероятно, в ближайшей почте Плаут даст свое к этому пояснение, ибо невозможно, чтобы мы как-то “самовольно”, с какими-то копировальными копиями в руках, заявлялись бы здесь к магистрату, ничего не знающему ни от Плаута, ни от суда. Наверное, уже плывут или летят какие-то разъяснения. Чудовищно читать все не относящиеся к делу вопросы адвокатов апостатов. Какое это имеет отношение к тому, что манускрипты Е.И., сданные ею на хранение, которые должны были храниться в запечатанном виде, были преступно присвоены четою Хорш?

Посылаю статью Зенкевича из шанхайского “Слова”. В конце концов ее можно, если хотите, где-то и перепечатать. И так, и среди пожаров и разрушений Шанхая прозвучало слово о красоте. Статью Голлербаха не посылайте ни нам, ни в Ригу. А храните у себя, ибо она может пригодиться для газеты или же для какого-либо амер[иканского] журнала. В Риге хлопчут о монографии и отлично понимают, насколько такое издание сейчас явится весьма нужной бирбаловой линией. Чудовищно подумать, что апостаты захватили клише и тем самым причинили большой урон латвийской монографии. Издатели так заботятся о лучшем качестве книги, чтобы совместить его с возможною общедоступностью. В газете “Сегодня” были рецензии на книги Рудзитиса и В.Иванова.

Если мысленно соберем все добрые происходящие знаки, то их окажется в разных странах весьма много. Тем чудовищнее становится

преступление апостатской шайки и их нескольких глинообразных соучастников. Точно бы получается какой-то мерзкий остров, полный отбросами, — где-то около Нью-Йорка, говорят, существует такой остров, полный крысами. Где же тот Золя, который, с точки зрения справедливости и общественности, подымет звучный голос и запечатлеет все происходящее? Храните **Единение**.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

СЛУЖЕНИЕ КРАСОТЕ

10-го октября этого года исполнилось 50 лет научного и 40 лет художественного труда одного из величайших неустомимых творителей красоты и всемирно признанного вождя культуры, гениального русского художника, мыслителя и ученого Н.К.Рериха.

День этот будет отмечен всем культурным человечеством как праздник искусства и красоты. И если русское сознание отмечает сейчас “день русской культуры”, приурочивая его к рождению Пушкина, то недалек тот день, когда дата рождения Н.К.Рериха будет сроком помыслить о культуре во вселенском масштабе.

Сейчас во всех мировых центрах, в городах Индии, Тибета, Монголии, Южной Америки организованы многочисленные общества имени Рериха. В Нью-Йорке открыт в 1924 году Музей имени Рериха. И все эти общества организованы не для замкнутой “академической” деятельности, но для утверждения красоты и искусства в жизни. Сам мастер неустанно призывает: “Сейчас надо мыслить об искусстве”, открывая тем великую космическую правду, что искусство спасает человечество... Совершенно немыслимо охватить даже бегло и поверхностно всю многостороннюю деятельность Н.К.Рериха как в областях науки, так и искусства. О Рерихе и его трудах существует сейчас в мире громаднейшая литература на всех языках мира, включая тибетский, монгольский, индусский и др[угие]. О творчестве самого Н.К.Рериха верное слово сказал еще в своей пламенной статье “Держава Рериха” Леонид Андреев. “Гениальная фантазия Рериха достигает тех пределов, за которыми она становится уже ясновидением. Бесплодной будет всякая попытка передать словами ее очарование и красоту”.

О Рерихе пишут сотни людей, и среди них такие мыслители, как Рабиндранат Тагор, Клод Брэгдон, Бенуа и др[угие].

Тот же Леонид Андреев говорит: “Путь Рериха — путь славы. Лувр и Музей Сан-Франциско, Москва и вечный Рим уже стали надежным хранилищем его творческих откровений, и вся Европа, столь недоверчивая к Востоку, уже отдала дань поклонения великому русскому художнику...”

И если Достоевский предвидел, что России надлежит сказать миру новое слово, то сейчас, когда судьбы многих народов, и в первую

очередь народов Европы, положены на весы, это новое слово пришел сказать миру современный гималайский мудрец в лице русского художника и мыслителя Н.К.Рериха языком своих гениальных творений кисти, пера и исследований вековой мудрости таинственного и зовущего Востока. Это новое слово, сказанное Рерихом миру, не есть отвлеченная философия, но есть мудрый совет жизни, выношенный им из тайн русской природы, русского сознания и русской всеобъемлющей любви к человечеству, и о которой он в своей статье “По лицу земли” пишет, указывая на характерное свойство русского человека постоянного чаяния... “Есть, — пишет Н.К.Рерих, — какая-то благородная, самоутвержденная щедрость в этом всемирном деянии. Вовсе не хотим сказать, что, мол, какие мы русские; совсем другое хочется отметить как факт непреложный, исторический. В будущих летописях будет отмечено это русское всемирное даяние. Происходит оно, поистине, в планетарных пределах. И тут не может быть случайных, мелких делений. Вырастает соображение творческого блага, в котором каждый может и должен приобщиться в качестве неустанного трудника...” И даже на наших глазах, в эти тревожные и напряженные дни мы каждый день находим подтверждение в этом и можем убедиться в этом основном качестве русского человека. Кто первый сейчас бежит на место трагической гибели от бомб сотен людей? Кто, забывая о собственной безопасности и усталости, работает в качестве добровольцев-санитаров на местах массовой катастрофы, вытаскивая из-под обломков рухнувших зданий раненых и убитых? Кто сохранил максимум спокойствия в дни тревоги и общей паники, работая и спасая людей?

Совершенно прав В.А., автор статьи “Н.Рерих”, указывающий, что в значительно большей степени свойства “даяния” относятся к самому автору, который так потрудился и продолжает трудиться во славу русского народа”.

И тот же автор указывает, что искусство Рериха есть русское искусство, ибо никто не сомневается в том, что Рерих, даже затрагивая иностранные сюжеты, все же всегда оставался русским и неумоимо нес по миру понятия русскости в самом широком значении. И с такой оценкой основного направления рериховского творчества нельзя не согласиться.

Рерих знакомит мир с источником русского народного духа, начиная с языческой Руси и кончая величественными образами строителей Святой Руси — и в особенности, как славословит Православная Церковь “Солнца России” — святого Сергия Радонежского, этой основы русского народа.

Как трогательно любит Рерих Россию, называя ее “неотпитой чашей”... “Мы не хотели знать возможностей своей земли и народа... Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. Пройдут испытания, всенародная, всеобщая, крепкая делом Русь стряхнет пыль и тухлю. Сумеет напиться живой воды, наберется сил. Найдут клады подземные. Точно неотпитая чаша стоит Русь. Неотпитая чаша — полный целебный родник. Среди обычного луга — притаилась сказка...”

Об этой сказке Рерих твердит миру.

И мы знаем, что много человеческих сердец тянется сейчас к гималайскому мудрецу Николаю Константиновичу и его верной спутнице жизни Елене Ивановне, и ни одно человеческое сердце не осталось не согретым теплотой их прозорливой мудрости, дающей уважение даже “самому малому”.

Под шум пропеллеров, под свистящий и хрюкающий полет аэропланов, перед злобной картиной зарева пожаров нужно и полезно подумать сейчас об неувядаемой бодрости служения красоте и добру великого русского человека, давшего миру так много прекрасного, и пожелать как ему, так и его верной спутнице, еще много лет здравствовать во славу подвижничества служения искусством и красотой нашей “неотпитой чаше” — Родине и всему человечеству. И пусть Знамя Мира Рериха, принятое для охраны произведений искусства и культуры, развевается над всеми творениями человечества, охраняя их от разрушения и гибели.

С.З.

“Слово”, 18.X.37

(Шанхай)

РУССКИЙ СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

*Зал академика Н.К.Рериха
в Русском Музее в Праге*

В Русском Культурно-историческом Музее при Университете только что получены давно уже ожидавшиеся тринадцать картин академика Н.К.Рериха: “Преподобный Сергей”, “Храм преподобного Сергия в Америке”, “Лагул”, “Монастырь в Тибете”, “Тибетская крепость”, “Ченрезхи”, “Ашрам”, “Мать Чингиз-Хана” и др[угие]. Все это по преимуществу темпера, часто весьма значительных размеров и совершенно исключительной красоты и ценности.

Ранее эти картины были временно выставлены в Музее Принца-Регента Павла в Белграде, дирекцией которого, по распоряжению акад[емика] Н.К.Рериха из Индии, и были ныне высланы в Прагу, в Русский Музей. В общей сложности, с двумя уже имеющимися в Музее картинами Н.К.Рериха, Музей обладает теперь 15-ю работами знаменитого русского художника. По постановлению Музейной Комиссии Р.С.У. решено создать в Музее особый Зал академика Н.К.Рериха, где и будут выставлены все эти картины.

Таким образом, Музей по справедливости может гордиться исключительно ценной, редкой в Западной Европе коллекцией картин одного из величайших представителей современной русской живописи.

Родные наши З[ина], Ф[рансис] и М[орис],

К этому письму на всякий случай приложим копию письма №174, ибо только что узнали из газет, что аэроплан “Цигнус” потерпел крушение около Бриндизи. Какая-то часть почты будто бы спасена, но на всякий случай все-таки прилагаем копию. С этой же почтой были и другие письма, и теперь придется их все повторить.

В “Literary Digest” от 13-го ноября на стр. 32 Вы найдете заметку о чтении мыслей и ясновидении, в которой поминается профессор Райн. Таким образом, и в общепринятых журналах сочувственно поминаются изыскания и наблюдения, за которые апостаты и все невежды, которые с ними, пытаются нас всех преследовать. Прочтите эту заметку, а также собирайте при случае все соответственные сообщения. Против злобы и наглого невежества нужно противопоставлять факты. Совсем недавно, тоже по американской прессе, было указание о том, что уже сорок профессионалов работают над передачею мыслей на расстояние. Эти изыскания никому не ставятся в вину, а, наоборот, сообщаются как похвальные научные труды. Спрашивается, какой же такой темный заговор существует в нашем деле, что даже области, похвальные для других, нам ставятся в вину?

Вообще понимают ли друзья наши и юристы, что дело идет о целом заговоре? Кроме апостатов и злобных невежд и должностные лица вовлекаются в заговор, где подкупом, а где какими-то таинственными махинациями. Ведь не просто дело там, где глава целого департамента в замаскированном виде пробирается по черному ходу. Одно это обстоятельство должно бы породить во всех здравомыслящих правдивых людях соображение о том, что происходящее имеет какие-то глубокие корни. Казалось бы, и адвокаты наши должны бы наконец понять, что имеют дело с “pushed case”, как говорили в Карачи. При таком положении вещей нельзя же думать, что можно отбиться лишь одними защитными позициями. Нужно на мрачных врагов нападать и поражать их в их слабые места. А таких слабых мест немало. Адвокат, взявшийся за такое глубоко психологическое дело, должен не только заботиться о своем ежемесячном гонораре, но и шевелить мозгами, изобретая новое яркое и драматическое положение.

Посылаем Вам копию статьи Хирьякова, появившийся в варшавской газете. Удивительно наблюдать, как единодушно самые различные авторы подчеркнули некоторые стороны моего искусства. Это показывает, что когда к большим срокам подводятся итоги, то суммируется правда, и звучит она в самых разных странах. Бирбалова линия Балтийского Конгресса* оказалась, как и нужно было думать, чрезвычайно полезной. Теперь можно ощущать различные шевеления, происходящие как последствия Конгресса. Спасибо З[ине] за присланные заметки о юбилее из русс[ко]-амер[иканских] газет. Здесь все время продолжают запоздавшие журнальные выступления — ведь некоторые журналы за октябрь, увы, выходят лишь в декабре. Очень жаль, что литературный завтрак в Нью-Йорке не состоялся. Такая Бирбалова линия была бы особенно полезна по местным обстоятельствам. Если в совершенно постороннем для нас Дельфийском Обществе в Чикаго происходят такие отличные отзывы о моем искусстве, то насколько же больше мог откликнуться литературный и журнальный мир Нью-Йорка. Если апостаты, не имеющие литературного значения, со своей стороны яро

действуют, то кольми паче можно мобилизовать литературные силы и молодых журналистов, тем приготавливая их для выражения общественного мнения. Общество Марка Твена избирает [меня] на место Маркони почетным вице-президентом, и тем еще раз показывается, что апостатский заговор имеет локальное распространение. Он, то есть заговор, весьма мерзок и отвратителен, но такими подкупными средствами невозможно стереть целую художественную и литературную работу. Заговорщики могут действовать лишь мерзкою клеветой, но ведь нельзя допустить, чтобы опытные, достойные граждане могли бы быть совращаемы гнусно-примитивною злопыхательною ложью. Жаль, что литературный завтрак не состоялся, ибо и такая Бирбалова линия была бы чрезвычайно полезна. Вооружайте обществ[енное] мнение.

Доверительно

10.XII.37. Ю[рий] и В.А.Ш[ибаев] только что видели магистрата, который сказал им, что он готов принять deposition, но еще никаких бумаг об этом ни от Плаута, ни вообще из Америки не получал. При этом он сказал, что некоторое время тому назад был запрос от ам[ериканского] консула о том, заложено ли (mortgage) имение. Он ответил, что не заложено. Непременно сообщите это обстоятельство Плауту и спросите, что именно сие может означать. Ведь это нужно знать безотлагательно. Мы не знаем, по какому именно делу был этот запрос, а может быть, и еще что-нибудь происходит. Наверное, адвокаты пояснят Вам свои соображения спешно. По дальнейшим сведениям магистрата этот запрос был получен им около десяти дней тому назад, и он ответил, что имение первоначально принадлежало Н.К., затем было передано Е.И., а теперь передано ею Ю[рию] и С[вятославу]. По его словам, запрос, очевидно, идет от адвоката, ибо в запросе было упомянуто, что клиент его готов уплатить расходы. Не имеют ли наши юристы какой-либо спешный совет?

Совершенно доверительно сообщаем, что в запросе речь идет об Институте “Урусвати” и запрос исходит от Master Institut’a. <...> Апостаты умышленно хотят связать Институт “Урусвати” с Hall Estate’ом и таким образом готовят какие-то злокозненные действия. Непременно предупредите Плаута об этом. При этом имейте в виду, что: 1) передача земли, причину которой Вы понимаете, несколько не нарушает основ и уставов нашего Института в Индии. У меня хранится письмо от Ю[рия] и С[вятослава], подтверждающее неприкосновенность имущества Института; 2) для охраны знака и титула Института в Индии сделана была регистрация на наше имя в Калькутте; 3) Вы сообщите нам о том, что апостаты отказались от [Института] “Урусвати” и даже требовали немедленно убрать коллекции и прочее имущество. 4) Вы сообщите нам, что по справкам Фосдика оказалось, что Институт не был инкорпорирован в Нью-Йорке. Пожалуйста, еще раз подтвердите это. Немедленно примите к сведению все эти новые данные и сообщите нам совет Плаута.

11.XII.37. Пришло письмо З[ины] от 16-го по 23-е нояб[ря].

Потрясающее сведение, которое лишь показывает, что только общественное мнение, а также оппозиционеры Глину могут вывести дело на путь справедливости. Радовались мы описанию З[иной] собрания друзей у Флор[ентины]. Такие собрания чрезвычайно полезны. Жаль, что на нем не был Плаут, который мог бы доложить о ходе судопроизводства, а также, по-видимому, не были Косгр[ев], Нар[одный] и Мер[рит]. Ведь кроме финансового значения таких собраний они являются укрепляющими, цементирующими обстоятельствами, и друзья видят, что они представляют из себя целую разнообразную группу, а не разбиты в одиночестве. Во всех выступлениях всюду должно быть подчеркнуто имя Х[орша], а не Учреждения, ибо он всюду выдвигал свою личность. Пожалуйста, заклеивайте письма возможно крепче. Печати приходят, как видите из прилагаемой, совершенно гладкими, а ведь такую печать без всякого труда любой человек может снять и опять поставить. Также лучше давайте на конверте отправительский адрес другой, ибо может случиться, что письмо будет в случае недоставки возвращено в руки апостатов. От Плаута и со вчерашней почтой не получено бумаг для deposition по делу манускриптов. А между тем магистрат скоро уедет на продолжительный срок, и, таким образом, этот deposition не по здешней вине затянется. Неужели Плаут, когда передавал Вам карбонкопии вопросов, не говорил Вам, каким каналом и когда именно будет выслан оригинал вопросов магистрату? Ведь мы не можем идти сами с полученными неофициальными копиями. Передайте Флор[ентине] нашу искреннюю признательность за ее гостеприимство. Всеми силами хотим охранить общественное достоинство и потому тем более радуемся каждому общественному проявлению. Каждое новое дело действительно может давать Плауту полезный материал, и потому все дела должны быть весьма координированы в полном согласии. Радует, что Инге поправляется, — действительно, большое чудо в том, что катастрофа не окончилась губительно. Душевное единение всех добрых участников, как видите, делается с каждым днем все более повелительным. Приходится быть в письмах осторожными, ибо шайка вредителей работает яро. Им можно противопоставить лишь самое несломимое **единение**. Сердечный привет всем собравшимся 17-го ноября.

Все наши мысли с Вами.

Всегда сердцем и духом,

P.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РЕРИХ

На днях в Париже праздновали пятидесятилетие художественного творчества профессора Рериха.

Рерих — художник мировой. В разных странах Рериху посвящено много изданий — больших монографий и малых брошюр. Как бы разнородно ни подходили к Мастеру исследователи его произведений, они всегда признают высокую знаменательность его явления,

незабываемость его творчества и убедительность его картин в великих красочных симфониях. Сколько раз сказано и повторено: “облака Рериха”, “страна Рериха”, “орлы Рериха”, “вороны Рериха”, “синева Рериха”, “вершины Рериха”.

Рерих — художник мировой. В целом ряде стран и государств существуют музеи Рериха, картинные галереи Рериха. Миллионам людей во всех частях света известно и дорого имя Рериха.

Рерих художник мировой — но мы с гордостью можем сказать: “Рерих прежде всего наш русский художник. Художник, родившийся и воспитывавшийся в России и глубокими корнями неразрывно связанный с русской землей.

Николай Константинович Рерих родился в Петербурге в 1874 году. Отец Рериха был известным нотариусом и вращался в передовых кругах образованного общества. Особенно близок он был с К.Д.Кавелиным, защитником прав человеческой личности, сторонником мирного общественного прогресса, принимавшим деятельное участие в проведении великих реформ 60-х годов прошлого века.

Передовые кружки того времени едва ли могли способствовать развитию любви к искусству и красоте в душе восприимчивого мальчика. Но это сделала русская северная природа. Лето мальчик проводил в петербургском имении отца “Извара”, и здесь влилось навсегда в его душу очарование солнечных закатов, восходов и таинственная прелесть белых ночей.

Окруженный, замороженный северной природой, мальчик делается ботаником, энтомологом и, наконец, страстным охотником. Воспринимаемые впечатления требуют выявления в слове и красках, и еще учеником гимназии Мая* Рерих начинает сотрудничать в “Природе и охоте” и других изданиях*.

В старших классах гимназии Рерих увлекается наиболее древними периодами русской старины и становится охотником-археологом. Он раскапывает курганы, составляет коллекции, и красота древнего искусства дает незабываемое направление и неизгладимую печать в восприимчивой душе мальчика.

Окончив гимназию, Рерих поступает на юридический факультет Петербургского университета и в то же самое время — в Академию Художеств. Первая выставленная им картина — “Плач Ярославны” — сразу показала выдающиеся способности юного художника. Увлечение русской древностью сказалось, и появляется ряд новых картин: “Иван-царевич”, “Утро и вечер богатырства киевского”, “Ушкуйник” и так далее. Любовь к родной старине не угасает. Рерих изучает летописи, роется в архивах, и под его кистью воскресает русская древняя быль. И вот новая картина — “Гонец” — выдвигает юного ученика знаменитого Куинджи в первый ряд современных русских художников. “Гонец” приобретает Третьяковская галерея.

В 1900-м году в Париже Рерих заканчивает свое художественное образование под руководством выдающегося французского художника Кормона.

В краткой газетной заметке нет возможности исчерпать огромную тему о Рерихе. Для этого нужна книга или, вернее, книги.

От древнейшей старины Рерих переходит к русской старине церковной. Он носится по всей России, изучая старинные иконы и

архитектуру древних церквей. Количество картин растёт, и надо только удивляться, когда успевает их творить неутомимый художник? Как он проникает в глубины древнего быта, в глубины русской народной души?

Когда-то в разговоре со мной Лев Николаевич Толстой заметил, что настоящее художественное произведение за внешним первым планом скрывает еще другой, более глубокий план, а иногда даже не один, а несколько. В ряде картин Рериха чувствуется скрытая, но осязаемая тайна, загадка, иногда пророчество. Последнее особенно ясно в картине 1914-го года.

Я давно был знаком с картинами Рериха и считал его только выдающимся художником. Здесь, за границей, я познакомился с его книгами и увидел, что есть еще Рерих-мыслитель.

И оказывается, что и это еще не весь Рерих. Есть еще Рерих — общественный деятель. Есть Рерих — проповедник Красоты, Добра и Знания. Есть выдающийся борец за мир на Земле и благоволение в людях, борец за Культуру. Это иностранное слово Рерих называет служением Свету.

Да продлит же Господь его годы для этого творческого служения.

А.Хирьяков

**“Русское слово”
Варшава, 26.X.1937**

17.XII.37

Дорогие наши З[ина], А[мрида] и М[орис],

Только что получили мы хорошее письмо от Флор[ентины] с упоминанием о собрании 17-го ноября. В этом же письме она высказывает свое возмущение по поводу преступлений Хорша и говорит, что она не упустит случая, чтобы обличить его жульничество всюду. Действительно необходимо обличать эти неслыханное жульничество и вандализм, проявляемые апостатами. Хорошо бы иметь показание свидетеля В., которому было приказано сжечь книги Дювернуа. Один такой вандализм уже показывает, к чему готовы темные души апостатов. Их мрачное намерение распродавать собственность Press направлено по тому же вандальскому направлению. Конечно, Press являлся выражением “Синдиката Носителей”, который был вполне законно инкорпорирован. Но, как видите, апостаты стремятся внести возможно больше всяких махинаций, чтобы увеличить размеры своего вредительства. Ведь они хотят над всеми Учреждениями совершить акты вандализма. Им хочется подобраться и к Музею, чтобы вопреки культурным обычаям наброситься на достояние нации.

Когда Вы известите нас, что и Музей угрожает неслыханный вандализм, то я еще раз напишу открытое письмо ко всем гражданам С[оединенных] Ш[татов], напоминая о том, что Музей является достоянием нации. Наша общая декларация, сделанная в 1929-м году, не была нами отозвана или изменена, и потому она остается в полной силе. Если двое из числа подписавшихся и скрепивших декларацию оказались вредителями и

преступниками, то все большинство остается при прежнем решении, и нация, как таковая не может отнестись бесчувственно к такому яркому происшествию.

Просим М[ориса] очень пристально следить за всем происходящим около Музея, и если он заметит что-либо возникающее, то немедленно подчеркнуть это свидетельскими показаниями и довести до сведения адвокатов. Конечно, и Фламма как самостоятельная корпорация, имеющая первой задачей охрану культуры, выступит, призывая и остальные соответствующие организации на защиту культуры и прав человека. Наверное, и биософы, которых в свое время так оскорбляли апостаты, и многие другие организации вступятся.

Ожидаем Вашего ответа на телеграмму о том, кем и на чье имя был взят сейф в Chemical Bank для сохранения манускриптов Е.И. Эти сведения нам нужны для соответствующих ответов. Очень жаль, что мы до сих пор не имеем указаний от Плаута о том, когда именно магистрат получит письменное сообщение о deposition. Без этих сообщений не можем же мы частным образом идти к нему с машинными копиями в руках и голословно просить его принять deposition. Также Плаут не дал никакого совета, как поступить с вопросами, которые не имеют никакого касания до манускриптов, данных на хранение. Например, в вопросах говорится о каких-то займах, о каких-то подарках, и почему являются какие-то упоминания обо мне, когда дело идет о манускриптах, данных на хранение Еленой Ивановной. Сам факт о том, что манускрипты были даны лишь на хранение, казалось бы, настолько ясен, что и говорить о нем не приходится. Также совершенно непонятны вопросы о том, содержатся ли напечатанные книги в одной тетради манускрипта или в нескольких, и как на это можно ответить, когда оригинальные тетради манускриптов находятся у апостатов. Без сомнения, эти нелепые вопросы измышляются для какой-то мрачной махинации. Но неужели Плаут не дает никакого своего совета? Ведь при cross-examination Плаут иногда находил нужным отвергать некоторые вопросы как не относящиеся к делу. Так же точно поступали и адвокаты апостатов, запрещая Вам давать некоторые показания. Спрашивается, в какой же мере Е.И. может пользоваться таким же правом, не отвечая на вопросы, не имеющие никакого отношения к делу о манускриптах?

Приходится удивляться, насколько глинообразный покровитель апостатов старается всеми незаконными способами прикрыть их преступления. Когда-то найдутся сильные люди, которые приподымут завесу над этим мрачайшим преступлением и покажут, какая именно Иудина веревка связала Глина с преступниками. Великая нация не может же терпеть такие мрачные подпольные махинации.

18.XII.37. Сейчас получено письмо З[ины] от 24-го — 28-го нояб[ря] с приложением письма от Плаута.

Какая ужасная битва с темными силами происходит. Удивительно, что апостат имеет право производить любой contempt of court, и все это, по-видимому, считается вполне допустимым. Следовало бы собрать вместе все его взломы, вторжения — словом, все оскорбления суда; может быть, когда они будут все вместе, то привлекут большее внимание. Значит, апелляция

предполагается в конце января и пресловутый tax case — в феврале, как мы это видим из письма Плаута. Если Плаут и в том, и в другом случае заметит явно вредительские натиски, то ему придется изобрести какие-либо обстоятельства или дополнения, чтобы добиться опять каких-то длительных отложений. Все время могут происходить новые обстоятельства, которыми адвокат может воспользоваться. Мы помним, что после нашей deposition Плаут выразился о ней, что она хорошо составлена (in good shape), значит, он уверен в удачности наших показаний. Но если бы он заметил намеренные вредительские махинации, то пусть всеми мерами затягивает дело. Конечно, для каждого порядочного человека дело представляется совершенно ясным, но ведь мы имеем дело с каким-то злонамеренным заговором, и поведение подкупного Франкенталера это еще раз доказало. После этого Вы сообщили нам о звонках Глина и к другому судье, и этим еще раз было выявлено существование какой-то темнейшей бандитской махинации.

Хотелось бы знать о том, как прошла выставка Бушена. З[ина] писала о ценах на его небольшие вещи. Но хотелось бы знать, сколько вещей продано, какова была пресса и посещаемость выставки. Вероятно, от Андроги можно иметь эти сведения, равно как и о выставке Мещерского. По некоторым соображениям, нам хотелось быть в курсе этих выставок. Мы слышим о них из Парижа и Праги, и хотелось бы сопоставить эти сведения с данными из Нью-Йорка. Просим Мориса сообщить нам, в каком состоянии он нашел Музей и не потребовалось ли составить какие-либо новые affidavit'ы. Несомненно, апостаты мечтают о новых вандализмах, и при этом особое положение Мориса будет иметь и особое значение. Ведь Морис как гарант bondholder'ов до сих пор остается в составе пресловутого совета новых trustees. Свои вандализмы апостаты должны как-нибудь проводить через этот совет. И тогда должно произойти нечто, весьма показательное. Нельзя же предположить, чтобы апостаты могли предпринимать какие-либо действия против Музея и остальных Учреждений, не проводя их через совет. Ведь такие деяния должны же быть где-то записаны, а при таких махинациях присутствие М[ориса] будет иметь чрезвычайное значение. Апостаты вряд ли могут исключить М[ориса] из совета, ибо он является одним из двух гарантов. Если бы они дерзнули и на такой поступок, то комитет bondholder'ов не может остаться безучастным. Вообще очень нужно быть осведомленными о положении и настроении комитета bondholder'ов и их адвокатов. Кажется, от него был какой-то звонок, но чем это кончилось — неизвестно. Совершенно ясно, Вам следует всячески поощрять Плаута не только к оборонительной деятельности, но и к деятельности поступательной. Собирает ли он всевозможные факты, которые Вы ему все время сообщаете? Часто бывает, что факт, показавшийся на первый взгляд посторонним и не заслуживающим внимания, потом, под влиянием новых обстоятельств, получает совсем другое освещение.

И сегодня еще нет известий по поводу deposition'a о манускриптах. Конечно, может быть, это извещение идет длительным официальным порядком, но сегодня магистрат уже уехал на рождественские и новогодние праздники, а после Нового года, как говорят, резиденция магистрата уже будет не в Наггаре, а в Кулу. Вероятно, не сегодня так завтра будет и Ваша телеграмма о сейфе, в котором хранились манускрипты. Без этого сведения

невозможно определенно ответить на некоторые вопросы. Интересно, обращал ли внимание Плаут на целый ряд страннейших вопросов, которые предлагаются, очевидно, по какому-то постороннему соображению? Также интересно знать, на какие именно книги и которого числа закреплено авторское право, о чем поминала в письмах своих Франсис. На русские книги во Франции все авторские права взяты на имя Е.И. Какие мрачные нападения происходят! Если опять помянем о **единении**, то это будет лишь стратегически необходимое условие. Думаем и болеем о Вас и шлем все наши объединительные мысли. Здоровье Е.И. нехорошо. Да и я не могу похвалиться. Да и все тоже.

Сердцем и духом с Вами,

Р.

18.XII.37

Родные наши,

Чуем всю боль сердца Вашего, когда происходит такой неслыханный вандализм и многие не обращают на него внимания. Видим, что телеграмма наша о собрании друзей с адвокатами не была правильно понята. Конечно, не могло быть Указания, чтобы участвовали и те адвокаты, от которых было предостережение в той же самой телеграмме. Можно было предполагать лишь расположенных адвокатов, как то Плаута и Дэвиса, Дэвида Гранта и всех дружественных, если бы таковые за это время появились. И другая фраза была понята, по-видимому, неправильно. Телеграмма предполагала, чтобы Амр[ида] посетила Гериг, и это посещение могло быть полезно в деле с Генри. Вовсе не говорилось, чтобы она ехала к Гериг вместе с Генри, что было бы совсем недипломатично и пресекло бы всякие разговоры. Собрание друзей, на котором могло быть обсуждаемо новое письмо к кузену, должно было быть весьма доверительное, и на нем могли участвовать лишь лица, заслуживающие полного доверия. Вы помните, что даже относительно Ф., имеющего какие-то встречи с Эрнстом, мы предостерегали в письмах, чтобы из собрания друзей не проистекли бы какие-то вредные осведомления. Во всяком случае, если в телеграмме было явное предупреждение о Генри и его партнере, то не могло быть и речи об участии их на таком доверительном собрании. Вообще если бы письмо к кузену принципиально было бы одобрено друзьями, то полезно бы знать, какие именно при этом высказывались соображения, ведь каждая осведомленность в таком серьезном деле весьма необходима. Мы все имеем дело с какою-то организованною бандою жуликов. С каждым днем можно убеждаться, насколько они могут зловредно проползать по всем направлениям. Даже неизвестно, не вскрывает ли какая-то темная рука и разную корреспонденцию. Вскрытия уже замечались. Чем окончилось свидание М[ориса] с судьей С. в столице. Вещей мы сейчас никаких не посылаем и вполне понимаем, что около посылок могут быть и всевозможные

злонамерения. Точно бы какой-то бандитский лагерь. Странно, что адвокат Чарльза после первого благоприятного свидания с Плаутом вдруг как-то отпал. Спрашивается, какие же могли быть воздействия, чтобы после первого благоприятного впечатления все куда-то скрылось? Просто какие-то тайны мадридского двора! Знаем, как трудно иногда говорить о единении, но без него не обойтись, какою бы ценою оно ни было куплено. Во время битвы командиры отдельных частей, в каких бы то ни были отношениях, все же связаны общим планом и движутся в одном направлении. Все знаем, все понимаем, но чем глубже и мрачнее заговор, тем и большая самоотверженность необходима. Спасибо Фосдику за его письмо от 29-го ноября. Понимаем его. Жизнь так сложна, и в мире происходят такие неслыханные нагромождения, что и во всех делах — такое же напряжение. Посылаем для сведения копию нашего письма к мисс Мигер, дали ей список 34 адресов.

Мысли наши с Вами.
Сердцем и духом,

P.

Конфиденциально

5.1.38

Родная наша Верная Стража,

В нашем английском письме Вы уже видите, что именно мы подчеркиваем. Во-первых, мы удивляемся, что Плаут не принял во внимание, когда Вы ему рассказали о естественной возможности нашего иска к Х[оршу] и к Учреждениям о больших суммах, следуемых нам. Казалось бы, для адвокатов каждая такая возможность уже желательна. Затем мы подчеркнули, что если письмо к кузену покажется нежелательным или президенту комитета, или publisher'у, или кому-либо из друзей, то оно вообще теряет свой смысл, ибо такие действия могут быть лишь проводимы в полном единомыслии. Вероятно, если кто-либо протестует против письма, то имеет к тому особые и полезные для дела соображения (по своему разумению). На этом и поставим точку. Также мы напоминаем о том, что ждем и надеемся на удачные действия группы, которую имела в виду Альма. Вы видите, что английское письмо до известной степени имеет вид “филькиной грамоты”, но писать определеннее и яснее невозможно, и Вы это понимаете. Видимо, Плаут возлагает большие надежды на справедливость ап[елляционного] суда. Вполне присоединяемся к его надеждам, ибо всякие “пляшущие франкенштейны”* не будут иметь там места. Но все же телефоны глинообразных существ могут проникать повсюду. Видимо, этот замаскированный преступник достаточно влип в какие-то мрачные апостатские махинации и теперь должен плясать под ведьмовские дудки. Зрелище отвратительное, и когда-то какие-то благородные защитники

истины должны восстать и возмутиться. Наверное, за это время у всех у Вас накапливаются новые данные и доброжелательные маленькие люди приносят вести? Глубоко жаль, что нет доверия к почте, а оповещать непрошенных читателей, хотя бы и об очень хороших делах, не хочется. Если письма доходят как бы нераспечатанными, то это еще не значит, что они не были читаны. Ведь механика и техника находятся на большой высоте. Вообще январь дан как необходимая возможность для накопления новых осведомлений и для укрепления действий. Мы еще не слышали от М[ориса] о положении вещей в Музее. Не знаем, сколько бывает посетителей, через какие “дозоры” эти посетители должны проходить, а также как посещаются всякие пресловутые лекции. М[орис] пишет, что вся атмосфера отравлена. Но не может быть, чтобы какие-то три апостата смогли обладать таким количеством яда, чтобы отравить всю атмосферу. Без сомнения, имеется много спящих друзей, и, например, письмо Клеменса, полученное Дедлеем, лишь показывает, что имеются общественные силы еще не нащупанные, но вполне доброжелательные и активные. Также и клубы, где Вы все не раз выступали, наверное, не отравлены. Вообще все мы должны носить в себе твердую уверенность, что при несломимой устремленности всегда находятся и вспомогательные обстоятельства, которые и подлежат развитию.

8.1.38. Посылаем письмо к Плауту и ответы на deposition. Очень просим немедленно же передать письмо и ответы на deposition Плауту, чтобы в случае каких-либо экстренных замечаний можно бы нам еще телеграфировать. Ввиду того, что сейчас магистрат находится в отъезде, может быть, удастся отдалить deposition до получения телеграммы Плаута. Ведь мы получили письмо от Плаута лишь с последней почтой и могли принять во внимание только теперь его, к сожалению, очень немногие советы. Итак, очень просим дать нам телеграмму касательно ответа до deposition в самый кратчайший срок — ведь это может быть даже до конца месяца. По адресу Фосдика мы послали мой записной лист “Парапсихология”, содержание которого может быть чрезвычайно полезным, когда опять поднимутся глупо злонамеренные разговоры о философии. Также копия этого листа послана Гартнеру с просьбой перевести его и одну копию послать прямо по Вашему адресу. Сегодня уже 8-ое января, но никакого извещения об Адриане нет. После всех суперлативно утвердительных телеграмм и писем из Тульсы было бы бесчеловечно предположить опять какое-то введение в заблуждение. Каждый человек может же базироваться на официально объявляемых ему сроках, иначе вообще никакие дела не могут совершаться. Ведь в данном случае не благотворительность, а дело, подобное тем, которые в области искусства совершаются постоянно в разных странах. Вчера мы получили сведения из Риги, что в последнем номере журнала “Для всех” перепечатана статья Москова в сопровождении снимков с моих картин. Таким образом еще раз видно, что места вовсе не заняты, как уверял нас Греб[енщиков]. Вы совершенно верно характеризуете его и его поведение в Вашем последнем письме. В общем письме я прошу послать в Ригу фотографию с картины “Атлантида”. Из Риги нам сообщают о получении от Вас известия о том, что даже книги сейчас не могут быть продаваемы. Это сведение совершенно

чудовишно, ибо если до сентября Дюбуа продавала книги, то почему нельзя продавать книги в октябре и ноябре? Такое запрещение является новым актом вандализма. Не желают ли апостаты сохранить книги и репродукции для одного варварского аутодафе, о котором они, вероятно, мечтают. Запрещение продавать книги лишает Press средств к существованию — это обстоятельство тоже может быть значительным в руках опытного адвоката. Но фотографию “Атлантиды” все-таки, думается, удастся послать в Ригу. Вероятно, Фосдик Вам прочтет письмо от нас, им полученное. Напрасно ему кажется, что нигде нет отзывчивости. Ведь такая отзывчивость обычно обнаруживается или при личных сношениях, или же при продолжительной переписке. Обычно газеты и журналы настолько завалены корреспонденцией, что многое ускользает от внимания. Обратите внимание на письмо Е.И. к Плауту, ибо в нем заключаются некоторые многозначительные извещения. Чудовишна ложь Белокурой, дающей показание о подарке всех манускриптов. Какая нелепость!

Сердцем и духом с Вами,

Р.

22.I.38

Родная Верная Стража.

Мы порадовались телеграмме о посещении Тарб[ель]. Не удивительно, что ввиду преклонного возраста она не может быть активной сейчас, но очень ценно ее сочувствие и обещание указать кого-либо полезного. Непременно дайте ей прочесть brief, а также посетите потом, чтобы выслушать ее важное мнение о желательном лице. Также Вы дадите прочесть brief и другу Кудашева, который обещал тоже дать свой совет. Не забываем, что Плаут считал, что в ап[елляционном] суде он “будет дома”, очевидно, он имел поводы к такому заключению. Очень хорошо, что, как Вы пишете, Плаут теперь не торопится. При его силах только и возможна тактика отложений и затягиваний. Не правда ли, любопытно заявление Греб[енщикова] с сожалениями, что 17-е ноября было посвящено исключительно судебному делу без намека на ежегодный смысл этих собраний? Но странно, ведь если кто-то ему это высказал, то ведь никому не воспрещалось взять слово и высказаться. Ведь и сам он, как Вы писали, все время молчал. В его замечании, конечно, есть доля истины, ибо, говоря о судах, грабительстве и нападениях, всегда нужно подчеркнуть и суть дела, ибо тогда особенно будет поразительно, что большое культурное дело подвергается таким разрушительным нападкам. Если говорить только о судах, да еще как Вы правильно упомянули, с намеком на недостаточность доказательств, то, конечно, энтузиазм многих может быть потрясен. Е.И. посылает Вам книгу Писаревой о Е.П.Б[лаватской]*. Е.И. очеркнула в ней нечто полезное для Ваших соображений. Вообще при нападениях на философию нужно очень твердо стоять, опираясь и на нынешние научные

достижения. Передача мыслей на расстояние между живыми никак не может быть называема спиритизмом. Само значение слова “спиритизм” уже не приложимо в таком отношении. Повторяем, очень хорошо, что теперь Плаут догадался, насколько полезна ему уже давно подсказанная тактика. Даже малосильный адвокат может всегда изыскать причины протягивания. Пожалуйста, сообщите мне результаты и всякие данные о выставке Б.Григорьева, а также и о Бушене. Нам особенно интересно знать верные факты, ибо на расстояниях все очень преломляется. Так, например, мы слышали об огромном успехе в Америке Бушена, но ведь от огромности и до среднего успеха еще большая дистанция. Эти сведения важны еще и для того, чтобы судить, чем удовлетворяется эта галерея и вообще какого ее направление. Одно показалось нам странным: что для известного художника, для продажи нужна выставка. До сих пор, в случае известности, продажа происходила вне выставки. Как Вы, вероятно, знаете, от Арс[уны] получилась половина годового взноса (за прошлый год). Это было более чем своевременно, ибо дало возможность произвести некоторые отложенные платежи. Жаль, что затягивание этих взносов дает возможность расплачиваться за прошлое и тем отнимает приложение этих средств для будущего. Переживая один срок, уже думается о следующем. Так или иначе, Адриан начал платежи — будем надеяться, что произойдут и продажи. Посылаем для Фламмы отзыв о “Культуре”. Шлем сердечные мысли.

Духом с Вами,

P.

29.I.38

Родная наша Верная Стража,

Болели мы душою, видя, как Вам трудно писать. Ради Бога, берегите руку, ведь эти невралгии требуют такого бережного отношения. Увы, не удивляемся невралгии, у кого же из нас сейчас нервы в порядке, а ведь Вам приходится так многое видеть и слышать, которое даже не умещается в письме. Имеем письмо от Дедлея и Джина. Эти добрые друзья подробно описали престранное, если не сказать больше, рассуждение о письме к кузену. Если в этом вопросе не только не было единодушия, но даже выявилось некое воинствование, то, конечно, об этом больше и говорить не приходится. Читаем в Ваших сердечных письмах, и по строкам и между строк, — все видим, все понимаем. Поистине сейчас не только в делах человеческих, но и в космических все стало необычным. Пишут, что 26-го янв[аря] северное сияние было видимо во всей Европе, даже в Португалии. Никогда такого напряжения токов еще не бывало. Странно, что Стоу говорил, что не видал копии нашей декларации 1929-го года. Необходимо, чтобы копии ее были у всех у Вас, ведь скоро все это потребуется. Также странно, что говорилось, будто бы о lien'e и на музейные картины, между тем ведь какой-то lien упоминался лишь в связи со ста картинами на пятом этаже на

хранении. Также странно, что Плаут точно бы не принимал во внимание несомненное постановление Совета Trustees о двухстах, а затем еще о сорока тысячах, не говоря уже о прочих временно одолженных нами суммах Учреждениям. Ведь эта большая сумма вполне подтверждается журналами заседаний и документами. Странно, что всему, что измышляется апостатами, придается необычное значение, а все наши документы игнорируются. Интересны Ваши сведения о Харитонове. Где только приходится Муромцеву встречаться с таким подонками? Ведь Джениев и Харитонов представляют абсолютный художественный отброс, и даже говорить с ними никому неуместно. Также совершенно непонятно, о каких таких письмах опять болтает дядя Б. Ведь письма же были уже у Мор[иса]. Значит, не говорится ли о каких-то подложных письмах? Во всяком случае интересно прислушаться и к таким шептаниям. Где именно Мур[омцев] мог встречаться и с дядей Б. Очень хорошо, что Вы возьмете письменное удостоверение от мал[енького] человека В. Решительно все данные должны быть собираемы, ибо никогда не знаете, что именно потребуется в борьбе с гангстерами и вандалами. Образец циркуляра апостатов, присланный Вами, превосходит все по своей вульгарности и дурному тону. В наших Учреждениях такая тривиальность не уместна вообще. Спасибо за сведения о Бушене и Григорьеве. Итак, огромный успех Бушена свелся, по большей части, к нескольким рисункам по 25 долларов — “славны бубны за горами”. Очень берегите себя, ибо вандалы мечтали бы все и всех разрушить. Повторяю слово “**единение**”.

Сердцем и духом,

Р.

5.III.38

Наггар, Кулу

Дорогие друзья!

К Памятному Дню 24-го марта* шлем Вам наш сердечный привет. Обернемся на прошедший год и вспомним, сколько творческого продвижения за этот срок произошло. За год удачно состоялся Конгресс, на котором еще раз были подчеркнуты Единение, Добротворчество и Дружелюбие. Появились новые издания, произошли художественные выступления. В объединенных беседах Вы встречались, обсуждали полезные предметы и еще более укрепляли культурное сотрудничество. Конечно, в течение этого года ощущались и немалые трудности. Каждый в своей области чувствовал напряжение, но иначе и быть не могло. Не только земные условия были трудны, но и космические знаки были в прошлом году нагнетены. Повсюду замечалось многое необычное, а северное сияние было наблюдаемо даже на юге Европы, даже в Португалии и в Греции. И в человеческих отношениях замечались как сияния, так и отемнения. В такие

напряженные дни особенно необходимо культурное сотрудничество наших Обществ. Очаги добротворчества должны пылать добрым огнем. Если вьюга и вихрь бушуют вокруг жилья, то тем теснее и дружнее сойдутся путники к огню Благому. В бурю караваны бывают особенно дружны. Перед лицом опасности забываются и те маленькие трения и недоумения, которыми пути превращаются в тернистые тропинки.

На опасных утесах никто не будет думать о малых житейских недоразумениях. Даже животные в караванах идут в полной осмотрительности, когда тропа опасна. Во времена трудностей люди дружелюбнее относятся друг к другу, нежели во время сонного благополучия. Содружества наши и собирались не для того, чтобы подремать в тихом безмыслии. Каждое истинное содружество познается именно в дни трудные, в часы тревоги и исканий. Именно в такие часы драгоценно почувствовать присутствие друга, единомышленника, который готов протянуть руку помощи. Крепко и прочно взаимное рукопожатие. Пусть в разных странах, телесно разъединенные морями и материками, но крепко объединенные в духе, друзья сойдутся 24-го марта в сердечной беседе и почуют всю теплоту души, осветятся лучшими огнями и выскажут благодарность Тому, Кто объединил их на светлый труд и славные достижения. Пошлем наши лучшие дружные мысли Тому, Кто незримо присутствует среди нас и знает тайники сердец наших. Побудем вместе в помыслах добрых и будем знать, что если даже у кого-либо сегодня огорчение, то завтра будет радость. Воззовем всею силою духа, чтобы пришла она, эта светлая радость на пути добротворчества и труда.

Сердечный привет Вам от Гималаев,

Елена Рерих,

Николай Рерих.

8.IV.38

Родные наши З[ина], Ф[рансис], А[мрида] и М[орис],

Пишем Вам вместе, в такие решительные дни хочется всячески подчеркнуть, чтобы все были вместе. Письма З[ины] от 17-го по 21-ое марта и от М[ориса] справедливо говорят о чрезвычайно напряженных обстоятельствах. Конечно, Вы не будете принимать никаких решений, не обсудив все с Комитетом Защиты. Ведь этот Комитет и образовался не на случай благополучия, но именно для помощи в самых трудных моментах. Без этого Комитета и нельзя было бы принимать каких-либо решений. Иначе члены этого Комитета правильно могли бы сетовать и упрекать, что их мнение не было принято во внимание. Ведь некоторые члены этого Комитета обещали и денежно помогать общему делу, а другие, как Меррит, Косгрев обещали в трудную минуту прийти на помощь посредством достойной

прессе. В этом заседании Комитета непременно должны быть созваны все его члены, все желающие принять участие в общественном мнении при виде происходящих жестоких вандализмов. Итак, совершенно необходимо:

1. Созвать Комитет Защиты, обсудить совместно и рекордировать* все решения.

2. Также совершенно необходимо созвание Комитета Музея. Этот Комитет имеет выразить постановление о своем полном признании декларации 1929-го года. Также он подчеркнет, что Корпорация для картин была создана исключительно с целью сбережения их. Этот Комитет в определенном постановлении выразится, что, являясь голосом общественного мнения, он будет протестовать в случае если бы Музею угрожал вандализм. Конечно, не следует называть вандализмом закрытие Музея на некоторые дни недели или даже на какой-либо летний месяц. Вандализм есть нарушение и разрушение всего Музея.

3. Школа предполагается на кооперативных началах. При этом не нужно название с нашим именем. Кроме этой Школы возможны частные курсы всех участников ее в других каких-либо учреждениях или организациях. Так, напр[имер], З[ина] могла бы иметь курс свой в Биософском институте или в каких-либо других посторонних учреждениях. Если же Школа невозможна на кооперативных основаниях, то в таком случае каждому придется озаботиться частными уроками на дому. В случае кооперативной организации преподаватели должны быть полноправными ее членами с полным голосом на школьных собраниях.

4. Ввиду того, что в Press'e находятся большие количества книг, открыток и воспроизведений, то следует озаботиться распространить их хотя бы по уменьшенной цене.

Так, напр[имер], Мор[ис], когда поедет в Санта-Фе, может взять с собою для продажи в Арсуне некоторое количество книг и воспроизведений. Комитет Защиты тоже должен знать, какой книжный актив находится в Press'e. Просим прислать нам шесть копий "Основ буддизма", десять — "Messenger" и десять — маленькой монографии и "Сердца Азии". При этом имейте в виду, что "Messenger" вполне нами оплачен, также "Основы буддизма" и "Сердце Азии" имели наш взнос. Также как и открытки, напечатанные в Париже, были оплачены нами. Сумму, истраченную на пересылку указанных книг, возместим.

5. Следует иметь в виду, что Стокс на Балтийском Конгрессе выразился как действующий Председатель Р[ериховского] Общества в Нью-Йорке. Таким образом это заявление установило существование этого Общества. Если даже оно не инкорпорировано, то ведь многие худож[ники] и науч[ные] общества живут и без инкорпорации. Во всяком случае очень хорошо, что заявление Председателя Общ[ества] закрепило факт его существования.

6. По-видимому, в 1940-м году предполагается новая реорганизация здания. Не следует ли когда-то, до истечения этого срока, как-то еще раз зафиксировать различные наши законные претензии? Так, напр[имер], следуемые нам 240 т[ысяч] долл[аров], которые лежат и на том Мастер-Институте Соединенных Искусств, который сейчас захвачен Хоршем. Вы помните, что экспедиция была не только от Музея, но и от Мастер-Института

и Корона Мунди. Вообще тот адвокат, который участвовал в первой реорганизации, может дать совет, как не упустить следующие сроки.

7. Во всяком случае необходимо, чтобы дело (какие бы ни произошли решения суда) продолжалось, хотя бы в тлеющем состоянии, чтобы осталась возможность его возобновления. Кроме этой возможности протягивание дела важно и в смысле общественном, ибо каждая искра дела уже лишает апостатов сознания полной победы. Последнее обстоятельство крайне важно, ибо апостаты продолжают сеять всевозможную клевету. Когда нечто будет продолжать висеть над ними, то и для всех Вас это будет весьма выгодно.

8. Хотя мы понимаем стесненное денежное положение Пл[аута], но все же удивляемся, что он в первую голову ставит свой гонорар, а не удачное завершение дела. Казалось бы, самолюбие адвоката должно бы заставлять его проявлять крайнюю ярость и находчивость, иначе получается, что обвиняемые оказываются нападающими, а истец — лишь скромным защитником. Напр[имер], миссис Меррик, сама из семьи выдающегося адвоката, пишет нам, что из слов Франсис она вынесла, что наш адвокат хуже плохого. Спрашивается, использовал ли Пл[аут] всякие письма апостатов, находящиеся в его распоряжении? Ведь среди огромного материала писем могут быть весьма показательные, которые могут давать новый аспект делу. Ведь письма были не только посланы отсюда для адвокатов, но, как Зина пишет, ведь и в Нью-Йорке были найдены письма между апостатами, дающие понятия о разных их интимностях. Ведь если апостаты представляют совершенно не относящиеся к делу и даже искаженные выдержки из наших и Ваших писем, то наш адвокат вполне может покрывать эти нападения их же письмами. Вообще получается нечто странное: наш адвокат, по-видимому, скромно умалчивает о нашей общей деятельности, а в то же время адвокаты апостатов всякими клеветническими выпадами стараются представить нас как nobody. Ведь такое извращение действительности уже относится к разряду клеветы. Наш адвокат мог бы рекомендовать такую клевету как подлежащую суду. Хорш может на разных заседаниях суда отговариваться беспамятством, забывчивостью и утерей документов, когда же с нашей стороны представляются его подлинные письма, то ясное их содержание толкуется совершенно произвольно.

Мы были очень рады слышать, что Флор[ентина], как человек житейски опытный, отлично понимает происходящее. Понимают ли действительность также и остальные друзья? Конечно, Вы с ее разрешения покажите ее письмо и Косгреву, и Мерриту, и Народному — словом, всем, кому надлежит знать его.

9. Видимо, наши адвокаты не вполне поняли, что дела, как и Фл[орентины], и Фосд[ика], и Амр[иды], — решительно все представляют собою одно и то же дело и должны были вестись в чрезвычайном единении, в общем фронте всех адвокатов. Также остается совершенно непонятным, каким образом большой адвокат, вызвавшийся помочь и уже обещавший помощь, вдруг спятился, даже не объяснив причины такого более чем странного поступка. Коли причина заключалась лишь в краткости срока, то ведь Пл[аут] говорил, что он легко мог отложить разбор дела на три месяца. Если же существовали какие-то другие причины, то новый адвокат должен

был честно сказать их. Мнение такого опытного человека во всяком случае послужило бы на пользу. Нельзя ли все-таки остаться в дружественных отношениях с опытным адвокатом, и не может ли он пригодиться в каких-либо новых фазах дела и вандализма?

10. Наверное, Вы по-прежнему обращаетесь к разным полезным лицам. При этом, если бы сами эти лица по занятости, по болезни или по возрасту не имели бы сил энергично вступить, то всегда следует их спросить, не имеют ли они в виду еще кого-либо, тоже полезного, к которому можно бы апеллировать? Никогда нельзя сказать, что все источники и возможности исчерпаны. Кроме того, нередко можно заметить, что казавшиеся враги оказываются полезными, а в то же время предполагаемые друзья начинают выказывать вреднейшие симптомы.

Нам пришлось убедиться, что некий называвшийся другом полагает труд свой на писание вредных писем. Сам он от этого не только не выигрывает, но явно проигрывает, ибо обращаясь к нашим друзьям, он передает свои письма в наши руки, и мы начинаем знать его истинный лик.

11. Совет о единении, данный как единственное условие успеха, остается во всей своей силе. Вчера мы получили еще добрую весть, что второе нападение на докт[ора] Л[укина] окончилось полной его победой. Радостно было видеть, как все сто членов Общества встали за него единодушно. Каждый из них припомнил все возможности, которыми он обладает, и все силы были двинуты в полном единении и без замедления. Произошли очень сильные письма к главе госуд[арства], начались делегации, сборы подписей. Пациенты собирались целыми толпами. Клевета, возводимая на докт[ора] Л[укина], была не только отбита, но он сделался популярнейшим человеком. Враги его дошли до того, что устроили о нем клеветническое радио, и эта выдумка всецело упала на голову самих клеветников, ибо общественное мнение с отвращением осудило их. А ведь в числе врагов, кроме всяких коллег-завистников, были и два министра, и директор мед[ицинского] департ[амента]. Все дело предоставилось блестящей тактикой адверза. Также важно отметить, что после первой победы все друзья немедленно стали готовиться к новому отражению нападений, и тем легче далась вторая победа. Вот пример блестящего воздействия общественного мнения, единения и взаимного доверия и полного принятия Советов.

Трогательно писал докт[ор] Л[укин]: “Все против меня сейчас, но знаю Руку Водящую и добьюсь правды”. Вот такой на этих же днях совершившийся пример должен воодушевлять и друзей в Ам[ерике]. И можно видеть, что условие Единения было Дано как нечто наиболее жизненное и действительное. Итак, если мы сейчас опять повторяем тот же завет, то делаем лишь для успеха. Мы разделили письмо на пункты. Сообщите нам происшедшее по каждому пункту в той же нумерации, и тогда легко будет сопоставить. У Вас невралгия, и у нас не легче. Мировое напряжение неслыханно и сказывается прежде всего на сердце и всех центрах. Берегите здоровье, храните Единение, оно поможет и здоровью. Все мысли наши с Вами. Письма Ваши приходят открытыми, помните это.

Родные наши, сердцем и духом с Вами. Сохраните мужество в самые трудные дни.

Родные наши, сейчас получена Ваша телеграмма. Очень хорошо, что традиционный день 17-го ноября был отмечен дружеским собранием в Академии. Пусть это будет светлым знаком на фоне мрака и ужаса. Удивляемся, что Джаксон за все лето не удосужился написать мне ни одного письма. Также странно, что вопрос о соглашении тянулся так долго и будто бы не вызвал никаких дополнительных разъяснений. Точно бы кому-то хотелось довести дело опять до крайнего предела. Какой же совет можно подать отсюда, когда на месте все делается по каким-то непонятым и несправедливым доводам? Может быть, Джаксон найдет какой-то пункт, который должен вызвать дополнительное обследование — investigation? Вы можете представить положение вещей друзьям, ибо трудно сказать, не имеется ли какой-то таинственной зависимости этого дела от дела, которое ведут теперь друзья? Когда мы имеем дело уже не с живыми человеческими законами, а с какими-то лживыми подвохами, то трудно судить, в какой зависимости находятся дела между собою. Конечно, не только крупных сумм, но даже и самых мелких не имеется. И с этой стороны ничего не придумаешь. Но если Джаксона не обошли преступники, то он, как местный законник, должен дать какой-либо совет. Ведь он же производил и солидное, и энергетическое впечатление, о чем мы читали. Невозможно же предположить, чтобы в самый последний момент он оказался абсолютно безоружным и индифферентным. Когда он знакомился с делами, то, конечно, он чем дальше, тем больше понимал, что все это дело, подстроенное преступниками, вызывает и особые меры противодействия. Преступники заручились таинственными покровителями, которые вторгаются и насилуют сферу суда. Невозможно опять повторять все дело сначала, ибо Вы знаете его так же, как и мы, а местами даже лучше нас, ибо все время жили в Нью-Йорке, тогда как мы находились в таком далеком отсутствии, что долгое время даже бывали вне возможности почтовых сношений. Но по-прежнему остается странным, где же экспедиционные суммы, данные американскими учреждениями, о чем широковещательно писалось и печаталось?

Неужели же не бросается в глаза, что Хорш оперирует какими-то резиновыми суммами? Если поверить ему, то он дал 1117000 долл[аров] на Учреждения, как он сам сообщил в герог'е к Хорнеру. Затем он уверяет, что купил картин на 150000 долл[аров], требуя с меня какие-то мифические 200000 долл[аров], и, кроме того, бесстыдно заявляет, что его письмо от 8-го дек[абря] 24-го года касалось каких-то совсем других сумм (и, вероятно, не менее значительных). Сложите теперь все эти хоршевские фабрикации и посмотрите, какая нелепая резиновая цифра получится. Наконец, когда-то должно это потрясающее обстоятельство броситься в глаза. Неужели же Плаут не мог спросить, к каким именно обоснованным цифрам относится письмо Хорша? Вы ведь помните, что Хорш вначале пытался не признать свою подпись, а затем внезапно выдумал новую ложь, что это письмо

касается каких-то других сумм. Чем дальше, тем больше бросается в глаза какая-то неслыханная, вопиющая несправедливость. В одном из своих писем Стокс именно так и выражается о неслыханной несправедливости. Но в каком же мире мы живем, где возможны такие ужасы попрания всякой нравственности? Конечно, может быть, и Джаксон Вам скажет, что не желает утруждать себя изысканием каких-то новых и действительных путей; по нынешним временам всего ожидать можно. Судя по газетам, многие дела тянутся десятками лет, и в это время изыскиваются новые соображения и доказательства. Мы сами неоднократно читали о таких делах. Но в нашем деле — все необычно. Никто даже не интересуется новыми доказательствами. Спрашивается: сумеет ли Дж[аксон] веско ответить на клевету “Сена”, или же он какою-то индифферентностью даст лишь повод еще раз повторить и углубить все злобные наветы? Мы писали Вам в сентябре, прося, чтобы ввиду цензурных условий не посылать сюда длинных легальных бумаг, но ведь это не значило, что Дж[аксон] мог бы запросить нас кратким, но содержательным письмом о некоторых, вероятно, неясных ему пунктах. Ведь все дело так ясно и так просто, что лишь злая воля может так нагло извращать истину. Итак, может быть, или Дж[аксон], или друзья найдут какое-то обстоятельство, которое даст возможность новых изысканий? Все так нелепо вокруг этого дела; так, например, Рокфелл[еровский] Институт уверял Вас о том, что у них никаких следов петиций наших Учреждений не было. Но у нас нашлись копии этой переписки, и мы Вам их послали. Остается подумать, что кто-то скажет, что и копии эти ненастоящие. Имеются еще письма Уоллеса, но для кого они представляют интерес?

Казалось бы, наступающий год для кого-то является решительным, но где же те люди, которые могли бы заинтересоваться? Никаких Золя не нашлось. Впрочем, о чем говорить, в местной газете мы читали на первой странице торжественное благовещение с восстановлением Алькапоне и о его водворении в его роскошной вилле. Военные обстоятельства отражаются на всем. Многие из-за них откладываются и видоизменяются, но, по-видимому, и в этом отношении наши дела находятся в особом положении, и ничто не принимается в расчет, и все даже служит на пользу врагов. Казалось бы, за последнее время и Вы имели несколько дружественных контактов, которые доказывали, что в Америке находится много не выявившихся, но благорасположенных друзей. Deposition, сделанная нами у консула, совершенно ясно говорит о нашей безусловной правоте. Неужели же эта заверенная официально deposition вообще не принимается во внимание? Если клерк невнятно ее читает на суде, то ведь копия ее имела у адвокатов, и они могли выдвинуть наиболее значительные обстоятельства. В мире так многое делается, иногда под видом, малопонятным людям, совершаются большие подвижки. Складываются новые отношения, и с этой стороны много хороших знаков. Неужели же по неумению или индифферентности адвокатов могут происходить такие вопиющие несправедливости и даже, вернее, какие-то организованные преследования? Вот уже истина, что путь Культуры — путь Голгофы. Остается написать книгу об этой Голгофе под названием “Правда”, пусть она пройдет по миру и устыдит тех, кто вольно или невольно вбил гвоздь в возвеличение преступников и грабителей. Не нужно ли еще каких-либо от нас данных,

показаний и удостоверений? Может быть, адвокатам приходит в голову какое-то новое соображение? Хотелось бы в отношении Америки закончить письмо чем-то ободрительным. Это ободрительное может заключаться лишь в новых друзьях, они имеются, и, может быть, в новом удачном помещении будут завязываться полезные соотношения.

Последние Ваши известия о Джаксоне были благоприятны для соглашения — в чем же дело? А тут и почтовые сообщения становятся так затрудненными! Хотелось бы и Вам, и всем друзьям нашим высказать наши сердечные чувства, чтобы Вы почуяли, как дух наш устремлен к Вам, понимая всю Вашу тяготу, но нет светлого достижения без устремленного труженичества. Храните мужество, переживем и это.

Рерих

27.XI.39

Родные наши, мы послали Вам телеграмму, прося напомнить Джаксону, что вследствие военного времени возникают всякие трудности, и обычно в делах эти экстраординарные обстоятельства принимаются во внимание, и многое откладывается на время войны. Не забудьте, что мы находимся в стране воюющей, в которой даже условия обычных сношений весьма затруднены.

Так, например, я должен был послать две небольшие картины в Швейцарию, и с сентября до сих пор еще не получено соответствующее разрешение. Привожу это как иллюстрацию экстраординарных условий. Кроме того, Вы уже знаете, как нерегулярно и в перемешку доходят письма. Но, очевидно, вандалы именно хотят воспользоваться экстраординарными условиями для своих темных проделок. Хорш, несомненно, через разных “покровителей” толкает правительство не только к несправедливым решениям, но и торопит с какими-то разгромами. Хорш весьма заинтересован, чтобы первый разгром произошел как бы от лица правительства. Ведь тем самым будет как бы доказано, что суммы были не экспедиционные, а картины были куплены Хоршем и, значит, принадлежат ему. Наш друг Стокс правильно заметил в одном из своих писем сюда, что он потрясен такими явными несправедливостями. Действительно, каждому честному человеку бросается в глаза, что с нашей и Вашей стороны никакие показания и свидетельства не принимаются во внимание. Но Хоршу разрешается оперировать сфабрикованными им документами, копиями с несуществующих бумаг, разрешается произносить всякую мерзкую ложь и клевету, разрешается ставить на обороте картин фальшивые штемпеля. Все дело показало, насколько по таинственному мановению руки Хоршу разрешается все, а Вам и нам даже самые веские обстоятельства не служат доказательством. Даже документальное письмо Хорша, которое меняет все дело, не принимается во внимание. Никто даже не мог спросить двух определенных вопросов: во-первых, к каким суммам относится письмо Хорша

от 8-го декабря 1924-го года, и, во-вторых, где же экспедиционные суммы, если полученные нами на экспедицию деньги являются частными присылками Хорша и, по его версии, платою за приобретенные им картины? Неужели же судьям не почуялось все темное поведение Хорша? Только судья О'Малей распознал нашу правоту, и затем судья Коллинс воскликнул о том, что Уоллес тревожил его по телефону в связи с поступками Хорша. За все эти годы осталось в тайне престранное покровительство Уоллеса Хоршу. Вы писали о каких-то их сношениях. Но теперь становится ясным, что, пользуясь военными обстоятельствами, предполагается устроить какой-то разгром в пользу Хорша. Мы не раз читали о делах, которые даже в мирное время тянутся целые десятилетия. Спрашивается, почему же в нашем случае даже экстраординарные мировые обстоятельства не принимаются во внимание?

Кроме того, теперь трое друзей готовят свой иск Хоршу. Не торопится ли он со своими новыми махинациями, чтобы прямо или косвенно осложнить иск наших друзей? Не кажется ли Вам странным, что в течение всего лета шли какие-то переговоры (и будто бы благоприятные) о соглашении с Вашингтоном? Можно было понять, что переговоры закончатся успешно, и вдруг сообщается об отказе. Все это показывает на нечто тайно происходящее. Лишь бы только, кроме всего прочего, интересы друзей не пострадали. Посылаю для Вашего личного сведения один из моих записных листов. История повторяется, но в еще более безобразном виде.

Теперь Вы видите, насколько своевременно было сохранить Комитет Друзей и собрать протесты против вандализма. Даже зная положение вещей, все же думается, что экстраординарные мировые обстоятельства должны быть приняты во внимание. Вы ведь знаете, что мы стараемся разыскать старые письма, имеющие отношение к делу. Вы понимаете, что эти розыски также чрезвычайно затруднены мировыми обстоятельствами. При ином положении дела можно бы уже лично поехать, но сейчас и передвижения временно затруднены. Пожалуйста, переведите для друзей эти строки. Ведь из них многие, вероятно, не представляют себе всех существующих затруднений. Вот милый Джин Ф[осдик] сетует на неполучение отсюда писем и трогательно ожидает присылки осеннего выпуска "Flamma". Пожалуйста, скажите ему о всех затруднениях и поблагодарите его от нас за все сердечные чувства, им выраженные. Уже ему послано извещение о перерыве "Flamma" и полный отчет о движении сумм и об остатке. Как жаль, что события так отразились на удачно начатой "Flamma". Еще хорошо, что Академия, как Вы пишете, начинается под добрым знаком. В рождественском номере "Flamma" должно было быть многое об Академии. Будем бороться до конца и не опустим оружия перед окончательной и успешной битвою. О здоровье и не спрашивайте, но и это переживем. Одна наша радость — в единении друзей и в приближении сроков. Пополняйте ряды Ваши новыми и молодыми. Не все так мрачно, как иногда может казаться. Делайте дружбу с музеями, с учреждениями, именно сейчас она может быть особенно полезна. Шлем Вам самые лучшие, самые сердечные мысли и пожелания. Храните здоровье.

Сердцем и духом с Вами,

Родные наши,

Пришли письма Зины от 18-го ноября и Дедлея от 21-го. Письмо Зины очень радостное, особенно же весь эпизод с портретом. Можно себе представить ярость трио, вдруг получивших такое многозначительное для них напоминание. Радостно, что и первое Ваше собрание в новом помещении прошло так хорошо. Расскажите нам, кто именно был из друзей и преподавателей? Будем верить, что в новом центральном помещении обнаружатся и новые хорошие возможности. Пожалуйста, укрепляйте отношения со всеми друзьями, с художественными критиками, с музеями и с прочими общественными учреждениями. Нельзя забросить ни одного, ведь никогда не знаете, откуда может прийти что-либо полезное. Выясните отношение Музея Современного Искусства. Очень жалею, что не могу послать им мой взнос на 1940-й год, ибо сейчас все денежные переводы совершенно затруднены. Даже в такую союзную страну, как Франция, и то всякие переводы пришли в крайне затрудненное состояние. Еще недавно мы получили обратно один журнал, посланный в начале августа в Латвию с наклейкой из Англии, что “сношения с Германией прекращены”. Таким образом, всякие посылки стали невозможны, и кто знает, какие письма сюда или отсюда могут и вообще теряться. Письмо Дедлея совсем нерадостное, и отношение адвокатов поражает. Вернее, подтверждает еще раз все нам и Вам известное об этом сословии. В денежном отношении остается лишь одна возможность около картин, находящихся в Арсуне. Только что им послано извещение, что из 56 картин, там находящихся, 22 останутся в Арсуне, а остальные 34 предназначаются для Академии в Нью-Йорке. Соответственное письмо написано Е.И. в Арсуну, так как все эти картины являются собственностью Елены Ивановны. Среди 34 упомянутых картин находится и две больших — “Звезда героя” и “Оттуда”. Остальные представляют экспедиционные этюды и потому являются особо интересными. Цены за большие картины были по пяти тысяч, а за остальные по 350. Но, конечно, по нынешним временам могут быть сделаны значительные уступки. Может быть, у Вас найдется человек, который за известную комиссию может их продавать для уплаты адвокатам? Может быть, и Бринтон заинтересуется такою продажей? Пожалуйста, от моего имени подарите английскую монографию — об этом я упоминаю в моем письме к нему. Может быть, Конлан попросит у Вас для подготавливаемой им монографии [мои] статьи “Спиноза” и “Гёте” — конечно, только для временного прочтения. Посылаю ему манускрипты, предназначавшиеся для несостоявшегося зимнего выпуска “Flamma”. Он прочтет их и перешлет Вам. Постепенно все имущество “Flamma” будет переслано в Америку. Но сейчас, как Вы уже знаете, пересылать что-либо печатное отсюда невозможно. В лучшем случае посылка в потрепанном виде вернется, а то и вообще

пропадет. Ясно представляем себе, почему Хорш всячески вводит правительство в заблуждение касательно налогов с экспедиционных сумм. Преступник хочет доказать, что картины эти не относятся к экспедиции, а составляют его личную собственность. Если правительство берет с них налог, то этим косвенным путем доказывает, что эти суммы были не экспедиционные, а была лишь частная покупка. Конечно, против этой несправедливости имеется очень веское доказательство. Все эти картины входят в состав декларации, под которой подписался и Хорш, о посвящении Музея нации. Картины эти все перечислены в каталоге Музея, а декларация говорит о картинах, значащихся именно в этом каталоге. Каждый мало-мальски находчивый адвокат, конечно, воспользовался бы таким документом с подписью Хорша, но можем ли мы надеяться, что адвокаты воспользуются хотя бы таким в их пользу доказательством? Во время ведения дела Плаутом все время можно было поражаться тому, что он занимался какими-то незначительными деталями, а самое важное и веское упоминалось лишь мимоходом. Во время войны обычно все дела откладываются и происходят всякие моратории. Если бы мы находились в нейтральной стране, то, может быть, эти обстоятельства и не принимались бы во внимание в полном объеме, но ведь мы находимся в стране воюющей, все условия которой экстраординарны. Неужели же адвокаты даже и это не принимают во внимание и не выдвигают соответственно? Ведь теперь, когда идет также и дело, поднятое тремя друзьями, то и все остальные дела не должны явиться затруднением для этого нового дела. Опасаемся, как бы и Плаут не навредил и не распродал бы документы, находящиеся у него. Наверное, многие документы ему давались лишь на просмотр, но могли быть и такие, которые оставались у него в оригинале. А ведь от такого человека, как Плаут, оказывается, всего ожидать можно. Как жаль, что в свое время некоторые друзья не хотели порвать с ним и передать дело в другие руки, тем более, что и сам Плаут будто бы отказывался. Все это чрезвычайно волнует, и тревожит, и сказывается на здоровье. Пусть новое помещение принесет и новых друзей; так хорошо, что Вы теперь оказались в центре культурной жизни Нью-Йорка. Будьте мужественны, ибо все делается к лучшему, и последнее слово в делах еще далеко не сказано.

Да будет Вам светло, духом и сердцем с Вами,

Рерих.

18.XII.39

Родные наши,

Получили Ваши письма от конца ноября, а также телеграмму о том, что дело № 1 отложено на февраль. Будем надеяться, что адвокаты воспользуются этим временем, чтобы скомбинировать удачные данные. Если они проштудируют deposition, то они найдут много возможностей для

дальнейших оборотов дела. Кроме того, они могут обратить внимание суда на то, что и в данном случае Хорш жонглирует теми же самыми картинами в разных обстоятельствах. Те же картины то оказываются будто бы его собственностью, а в то же время по декларации 1929-го года, под которой подписалась и чета Хоршей, картины эти определенно входят в состав Музея. Что бы ни говорили недоброжелатели, но декларирование [этого], как постановления Совета Музея, имеет свое значение, и адвокаты, конечно, могут ссылаться на него. Также надеемся, что и военное экстраординарное положение должно быть принято во внимание. Мы знаем, что во время прошлой войны такие обстоятельства всегда принимались во внимание, а ведь мы находимся не в нейтральной стране. Очень надеемся, что адвокаты все это примут во внимание. Мы уже писали Вам, что Хорш вводит правительство в заблуждение с преступною целью, чтобы этим порядком доказать какие-то свои, им сфабрикованные, права на картины. А ведь это обстоятельство может косвенно повлиять и на дело, которое ведут друзья. Что касается до ста картин, переданных Е.И. Катрин, то эта передача во всяком случае законна. Во-первых, по нашей семейной традиции все мои картины принадлежат Е.И., но, кроме того, Е.И. имеет мою полную доверенность, выданную еще в 1933-м году. Таким образом, Е.И. во всяком случае имела полнейшее право распорядиться этими картинами. А к довершению всего и сам Хорш знал об этой доверенности и пересылал деньги за проданные картины непосредственно Е.И., и при этом занимал у нее деньги, не спрашивая меня об этом, хотя адрес мой он и знал. Обо всем этом я уже писал Вам, но для адвокатов, видимо, это нужно повторять. Любопытный эпизод со Ст., о котором пишет Зина, нам совершенно напоминает эпизод с моим бывшим учеником болгаринном Георгиевым, который посетил нас здесь в 31-м году. Он очень чтит меня, был в полном восторге от свидания и душевного приема, восхитился Гималаями и с великим энтузиазмом, радостно рассказал о своих впечатлениях в Париже. Но там его искренняя радость произвела как раз обратное впечатление и вызвала яростную клевету и нападки. Люди не озлобляются лишь когда слышат, что кто-то умирает с голоду. Когда ослепшему Врубелю дали маленькую пенсию, то Куинджи скорбно добавил: "Ну если ослеп, тогда уже, может быть, помогут". Но даже пахарь знает, что коня нужно кормить, иначе он сдохнет, пашня запустеет, и хлеба не будет. В июне у нас были Казинсы, и мы их встретили сердечно. Им тем более у нас понравилось, что перед этим они заехали к некоей даме, которая предоставила им столь убогую обстановку, что старики должны были сами выполнять работу суипера (ассенизатора). Конечно, по такому сравнению они тем более оценили наш скромный комфорт. Сам Казинс без дрожи в голосе не мог вспоминать пребывание у странной дамы. Если мы вспомним, что предоставленный нами им мальчик суипер стоит пять рупий, то есть доллар и двадцать центов, в месяц, то гостеприимство может простираться на такую сумму. Вы знаете, как мы против роскоши, и потому даже удивительно слышать, что кто-то может намекать о каких-то излишествах. А с продажи картин, которая произошла лишь в этом году, нужно отдать 20 процентов устроителю, три тысячи рупий неизбежному сотруднику, нести все расходы по транспорту, налоги и прочее. Так что Вы понимаете, как усыхает сумма. А о размерах

транспорта можно сказать, что отправка картин Святослава в Америку обошлась более 800 рупий. Кто-то скажет, что можно прекратить культурную работу в Париже, но Вы представляете себе, что скажут те же Хорши, узнав, что даже маленькие очаги деятельности прекращаются. Уже не говоря о том, что этот центр для будущего очень нужен. Вы сами знаете, как требуется поддержать культурные нити, а в особенности, когда происходят такие разрушения. Если мы питаемся здесь картинами, то и в Америке имеются картины, которые, как я уже писал, могут идти в уплату расходов. Невозможно представить, чтобы после всех выставок, после Музея и всех книг в такой большой стране, как Америка, не было бы покупателей. Неужели нужно подобно Элсхемиусу впасть в паралич, чтобы появились покупатели? Больно слышать, когда осуждения исходят от друзей. Кроме возможности продажи картин, может быть, что-то еще можно получить из банка, за которым пропадает еще некоторая сумма, и это могло пойти на дела. Больно было читать переданные Вами речи друзей. Хорошо, что Вы делаете новые контакты для Академии. Новые связи принесут и новые возможности. Какое отношение Вы встретили в Музее Модернистического Искусства, как они приняли монографию, которую я просил Вас передать? Хорошо, что Комитет Музея существует — он может пополняться так же, как и протест. Карнеги Холл полезен своею центральностью. Неуклонность и светлое горение в проведении дел есть залог успеха. Копии писем Уол[леса] посылаю — может быть, пригодятся. Но Золя еще не показался. Храните пуще всего здоровье и пламень сотрудничества. Помните, что и Высшие Силы не могут помогать там, где не явлено сотрудничество.

Шлем Вам все Светлое.

Сердцем и духом,

Рерих.

30.XII.39

Родные наши,

Письмо Ваше со вложением вырезки из "Monitor'a" пришло чудесно скоро. Теперь мы отвыкли получать такие быстрые письма. Хочется поспешить с несколькими соображениями. Вы пишете о том, что Бил говорил о продаже картин. Это обстоятельство заслуживает неотложных соображений. Спрашивается, о каких именно картинах он мог говорить? Если о ста картинах, принадлежащих теперь Катрин, то ведь передача их Е.И., во всяком случае, закончена по двум основаниям: первое, так как все мои картины являются собственностью Е.И., и она, естественно, ими распоряжается, а второе, что у Е.И. имеется моя полная доверенность с 1933-го года и, таким образом, и на основании этого документа Е.И. может распоряжаться всем. А самый факт отдачи этих картин был закреплен письмом Е.И. и Катрин еще в первой половине лета 1935-го года. Так что об этих картинах не должно быть и речи. Если же переданные Вами слова

имели в виду музейные картины, то наша общая декларация, как постановление членов Совета Музея, остается незыблемым моральным документом. Было бы более чем странно, если бы какой-то вопрос о продаже картин этих произошел именно со стороны друзей. Наверное, Эрнст таким оборотом дела весьма возрадовался бы, ибо это дало бы им повод углубить их вандализм. Кроме того, если Бил является близким другом враждебных адвокатов, то нет ли между ними сговора, чтобы самое губительное предложение произошло именно от адвокатов друзей? Если даже с какой-то странной, “законной” стороны наша декларация почему-то игнорируется, то ведь как постановление Совета Trustees Музея она все же является действительным постановлением, которое не было никаким другим постановлением опровергнуто. Протест, под который Вы собрали и собираете подписи тоже базируется именно на этой декларации — постановлении Совета Музея. Не забудем также, что на том же основании существует и Комитет Музея. Кстати, об этом Комитете. Флорентин[а] была его Председателем, и потому теперь нужно заместить ее. Думается, что Зина, в качестве одной из основательниц Музея и бывшая все время trustee, может занять это место. Впрочем, как всегда во всех наших общественных делах, мы предоставляем решить это Вам на месте, но Комитет Музея во всяком случае должен существовать. Он всегда был нужен, а теперь он станет совершенно необходимым. Тревожит нас денежный вопрос в Америке. И можно лишь удивляться, что именно в этой огромной стране, в которой собрано две трети всего золота мира, именно этот вопрос стоит так неразрешимо остро. Вот мы хотели разрешить его посредством соглашения с Арсуной, и из этих предполагавшихся средств можно было бы ответить некоторым нуждам, а теперь дело пришло в первобытное состояние. Из тридцати четырех картин, посылаемых по адресу Академии, должно же быть что-нибудь реализовано. Ведь во всех странах мы лишь существовали картинами. Кроме того, значительная сумма пропадает за банком, и неизвестно, когда именно он предполагает выплатить ее хотя бы по частям. Будем надеяться, что банк закончит свои выплаты, которые тоже должны идти на общее дело. Кроме того, Крейн заказал мне для своей дочери картину, которая накануне отправки отсюда была остановлена телеграммой Броди вследствие смерти Крейна. Таким образом, эта последняя воля покойного родственниками не была выполнена. Теперь и книга моя в Америке, вероятно, не будет издана “Викингом”, и, таким путем, и на этот гонорар нельзя рассчитывать. Остается только удивляться, что именно в Америке такие правдоподобные получки или откладываются, или вообще распадаются. А уже мы не говорим о всех тех огромных суммах, которые, согласно постановлению, остаются за Учреждениями. Любая фабрикация Хорша принимается судами и всякими легковверными индивидуумами, а что касается нас всех, то почему-то ничто не принимается во внимание, даже две с лишком тысячи моего жалованья и те захватываются. Где же граница несправедливости? Дедлей выражает удивление поступками В.А.Ш[ибаева] и не понимает, какие могут быть причины. Причин несколько, среди них находится и денежный вопрос, ибо он увидел, что нельзя рассчитывать на прибавку жалованья; другая причина тоже экстраординарная, именно его немецкая ориентация. Вы будете глубоко удивлены, узнав, что его родители

из Риги репатриировались в Германию. Это объясняет многое. Вы знаете, что наша ориентация совершенно другая. Люди, которые свое личное благополучие ставят превыше всего, конечно, никогда не могут удержаться на пути Служения. Не удивляйтесь молчанию Гаральда. Кроме того, что у них теперь совершенно тоже экстраординарные условия, он также был призван на военную службу как доктор, и ему даже пришлось пребывать этот срок в казармах. Все это, конечно, выбивает из колеи, и мы также значительное время не имели от него сведений. Везде невероятные осложнения, которые будут лишь усиливаться. Люди достаточно слышали об Армагеддоне, но когда он настал, то они не признают его. Счастье в том, что некоторые страны выйдут из этой ужасной битвы значительно раньше других. Первую часть письма, где говорится о картинах, переведите для адвокатов. Конечно, Катрин может знать все письма, так же, как и Инге. Надеемся, что адвокаты где-то сильно подчеркнут злодеяния Хорша, совершенные им в качестве моего *fiduciary*. Такое сильное напоминание может явиться не только убедительным для судей, но и будет прерыванием срока — так, по крайней мере, было бы в прежнее время на нашей родине. Ведь этот суд, и может быть, ему еще предстоит. Узнайте, кто именно неведомый друг в “Monitor’e”? Таких незримых друзей много, но они рассеяны, и если бы они были собраны — представили бы силу. Как Вы видите, эпидемия разъединенности является главным бедствием и рушением мира. Нам удалось через полк[овника] M[ана] послать четыре пакета осеннего номера “Flamma” Джину.

Да будет Вам светло, храните мужество. И это пройдет.
Сердцем и духом всегда с Вами,

Рерих.

9.1.40

Родные наши, вчера наконец приехал магистрат, и мы могли засвидетельствовать подтверждение бумаги, которая находится у Вас. Таким образом, если бы даже Хорш закинул или уничтожил для каких-то своих злоумышленников бумагу, привезенную в 1934-м году, то у Вас во всяком случае будет ее подтверждение, которое может быть полезно. Ведь теперь, когда бумаги находятся в самых различных местах и часть их, наверное, осталась в руках Хорша, можно всегда ожидать или пропажи, или затерянности среди всяких разновременных бумаг. Очень удачно, что магистрат еще заехал к нам, ибо он переводится на другую должность в другую местность, и всегда получается “междоцарствие”, пока водворится новый. Вероятно, адвокаты с трудом представляют себе, насколько трудно здесь бывает засвидетельствовать бумагу. Помимо того, что основное местожительство магистрата не здесь, а в Кулу, он постоянно бывает в продолжительных разъездах, и тогда, конечно, не может засвидетельствовать бумагу.

Посылаем приложенную бумагу почтой и надеемся, что ничего с аэропланом не приключится, — по нынешним временам всего ожидать можно. Подтвердите получение.

Как видите, Армагеддон все сгущается, но тем не менее необходимо отстаивать культурные дела. Мы только что получили от Музея Модернистического Искусства книгу Пикассо — как видно, музей очень деятелен. Удалось ли Вам повидать директора, презентовать ему монографию и, кстати, выяснить их отношение? Может быть, они находятся в заблуждении, навеянном со стороны трио, а может быть, они просто далеки от всего происходящего.

Скажу пример, насколько даже знакомые люди далеки от действительности. Только что пришло письмо от дочери Крейна, в котором она пишет, что вследствие огромных расходов по налогам и всяким переменам она очень жалеет, что не может приобрести картину, и ей остается лишь любоваться ею в Музее, когда она бывает в Нью-Йорке. Если к тому же вспомним о присылке портрета Е.И., то становится ясно, насколько люди, даже знакомые, не знают о положении вещей. Итак, оповещайте доброжелательных людей, собирайте новых и молодых, во времена Армагеддона необходим особо неустанный дозор о культурных делах. Любите молодых — ведь если сегодня они ищут путей культуры, то ведь завтра они будут руководителями просвещением страны.

Сейчас получили печальную телеграмму об уходе от Земли одного из старейших членов Латвийского Общества Кл.Ст.Вайчуляниса. Глубоко жалею о таком чудесном человеке, незаменимом сотруднике. Никто, как он, не умел поддерживать единение и дать благожелательный и широкий совет. Даже в самые последние минуты среди тяжких страданий (уже год как он мучился от рака в мочевом пузыре) он не переставал заботиться и делах общества и дал много особенно нужных советов в связи с нынешним местным положением. Молодые сотрудники поистине могли брать пример с такого неустанного, преданного делу культуры и Учения деятеля. Поразительно, что каждое 24-е число он освобождался от своих мучительных болей, и врачи ожидали конец год тому назад и утверждали, что продолжение его жизни есть необъяснимое для них чудо. Но он был так нужен молодым в переходное время и внес много понимания момента.

Может быть, Вы получили второй том “Писем” Е.И., хотя к нам он еще не дошел. Несмотря на трудное время, Общество действует энергично и даже выпустило новый сборник, посвященный культурно-художественным вопросам соседних стран. 14-го декабря должно было состояться чествование памяти Мусоргского с обширной программой. Вероятно, на днях дойдет к нам и об этом сообщение. Просто беда, насколько нерегулярна почта. Жаль, что жители разных стран все еще не представляют себе нерегулярности жизни. Вероятно, в нейтральных странах современные события отражаются очень мало. Из Шанхая дошло сведение, что местная группа все же решила продолжать выпуски “Культуры”. Жалеем о “Flamma”, послали Конлану манускрипт материала зимнего номера, и он перешлет его Вам. Отсюда настолько трудна пересылка журнала, что, несмотря на особое разрешение, вторично посланные номера в некоторые страны опять вернулись обратно. Из-за этого мы не рискуем переслать в Либерти ящик с

материалами “Flamma”, ибо это будет сопряжено с большими расходами, и вдруг может с полпути вернуться обратно.

Как иллюстрацию почтовых расходов приведу пример, что пересылка местной посылки стоимостью в восемь рупий обошлась в пять рупий. О таких соотношениях далекие друзья тоже не знают. Удастся ли Джаксону убедительно воздействовать против несправедливости? Неужели эти несправедливости должны стать хроническими? Кто-то переслал нам пачку американских журналов, описывающих ужасные преступления, теперь в стране совершающиеся. Настоящий кошмар. Просмотрев их, еще раз убедились, как трудно ожидать справедливости. Там же увидели и портрет Эрнста, и многое стало ясно.

Да будет Вам светло.

Шлем Верному Стражу и всем близким нашу любовь,

Рерих.

23.I.40

Родные наши,

Спасибо за письмо Зины от 25-го дек[абря], только что полученное. Действительно, даже воздушные письма идут медленно. А ведь прежде они иногда доходили в пятнадцать [дней] и даже еще раньше. Правильно Зина поминает добром Флорентину. Это был верный друг. Мы не вполне поняли Вашу прошлую телеграмму о разных бумагах. Послали мы Вам и в копиях, и в оригинале все у нас к этому [времени] бывшее и надеемся, что вследствие Вашего отъезда эти документы не затеряются. Это письмо, пожалуй, уже дойдет к Вам в конце Вашего пребывания в Лос-Анд[желесе]. Опять Вы увидите новых людей. Если бы Вы встретили проф[ессора] Неппера, сына нашего приятеля, он был проф[ессором] в Университете, то передайте ему мой привет. Пожалуйста, сохраните у себя brief Джаксона по делу “Sun” — когда-то все это потребуется. Удивительный суд, который не принимает во внимание ни расстояния, ни события и даже не дает возможности высказаться за правду. Конечно, по нынешним временам даже хорошо, что это дело пока останется под судом без всякого движения. Надеемся, что мировые события будут приняты во внимание и в деле Джаксона, которое должно было слушаться в феврале. Вы писали, что по этому делу, кажется, предполагалось Ваше показание, но, видимо, и оно отложено. Не удивляюсь, что с “Викинг Пр[есс]” ничего не вышло. Уж очень странно многое происходит, а между тем все три книги — и “Алтай—Гималаи”, и “Шамбала”, и “Твердыня Пламенная” распроданы. Мы знаем людей, которые хотят их приобрести, а издательства им отвечают, что книги распроданы. Таким образом, остается лишь “Сердце Азии”, которое, как Вы знаете, пролежало захороненное. На широкий рынок эта книга так и не попала. А между тем люди так тянутся сейчас к этим темам. Успех убогой “Шангрилы”* лишний раз это доказывает. Но беда в том, что обычно спрос не встречается с предложением. Зина

пишет, что друзья успели сделать между собою соглашение, которое так сейчас пригодится ввиду смерти Флорентины. Действительно, опасно иметь это дело в руках Рок, о которой Вы так определенно пишете. Надеемся, что и Стокс окажется того же мнения. Ведь теперь все прочие движения по делу друзей должны решаться двумя участниками. Будем надеяться, что Стокс поймет соображения Катрин. Наверное, трио теперь воображают, что после ухода такого твердого и верного друга, как Флорентина, произойдет замешательство, во время которого им удастся углубить их вандализм. Опять повторяю, что военные экстраординарные обстоятельства должны бы дать новые, не предвиденные адвокатами противников, возможности. Даже в газетах мелькают сведения о разных мораториях, всяких отложениях и замедлениях, в особенности же ввиду затяжного характера войны. Адвокаты наших друзей могли бы извлечь из этих обстоятельств максимум пользы. В некоторых странах до сих пор психология не изменилась и люди как бы еще не чувствуют размеры событий и внешних, и внутренних.

Посылаю Вам для “Рассвета” заметку к тридцатилетию смерти А.Куинджи. Ввиду общего интереса она может быть помещена, даже несмотря на военные времена. Пожалуйста, пришлите мне оттиски, ведь и газеты, и журналы сюда из разных стран доходят. Только отсюда для посылки печатного слова требуется разрешение, которое трудно получить. Впрочем, за последние дни кажется разрешены эти посылки в Америку, почему мы и попробовали послать в Либерти осенние номера “Flamma”. Интересно, дойдут ли они? Это разрешение посылать распространяется на Францию, Британию и Америку, но остальные страны, хотя бы и нейтральные остаются под запретом. Даже с разрешением осенние номера “Flamma” уже третий раз посылаются в Латвию, надеемся, что на этот раз они дойдут. Так жаль, что “Flamma” угасла, но Вы видите, насколько невозможно печатать ее здесь. Удивляемся, что Зиновья не получила второго тома “Писем” Е.И. Впрочем, кажется, нигде еще его не получили, и до нас он еще не дошел. Думается, что хорошо бы дать эту книгу Муромцеву, и мы писали в Ригу, чтобы она оттуда была им послана, но об этом еще не имеем подтверждения от Саны. Хорошо, что Вы получили от Лукина invoice. Мы не удивляемся задержке, ибо он на это время был призван на военную службу и находился вне города. Как дела в Академии? Не удивляемся, если потребуется некоторое время, прежде чем новый контингент и преподавателей, и учащихся наладится. Ведь этот контингент должен прийти из совершенно новых кругов. Не слышали ли Вы, что творится в стане трио? Видимо, все там поухло — время от времени не худо бы осведомляться о происходящем там, чтобы быть в курсе дела.

Состоялся ли контакт с Музеем Модернистического Искусства? Может быть, и еще с какими-либо художественными и культурными учреждениями завязались связи? Радуемся Вашей дружной жизни и шлем Вам, как всегда, наши лучшие мысли и чувства. Храните спокойствие и мужество, все будет хорошо.

Сердцем и духом с Вами,

Перух.

Родные наши,

За это время пришло письмо Зины от 29-го декабря и страннейшая и длиннейшая телеграмма от Гринбаума, Вольфа и Эрнста. Из этой телеграммы мы ничего не могли понять. Спрашивается — откуда же появилась эта Белокурая, которая раньше не появлялась самостоятельно? Спрашивается, каким таким кредитором она может быть — вообще в этой телеграмме чутся новый грязный поход гангстеров. Телеграмма сюда шла более трех суток, а 1-го февраля Вы уезжаете в Лос-Анджел[ес], потому мы решили послать Вам спешную телеграмму, а длиннейшее содержание полученной телеграммы мы перетелеграфировали Джаксону, и обе эти телеграммы стоили нам свыше ста рупий. Может быть, таинственное содержание телеграммы вовсе не касается Джаксона, но так как в телеграмме стоит мое имя, то он сейчас является единственным прикасающимся лицом к нью-йорк[ским] делам. Может быть, за последние дни у Вас произошли события, о которых мы ничего не знаем, и странное привхождение ведьмы для Вас уже объяснимо. Неужели же ее интимный друг и покровитель Хорш подарил ей какие-то дела? Или же злоумышленно нечто совсем новое? Будем ждать Ваших пояснений. Думается, что происходит новая грязная попытка [нападок] на картины. Наверное, гангстерам хотелось бы воспользоваться военным временем и под шумок злостно расправиться с картинами. Брэгдон в своем последнем письме опять говорит о его встречах с людьми, которые стремятся увидеть мои картины и ужасаются, слыша о зверском поступке гангстеров. Многие забыли или вообще не отдают себе отчета, что в темницу брошена тысяча картин, составляющих собственность нации. Ведь даже те, которые любят искать легальные зацепки, признают, что наше общее постановление — декларация во всяком случае имеет моральное значение. Если полномочное постановление Совета Trustees не имеет значения, то, значит, и все постановления Совета не имели и не имеют значения. Тогда спрашивается, к чему происходит комедия официальной инкорпорации и на всех бумагах подчеркивается, что Учреждение инкорпорировано? Неужели в Америке все это лишь бутафория и по желанию “инспирированного” судьи может интерпретироваться во всех направлениях?

За эти годы мы явились свидетелями чудовищных несправедливостей. Даже Стокс, избегающий всегда сильных выражений, не мог не написать, что в этом деле проявлена величайшая несправедливость. Слыханное ли дело, чтобы суд принимал во внимание и базировал свое решение на домашней копии сфабрикованного “документа”, никогда не существовавшего и потому на суде не предъявленного? Сфабрикованные поддельные бумаги принимаются во внимание, а подлинное письмо самого Хорша игнорируется. Помните, что Хорш вначале на суде пытался сказать, что его подпись поддельная, и лишь потом не решился утверждать эту свою новую ложь, но при помощи советчиков своих стал утверждать, что содержание его письма

относится к чему-то другому. По странности суда никто не допросил Хорша, к чему же такому другому его письмо относилось. Какая потрясающая картина недобросовестности и вопиющего пристрастия! К сожалению, с Гималаев остается лишь поражаться, что и в теперешний век воочию можно видеть несправедливость, с которой сложены многие древние сказания. За этими темнейшими знаками скрывается и художественный аспект происходящего. Правда, в истории можно видеть примеры, как в войнах уничтожались библиотеки, музеи и всякие культурные памятники. Но не приходилось нам читать, чтобы тысяча картин одного мастера бросалась бы в темницу, а народ безмолвствовал. Тысяча картин есть труд многих лет. Пословица говорит, что унция мозгов весит больше, чем тонна мускульной грубой силы. А сколько же унций творчества нужно потратить на тысячу художественных образов! Ведь это целые годы труда невосполнимого! Брэгдон пишет, что люди ужасаются, но, добавим, ужасаются они шепотом, а улыбаются гангстерам при встречах явно. По человечеству, нельзя же допустить, чтобы один гангстер с двумя своими супругами мог обокрасть ближайших сотрудников, обокрасть нацию и глумиться над общественным мнением. Когда в недалеком будущем вся эта гнусная эпопея будет вновь пересматриваться, то в каком же свете предстанут таинственно инспирированные судьи? И как будет торжествовать судья О'Малей, который пошел против своих коллег и подал свой одинокий голос за правду! Как характерно для нашего века, что за правду из пяти судей был лишь один. Тяжек путь эволюции. Вероятно, в пути находится Ваше письмо с подробностями, о которых Вам говорила Рок. Наверное, Флор[ентина] не забыла Зину. Февраль будет тяжек, соберем доблесть и мужество. Уносят здоровье вести. Да будет Вам светло.

Сердцем и духом с Вами,

Рерих.

7.II.40

Родные наши,

Пришло письмо Зиночки от 8-го янв[аря]. Зиночка совершенно правильно передает мнение адвоката о том, что если бы не было таинственного протектора, то мы давно бы выиграли дело и трио получило бы по заслугам. Это мнение правильно, но такая же бездна несправедливости царствует в мире. Порядочным людям прямо дышать невозможно. Тот же адвокат что-то говорит о разделе картин между друзьями и предателями. Но согласие Ваше, наше и двух друзей значило бы, что мы отказываемся от декларации 1929-го года. Наша опора в том, что мы все считаем постановление Совета Trustees незыблемым. Ведь никакого отказа со стороны нации не было. И до сих пор во всех странах молчание всегда считалось знаком согласия. Даже существует стариннейшая пословица: "Молчание есть знак согласия". А Древний Рим, откуда произошла эта

пословица, всегда считался большим законником. Впрочем, теперь, за смертью Флорентины, во всем ведении дела, вероятно, произойдут изменения. Да и участие самой Рок еще не выяснено. На всякий случай посылаем Вам по одному экземпляру двух изданий каталога — у нас у самих больше не остается. Потому Вам полезно из склада иметь под рукою хотя бы по несколько копий каждого издания.

Мы Вам не ответили телеграфно на Вашу телеграмму с запросами о передачах и доверенности, ибо мы немедленно послали Вам все к этому имеющееся у нас, а засвидетельственная копия доверенности уже ранее была послана Катрин. Особенно важно, что как эта доверенность, так и бумага о передаче относится к 1933-му году, то есть перед моим отъездом в Америку и задолго до возникновения всяких дел. Теперь, вероятно, и засвидетельствованная передача уже Вами получена. Также обратите внимание, что мое письмо от 33-го года о передаче не было засвидетельствовано, но по закону Пенджаба, где мы резиденты, такого засвидетельствования и не требуется. Совершенно достаточно письма. Об этом мы получили точное подтверждение и от нынешнего магистрата, и местного адвоката. Ведь мы здесь живем по местным условиям и законам, но во всяком случае полная засвидетельственная доверенность покрывает все. Не телеграфировали мы Вам также и потому, что не только все письма и телеграммы идут через цензуру и это может вызвать промедление — ведь времена особенные. От Джаксона мы получили телеграмму о том, что он примет меры охранить наши интересы и против самозванного кредитора. Но в этой телеграмме не упомянуто, имел ли он консультацию с Вами, — о чем мы ему подчеркивали. Как мы уже писали, мы вынуждены были телеграфировать прямо ему, ибо были не уверены, дойдет ли телеграмма до Вашего отъезда. Мы ломаем голову, откуда произошло это подставное лицо, ибо, как Вы знаете, мы с Белокурой вообще никаких дел не имели. Очевидно, произошла какая-то новая темная фабрикация и гнусное дело обогатилось еще одним эпизодом. Надеемся, что Джаксон все-таки повидался с Вами и теперь находится в курсе. Хотя если он друг Гринбаума, то он получит своеобразные пояснения. Будем надеяться, что его действия не будут так же своеобразны. Это письмо, вероятно, придет к Вам по Вашему возвращению, и Вы можете проконтролировать действия адвокатов. Статью Кауна, которая не так уж плоха, все же не посылайте ни Конлану, ни Шкляверу, ни в Ригу. Вы уже знаете, что Шкл[явер] призван и служит простым солдатом. Мы хотим, ввиду времени военного, почти прикрыть Центр. К сожалению, все же придется платить за помещение для склада картин и некоторую субсидию Шкл[яверу], который получает полфранка в день как солдат. Если были в русских газетах какие-либо мои статьи, то, пожалуйста, их пришлите. Помнится, Вы писали, что статья “Мир Искусства” появилась в “Рассвете”. К нам печатное слово доходит, но отсюда посылать его затруднительно. Относительно Шибеева остается официальная формула, что он находится в долговременном отпуску, впрочем, весь этот эпизод не имеет особого значения. Он уже давно говорил об Австралии или Новой Зеландии, может быть, он хочет осуществить это, ибо натурализуется брит[анским] подданным. Ничего толком о нем не знаем. Вы пишете, что Стокс состоит председателем Общества Друзей, но когда я говорил о Комитете, я имел в

виду не Общество Друзей, а Комитет Музея, в котором покойная Флор[ентина] была председателем. Потому-то мы и предлагали, чтобы после Флор[ентины] вполне естественно Вы могли бы быть председательницей этого Комитета. Сам же этот Комитет еще будет очень нужен при дальнейших перипетиях дел. Ведь этот Комитет является как бы выражением общественного мнения. Теперь при многих музеях в разных странах имеются такие комитеты, которые добровольно находятся на страже интересов учреждения. Повторяю, что этот Комитет будет очень нужен. Он может быть и не слишком многочислен, ибо это не Общество, а Комитет. Опять у Е.И. сильнейшие сердечные перебои, и мы оберегаем ее от писания. Конечно, все многообразные события чувствуются сердцем, и нужна особая бережность в таком возрасте. Много везде трудностей, отовсюду о них пишут, но все же приближаемся к светлому будущему. Пословица говорит: "Из-за кустов леса не видно". Так и сейчас многие совершенно не понимают, где же строевой лес, закрытый всякими зарослями, а он стоит и, может быть, именно сейчас мощнее, чем когда-либо. Шлем нашему Верному Стражу самые сердечные мысли, спасибо Дедлею за письмо, радуемся Вашему счастью. Передайте наш душевный привет Катр[ин], С[офье] Мих[айловне] и Инге. Храните мужество, все придет.

Сердцем и духом с Вами,

Рерих.

17.II.40

Родные наши,

Это письмо, наверное, уже застанет Зину в Нью-Йорке, опять в разгаре битвы за правду. Последняя темная выдумка о том, что Белокурая является кредитором, оказывается одной из самых злостных. Ведь ни у Вас, ни у нас с этой личностью никаких дел денежных не было. Кроме того, никакой собственности у меня не имеется, и это наши адвокаты должны прочно запомнить. В подтверждение Вы теперь имеете целый ряд соответствующих документов. А кроме того, еще от отъезда моего на Дальний Восток, уже в 1933-м году, Е.И. имела полную доверенность — заверенная копия ее имеется у Катрин. Совершенно не понимаю, почему Виль говорит о каком-то разделе музейных картин? Если shares Корпорации сейчас делятся пять против двух, то ведь без всякого раздела большинство может постановить всю неделимую судьбу картин. Никогда не бывает, чтобы Корпорация выдавала бы меньшинству все, что это меньшинство пожелает. В каждой Корпорации голосует большинство, и голоса меньшинства вообще не имеют значения. Потому нам кажется, что не является ли этот Виль тоже подставленным лицом Эрнста и Гринбаума, тем более, как Вы пишете, он уже забежал на поклон к ним и спрашивал разрешения взяться за это дело. Уже этот один поступок показывает, насколько ненадежен такой адвокат. Этот его поступок должен быть не только оповещен друзьями, но и должен

быть где-то и как-то записан. Ведь такой человек не может внушать доверия, и если дело будет в руках такого двоерушника, то ведь опять произойдет лишь перевод денег. Что думают по этому поводу друзья? — ведь это дело чрезвычайной важности. Беспокоимся, достаточно ли вооружен Джаксон для своих схваток с Гринбаумом? Впрочем, наверное, Вы успели ему выяснить всю злокачественную сущность Белокурой и ее подставную роль? Является вопрос, из каких же денег заплатить Джаксону? Сейчас остается единственная возможность сделать это из денег, оставленных Сутро. Может быть, дочь Сутро каким-то способом может авансировать часть для этой срочной цели? Отсюда трудно сказать, как поступить в этом денежном вопросе, а Вам на месте виднее, что можно и как лучше сделать. Другого источника кроме денег Сутро не придумать. Тем более, что дочь Крейна написала, что вследствие больших наследственных пошлин на имения она не может выполнить желание отца. А о продаже картин в Арсуне, конечно, нет ни слуху ни духу.

Такие-то дела! Пожалуйста, скажите при случае Брэгдону, Пелиану и другим друзьям, чтобы они не огорчались, не получая наших весточек. Пусть все помнят, что мы живем не в нейтральной стране и почта неестественна. То же самое скажите и милому Джину в Либерти. А кроме всех почтовых условий я сейчас без секретаря. Все пробуем найти возможность и переслать через Америку экспресс-ящик с останками “Flamma”. Но по нынешним обстоятельствам даже такая простейшая посылка затруднительна.

С каждым месяцем, конечно, все эти обстоятельства будут лишь осложняться. Так, например, Ваше январское письмо пришло значительно раньше декабрьского письма, а кроме того, ощущается, что некоторые письма вообще не доходят. Все это крайне затрудняет ведение каких-либо дел, недаром чрезвычайные военные обстоятельства всегда во всех странах принимались во внимание. Сейчас очень часто мы получаем в письме конец какого-то эпизода, а начало его и значение не доходят вообще или в лучшем случае приходят много позднее. Но многие корреспонденты не хотят понять эти экстраординарные условия и спрашивают от нас ответа на то, о чем мы вообще не знаем. Поистине Армагеддон! И теперь это слово начинает все чаще упоминаться. И еще у нас одно большое огорчение. У Е.И. необычно усилились перебои сердца и обычное лекарство почему-то не действует. Всячески оберегаем Е.И. от писания на машинке и вообще от всяких неприятностей, ибо все это вызывает трепетание сердца. Состояние это продолжается уже четвертую неделю, и вся сердечная область очень наболела. Отовсюду идут просьбы о деньгах. В том числе и усиленные настроения от Шкляв[ера]. Оказалось, что Г.Г. забран простым солдатом, и нет никаких возможностей перевести его на более сносное положение. В последнем письме сообщается, что старик Шкл[явер] находился между жизнью и смертью — так на него повлияло суровое положение сына, здоровье которого тоже плохо. Так тяжело отказывать в денежных просьбах, ибо знаем, что положение многих людей прямо трагично, но что же делать!!! Кто-то все еще думает, что у нас имеются какие-то возможности помогать. Да, времена поистине армагеддонные. В Риге тоже нелегко, ибо умерший на днях Вейчулянис всегда по мере сил поддерживал Общ[ество]. Сейчас от

всех друзей, от всех сотрудников требуется хранить величайшее Доверие, ибо и Армагеддон ведет к тем же благим сужденным достижениям, но, к сожалению, не все это могут понять. Имеются и добрые знаки, но их нужно усмотреть. Как бы хотелось Вам о них рассказать! Вернулись ли Катрин с Инге, и как ее здоровье? Поцелуйте их от нас. Привет милому Дедлею, обнимаем Вас и просим по-прежнему хранить мужество и здоровье.

С любовью,

Рерих.

26.II.40

Родные наши,

Сейчас дошло письмо Зиночки и Дедлея от 15-го по 17-е января.

Посудите сами, можно ли регулярно вести какие-либо дела, когда письмо Зины от 29-го января доходит 20-го февраля, а письмо от 15-го января приходит лишь 26-го февраля. Из-за такой нерегулярности совершенно изменяется весь аспект дела, и наверное, и Вы не бываете вполне уверены, какие именно Ваши письма к нам или наши к Вам доходят, если вообще не пропадают. На всякий случай начнем с этого письма нумерацию писем, просим и Вас при ответе на это письмо уже начать нумерацию. Вы пишете, что в Америке не принимают во внимание никаких военных условий. Это еще могло бы отчасти касаться нейтральных стран, но страны, так или иначе вовлеченные в орбиту войны, не могут не ощущать на себе многие ненормальности. Впрочем, о чем говорить, когда Вы сообщаете, что в brief'e для суда 84 страницы отводится лжесвидетельству Хорша, а на мою долю всего остается 24! Этот как бы предвестник какого-то злонамеренного решения дела. Доносчик и лжесвидетель, вероломно использующий данную ему доверенность, несомненно, будет найден правым. А о настоящей правде никто и слушать не пожелает. Впрочем, за целый ряд лет мы уже привыкаем к темному потоку лжи, который несется не только в наших и Ваших делах против всех нас, но и захлестывает все народы посредством всяких лживых радио и всяких учреждений для misinformation. Будем надеяться, что Джаксону удастся ввести крепкую драматическую ноту и воспользоваться случаем, чтобы наконец спросить суд о всех злостных фабрикациях Хорша. Также, может быть, он спросит: откуда и под чьим покровительством происходит такая очевидная предвзятость во всем деле? Вы писали, что адвокаты правильно замечают о том, что без таинственного покровителя Хорш уже давно получил бы по заслугам. Нам говорили из Парижа, что не может быть такого суда, в котором принималась бы во внимание домодельная "копия" с никогда не существовавшего документа. Но в нашем деле законы, видимо, не писаны. Позорный Франкенталер постановляет свое решение именно на основании этой сфабрикованной Хоршами "копии". Куда же дальше идти! Также совершенно непонятно, где и каким образом были мне передаваемы суммы на

экспедицию, финансируемую американскими учреждениями, если пресловутое письмо Хорша от 8-го дек[абря] 1924-го года имеет в виду какие-то другие суммы, о которых никто даже не спрашивает Хорша. Наконец, никто будто бы не может спросить на суде: что же именно случилось в июле 1935 года, когда Хорш под защиту таинственного покровителя решил начать свою преступную атаку? Также точно: что может означать новая злокачественная махинация, в силу которой такая мрачная личность, как Эстер, претендует быть нашим кредитором? Знаем только, что мы гостеприимно давали ей кров и открыли перед ней двери к возможностям. Неужели не имеют никакого значения все ее письма, в которых она, будучи более чем взрослой, расточала суперлативы к Е.И.? Также, неужели не имеют значения все суперлативные письма четы Хоршей, копии которых и оригиналы имеются у Вас? Даже странно подумать, чтобы такие явные документы, как письма, ими самими подписанные, совершенно не принимались во внимание на суде! Где же предел всяким таинственным воздействиям? Остается лишь подумать, что трио завлекло своего таинственного покровителя в такие финансовые дебри, что он терроризирован. А, может быть, попросту говоря, он участвует в их шайке. Кто знает, но во всяком случае все неслыханные мрачные подробности этого дела невольно наводят на всякие мысли. У нас не имеется копии с бумаги, засвидетельствованной Жарвисом в Калькутте. Вы с Франсис тогда же увезли эту бумагу в Нью-Йорк. Может быть, сведения о ней имеются в музейных файлах, которыми заведовал Морис, но мы все бумаги посылали в Нью-Йорк. Разве не был Хорш нашим fiduciary? Многое могло бы быть найдено у него полезное для освещения дела. Очень интересна выписка, Вами присланная. В руках адвоката она может быть весьма полезной, ибо он может действовать обратной тактикой, и тогда Хоршу нужно будет доказать, почему сказанное в присланной Вами выписке неверно. Когда получили сегодня Ваше письмо от 15-го янв[аря], мы думали, что в этом конверте уже будет разъяснено по поводу злонамеренной выходки подставной кредиторши Эстер. Ломаем себе голову, кто за новое подставное дело? Но никакой property я вообще не имею. Сто картин с четвертого этажа принадлежат Катрин, о чем Вы знаете. Что же касается картин в Музее, то Вы также знаете, что они не составляют мою собственность. Может быть, все-таки Джексон удумает лучший исход, чтобы сохранить мою сумму от Сутро? Пожалуйста, запомните, что, захватив мое экспедиционное жалованье, они захватили в том числе и 300 долларов, потраченных Институтом на ботаническую экспедицию, результаты которой ими были приняты. В конце концов эти 300 долл[аров] должны были бы быть спрошены с Агрикультуры. Может быть, Джексон сейчас почему-либо не хочет об этом говорить, но затем все же пусть он подумает, что неуместно бросать сумму в 300 долл[аров]. По нынешним временам эта сумма весьма значительна. Мы запросим магистрата, когда он приедет в Кулу, чтобы засвидетельствовать присланную Вами доверенность для Зины. Только что получили извещение, что он приезжает 9-го марта. Уже в прошлом письме мы писали о том, что из этих сумм можно уплатить адвокатам. Очень хорошо, что Вы собираете и новых друзей. За эти годы могло подрасти новое поколение деятелей, и

среди них могут быть честные, непредубежденные люди. Ведь молодые всегда Указывались.

Итак, происходит опять свирепая битва за правду, будем надеяться, что Джаксон не обманет Ваше и наше доверие. Такое огромное количество материала в руках адвокатов. Какие именно документы находятся еще в руках Плаута? Надеемся, что оригинал письма Хорша от 8-го дек[абря] 1924-го г. находится у кого-либо из Вас, ибо в свое время мы просили не доверять этот оригинал. Пусть и в труднейшие дни Армагеддона светло продолжается Ваша культурная работа. На этом и шлем Вам наш душевный сердечный привет,

Рерих.

Родные мои Зиночка и Дедлей, очень тронута была письмом Дедлея, в котором он так просто, так сердечно пишет о выпавшем на его долю счастье, несмотря на тяжкие армагеддонные дни. Родные наши, от всего сердца радуюсь Вашему счастью. Храните его, как самый редкий, самый прекрасный цветок. Нет ничего прекраснее духовного единения. Все силы духа устремите на укрепление этого единения. Пусть оно растет на основе данного Вам Учения Жизни. Ценим нашего верного и милого Стража и радуемся, что он не одинок, и силы его возросли, и бдительность приобрела двойную зоркость. Конечно, моя доля денег С[утро] должна пойти на расходы по делам. Как нам ни трудно, но твердо знаю, что помощь придет. Так было, так и будет. Н.К. уже написал все деловые соображения, потому не буду повторять их. Но мне хотелось бы, чтобы Зиночка передала майору Ст[оксу] мою глубокую благодарность. Он, видимо, не любит писать, потому и мы не пишем ему, чтобы не затруднять его ответами, но пусть он знает, как мы ценим все сделанное им для дел В[еликого] В[ладыки]. И сейчас, когда сроки так приблизились, особенно радостно сознавать, что друзья не отступают, но продолжают идти твердо. Так и дойдем до сужденного, до сужденной победы.

На днях отослала просмотренную копию "Аум". Теперь вся книга закончена. Также мне хотелось бы знать, дошла ли до Зиночки последняя посылка "Надземного", которая кончалась на 499-м параграфе. Пока не получу подтверждения, не буду посылать. Начала уже собирать "Надземное" для печати, через год книга должна быть издана, конечно, с пропусками. Получила ли Зиночка второй том моих "Писем"? Если нет, следует запросить друзей, чтобы они выслали. Запрошу их и я.

Спасибо за желание внести 10 долл[аров] членского взноса в Музей Модернистического Искусства. Пожалуйста, удержите их потом из денег Сутро. Просим также послать наш привет мисс Мигер в Бостон и сказать, как мы все одобряем и любим ее журнал. Такие культурные очаги чрезвычайно нужны.

Между прочим, необходимо Вам иметь под рукою хотя бы по две или по три копии всех книг и каталогов, которые издавались в наших Учреждениях и в других издательствах. Ведь могут быть запросы, а книги и без того слишком долго оставались в темнице. Под лежащий камень вода не течет. Больно думать о затраченных зря деньгах. Ведь сейчас все три книги, изданные

Стоксом и Бостонским издательством, по словам издателей, уже разошлись. Так что неверно было бы думать, что спроса нет. А лондонское издание “Алтай-Гималаев” сразу же разошлось.

Думая о нашем деле, все же становится жаль, что адвокаты не собрали вместе все жалобы лиц, обобранных Хоршем. Ведь это сразу установило бы яркую оценку этой личности. Как он обобрал и Святослава!

Радуемся от всего сердца, что Вы ищете новых контактов. Только через людей приходят новые возможности. Но ищите без предубеждения, ищите среди молодых.

Берегите здоровье, ибо токи очень тяжкие. Вот и я почти четыре недели испытывала сердечное недомогание и не могла писать на машинке. Сейчас уже лучше, но перебои еще замечаются.

Привет Софье Михайловне. Крепко обнимаю Вас обоих.

Сердцем с Вами,

Е.Р.

III.40

Родные наши!

Зина, Франсис, Катрин, Инге, Дедлей, Морис, Стокс, все Вы и многие другие знают всю ложь Луиса Хорша, Нетти Хорш и Эстер Лихтман. Вы все отлично знаете, что деньги, которые Хорш пытается искать с меня, вовсе не были взяты мною, но представляют из себя суммы на экспедицию, которая была финансирована Американскими Учреждениями. Вы знаете, что Хорш вынудил меня дать ему векселя как бы для каких-то его технических обстоятельств, и тут же он дал письмо 9 дек[абря] 1924-го года, аннулирующее эти векселя. А теперь этот лжец и клеветник вводит суд в заблуждение, говоря, что это его письмо относится к каким-то другим суммам. И никто его не спрашивает, какие же это были другие суммы? Это лишь один из ярких примеров лживости и злонамеренности Хорша. Такую же ложь он выказал и в деле с картинами, которые вовсе не составляют его частную собственность, как он, желая их присвоить, теперь лжет, а являются собственностью нации, охраненные Paintings Corporation, созданной для безопасности этих картин. Казалось бы, Хорш ясно показал, что картины эти не его собственность, когда он подписывал постановление Совета Музея — декларацию 1929-го года. И в этом случае Хорш лжет и даже вводит в заблуждение правительство Америки, уверяя, что картины эти — его частная собственность. Найдя адвоката, по нравственности своей похожей на него самого, Хорш лживо пытается доказать, что Мастер-Институт Объединенных Искусств вовсе не наше общее Учреждение, а его личная собственность. При этом он при помощи жены своей совершает подделку и манипулирует домашней “копией” с никогда не существовавшего документа. Необъяснимыми, таинственными способами Хорш достигает, что суд принимает его подделку, тогда как, казалось бы, ни в одном суде всего мира

не могут принять во внимание никем не заверенную домашнюю фабрикацию. Перечислять все лживые, преступные махинации Хорша — значило бы цитировать все Ваши и наши дела с ним. Каждый из нас может добавлять еще множество прискорбных эпизодов, в которых Хорш, его жена и Эстер Лихтман оказались злонамеренными, своекорыстными лжецами. Совершенно непонятно, почему голословные, подтасованные лжесвидетельства Хорша принимались судом, тогда как все Ваши достовернейшие показания оставались в небрежении. Правда, были и такие судьи, которые признавали всю Вашу и нашу правоту, но, как часто бывает на Земле, они оставались в меньшинстве.

Правда, некоторые юристы утверждали, что если бы не появился известный Вам всем “покровитель” Хорша, то правда восторжествовала бы. Ведь судья Коллинс даже возмущался, что этот покровитель понуждает его телефонами к одностороннему решению. Ведь все эти многие факты не прошли бесследно, и когда-то, к стыду очень многих, они выйдут наружу. Печально, что около культурных, образовательных дел, около идеи Мира и Охранения всечеловеческих ценностей обнаруживается человек злонамеренный, как Хорш.

Когда Вы перечтете книги, посвященные нашим Конвенциям в Бельгии и Вашингтоне, когда Вы восстановите в памяти книгу о десятилетии наших Учреждений, три ежегодника Музея, Бюллетень Музея и прочие издания и брошюры, — то Вам со всею поразительностью еще раз станет ясно, какая злобная, предумышленная агрессия совершена Хоршем и его двумя сателлитами. Встает вопрос, неужели в современном цивилизованном и даже иногда культурном мире возможны такие преступления Хорша? Ведь, кроме ограбления целого ряда лиц, кроме вероломства, ибо он был нашим доверенным (fiduciary), он обманул также и общественное мнение.

К довершению, по поступкам Хорша выходит, что и экспедиция, организованная и финансируемая Учреждениями, вовсе не была таковой, хотя об организации экспедиции широко им же опубликовано и в документах Учреждения, и в прессе. Впрочем, вероятно, Хорш скоро скажет, что мы все вообще не существуем, что никакого Учреждения Объединенных Искусств мы вообще не основывали, а он является всемирным знатоком искусства, Гейдельбергского Университета доктором и мало ли еще какую ложь изобразит этот клеветник. Удивительно, что на суде ни судьям, ни адвокатам не пришло в голову спросить, что же такое случилось в июле 1935-го года, когда Хорш начал свою преступную агрессию? Во время судебного производства выяснилось, что агрессия эта не произошла мгновенно, но тщательно и злоумышленно подготавливалась от самого дня привхождения Хорша в наши общие дела. Увы, теперь всем нам ясно, что Хорш буквально от самого начала своего привхождения уже фабриковал и подтасовывал многое, чтобы в удобный для себя срок произвести незапамятную в истории культурных Учреждений агрессию. Уже не говорю о том, что тысяча картин вообще игнорируется и около них, вероятно, задуман какой-то исключительный вандализм, особенно же пользуясь теперешними мировыми экстраординарными обстоятельствами.

Нет меры лжи и злонамеренности Хорша. Иногда, читая в прессе о всяких преступлениях гангстеров, думается, что такие типы утрированы и

злодеяния их писательски приукрашены, но то дело, в котором мы были ограблены, изгнаны из нашего же Учреждения и оклеветаны, доказывает, что преступность может достигать крайних пределов, и Хорш является со своими двумя сателлитами яркими показателями современного нравственного упадка при общественном равнодушии. Но правда все же восторжествует! Давно сказано, что Бог платит не по субботам. И лучшая наша общая крепкость в том, что мы знаем нашу правоту. Найдутся судьи, подобные судье О'Малею, которые установят истину.

Родные наши, посылаю Вам это конденсированное утверждение, и Вы семеро, все пострадавшие от Хорша, прочтете его, и пусть оно сохраняется под рукою, ибо надобность в нем может явиться. Конечно, можно было гораздо крепче сказать о покровителе Хорша и о пипсомпроор'ах, верящих лжи и клевете, но это оставим до другого раза. Зина, вероятно, обратила внимание на то, что в завещании Сутро выражено пожелание, чтобы завещанные мне деньги были употреблены на образовательные цели? Ввиду этого желания покойной, думается, что никто не может наложить руку на эту сумму, иначе это было бы нарушением воли завещателя. Конечно, теперешнее соображение не касается суммы Е.И., о которой Вам уже написано. Интересно, что думают адвокаты в моем случае! Было бы странно, если бы, несмотря на волю завещателя, кто-то, хотя бы даже правительства, могли бы изменять желание завещателя. Впрочем, местная юридическая практика настолько сложна и непонятна, что вряд ли логика может быть принимаема во внимание. Так хочется, чтобы опять могла начаться строительная культурная работа. Сейчас пришло письмо Конлана, в котором он говорит о продолжении "Flamma" и приводит очень лестное о "Flamma" мнение известного английского писателя Повиса. Не забудьте, что у нас лежит четыре готовых красочных воспроизведения с индусских картин в трехстах экземплярах, уже оплаченные, и ждут, когда нам удастся послать ящик с материалами "Flamma". Конлан ужасается, что письмо из Либерти он получил через месяц. Можете себе представить, как трудно вести дела и срочную корреспонденцию. Конечно, хорошо, что есть идея продолжения "Flamma" хотя бы в двух выпусках в год или даже как ежегодника. Но не отягощайтесь чрезмерно денежно. Мы понимаем, что "Flamma" может быть и органом нашей Академии. Но примите во внимание, что на имевшихся рижских, шанхайских и даже индусских подписчиков в силу мировых обстоятельств сейчас рассчитывать невозможно, повсюду свои трудности. Может быть, Вам удастся как-нибудь протолкнуться в Южн[ую] Америку, но, Вы правы, что на Трудн[ого] Челов[ечка], в этом случае, полагаться совершенно невозможно. Итак, опять битвы, да принесут они хотя бы какие-нибудь светлые данные! Да будет светло.

Духом с Вами,

Перух.

Родная моя Зиночка, хотя и пишем все письма вместе, но все же хочу добавить страничку от себя. Считаю, что все сказанное о Хорше следует перевести на англ[ийский] язык и прочесть поименованным в письме друзьям. Иногда изумляешься, насколько корыстолюбие и ненависть могут

ослеплять людей, они ради удовлетворения своей ненависти совершают самые губительные для себя же поступки. В скольких странах среди многочисленных друзей имя Хорша стало уже именем нарицательным для всяческого вероломства! В нескольких записях и дневниках имя это вошло на страницы как имя клеветника и предателя! И Вы уже знаете, что предателям не удастся осуществить своих честолюбивых мечтаний. Они изгнали душу [из] Учреждений, и все строительство, мало того, что обесцветилось, но постепенно разлагается. И куда пойдут предатели через несколько лет? Карма захлестнет их. И кто знает, не придется ли им снова менять фамилию или же вернуться к настоящей их фамилии — Леви, которая, кстати говоря, столь распространена, что за нею легче укрыться.

Все восставшие против Света поражены будут. Бывшая Справедливость не бывает поругана, и если в былые времена иногда требовался длительный срок для возвратного удара, то сейчас при мировом переустройстве или расплате по счетам срок этот стремительно сокращается; чем ближе к сроку, тем скорее сворачивается свиток кармы.

Родная моя Зиновья, мы писали, что мою долю из денег Флор[ентины] следует употребить на дела. Вам виднее, как все распределить. Ждем приезда магистрата для удостоверения моей подписи и вышлем документы немедленно. Все так спешит, и большие перемены близки и в нашей жизни. И мы скоро сдвинемся. Возможно, что Святослав поедет в Америку, но прошу Зиновью, очень прошу, никому об этом не говорить. Все брошенное в пространство ранее срока очень вредно. Родная моя, не так уж долго ждать подвижек во многом и во многих делах. Держитесь дружно, но мой совет — Трудн[ому] Человеку ничего не говорить о будущих планах. При ее неуравновесии можно ожидать всяких неожиданностей. Радует нас Ваше счастье с Дедлеем. Храните здоровье, учитесь спокойствию при буре. И такое спокойствие не так уж трудно приобрести, когда знаем о Руке Водящей. Стоящий на **Башне** видит больше, нежели сидящий в подвале. Нужно ли повторять такой трюизм, но если говорю, значит, в этом есть нужда. Люди не различают между Башней и подвалом. Они, вопреки очевидности, не обращают внимания на голос с Башни. Также нужно твердить о доверии — с Башни видней.

Будем помнить это и поспешать в действии, окутанном полным спокойствием. Крепко обнимаю мою Зиновью, привет ближайшим друзьям — Катрин и Инге, Эни, Дедлею и С[офье] Мих[айловне] — самый сердечный.

Верю, что все дождутся дня светлого,

Елена Перих.

9.XI.40

Родные наши. Сейчас получили письма Зины от 25-го сент[ября] и от 31-го авг[уста], как видите, последнее пришло позднее письма от 15-го сент[ября]. Поистине, присланная Вам копия письма Гул. является

историческим знаменем. Вот Вам голос порядочного человека, который понимает всю творимую несправедливость. Как прав он, что в некоторых других судах вещи разбираются по существу, на основании фактов, а не по каким-то предвзятым процедурам. Подавать-то счета некоторые люди отлично умеют, а вот ярко постоять за правду у них не хватает умения или желания. Прямо невозможно себе представить, чтобы игнорировались такие очевидные обстоятельства, которые упоминает Гул. Я могу судить лишь по русскому судопроизводству и должен сказать, что там подобная несправедливость была бы невозможна. У нас было много друзей и знакомых из судейского мира, и это были не только высоко культурные, но и, в полном смысле слова, человеческие [люди]. Тут же мы наталкиваемся на какую-то бесчувственную машину, и к тому же действующую по какому-то внешнему влиянию. Если этот Маркс грабительствует, захватывая legasy, завещанную его тещей, то в Вашем распоряжении остаются лишь картины, с которыми, может быть, возможно что-либо сделать. Если появлялся покупатель, то могут так же точно появиться и какие-либо другие любители. Может быть, люди, запрашивающие Вас о картинах Музея, и не знают, что имеются картины, принадлежащие Е.И., *на продажу*. Очень любопытен эпизод с чикагской оперой. Весьма возможно, что и в других театральных предприятиях являются такие же желания, и если бы знать о них вовремя, то и отсюда кое-что можно было бы удовлетворить. Итак, как и раньше искусство являлось единственным ресурсом, так оно остается и сейчас. Вы очень хорошо делаете, что ведете список всех запрашивающих, а также и желающих иметь монографию. От полк[овника] М[ана] Вы получите (если только они дойдут благополучно) две монографии, чтобы удовлетворить двух записанных Вами кандидатов. Также Вы совершенно правы, полагая, что друзья в каком-то общем своем собрании должны обсудить положение вещей, иначе кто-либо из них потом может говорить, что что-то было сделано без его ведома и согласия. Их осведомленность особенно нужна теперь, когда они ближайшим образом и в отношении самих себя заинтересованы. До приобретения ими shares было одно, но сейчас оно еще более углубилось. Если бумаги, составленные Рок, так неудовлетворительны, то, может быть, общими силами можно их, хотя бы отчасти, чем-то исправить, ибо сама Рок все же существует, и ее прямая обязанность — охранить интересы лиц, ей доверявших. Мы дали телеграмму Катрин, чтобы дело о манус[криптах] сейчас не подымали. Вообще, по-прежнему по всем обстоятельствам предлагается протягивание до возможного приезда. Кто знает, может быть, он не за горами. Очень хорошо, что состоялся нуклеус Комитета Музея. Вместе с Вами вполне радуемся, что и группа молодых принимает в нем участие. Ведь заседания будут, наверное, нечасты, и потому никто не будет обременен. Прилагаю письмо г-ну Зальцу, ибо знаю, что картина “Борис и Глеб” была куплена им в Сан-Франциско. Эта картина, как Вы знаете, была неоднократно воспроизведена в монографиях и в журналах — укажите на это собственнице. И у Еременко, и в маленькой монографии Корона Мунди, также и в последней Рижской, картина вышла хорошо. Часто собственники любят иметь воспроизведения принадлежащих им картин. Вообще, Вам очень нужно иметь на руках некоторое количество монографии Корона Мунди, книжку “[Roerich Museum. A] Decade [of Activity]” и

“Message” 1929-го и 30-го годов. Прежде всего, все члены Комитета Музея должны иметь эти источники на руках, ибо в них обрисован размер всей деятельности. Сейчас Светик прочел трагический эпизод из жизни Модильяни, который умер в нищете в больнице, а двенадцать его картин продавались с трудом за пятьсот франков. Но через два-три года после его смерти те же картины шли за сотни тысяч франков. Такова жизнь. Невольно думается, что если Джакс[он], по существу, понимает дело, и даровит, и опытен, то, может быть, у него хватило бы воображения со всякими затяжками понаблюдать за делами, чтобы сохранить какую-то loop-hole для того, чтобы иметь возможность через некоторое время начать вновь дело против грабителей с какой-то другой стороны. Пока что ему можно было бы предложить обеспечение картинами, а по истечении пяти, шести лет он бы ничего не потерял. Мы глубоко понимаем, как рвется Дедлей к более широкой деятельности. Конечно, в настоящие дни мировых потрясений нельзя ничего изменять и приходится выждать. Хорошо, что у Вас имеется вся серия книг “Ж[ивой] Этики”, и под этим всесторонним руководством можно всячески совершенствоваться. В книгах каждый жизненный вопрос так обсужден всесторонне, что это помогает даже самому крутому восходу. Хорошо, что до Вас дошли оттиски, а Ваша посылка до нас так и не дошла. Кто знает, сколько нужнейших и срочных сообщений пропадает. Как дико подумать, в какое безобразие превращается доброе желание Флор[ентины], ближайшие родственники стараются всячески опорочить ее дар. Также и с заказом покойного Крейна, который совершенно ясно выражен в письме, его родственниками была нарушена его добрая воля. А как бы эта сумма теперь пригодилась и Вам, и нам! Неужели же люди думают, что все их поступки растворяются в пространстве без всяких последствий для них? Истинно, лучше быть преследуемым, нежели преследователем! По нынешним временам мы не будем посылать новогодних приветствий и потому просим Вас принять наши лучшие пожелания к праздникам. Пожалуйста, передайте от нас и всем друзьям, что мы помним о них, ценим их устремления и желаем успеха. Обнимаем Вас от всего сердца, духом с Вами,

Н.Перих.

Может быть, Люис из Филад[ельфии] заинтересован и в дальнейшей покупке картин? Помнится, он хотел иметь чуть ли не отдельную комнату.

15.XI.40

Родные наши. Сейчас дошло письмо от Зины от 3-го октября — сравнительно скоро. Очень понимаем все Ваши сообщения и соображения, возникшие около Комитета Музея. Очень печально, когда даже нечто очень простое и полезное обрастает всякими вредоносными улитками. Приходится брать вещи так, как они есть, и из худшего выбирать наилучшее. Если среди членов старого Комитета возможны всякие неуместные суждения, могущие

повести к новым осложнениям, то лучше не будем вообще затрагивать старый Комитет — пусть он пребывает в прежнем его состоянии, но, увы, без главы, ибо председатель его, Флор[ентина], умерла. Теперь же, если, по счастью, имеется группа молодых и несколько преданных принципиальному делу душ, то пусть они образуют самостоятельную группу друзей Музея. При этом инициатива образования этой группы пусть исходит именно из этой группы. Кто-нибудь из них возьмет на себя почин созвать собрание этой группы (которая может быть в одну из суббот или воскресенье, когда группа свободна) и предложит произвести выборы должностных лиц группы в лице председателя, его заместителя и секретаря. Вряд ли нужно избирать казначея, ибо какие же могут быть денежные средства у такой группы. Никто не может претендовать на эти выборы, ибо они произойдут по почину самой группы. В то же время никто не может запретить существование подобных групп друзей Музея. В конце концов, таких групп может быть и несколько, как выразителей общественного голоса. Каждое просветительное учреждение может иметь таких добровольных общественных охранителей. Они могут, со своей стороны, выражать полезные мнения, выступать печатным словом и протестовать в случае каких-либо вредоносных попыток по отношению к учреждению. Само собою разумеется, что голостаких групп должен быть согласован, чтобы не произошла неурядица. Впрочем, не будем заглядывать в будущее, ибо сейчас предполагается одна такая группа, которая пусть и осуществится в полном дружелюбии и преданности делу. От участников группы зависит избрание должностных лиц ее, и вполне естественно, если они пожелают иметь во главе лицо им близкое и имевшее ближайшее участие в делах учреждения. Думается, что такое положение вещей не вызовет новых осложнений. Глубоко понимаем, как и Вы, и Дедлей должны сердечно болеть, видя сожигание полезного дела, — все это чрезвычайно прискорбно, и земных воздействий уже не имеется. Радуюсь решению Эсберг и счастливой находчивости Зиночки.

Духом и сердцем с Вами,

Н.Перух.

Родная моя Зиночка. Как счастливы были мы узнать, что благодаря Зиночкиной находчивости удалось сохранить legasy для расплаты по некоторым адвокатским счетам. Вот уж поистине Верный Страж! Большой гнет свалился с сердца. Что же касается до телеграммы о деле Джакс[она], то она была получена в дни болезни Н.К., и ввиду того, что температура Н.К. была выше 40 гр[адусов], Юр[ий] и Св[ятослав] не решились показать ее ни ему, ни мне. Конечно, они поступили правильно, ибо нужно было избегать всяких волнений, и притом, чем могли мы помочь этому? Здоровье Н.К. последние два, три года очень пошатнулось. Сейчас ему лучше, но все же он сидит на строгой диете, и мы стараемся всячески поддерживать спокойную атмосферу вокруг него. Но сами знаете, как это трудно сейчас. О моем сердце не хочется писать, но оно мне надоело со своими непрекращающимися перебоями. Но скоро подойдут новые космические токи, и тогда будет легче и со здоровьем. Я все более и более увлекаюсь астрологией. Истинно, астрология есть наука величайшая, наука будущего.

Астрология указывает и на будущую победу в наших делах при условии, что мы охраним сроки. Пл[аут], упустивший срок в одном из дел, по-настоящему, подлежит суду. В былые времена такого адвоката лишали практики. Мнение Фиш. о том, что мы до сих пор не имели ни хороших адвокатов, ни справедливых решений, — ценно, но можно было бы высказаться еще крепче. Вообще, следовало бы собрать вместе имеющиеся у нас мнения выдающихся адвокатов, высказывавшихся вполне в нашу пользу, — их немало. Хотелось бы узнать, хотя бы от Фиш., возможно ли добиваться справедливости в тех делах, где противная сторона имеет особого “покровителя”? Относительно апелляции мы ничего определенно не можем сказать отсюда. Конечно, основа, что все дела должны по возможности растягиваться, остается в силе, но как это сделать? Вероятно, и в этом деле Вы, родные, посоветовались с друзьями, ведь все дела сейчас настолько переплетены, что никогда не знаете, насколько одно обстоятельство может прямо или косвенно отражаться на другом? Только наши адвокаты почему-то не умели или не желали использовать все козыри, имевшиеся в их руках. О многом приходится задумываться! Куда же пошла legasy Н.К.? Ведь и Джакс[он] тоже имел ее в виду. Мы всегда понимали, что Дж[аксон] и Дав[ид] — одно, а теперь выходит, точно бы они разделились в счетах. Как мы понимаем, с ними хотел поговорить Фиш., очень интересно, насколько удастся Фиш. их образумить?

Родные наши, понимаю все трудности, с которыми приходится сталкиваться, и потому горячая признательность идет к Вам, нашим близким, за Ваш неуклонный дозор. Твердо знаю, что, несмотря на очевидность, конечная победа будет за нами. Все складывается так неожиданно, так необычно, что и решения по всем обязательствам будут также необычны. Астрология в своих знаках не ошибается,ждемся доброго дня, он так близок. О Комитете Н.К. уже писал, потому могу лишь добавить от себя, что лучше оставить старый Комитет спать, ведь кроме друзей там имеются очень неподходящие члены, и не знаю, насколько полезно начать вызывать их сейчас к жизни. Не скрою, очень больно было мне услышать, что Трудный Человек все еще не уgomонился и продолжает извергать клевету и кощунства. Конечно, я знала, что в злобе на свою неудачу, она будет умалывать всех и все, но все же изумительно наблюдать, какую бездну неизжитых чувств представляет собою некий человеческий дух! Трудный Человек был всегда очень легкомыслен, но сейчас это легкомыслие превышает все меры. Неужели она не задумывается о будущем, которое уже не за горами? Не писала ли она, что верит в Высшую Справедливость? Но, по-видимому, эта Высшая Справедливость сильно отличается в ее представлении от Истинной Справедливости. И так можно в продолжение стольких лет приобщаться к учению высокой Этики. Можно являться свидетелем и участником чудесных больших дел, а затем, когда строительство нарушилось, и не без доли своей же вины, можно начать кощунствовать на самое Высокое и пенять на всех, только не на себя, пытаться свалить и свою вину на всех других. Ведь в свое время, внимая ее отчаянным телеграммам, просьбам, я вступилась за нее перед тремя апостатами и их покровителем, и именно это обстоятельство, как я уже писала, дало возможность апостатам взорвать все построение. Они только

искали повода, чтобы покончить с нею и со всеми нами. Но кто знает, как обернулось бы все дело, если бы этот взрыв произошел позднее, скажем, после возвращения Н.К.? Ведь они не могли найти ни одного повода, чтобы прекратить сотрудничество с нами. Трудный Человек с тем взрывом, который она им устроила, и в особенности же тем, что она заставила Глин. проболтаться ей, привела их в ярость и [все] закончилось полным разрывом с нею и со стороны Гл. Так пусть не винит других, но оглянется и на свои поступки. Потому мой совет Зиночке — избегать столкновений с нею, ибо она может очень вредить; некоторая солидарность с нею необходима из-за дел. Итак, будем сугубо осторожны, чтобы не вызывать болезненных проявлений, сердце ее ожесточилось. Ищите, родные, новых друзей, они подойдут, думаю, скоро, но зорко всматривайтесь и прислушивайтесь. Храните бережно дружбу со Стоу, такие люди, как он, встречаются нечасто, также любите Катрин и Инге. Думаю, что Катрин терпеливо относится к выходкам трудного человека из-за выставки Св[ятослава], она считает, вероятно со слов Св[ятослава], что трудный человек может в чем-либо быть полезен. Ведь Трудный Человек подчеркивал свою симпатию к Св[ятославу]. Посмотрим. Думаю, что и тут произойдет большое разочарование. Но люди убеждаются лишь на своем личном опыте, а пока Св[ятослав] хранит иллюзию о возможности сотрудничества с трудным человеком. Мы-то уже знаем всю иллюзорность этого. Между прочим, мы телеграфировали Катр[ин], чтобы См[ит] не начинал вновь дела о мануск[риптах]. По некоторым обстоятельствам лучше не поднимать сейчас этого дела. Думаю, и Катр[ин] будет этим довольна. Мне так не хотелось бы отягощать ее ничем, кроме дум о выставке. Св[ятослав] очень собирается в путь. Но еще не знаем, когда финанс[овые] обстоятельства сложатся благоприятно. Все затруднилось, все становится сложнее, ждем не дождемся перемены космических токов, чтобы облегчить общее напряжение.

Радовалась выходу “Аум”. Но не знаю, дойдет ли эта книга до нас. Многие что не доходит. В новом переводе первой части “Л[истов] С[ада] М[ории]” нужно следовать нумерации, принятой в оригинале. Но еще лучше было бы, если бы вместо чисел, дней и месяцев была бы поставлена нумерация параграфов, как во всех прочих книгах; но чтобы сохранить характер первого издания, можно было бы оставить разделение на месяцы, заменив их только римскими цифрами. Последний параграф от 24-го марта можно поставить в конце книги без числа или же вообще выпустить его. Ведь Фр[ансис] не успела перевести последние строки из-за нашего отъезда. Конечно, каждый месяц будет начинать свою нумерацию, как это принято было во второй части “Л[истов] С[ада] М[ории]”. Милому Дедлею скажите, что ценим его сердечное горение, это тот сезам, который открывает все. Пусть спокойно продолжает работать, сейчас невозможно что-либо изменять. Скоро будут большие подвижки, нужно явить терпение. Пусть прочтет о двух полководцах Акбара в “К[риптограммах] В[остока]” и радуется. Родные, ценим, и верим, и любим Вас. Всем сердцем,

Елена Перих.

Родные наши. Сейчас долетело письмо З[ины] от 15-го окт[ября]. Какое нагромождение чудовищных фактов. Где же будет предел всем этим явным несправедливостям? Спрашивается, за что Рок должна получать 200 долл[аров] из legasy Е.И., когда соглашение с дочерью Флор[ентины] было устроено самою З[иной]? Непонятно, каким образом такие несправедливые решения могут происходить даже от друзей! Так же точно совершенно непонятно все происходящее с письмами Альмы. Насколько мы понимаем, дело о письмах с г.Т. происходило с ведома Альмы. Не знаем, как она опять попала к тем друзьям, которые были первоначально рекомендованы от Меррик. Там, где накручивается такая путаница и разъединение сильно, там, конечно, трудно ожидать чего-либо хорошего. Там, где затронуты интересы не одной Альмы, а целого ряда лиц, она должна бы посоветоваться со всеми нами. Ведь мы там существенно затронуты и имеем полное право быть осведомленными о всем ходе переговоров, насколько это может вписаться в корреспонденцию, и, во всяком случае, необходимо знать, кто такие эти подошедшие доброжелатели. Вы уже знаете причину, почему Ваша телеграмма о деле Джаксона не была мне показана, и, конечно, при температуре в 104° [по Фаренгейту] вряд ли можно было ее обсуждать. Теперь дается Совет, который Вы получили в телеграмме, сейчас отправленной. Ведь одно-два дельных замечания Гул. по поводу явного несправедливого решения уже дают повод к апелляции. Вы писали, что Фиш. называл Вам какого-то добросовестного адвоката. Конечно, все это нужно очень взвесить, ибо Джакс[он] вел дело, хотя теперь он почему-то и разочаровался. Это тем страннее, что он же возмущался Вам против явно несправедливых решений. Неужели и он приходит к убеждению, что “воздействие и влияние — все, а правда и вина — чисто академические вопросы”? Нужно отдать справедливость, что Гул., даже при беглом просмотре дела, сразу заметил пункты, которые были так безобразно *нарочито обойдены*, — Вы помните эти два пункта, а, вероятно, их было и гораздо больше. Но чувство внутреннее подсказывает, что уже скоро все мошенничества трио и их покровителя будут *выявлены*. Может быть, это произойдет с совершенно *неожиданной* стороны и по какому-то постороннему поводу, но оно может повлечь и пересмотр дел. Страшно важно протянуть еще некоторое время, и многое проявится. В случае каких-либо безобразных нападений на картины помните, что сто картин принадлежит Катрин, а имущество Музея является общественным достоянием. Если трио самочинно ставило какие-то фальшивые штампы на обратных сторонах картин, то это не может иметь значения, ибо трио же подписало декларацию, признавая в ней картины, упомянутые в зеленом каталоге, как общественную собственность. Невозможно себе представить, чтобы постановления Совета Trustees не имели никакого значения. В таком случае вообще все постановления не имеют смысла, и спрашивается, к чему тогда инкорпорирования? Неужели только для облегчения и покрытия мошенничества Хорша? Может быть, опять явятся возможности реализации

находящихся в Академии картин, принадлежащих Е.И.; конечно, все это может быть употреблено на дела. Не повидаете ли того, кто купил еще недавно две картины у Вас. Помнится, Вы писали, что и знакомый в Филадельфии хотел иметь целую комнату картин. Ведь так мало людей знают, что имеются картины на продажу. Во всей жизни средства приходили от картин. Ведь все возможности приходят на пределе напряжения. Корреспонденция становится все труднее. Никаких оттисков и статей посылать, как прежде, уже нельзя. Вы уже видите, как пропал целый манускрипт, посланный Вам еще прошлой весной. Живое во всех нас чувство, что мы близки к большим разрешениям, и потому особенно бодро встречаем идущий год. Родные, соберите все силы, все мужество, ищите возможности и действуйте. Силы Света идут на приступ. Понимаем, что нынешнее время особенно трудно и для Академии. Опять-таки мы приходим к вопросу о молодых, только их энтузиазм может держать культурные дела. Чувствуем, как трудно и Дедлею в его напряженной работе, но сейчас никаких перемен нельзя предположить и приходится донести ношу данную до светлого порога. Донесем чашу нерасплесканную!

Вы поминаете о Калифорнии, не проявится ли там что-либо полезное, как это уже и было в прошлом? Ищите, ищите новых друзей в разных направлениях, они уже идут, только ждут контакта. В начале ноября послали Катрин телеграмму с просьбою не поднимать сейчас дела о манус[криптах]. Надеемся, что это будет выполнено. Очень сочувствуем Зиночке о ее невралгии, сами знаем, как мучительны эти боли. Многое следует отнести на тяжкие Космические токи. Храните, насколько возможно, здоровье и единение в делах. Успех дел прежде всего в единении. Насколько возможно, избегайте трений, это трудно, но ни в чем так не сказывается рост духа, как в хранении спокойствия во время бурь. Сердечный привет всем друзьям. Крепко обнимаем Вас и Дедлея. Помните, родные, что уже не долго ждать, все будет так, как нужно. И кто-то пожалеет, что избрал путь труднейший. Будет светло!

Сердцем и духом с Вами,

Н.Перух.

10.XII.40

Родные наши. Долетело грустное письмо Зиночки от 30-го октября, поистине печальны вести этого письма. Если даже среди друзей, как пишет Зина, замечаются необъяснимые шатания, то какой же успех можно ожидать! Если кто-то хвалит Рок так же, как прежде хвалили Плаута, то ясно ли хвалящим все губительное последствие, которое может произойти? Конечно, мы понимаем, насколько трудно в этом случае Зине, ибо эта фаза дела, прежде всего, находится в руках друзей. А при таком положении особенно трудно настаивать. Но, к сожалению, самому делу от этого не легче. За это время мы послали Вам телеграмму о Гул. по Совету В[еликого] В[ладыки]. Не

знаем, что именно посоветует Вам Гул., соображаясь с местными формальностями. Но бывали же какие-то действия, которые производились “под протестом” (under protest). Может быть, каким-то путем удастся сохранить открытую дверь к будущим возможностям. Если Гул. даже при первом ознакомлении с несправедливым решением нашел яркие доказательства несправедливости и неправильности, то, может быть, он найдет и еще многое существенное. Посылаем Вам оригинал телеграммы, в которой, за подписью Хорша, Совет Музея благодарит меня за щедрый дар для американской нации. Эта телеграмма доказывает, что и тогда, когда я подарил триптих “Жанна д’Арк”, все понимали, что Музей есть общественное учреждение, а потому и достояние Музея есть тоже общественное достояние. В случае каких-либо безобразий с картинами такая телеграмма может быть полезна. Посылаем и вторую телеграмму, которая, может быть, окажется полезной для Катрин, ибо в ней идет речь о loan’e на покупку соседнего дома. Надеемся, что это наше письмо с двумя оригиналами телеграмм дойдет благополучно. Зина печалуется о пропаже пакета с параграфами “Надземного”. Эта пропажа совпала с поездкой Зины в Калифорнию, но тогда почтовые условия были еще лучше, чем теперь, но сейчас посылка манускриптов, книг и даже картин запрещена. По-видимому, и газетные статьи, посланные Зиной, тоже пропали. Одно странно, что пакет тех же параграфов “Надземного” Гаральду *тогда* же дошел благополучно. Как видите, с почтой совсем трудно, и жаль, что некоторые друзья, живущие в спокойных, нейтральных местах, не понимают всю сложность существующих условий. Некоторые думают, что мы куда-то уехали или что не хотим писать, и не задумываются, что могут быть и другие трудные условия. Вы поминаете в письме о молодых друзьях. Собирайте именно молодежь, для которой вопросы творчества особенно близки. С каждым годом формируются новые молодые, которые о многом бывшем естественно вообще ничего не знают. Их нужно радушно принять, заботливо осведомить, чтобы произошло общение на почве сердечной дружбы. Иногда может казаться, что какие-то общественные круги уже исчерпаны, но это неверно. Общественность постоянно пополняется новыми подрастающими деятелями, и в них-то и заключается будущая ценность. А подходят они часто совершенно неожиданно. Вот, например, получили мы от неожиданного друга интереснейшую книгу о жизненности символов, подтверждающую научно истину, лежащую в основе легенд. Книгу “Аум” мы еще не получили и очень этим опечалены. В случае каких-либо новых грабительских безобразий имейте в виду, что в “Нов[ом] Русск[ом] Слове” работал Дымов, который был очень дружелюбен, и он мог бы быть Вам полезен. Повидайте его, передайте мой привет. До нас дошла его душевная статья по поводу смерти Жени Штемберг — жены Руманова, она была прекрасная музыкантша. В “Message” за 29-й и 30-й годы, а также в “Roerich Museum Bulletin” поминается масса самых разнообразных имен, из которых многие, наверное, дружелюбны, — просмотрите их, могут пригодиться. Конечно, с тех пор выросло почти целое новое поколение — все пути к нему. За это время уже прошла выставка Святослава в Грин Бее и теперь уже идет в Мильвокэ. Ничего не слыхали о них, а это было бы чрезвычайно интересно, также в связи с возможностями его будущих поездок. Между прочим, не

знаете ли вы Арбеловых в Бразилии — не слыхали ли о них? Передайте наш привет Муромцевым. Давно не имеем от них известий. Не спросите ли у них адрес Ноки Сан-Галли. Передайте наш привет Стоксу, Катрин, Инге, надеемся, что здоровье С[офьи] Мих[айловны], а также и Ваша рука теперь лучше. Мы здоровьем сейчас похвалиться не можем, да и вообще в мире сейчас мало здоровья. Как мило и сердечно написал Дедлей при Вашем последнем письме. Воображаем, как напряжена его зимняя работа. Терпение, мужество преоборят все труднейшие обстоятельства. Сердечный привет Вам, наши родные, — духом с Вами,

Н.Перух.

3.1.41

Родные наши. Сейчас дошло письмо Зины от 25-го ноября — дошло необычайно быстро, и это дает нам возможность сейчас же ответить. Вполне понимаем Ваше негодование по поводу того, что Плаут не сдал всех бумаг. Странно подумать, что он требовал не причитающиеся ему деньги, а сам даже не мог сдать нужных бумаг. Надеемся, что он, по крайней мере, дал расписку в том, что памянутые Вами бумаги им не сданы, ведь это же настоящий разбой — вымогать непричитающиеся деньги и в то же время не сдавать бумаг, относящихся до дела! Ведь можно подумать, что он сделал из этих бумаг какое-то недопустимое употребление, и до продажи включительно. Хорошо, что Плаут сдал Вам письмо Хорша от 8-го дек[абря] 24-го года о ликвидации всех Ioan'ов. Это письмо *храните*, родные, *всеми мерами*, ибо оно несомненно потребуется. Любопытно передаваемое Вами сведение Смита о манускриптах и о письмах Альмы. Конечно, Дедлей прав, полагая, что в этом заключается ловушка. *Ни в коем случае нельзя соглашаться* на обмен писем Альмы на манускрипты и какие-то некоторые картины. Нам нужна справедливость, а не торгашеские компромиссы. Теперь Вы еще раз убеждаетесь, как бездарны и зловредны были наши адвокаты, которые имели в руках лучшие козыри и не умели ими воспользоваться. Впрочем, можно радоваться, что письма Альмы не были в руках этих адвокатов, а то они бы давно перекочевали в стан противников. Во всяком случае, как мы уже писали, дело о манускриптах должно лежать под спудом; когда придет время, вернемся и к нему. Как мы уже писали, присланный Смитом deposition не годен уже потому, что он адресован был на имя местного магистрата Тейлора, но местные магистраты сменяются у нас каждые два года, и со времени Тейлора у нас уже второй, потому упоминание имени несуществующего уже магистрата сделало бумагу недействительной. И со стороны прочих судебных формальностей, существующих здесь у нас, были ли выполнены все формальности, на что указывалось Плауту, когда его бумаги об этом деле были ему возвращены обратно здешним правительством? Принято ли это было во внимание Смитом, когда он мне послал эту deposition?

Описываемая Вами забота Давида о возможно ранней смерти дочери Флор[ентины] очень характерна. Заботясь о чужой смерти, позаботился ли он о своей собственной? Конечно, мы еще не получили бумагу для подписи Е.И. Но пока думаем вместе с Вами, что вряд ли такая бумага вообще нужна. Возмутительно, что адвокаты требуют за издержки по делу “Сен”, тогда как они же сами *пропустили* сроки и тем нанесли нам же ущерб! По справедливости, они должны нам возместить ущербы, а не требовать еще какие-то деньги! Вы знаете, что Джакс[он] брался за эти дела на contingency basis и никогда не предупреждал Вас о том, что все расходы на дело должны быть ему уплачены. Если бы мы знали, что дела принесут *новые* расходы, то никогда не допустили бы их. Поистине, письменные и подробнейшие договоры нужны прежде всего со своими же адвокатами. Странно, что “опытный” адвокат берется за дело якобы с полным энтузиазмом, законно уверенный в успехе, а затем так же легко начинает уверять, что дело не имеет шансов. Спрашивается, когда же он врал — вначале или, по каким-то таинственным причинам, в конце? Так как shares Painting Corporation теперь принадлежат друзьям, то сейчас все рассуждения о картинах прежде всего касаются их. Тем более непонятно, какие “некоторые картины” предлагаются в обмен на манускрипты, — опять жульническая ловушка! Каким образом Катрин, как Вы пишете, думает, что все shares теперь принадлежат одному Стоксу, тогда как и она денежно участвовала в выкупе этих shares, а теперь вместо Флор[ентины] также участвует и Инге? Все это необходимо выяснить. Неужели Смит не знает о выкупе shares и таким путем допускает нелепые переговоры со Стерном? Две англ[ийские] монографии Вам посланы. Горевали о Вашей руке и новой неприятности от употребления консервов. Сколько болезней происходит от этих консервов! Давно указывалось не употреблять консервов, которые часто полны разложения. Самая простая пища — самая здоровая. Поберегите себя, ведь это второй случай Вашего отравления теми же консервами. Вспоминаем в книге “Земля Колумба” ужасную статью о том, как приготавливаются консервы. Понимаем, что Академия идет тихо, повсюду все культурное замерло. Кали Юга заканчивается проявлениями необычайного варварства и безумия. Очень хорошо, если выставка Свят[ослава] состоится в Чикаго и в Нью-Йорке. Опять же привлекайте молодых, в них будущее. Наши самые сердечные мысли с Вами обоими. Привет С[офье] М[ихайловне], Джину и всем друзьям.

Сердцем с Вами,

Н.Перух.

20.I.41

Родные наши. Сейчас одновременно пришли письма Зиновки от 2-го и от 12-го и 14-го дек[абря]. Истинно, добрые вести Ваши о выставке Святослава и о книге “Аум”. Прекрасно, если владелец чикагской галереи произвел на Зину отличное впечатление. Может быть, он будет полезен не

только для этой одной выставки, но и для агентуры для Святослава, а также и для картин, принадлежащих Е.И. и друзьям? Кстати, вероятно, когда он был у Вас, он видел некоторые картины в студии, и не имел ли он желания взять в свою галерею парочку по своему выбору, — эти деньги Вам пригодились бы. Вообще в такой большой стране, конечно, всего много. Именно, нужно всячески выходить из якобы заколдованного круга грабителей и всяких призраков их “всесилия”. Успех книги “Аум” даже при тяжких временах и условиях лишь доказывает, какие существуют скрытые возможности. А главное — пусть подходят новые и молодые. Грубый перевод третьей книги с поправками и вставками и дополнениями из рижского издания был послан Вам, также как и перевод первой части “М[ира] Ог[ненного]”. Перевод третьей кн[иги] нового издания был послан на Ваш адрес, тогда как “М[ир] Ог[ненный]” может находиться у Катрин, если она не передала его Эми. Во всяком случае, сейчас третью кн[игу] издавать не нужно, ибо срок уже прошел, и “М[ир] Ог[ненный]” будет более своевременен. Будем надеяться, что удачная продажа “Аум” даст возможность ускорить это издание. Вполне понимаем, что сейчас вопрос учебных заведений и, в частности, Академий очень труден. Думается, что Вы не должны сейчас чрезмерно тратиться на Академию. Представляется, что временно она может быть ограничена студией Зины, ибо преподаватели по другим отделам, как Вы нам писали, должны вести занятия в своих студиях. Академия же является как бы агентурой для них, впрочем, само время Вам покажет новые обстоятельства, и могут наметиться и новые люди. Брэгдон писал (письмо его от 14-го сент[ября]), что очень многие люди спрашивают его о моих картинах и не знают, где и как повидать их. Я ему напомнил, что и у Вас имеется группа картин, принадлежащих Е.И. Если выставка Свят[ослава] будет в Чостерере, то Брэгдон мог бы быть полезен. Будем надеяться, что в Чикаго будут осязательные результаты, которые помогут дальнейшим планам Святослава. Наверное, в случае запросов о некоторых уступках галерея снесется с Вами или с автором. То, что Вы пишете о Давиде и Джакс[оне], поистине потрясает, особенно вспоминая, как эти же типы возмущались в свое время вымогательствами Плаута. Странно, что Гулейдж., сравнительно посторонний для дела, сразу усмотрел существенные упущения в решении. Казалось бы, что даже эти *два пункта*, о которых Гулейдж. Вам так хорошо писал, уже являются сильной апелляцией. Его письмо у Вас имеется. Если даже по местным условиям невозможна будет апелляция, то хотелось бы в какой-то форме для будущего времени оставить след протеста, чтобы не выходило, что кто-то согласился с явными произведенными несправедливостями. Любопытно, почему Джакс[он], который так был уверен в делах, вдруг только теперь просветился, что дела о налогах никогда не имеют успеха, и какие же шансы появились вдруг теперь? Также остается совершенно непонятно, каким образом друзья, приобретшие картинные shares, вдруг оказываются как бы лишенными их? Ведь деньги же ими за эти shares были заплачены! Этот вопрос сейчас особенно делается насущным, ибо, наверное, возникнет вопрос о картинах и будут попытки грабительского завладения. Вы пишете о некоторой пропаже Ваших писем к нам. Это вполне возможно, ибо даже телеграмма Катрин об операции дошла до нас через пять дней, а содержание ее было важно и срочно. Таким образом, отложение

дела на два месяца совершенно не отвечает нынешним почтовым условиям, ибо даже не может произойти оборота воздушного письма. Вот и сейчас, хотя мы пишем сейчас же по получении Ваших писем, но отлично знаем, что письмо от 20-го янв[аря] придет к Вам лишь в начале марта. Странно, что все эти реальные соображения кем-то все же не принимаются во внимание. Воображаем, как трудна работа Дедлея, но сейчас, по нынешним временам, каждый должен держаться хотя бы и за трудные якоря. Вы правы, что во время, когда все пространство наполнено всякими биллионными астрономическими цифрами, все это происходит за счет утеснения культуры. Только подумать, какое благоденствие могло бы на Земле водвориться, если бы золотой поток обратился на культурные просветительные цели! Хорошо, что Ваша болезнь полегчала, но не нужно бросать прогревание синим светом. Здесь без электричества мы, к сожалению, лишены этого полезного воздействия.

Также радовались мы об успешном исходе операции Катрин. Это была трудная операция, и, вероятно, потребуется значительное время для восстановления энергии. Повсюду так трудно, и потому каждый успех и удача во сто крат ценнее. Пожалуйста, напишите заглавия моих статей, прошедших за это время в прессе. К сожалению, не могу послать новых, ибо посылки манускриптов и печатного материала прекращены. Знаем, что из самого трудного Вы изберете наилучшее. Мыслями и духом с Вами,

Н.Перух.

28.II.41

Родные наши. Дошло письмо Зины от 12-го января об открытии выставки. Душевно радовались, видя, что выставка открылась так успешно и настроение у Зиночки было бодрое. Поистине, каждый Ваш выезд новых мест дает всему полезный поворот и поднимает и Ваше самочувствие. Ужасно, когда приходится упираться в одну точку, а многие самые лучшие возможности как бы не существуют. Но все эти возможности имеются, и друзья, как старые, так и новые, находятся вокруг. Поэтому по-прежнему будем помнить и о молодых, и о новых. Только таким путем можно утверждать правду о вандализме и о грабителях. Очень хорошо, что Зина пишет сжатый меморандум обо всем этом деле. Материалов у Вас — хоть отбавляй. И в наших семи меморандумах отсюда, а также и в письмах имеются многочисленные соображения и факты. Ведь в бумагах, возвращенных Плаутом, имеется бесконечное количество данных. Кстати, вернул ли наконец Плаут все бывшие у него документы, ибо он не имеет никакого права их задерживать? Возвращаясь к выставке — интересно, от кого были запросы о картинах и в каких ценах были предложения? Хорошему покупателю можно всегда пойти навстречу. Почта продолжает давать перебои чрезвычайные. Так, Ваша поздравительная телеграмма, хотя и была [срочной], но шла до нас девять дней. Также получили мы письмо Конлана,

но оно оказалось от 2-го июня. От которого числа получила Зиночка письмо от Г.Г.Шкл[явера]? Наверное, ему трудно, но кому сейчас легко? Конечно, отсюда никаких сношений с Парижем не может быть. Вы пишете, что получили две монографии от Гаральда, наверное, Вы получили также и две монографии от М., посланные нами. Интересно, сколько времени шли монографии от Гаральда и отсюда? Если у Вас имеются еще запросы на монографии, то очень хорошо, что от Гаральда могут доходить к Вам. Не могу сказать ничего хорошего о здоровье Е.И. — перебои сердечные и боли. Все это мучительно. Большая потеря в весе. При прошлом нашем письме от 17-го февраля были приложены приветы к 24-му марта, но дойдут ли они вовремя?

Хорошо, что Вы сохраняете добрые отношения с чикагской газетой, которая заменила “Рассвет”, если только эта новая газета хорошего направления. Прежний “Рассвет” в этом отношении был неплох, и даже орфография его была хороша. В своем письме от 2-го июня Конлан приводит выписку из “Studio”, которая представляет из себя почти повторение смысла моих мотто* для Мастер-Института и Корона Мунди. Значит, мы еще раз убеждаемся, что сказанное двадцать лет тому назад остается в полной силе и люди под гнетом тяжких обстоятельств вспоминают именно эти заветы. Жалеем, что нельзя послать Вам печатных оттисков, ибо таких опять накопилось порядочно. Удалось ли Вам поговорить с Третьяковым, не имеется ли у него проспектов на картины, находящихся в Академии? Если у него такая большая и хорошо обставленная галерея, то, значит, имеются и соответственные знакомства. При случае напишите Ватсону привет от меня и скажите, как я ценю его оценки. Не знаем, чем окончился вопрос о копирайте*. Первый раз мы слышим, что могут быть такие затруднения. Но, по-видимому, как Вы пишете, продажа идет хорошо. На чем решили? Сколько имен и какие были избраны? Столько было переводчиков? Постепенно будете готовить первую часть “М[ира] Ог[ненного]”. Третья книга сейчас не по времени. Как наши больные, давно не имеем от них сведений? Хотелось бы иметь все подробности об их самочувствии. Корреспонденция наша нас очень удручает, приходится делать припуск на два месяца на каждое письмо, ибо оно проходит чуть ли не три цензуры, а друзья не могут это принять в соображение. Впрочем, письма вообще почти прекратились. Наша переписка со Святославом, который находится на юге, должна происходить телеграммами, ибо письма берут более трех недель, тогда как нормально они должны доходить на шестой, много седьмой день. Святослав очень жалуется на жару, которая ни днем, ни ночью не дает отдыха. Всюду свои трудности. Как трогательно, что Джин с женою приехали на открытие, а Дедлей полон энергии даже при той трудной работе, которую ему приходится каждодневно нести! Дух закаляется именно в таком несломимом устремлении. Но лучшая полоса в наших делах все же приближается. Крепко Вас обнимаем и шлем лучшие мысли. Берегите здоровье. Сердечный привет всем друзьям.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Перух.

Родная моя Зиночка, все будет хорошо. Крепко целую нашего Верного Стража. Самый сердечный привет Дедлею. Сердцем,

Е.Перих.

15.V.41

Родные наши. Дошло письмо Зиночки от 27-го марта и письмо Джина от 24-го марта. Он пишет об устройстве комнаты “Flamma”, передайте ему наш самый сердечный привет. Конечно, ему можно уступить картину по вашему усмотрению. Хорошо делаете, что продолжаете записи о хоршевских вандализмах и мошенничествах. Таким образом образуется поучительный документ о современном положении вещей. Наверное, Вы отметили, что дело Джексона было оставлено без объяснения к тому причин. Очевидно, и тут поработала пресловутая темная рука “покровителя”. Во всяком случае, чрезвычайно характерно, что даже вообще не дают представить свои соображения — хороша справедливость! Этот эпизод в Ваших записях должен быть основательно подчеркнут как факт поразительный для современного морального упадка. Не менее поразительно и предложение грабителей о том, чтобы выдать друзьям менее трети картин (если только вообще подобное рассуждение возможно). Друзья, как владельцы shares, имеют решающее большинство, и потому их голос должен быть подавляющим. Все-таки характерно, что грабители в этом случае должны считаться с существованием картинной корпорации. Совершенно невероятно, почему большая часть картин принадлежит, по словам грабителей, Мастер-Институту? Теперь, вероятно, в Ваших записях прибавятся и поразительные соображения о деле манускриптов. Наверное, и в этом деле темная рука будет действовать. Странно подумать, что будто бы манускрипты были подарены без всяких к тому доказательств. Если они были подарены г-же Хорш, не понимающей русского языка, то почему они хранились столько времени не у нее, а в общем помещении наверху, в сейфе? Кроме того, и Вы можете показать, что когда Вы передавали ей эти хранившиеся у Вас манускрипты, то Вы не дарили ей их от нашего имени, но лишь давали на хранение. Казалось бы, это дело совершенно просто и ясно, и даже нельзя себе представить, какими доказательствами грабители могут утверждать свои права на манускрипты. После этого каждый уличный грабитель, вытащив часы у соседа из кармана, будет уверять, что они были ему подарены.

Вообще, все эти дела поверх личного их значения являются уже ужасным показателем падения нравственности человечества. А общественное мнение, о котором столько всегда говорилось, молчит и тем способствует умножению вопиющих преступлений и разложению. Наверное, у Вас накапливаются еще данные, подобные тем, о которых Вам рассказал Народный. Без сомнения, происходят различные прикровенные мошенничества. Мошенник не может быть таковым лишь в одном случае —

его прирожденное свойство скажется многообразно. Не без основания г-жа Хорш уверяла, что муж ее не имеет принципов, видя, с ее точки зрения, в этом особое достижение. Вот тоже показание современных положений вещей. Из таких отдельных проявлений складываются и все безумия нынешних армагеддонных дней. Понимаем, как Дедлей устремляется к будущему лучшему. В дни особого напряжения каждое светло ищущее сердце вопрошает — доколе же?! И в то же время каждый вдумчивый деятель понимает, что такое время нужно пережить под кровом, который у него сейчас имеется. Оборот письма берет чуть ли не треть года — какие же возможны сношения при таком положении? Привет и тем молодым сотрудникам, о которых Вы так тепло писали. Сколько таких светлых очагов может гореть во имя культуры? Конечно, этим труженикам нелегко, но они знают, что культура первая страдает во всех мировых потрясениях. Хорошо делаете, что утверждаете в них доброе единение. Мало ли какие обиходные трения могут возникать, но соизмеримость должна подсказать, насколько нужно устремлять все внимание к самому ценному и к самому важному. Мы никаких писем теперь не получаем, и многие полезные начинания сейчас примолкли. Но все это временно, а в конечном счете благо победит и многое нежданно послужит на пользу. По-прежнему обращайтесь самое сердечное внимание на молодежь. Они могут особенно реагировать на несправедливости, и в них лежит будущее. Среди них Вы имеете сотрудников. Корреспондент Брэгдона спрашивал Вас о калачакре*; к сожалению, никаких трудов о калачакре не издано, и статья Юрия в журнале Института [“Урусвати”] (которая у Вас, конечно, имеется) является, можно сказать, единственным сообщением об этом значительном явлении. Итак, по-прежнему будьте бодры. О выставке Св[ятослава] мы, к сожалению, ничего не слышали, даже не знаем, открылась ли она. Привет Вам всем самый сердечный, духом и сердцем с Вами,

Н.Перух.

6.VI.41

Родные наши. Необычно скоро сейчас дошло письмо Зины от 5-го мая. Наверное, Зиночка включила в свой меморандум и любопытнейшее сообщение о мошенничествах администрации журнала “Esquire”. Такие сведения, так же как и сообщение Народного, непременно нужно зафиксировать, ибо, без сомнения, сообщения о мошенничествах всей этой группы будут возрастать. Если уж из очередной газеты можно получать такие замечательные сведения, то сколько же их циркулирует в устных передачах! Без сомнения, шайка грабителей действует очень энергично, и только вопрос времени, когда наконец какой-то деятель обратит внимание на все эти преступления. Тогда особенно пригодится меморандум Зины. Очень хорошо, что он вышел объемистым, ибо невозможно уместить в несколько страниц этот поистине исторический документ о вандализмах и мошенничествах.

Хорошо, что выставка Святослава прошла в Нью-Йорке под добрым знаком. Вероятно, Зина еще напишет, как состоялось само открытие и какие именно люди высказывались в своих доброжелательных заметках? Как вел себя Добужинский? Он никогда другом не был. Интересно, как прошла его выставка, в какой именно галерее она была? Вряд ли можно предположить, что он стал бы платить большие деньги за помещение. Всякие такие сведения интересно накапливать, и они могут пригодиться. Попробуйте выписать от Гаральда еще несколько монографий. Как видите, спрос на них всегда может появляться. Вот и здесь даже без всяких объявлений книги разошлись, и полезно было бы иметь еще несколько. Опять-таки не будем забывать, что за эти годы подросли новые поколения. Многие соображения, может быть, и верные для бывших времен, сейчас уже преломляются в новых пониманиях. Всякие соображения о группе мошенников неприложимы в широком понимании новых людей. Потому опять-таки стройте все на молодых и на новых. Помимо маленькой группы, о которой Вы поминаете, могут образоваться и другие симпатичные очаги. Постоянная беда в том, что спрос и предложение не встречаются. Например, во время Вашей поездки в Чикаго и Калифорнию Вы встретились с целым рядом интересных и доброжелательных людей. Именно, можно сказать, что друзей очень много, но не всегда удается вскрыть их. Также не следует слишком преувеличивать значение и возможности мошенников: если в одном районе они и очень деятельны, то зато в других они или еле терпимы, или вовсе нетерпимы. “Волков бояться — в лес не ходить”. Передайте Браун в Дельфийское Общество мой привет. Один номер журнала перешлите сюда, может быть, каким-то чудом дойдет. Гонорар, конечно, сюда не переводите, он пригодится Вам на расходы. Привет Брэгдону, радуемся, что он по-прежнему деятелен. При случае передайте привет и Сторку в Филадельфии, ведь он всегда был дружелюбен. Ур[усвати] упоминается во многих книгах, и потому изъять это имя из перевода “Мира Огненного” нельзя, тем более что “Надземное” начинается и кончается [словом] “Ур[усвати]”. Очень опечалены недомоганием Соф[ьи] Мих[айловны]. Конечно, и годы, и нынешние времена тяжки для здоровья. Надеемся, что ей уже лучше. Пароходные сообщения становятся все более затруднительными, затруднился и приезд Святослава, чем мы все очень огорчены. Когда будете писать Гаральду, помяните ему о том, что у Юрия имеется много материала и статей о Гессер-хане. В настоящее время этот эпический сюжет очень всех интересует. Тревожит нас очень состояние здоровья Катрин, по-видимому, она трудно набирается сил после операции. Давно не имели известий от нее. Вернулась ли она к открытию выставки? От нее и Инге относительно выставки ничего еще не имеем. Имели от Джина добрую весточку — как трогательна комната “Flamma”! Как жаль, что ящик материалов “Flamma” до сих пор еще здесь. Думали, что Свят[ослав] его захватит с собою, но и это пока отложено. Итак, Дедлей опять в передвижении. Вполне понимаем, как трудна его работа, но в каждом месте могут встречаться добрые сердца. Хорошо, что Дедлей постепенно знакомится с переводами книг Уч[ения], этот материал нужно постоянно иметь в сознании. Может быть, Гартнер дал бы Вам свой перевод всех книг Уч[ения]? Конечно, переводы эти не были просмотрены нами, но они все же могут пригодиться Вам. Неужели Гаральд не мог переслать Вам и

нескольких экземпляров двух томов “Писем” Е.И.? Здесь мы тоже имеем только одну копию. Армагеддон еще углубляется, но зато и конец его близится. Шлем Вам, родные, бодрость и мужество. Сердцем с Вами,

Н. и Е. Перух.

17.VII.41

Родные наши. Пришли два письма от Зины от 24-го мая — 3-го июня. Таким образом, Вы еще раз видите, насколько вразброд идут письма. Так, письмо от Катрин от 5-го июня пришло раньше, нежели письмо Зины от 24-го мая. Обо всем, что касалось мошеннического предложения Рок, мы уже писали Вам в нашем письме от 5-го июля. Совершенно явно, что грабители хотят воспользоваться военным положением и, насколько возможно, продолжить свою темную деятельность. Но теперь, при союзе англо-русском и при участии в войне Америки, это положение должно быть принимаемо во внимание и во всех прочих делах. Когда я подарил Музею триптих “Жанна д’Арк”, то Совет Музея под председательством Хорша благодарил меня за дар нации (for the nation). Эту выписку из журналов заседаний Совета Музея мы своевременно Вам послали, и она находится у Вас, при этом многозначительно то, что такая формула вовсе не исходила от нас, но была применена Советом Музея в Нью-Йорке под председательством Хорша. Вообще не следует забыть, что кроме этого триптиха в Музее было и еще несколько дареных вещей. Как бы ни пыталась пресловутая Рок выполнить предуказания грабителей, но сами обстоятельства вносят в это неслыханное дело еще более экстраординарное условие, и друзья, конечно, знают всю эту экстраординарность. Зина пишет о своем прекрасном впечатлении от посещения Центра в Филадельфии. Отрадно слышать, что образовалась целая молодая группа, которая даже, помимо самой Чайки, уже ведет культурное дело. Это лишь доказывает то самое, о чем мы все всегда заботимся, а именно, что лишь молодая группа может продолжать просветительные дела и создавать собою магнит для будущих поколений. Другой такой же пример являет и Био-Институт, где сейчас образовалась опять-таки молодая группа, которая ведет это дело. Как в Филадельфии, так и в этом Институте денег в деле не было, и оно устояло даже и в трудные дни лишь благодаря энергии молодежи. Потому-то так важно, чтобы из бывших учащихся Мастер-Института тоже выявлялось какое-либо ядро, которое было бы живой местной основой для жизни дела. Вы уже имеете нашу телеграмму, отвечающую на Ваш вопрос о помещении. Вместо Карнеги-холл, который, как Вы пишете, имеет за собою многие неприятности, можно бы переменить помещение на какую-либо иную студию. Только местные условия в такие экстраординарные времена, как сейчас, могут быть принимаемы во внимание. В наше прошлое письмо мы вложили копию письма от генер[ального] инспектора почт, в котором он признается, что Ваша телеграмма в январе шла сюда три недели. Нужно сказать, что и

другие телеграммы вместо обычных двух-трех дней приходят на девятый и больше. Таким образом, еще раз подтверждается, что условия почты исключают всякую возможность своевременных ответов. Получили ли Вы две русские монографии, посланные через Мана? Журнала Дельфийского Общества мы еще не получили. Между прочим, советуем сохранить с этим Обществом добрые отношения, ибо там имеются дружественные лица, а журнал их широко распространяется. С Линд[ен] пока дело оставьте, тем более, что журналист, о котором Вы упоминали, Вам неизвестен, а с журналистами, также как и с адвокатами, нужно быть особенно осторожными. В идущие трудные времена будьте крайне бережны решительно во всем и не обременяйте себя обязательствами. Как странно, что вся “Иер[архия]” распродана. У нас имеется больше двадцати копий, и при первой возможности попытаемся Вам их переслать. Чрезвычайно интересны Ваши сообщения о йогических лекциях г-жи Хорш. Очень хорошо, что Вы получите об этих “сеансах” точные данные. Вообще можно себе представить, сколько потрясающих сведений может быть собрано с разных сторон, иногда из самых неожиданных источников. Сколько искажений и злобных наветов сеется темными, которые только и живут злобностью! Конечно, в указанных Вами параграфах слово “Ур[усвати]” не должно быть изъято. Как можно точнее придерживайтесь оригинала. Как видите, вся книга “Надземное” начинается именно словом “Ур[усвати]”. Сердечный привет милым фламмидам, наверное, и они среди жизненных встреч находят молодых и сочувствующих. Ввиду особо тяжких времен люди будут вспоминать именно о духовной стороне, и именно эту сторону нужно всячески выдвигать. Армагеддонное бедствие требует особых мер для избежания одичания. Германия должна и будет разрушена, но сколько усилий и жертв нужно принести. Переустройство мира не может свершиться легко. Высшая Справедливость утвердит лишь чистые устремления. Берегите каждую добрую возможность, каждое дружелюбие. Сердцем и духом с Вами,

Н.Перух.

21.VIII.41

Родные наши. Сейчас пришли письма Зиновки от 26-го июня и от 13-го июля. Как видите, почта становится совершенно иррегулярной, и, вероятно, еще какое-нибудь письмо Зины в промежуток от 3-го июня до 26-го июня не дошло. Наше последнее письмо было от 3-го августа. Поминаем все эти даты, чтобы Вы могли следить, что именно доходит, а что исчезает, тем более что в газетах были указания на пропажу по военным условиям какой-то почты. Оба письма Зины являются историческими и останутся в хронике происходящих событий. В письме своем от 26-го июня Зина описывает подробно свое свидание с общественным деятелем. Можно себе представить, какова психология этого деятеля, если он затыкает себе уши, лишь бы не слышать о криминальных фактах, которые ему сообщаются.

Прямо невозможно себе представить, чтобы серьезный деятель отказывался услышать факты и пытался, как страус, спрятаться, лишь бы пребывать в неведении. Все это Вам нужно знать, и очень хорошо, что с Вами был Джин, в свое время так чистосердечно поддерживавший этого деятеля. Прежде всего, знать и знать. В том же письме Зиновья сообщала о престранном посещении Катрин служащим насчет картин. Похоже, что с какими-то таинственными целями хотят обесценить картины, а в то же время заставить Катрин отказаться от несомненных ее прав на эти вещи. По-видимому, никаких дальнейших движений по этому вопросу не произошло, ибо иначе мы имели бы или от Вас, или от Катрин какие-то сообщения. В письме своем от 13-го июля Зиновья сообщает чрезвычайное сведение как о Кузене, так и о новом мошенничестве, происходящем под руками Хорша. Зина совершенно права, что именно Хорш такой специалист по пропаже документов и по вскрытию сейфов, когда он завладел бумагами, принадлежавшими Морису. Вообще, все, что сообщает Зина, еще раз доказывает то, о чем писали неоднократно, а именно о накоплении сведений о мошенничествах Хорша и всех его присных. Надеемся, что газеты, упомянутые Зиной, в которых сообщалась пропажа и взлом сейфа, хранятся у Зины. Все это чрезвычайно пригодится, а, кроме того, лишний номер этих газет можно было бы послать общественному деятелю, чтобы если у него заткнуты уши, то глазами он мог еще раз убедиться в правоте Ваших сообщений. Чрезвычайно любопытны сообщаемые Вами сведения о циркулирующих фотокопиях с писем. Очень хорошо, если Вам удастся достать такой фотостат, в чем Вы и просили Катрин помочь. Поразительно, если у влиятельных лиц в руках находятся такие документы, а они стараются их замолчать, будто бы не понимая, какой общественный вред они наносят этим своим замалчиванием. Итак, всеми силами собирайте все новые сведения, которые не замедлят пригодиться. Жульничество во всех видах должно быть караемо. Доброжелателю в Монтевидео я послал оттиски моих последних статей, чтобы он убедился, что я жив. Таких доброжелателей очень много в разных частях света, но почтовые затруднения прервали почти все сношения. Так, вчера мы получили обратно письмо наше, посланное Конлану в июне прошлого года. Медленно, но верно, вступаем в полосу одичания — и это в век радио и аэропланов. Не пишем больше о студии в Карнеги, ибо раз она снята, то и нечего об этом говорить, тем более, как Вы пишете, эта комбинация даже выгоднее финансово. Вы хотели еще достать осведомление из Филадельфийского Центра. Удивительно, какими неожиданными путями доходят вести, — так и посещение братом Катрин с такими новостями тоже поразительно. Премного озабочивает нас недомогание Дедлея. Конечно, всякое ушное заболевание очень продолжительно, и восстановление слуха происходит крайне медленно и постепенно. Так, у Е.И. от самого легкого воспаления среднего уха без нарыва и при боли, продолжавшейся меньше суток, долгое время ощущалось значительное понижение слуха. Год взяло, чтобы постепенно вернуться к прежнему здоровому состоянию. Ухо — одно из самых тонких органов. Как это случилось, отчего? Но, конечно, хороший климат Калифорнии ему очень поможет. Очень хорошо, что Дедлей помог Вам сделать в сжатой форме меморандум. Полезно иметь такую сводку не только в пространной форме, но и в сжатой. Хотелось бы ее прочесть, но по

нынешним временам это исключено. Вообще, вероятно, теряется очень много писем, уже не говоря о чрезмерных замедлениях. Хорошо, что к Вам наконец дошли две монографии и статьи. Итак, несомненно, к Вам придут еще новые сведения, и, наверное, Вы встретите как и старых, так и новых друзей. И среди Армагеддона будьте бодры, он близится к концу. Лучшие мысли наши со всеми Вами, скажите друзьям наш сердечный привет,

Н.Перух.

22.VIII.41

Сейчас пришло письмо Зиновки от 30-го июня, видите, как вразброд приходят письма. Два сообщения очень нас беспокоили. Первое — об ушной простуде милого Дедлея. Эта такая длительная и утомительная болезнь. Нужно очень при этом беречься от сквозняков и малейшего ветра. Вероятно, он повидает лучшего специалиста, нельзя полагаться на мнение одного врача. Конечно, это мучительное состояние недослышания пройдет, но нужно вооружиться терпением.

Второе обстоятельство касается картин, принадлежащих Катрин. С одной стороны, ей говорят, что она не имеет шансов на эти картины, а с другой — к ней приезжают и с нею ведут разговоры, тем самым ясно показывая и признавая ее права на картины. Предложение ей самой купить ей же принадлежащие картины по дешевке звучит ловушкой. И кому, и для какой цели требуется обесценение вещей? В этом чувствуется новая темная махинация. Странно, каким образом права Катрин на картины могут отрицаться? Ведь Е.И. имела с декабря 1933-го года полнейшую доверенность, засвидетельствованную здесь местным магистратом и дававшую ей право полного распоряжения имуществом. Письмо Е.И. к Катрин о картинах относится к июню 1935-го года, когда никто никаких претензий к ним не предъявлял. Такой приоритет Катрин несомненен и Вы, конечно, переведете этот параграф для Катрин и Инге.

Деньги, которые Катрин передавала, были и не по чекам ввиду нашего передвижения и затрудненности получать по чекам. Вы знаете, в каких особых обстоятельствах протекала экспедиция, в каких отдаленных местностях приходилось быть. Ссылка на отсутствие некоторых чеков нам напоминает другое обстоятельство, когда Хорш предъявлял свои права на гораздо большую сумму, а существование своего определенного письма от декабря 1924-го года нагло относил к каким-то “другим суммам”, о которых его никто не спросил, где же были чеки на них? Вы сами присутствовали при этом позорномговорении. А теперь совершенно определенное письмо, данное на основании неоспоримой доверенности, считается недостаточным. Почему же тогда хоршевские заявления принимаются без всяких на то документальных доказательств? Ему — маклеру не требуется предъявления чеков и доказательств, а когда вопрос касается кого-то другого, то даже самые неоспоримые факты подвергаются опровержению. Такова

несправедливость. Кроме всего, Вы, конечно, понимаете, что для темных делишек избираются и самые экстраординарные обстоятельства. Казалось бы, кто же может нормально говорить о художественных предметах во время мировой войны, когда сношения с множайшими странами пресечены или затруднены до невозможности? Только при желании обесценить предметы с какою-то темною целью кто-то может пользоваться именно такими, как сейчас, небывалыми мировыми обстоятельствами.

К тому, что Вы пишете об общественном деятеле, который Вас так удивил, можно добавить, что не исключено, что Ваше свидание оставило в нем впечатление и известную настороженность. О пресловутых письмах, как Вы пишете, оказывается, он знал, и кто знает, где и как циркулирует это обстоятельство. Итак, слушайте и примечайте: мошенники рано или поздно будут обнаружены.

Очень радовались, что Катрин себя хорошо чувствует. При известной осторожности ее состояние может еще улучшиться. Обнимите ее от нас, также и милую Инге. Дружно давайте отпор врагам и стойте твердо друг за друга. События развиваются, и, конечно, трудности неизбежны, но победа Сил Света несомненна. Скоро уже начнется посев прекрасных причин, которые темные силы не в состоянии будут уже так безумно уничтожать. Химизм атмосферы вокруг Земли начнет явно изменяться, и темные влияния будут слабеть. Тяжкая полоса предстоит и России, но конечная победа несомненна.

Курьезно, что Вам пришлось заплатить шесть долларов за мой авторский экземпляр книги о Хьювете, в которой имеется и моя статья. До сих пор всюду авторы получают хотя бы один экземпляр своей напечатанной статьи (кстати, статья была испорчена издателями). Завелись странные обычаи — дай статью да еще заплати.

Крепко обнимаем Вас, наши родные, будьте бодры — все делается так, как нужно. Стара пословица “Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”, но она имеет глубокое основание. Сердцем и духом с Вами всеми,

Н.Перух.

9.IX.41

Родные наши. Наше последнее письмо было от 21-го августа. За это время Ваших писем не было. Было милое письмо от Эми из Цинциннати — передайте ей наш душевный привет. Было вчера сердечное письмо от Джина из Либерти от 29-го июня — видите, как идут письма! Он спрашивает о своей картине “Гималаи”. Это типичное место по пути к священным местам Тибета — при случае скажите ему. Какие они славные люди — редкие! Наверное, им удастся привлечь молодых и хороших сотрудников. Даже и в маленьких местах часто встречаются свежие силы, не замаранные бытовой суетой. Ведь и “Flamma” как журнал прервалась лишь из-за войны, но само священное пламя неугасимо. Главное число подписчиков совершенно

недостижимо, но пусть не прервутся связи с американской группой. Пришла бумага от Эрнста — прилагаю ее. Как видите, люди не сообразуются со сроками, точно бы никакой войны не происходит.

Неслыханны темные махинации Хорша. Хорошо, что Вы и вся наша группа знаем, что от Хорша никаких личных сумм я не получал, а деньги на экспедицию шли от учреждений. Поразительно, как Хорш и его “покровитель” и сообщники ввели в заблуждение правительство, чтобы оно требовало налог с экспедиционных сумм. Никогда такого не бывало. Но еще поразительнее, что суд не стал рассматривать нашу апелляцию. Такая несправедливость лишь доказывает причастность темной руки. Также поразительно стремление шайки Хорша обесценить картины. Это показывает или новую злостную уловку, или крайнюю степень невежественности. Знаем, что при несчастных обстоятельствах даже произведения лучших мастеров шли за грош. Обычно это была торгашеская проделка. Но удивительно, когда правительство не гнушается воспользоваться мировыми военными обстоятельствами, чтобы “под шумок” помочь бандитам завершить злое, корыстное дело. Хоршу хочется временно обесценить картины, чтобы ограбить их. Но почему же народ безмолвствует? Конечно, мир опаскудел, огрубел, но все же удивительно присутствовать при ярком произволе и мошенничестве. Понимаем, как Вы все негодуете и тщетно озираетесь, ища порядочных, отзывчивых людей. Но где искать их, когда “особенно глухи те, кто не хочет слышать”? Сколько старых и верных пословиц можно привести. Скажут: о чем говорить, когда целые государства рушатся. В такие дни выползают все ехидны, чтобы жалить, отравлять, грабить, лгать и насильствовать. Слышавшие о мошенничествах Хорша недоумевают, как может правительство способствовать такому преступнику? Такой вопрос неразрешим. По-прежнему следите за происходящим. Наверное, натолкнетесь на новые проделки Хорша. Включайте все характерное в Ваш меморандум. Всякие такие детали еще более очертят характер грабителей. Вот уж настоящие сатанисты! Нет ли новых сведений из Филадельфии? Налаживается ли слух Дедлея? Мы знаем на себе, как медленно слух восстанавливается, и происходит это улучшение почти не ощутимо. Конечно, и всеобщая нервность не может не влиять. Неслыханное творится в мире. Последняя часть Армагеддона особенно сложна. Не встречались ли Вам новые, молодые? Сколько молодежи уже за эти годы оказалось в рядах деятелей! Всем друзьям наш самый сердечный привет. Помним, ценим их, знаем, что все Вы сделаете так, как возможно по обстоятельствам. Как говорил царь Соломон: “И это пройдет!”*

Мне писали биософы и спрашивали мое мнение об их новой теме “Религия и наука”. Журнал их мы еще не получили. Тема для нас не нова. Вы знаете, что в моих статьях я не раз касался ее. Во всяком случае, здоровое рассуждение о религии и науке очень своевременное и полезно. Передайте им мой привет. Между нами говоря, удивительно наблюдать, как К. следует нашим темам и сведениям из Учения. Конечно, он никогда и нигде не поминает об источниках. Все это поучительно. Но главное — лишь бы распространялись полезные сведения. Культура настолько потрясена, что каждое здоровое слово должно быть приветствовано. На священном дозоре должны встать все, кто мыслит о лучшем будущем.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Перух.

15.X.41

Родные наши,

Пришло запоздалое письмо от Зины от 8-го августа. Радовались, что ухо Дедлея лучше. Но как теперь нужно беречь его от простуды! Затем было три телеграммы от Катрин: одна о манускриптах, другая от Стоу и третья о возможности назначения Дедлея. О манускриптах высказано предположение, что это дело может быть отложено. Е.И. ответила, что отложение желательно. Впрочем, это вообще относится ко всем обстоятельствам. Чем больше отложить — тем лучше. Возможность назначения Дедлея нас очень порадовала. Теперь не будет разногласий, и Рок придется стать поосторожнее. Если даже ее не удастся вообще сместить, то она почувствует, что ее происки не удадутся. Не буду повторять наших соображений, высказанных в письме от 5-го июля. Вам всем все это вполне известно. Если бы образовался новый Комитет Музея, в новом составе, без участия нежелательных элементов, он мог бы Вам быть полезным как голос общественного мнения.

Хорошо бы Вам узнать, кто именно предлагал меня в поч[етные] члены Общества Фильда. Вы могли бы внести их в список друзей. Вот и в Обществе Марка Твена — друзья, и в “Интер Культур” — друзья. И около Академии — друзья. И среди биософ[ов] — друзья. И в Нью-Мексико — друзья. И в Филадельфии друзья, и в Вашем центре молодежи. И в Дельфийском Обществе — друзья. Много их повсюду, только надо выявить их. Было милое письмо из Либерти. Пусть фламмиды поддерживают связь с членами в Америке. Ведь друзья были и в Канаде, нужно согреть их. Если хоршевское трио — жулики, то это не значит, что культурные дела не живут. Конечно, сейчас Армагеддон перевернул всю жизнь. Уже не говорим о странах воюющих, но ведь и во всех нейтральных жизнь ненормальна.

Внесите в список друзей мистера Ауберта Тернера в Сент-Луисе — он прислал ко дню моего рождения сердечную телеграмму. Сберегите дружбу с Альбуэрно в Буэнос-Айресе — видимо, он славный человек и уже выказал преданность. Почти в каждом номере его журнала идет моя статья. Даже в мрачные дни, когда грабители и утеснители как бы торжествуют, когда загнана Культура и забито творчество, — даже в темнейшие дни помните обо всем светлом. Берегите друзей, согреть их — ведь у каждого свои скорби и заботы.

Сношения с разными странами все затрудняются. После долгого молчания из Португалии дошла к нам хорошая статья Шауб-Коха, напечатанная в сборнике Университета в Коимбре. Сам Шауб-Кох был в Швейцарии, а где сейчас, и не знаем. Тревожит судьба Конлана — видно, он не имеет возможностей, чтобы дать знать о себе. В таком же положении,

наверно, и Асеев. Но к нему нельзя писать. Вы правы, беспокоясь о здоровье Е.И. Это время ее сердце опять не хорошо. Не могут не отзываться события. Трудно, трудно переживать Армагеддон! Знаем, что в делах Вы сделаете так, как лучше. Вам виднее специфичность местных условий. Грабители в злобе готовы даже и себе повредить, лишь бы сделать что-то злое. Вы помните мой очерк “Самопожертвование зла”. Поэтому сделайте строго законнее назначение Дедлея, чтобы никакая мерзкая личность не могла придраться и опровергать. Очень жаль, что Плаут не сдал Вам всех документов. Может быть, следует Вам ему написать с перечнем всех недостающих бумаг. Такое письмо, в свою очередь, уже будет документом. Нет ли сведений, что происходит в стане грабителей? Каждое показание вроде Кеттунен или Филадельфии уже показательно.

Шлем Вам, нашим милым дозорным, лучшие мысли. Да будет хорошо друзьям. Скажите им наш самый сердечный привет. Духом и сердцем с Вами,

Н.Перух.

30.X.41

Родные наши. За три дня много писем от Вас: от Катрин и Инге от 26-го сент[ября], задержавшееся письмо от Зины от 2-го сент[ября], письма от Стоу от 26-го сент[ября] и от 3-го окт[ября] (копия его отставки), письмо Инге с копией письма от Ст[оу] и письмо Дедлея от 3-го окт[ября]. Дедлей правильно вспоминает о некоторых почти подобных эпизодах, описанных в “Письмах Махатм”. Всяких Хьюм[ов], Ферн[ов] и Синн[еттов], и пр[очих], и проч[их] — очень много, увы, тип этот бессмертен. Еще раз радуемся, что теперь в Вашем кругу не будет разногласий и в дружеском обсуждении Вы всегда найдете наиболее жизненный выход из создавшихся положений. Было бы совершенно замечательно, если дело о ста картинах закончилось бы на предложении, сделанном чиновником. Характерно, что чиновник говорил, что они не хотят нового дела в этом признании можно усмотреть некоторое осознание совершённой несправедливости. При дальнейших развитиях дела не забудьте, что в Музее с 1934-го года была на выставке картина “Силы Небесные с нами невидимо служат” и эта картина не входит в музейные списки, ибо она была дана на выставку и принадлежит Е.И. Также, как Вы знаете из зеленого каталога, имеются и другие картины, принесенные в дар от М.М. и Е.И., а относительно триптиха “Жанна д’Арк” Совет Музея благодарил за дар нации. Мы послали Стоу телеграмму. На этом все и кончилось. Зина правильно предполагает, что многое в пересылке теряется, так, например, мы так и не получили дельфийского журнала, но дошла книжечка Брэгона “Оракул” — пожалуйста, передайте ему от меня сердечный привет. Наверное, он понимает, насколько сейчас почтовое сношение невозможно. Хотя он и стар, и бездеятелен, но все же выявляет дружбу и может быть Вам все-таки полезен, если бы произошли какие-то

новые безобразия со стороны грабителей. У него обширный круг знакомых. Было и доброе письмо от Джина из Либерти — действительно, они славные люди, и жаль, что в местных условиях им не приходится встречать, как пишет Зина, хороших духовных сотрудников. Но относительно таких встреч Вы никогда не знаете, где и как они могут произойти, а потому доброжелательный дозор так необходим во всех отношениях. Мы послали через Вас для Филадельфийского Центра набор оттисков статей. Пожалуйста, передайте им этот пакет, и это даст Вам возможность обновить свои сношения и впечатления. Также держите добрые отношения с Радосл[авлевичем], ведь около него университетская среда и молодежь. Передайте ему мой привет. Будем посылать копии “Иер[архии]” маленькими пакетами, надеемся, что кое-что дойдет. Очень замечательно, что уже половина издания “Аум” разошлась, — ведь не было ни объявлений, ни рецензий, ни упоминания в магазинных каталогах, ни агентом. Можно себе представить, каково было бы распространение, если бы все эти условия были налицо. Поистине, рассеянных друзей и доброжелателей очень много. Надеемся, что читаете с Катрин и Инге и последнюю книгу “Надземное”, она ведь самая насыщенная из всех; конечно, сожалеем, что Вы не имеете всех последующих параграфов. Книга эта перешла уже за семьсот параграфов. Писали нам с Дальн[его] Вост[ока] большие сожаления, что два тома “Писем” Е.И. там уже не были получены, только существуют там в двух экземплярах. Они так помогают разъяснять многие трудные места в книгах Уч[ения].

Имеются ли эти тома у Гартнера, в свое время мы просили, чтобы друзья выслали им. Эти тома тоже следовало бы постепенно готовить к переводу. Может быть, Гартнер взялся бы за это? Предложите ему. Какие бы ни были трудные условия в мире, но дело духовности и культуры не может быть остановлено ни на секунду, иначе мир погибнет. Бумаги от Общества Фильда я еще не получил, но когда она дойдет, я с удовольствием утвердительно отвечу. Интересно, кто именно там из наших доброжелателей? Как хорошо, что Аруна Фарм еще существует, может очень пригодиться. Радеем, что Катрин лучше чувствует себя. Она и милая Инге — Ваши лучшие друзья. Святосл[ав] сейчас опять в отъезде. Очень много трудится, и мы имеем редкие известия, но спокойны, ибо привыкли к тому, что письма местные берут невероятное время, а иногда и совсем не доходят. А телеграммы о приезде доходят через несколько дней после приезда самого отправителя — таковы сношения. Так работайте обновленным духом и в новом составе! Привет сердечный всем близким и друзьям. Сердцем и духом с Вами,

Елена Перих,

Николай Перих.

Родные наши. Пришло письмо Зиновки от 29-го сент[ября] с описанием всего у Вас бывшего. Все к лучшему, и теперь, с еще большим единением, дела полезно продвигутся. Всегда помним старую пословицу: “Единением и малые дела растут, а раздором и большие разрушаются”. Также была телеграмма от Катрин о том, что [слушания по делу о] манускриптах назначены на 28-ое января. Может быть, произойдет и еще отложение, и это на пользу. Пусть тот же метод будет применен и во всех других делах — чем дольше, тем лучше. Очень хорошо, что у Зины и у Вас у всех ясно сложилось представление о том, что shares картинной корпорации дают Вам решающий перевес. Смешно говорить о том, что сами shares не в Ваших руках, а, как и многое прочее, находились на хранении у Хорша, — это всем ясно. Важно то, что суд взял деньги за shares и тем самым признал существование как shares, так и самой корпорации. Все это Вам вполне известно, и в нужный момент Вы все это выявите. Можно только сказать, что лишь по местным условиям можно прилагать те или иные действия. Также не забывайте, что по делу Джаксона не была допущена апелляция, и, таким образом, последнее защитное слово не могло быть произнесено. Такое лишение права защиты чрезвычайно показательно, и эта вопиющая, пристрастная несправедливость должна быть очень запомнена. Наверное, в меморандуме Зины это обстоятельство особо подчеркнуто. Конечно, во всем худом есть и нечто хорошее, так и в этом деле лишение права последней защиты оставило дело незаконченным с моральной точки зрения, и в будущем это обстоятельство будет принято во внимание. Во всяком случае, как бы сейчас ни попирались моральные основы, именно они остаются решающими. А каждое несправедливое пристрастие слагает тяжкие последствия для судей неправедных.

Очень хорошо, что у Зины меморандум в двух видах — в пространным и в сжатом. В свободную минуту еще более обостряйте сжатую форму. Вот из С[ент]-Луи[са] опять пришло доброе письмо молодого Тернера — ничего-то эта молодежь не знает, но, чувствуется, что у них самые добрые намерения. Такие начинающие деятели особенно полезны, ибо вместо пошлого времяпрепровождения занимаются духовными вопросами. Продолжает ли Зина видаться с Радославлевым — ведь около него молодое, полезное окружение? Так хочется, чтобы собирались и в добре объединялись молодые силы! Бумага от Общества Фильда получена, и им отвечено заказным пароходным письмом. Надо надеяться, что оно не пропадет, ведь, например, журнал Дельфийского Общ[ества] так и не дошел до нас. Вероятно, Вы получите недавно посланный пакет оттисков для передачи Филадельфийскому Центру, это Вам даст возможность опять обновить с ними сношения. Также Вам посланы четыре книги: две “Агн[и]-Й[оги]” и две “Иер[архии]” — если дойдут, то можно будет послать и еще. Отрадно было узнать, что здоровье нашей милой Катрин так улучшается. Добрый она человек. Такие люди, как она и Инге, встречаются по нынешним временам совсем редко. Держитесь вместе, единение так нужно сейчас ввиду нагромождающихся событий. Сейчас пишется картина, напоминающая об “Ангеле последнем”* 1912 года, только тогда название было — “И пролетит над Землею”, а теперь будет — “И пролетел над Землею Грозный, Прегрозный”. Вехи, в разные времена данные, уже становятся на свои места.

Многие не понимали якобы непоследовательность многих вех, забывая, что это происходит из-за ограниченности человеческого осознания, ибо высшая логика не совпадает с человеческим бытовым рассуждением. Вехи давались не по календарной последовательности, но по их внутреннему значению и высшей логике. Так, и в первой книге самое первое слово трактовалось многими неправильно. Храните особо бережно последнюю рукопись, Вам пересланную, — “Надземное”. Святослав находится на очередном туре, недавно слышали его прекрасную радиопередачу о творениях Леонардо да Винчи. Выставка пользуется огромным успехом. Прекрасны портреты Махарани Трав[анкора] и одного выдающегося государственного деятеля. Радует каждый продвижению к конечной победе. Россия будет Россией. Итак, собирайте добрых сотрудников, берегите дело Культуры и стойте на дозоре о справедливости.

Обнимаем Вас крепко и шлем, как всегда, самые лучшие, самые бодрые мысли.

Сердцем и духом с Вами,

Е.Перух, Н.Перух.

26.XI.41

Родные наши. Спасибо Зиночке за телеграмму об учредительном дне. Великое дело, когда живы традиции, а ведь вехи не исчезают. Они могут видоизменяться в человеческом сознании, но смысл их остается неизменным. Родовались и письму о работе Зины в качестве вице-председателя Русско-американского комитета для медицинской помощи русскому народу. Зина правильно пишет, что работа Комитета аполитична. Деятельность Красного Креста всегда была вне политики, и в этом ее особо прекрасная сторона. Вот уже сорок лет, как я причастен к Красному Кресту, и всегда эта работа была близка моему сердцу. Вы помните, как издания нашего Комитета св. Евгении составили крупные суммы, так пригодившиеся на добрые дела. Кто знает, может быть, и в Америке эта же благая традиция опять может возродиться и пригодиться. Все-таки открытки всегда были легкокрылыми вестниками и захватывали новые континенты народа. Впрочем, это было у нас, где ценилось каждое художественное проявление, а может ли быть оно применимо в Америке, — кто знает? У нас дети и гимназисты, студенты и вся культурная часть общества составляла целые большие коллекции таких художественных открыток, воспитывая на них свое художественное чутье. Эти издания вылились в многозначительную и широкую образовательную меру. Никакие лекции не могли так преуспеть, как эти маленькие доступные вестники искусства, легко входящие в любой быт. Вот и в Индии замечается прекрасное устремление к приобретению воспроизведений с картин, особенно же там, где культурные труженики и народные массы не имеют возможности иметь оригиналы. Таким порядком в дом, иногда даже в самой отдаленной местности, вносится живое

напоминание о творчестве и красоте. Вспоминается, как мы сами и дети наши любили иногда по вечерам просматривать альбомы прекрасных художественных и исторических открыток. У нас к тому же Красный Крест имел привилегию на всех железнодорожных станциях и решительно повсюду продавать свои художественные издания. Вы пишете о возвращении Трудного Человека и о его критике “маленького деятеля” в Южной Америке. Не нужно забывать, что этот деятель появился на нашем горизонте из списков, данных самим Трудным Человеком. К тому же не понимаем мы это странное деление на маленьких и больших людей. В то время как якобы большие деятели Южн[ой] Америки не удосужились ни на чем запечатлеть свои труды, а “маленький человек” устроил издание нескольких книг и теперь опять занят переводом следующего тома. Вряд ли он пользуется чьим-то чужим переводом, если пишет, что он занят этим переводом и что, даже несмотря на местные трудности, он приложит все силы для дальнейших изданий. Почему же группа, претендующая на перевод, не удосужилась его напечатать? Если из-за чьей-то неподвижности что-то кого-то минует, обычно появляются сетования и обвинения успевающих. А если этот “маленький человек” преуспел больше так называемых больших, то тем лучше для него. Мы его, конечно, не знаем, но из всех его писем и из деятельности его [видно], что он очень прилежит к духовной и культурной работе. Сейчас время действия, а не рассуждений, сетований и разъединения. Конечно, намерения очень ценны, и говорят, что “благими намерениями ад вымощен”, но все же без применения они лишь украшают мостовую ада. Вы пишете о новом друге из Калифорнии и о получении многих столь же дружеских весточек. Вот и собирайте их и приобщайте к доброму списку. Синодик друзей необходимо всегда иметь под рукою. Вот и милая Катрин, и Инге присылают прекрасные письма, и мы радуемся, что Ваша маленькая группа все более и более спланивается. Вы, наверное, уже говорили Катрин о полезности сохранить ферму — для этого несколько причин. Если не имели случая еще сказать ей, то прочтите ей это письмо. Только что получили их письма, также и на имя Святослава, но сейчас затрудняемся переслать их, ибо он как раз находится в передвижениях и они могут пропасть в пути. Как только появится длительный адрес, мы перешлем, но, пожалуй, это будет не раньше января. Выставка очень успешна. Значит, дело манускриптов — на 28-ое января. Может быть, и опять оно как-то отложится и затянется, так же как и все прочие дела. Не пишем о Рок, ибо Вы во всем действуете по местным условиям. Кто знает, может быть, какие-то обстоятельства помешают ее спешному увольнению. На местах все виднее. По здоровью Е.И. избегала это время писать на машинке, сердце напряжено, нужна большая осторожность. Приветов всем друзьям. С Манц. нужна большая осторожность, лживости много, Вы правы. Сердечный привет С[офье] Мих[айловне] и милой семье Джина, Катр[ин] и Инг[е], Зин[е] и Дедлею — вся эта группа живет в наших сердцах. Обнимаем Вас, духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши. Теперь в Вашей группе полное единение, и ничто разлагающее не проникнет. Опять хочется вспомнить о декларации 1929-го года. Бывший участник был почему-то против этой декларации, но тем не менее она существует и прошла как постановление Совета Музея. Надо думать, что инкорпорированное учреждение имеет право делать свои постановления. Бывший участник указывал на то, что правительство не ответило на декларацию, но ведь правительство и не отвергло ее, не отказало. Просто заслушало. Мы же и не ожидали особого ответа правительства, ибо Совет Музея послал свое решение, свою декларацию, а вовсе не просьбу. Если бы Совет посылал прошение, то и следовало бы ждать ответа, но декларация не требует его. Президент Кулидж в свое время приветствовал и признал Музей. Вот это обстоятельство неоспоримо, и декларация как бы ответила в том же духе.

Также важно, что Картинная Корпорация, конечно, знала о декларации и, очевидно, принимала во внимание ее содержание. Потому рано или поздно Вашей группе придется обратиться к содержанию декларации, которая Вам поможет не только морально, но и как неоспоримый исторический факт. Нельзя же все бывшее вычеркнуть и считать небывшим.

Конечно, события в мире нагромождаются, и каждый час можно ожидать дальнейших армагеддонных движений. Может быть, и дело о манускриптах опять отложится. И все дела ввиду экстраординарного положения отложатся. Вам на месте виднее. Если можно отложить — вы так и сделаете.

Пришло милое письмо из Либерти со вложением фотографий комнаты “Flamma”. Пусть доброе зерно растет. Пусть найдутся молодые для продолжения культурного дела. Привет фламмистам! Доктор Мюль прислала из Австралии свою новую книгу о криминологии. Книга поучительная — передайте автору наш привет, ведь она поехала в Калифорнию. Также пришла из Софии целая пачка газет с хорошими статьями Стоилова о моем искусстве.

Много друзей! Жаль, что обстоятельства всех их рассеяли и полезные дела умолкли. Но это временно. Эволюция потоком своим прорвет все плотины и запруды. Конечно, моя картина для Русско-американского Комитета идет от имени Е.И. Интересно, как идут дела Комитета, с кем там встречаетесь? Не представляем себе, в каком виде показал Тр[удный] Человек музейное дело в Юж[ной] Америке. Может быть, совсем не так, как следовало бы. Было ли показано грабительство во всем его объеме? Дело не только печальное, но неслыханно возмутительное. Так и скажите, если бы пришлось на эту тему переписываться. Почтовые сношения все ухудшаются. Скоро и последние пути пресекутся. С каждым письмом опасаясь, не последнее ли? Не придется ли опять новыми круглыми путями плавать?

Скажите Катрин, Инге, всем, всем добрым друзьям, как всегда мы о них думаем и шлем наши лучшие, сердечные приветы. Да будет Вам всем, нашим милым и славным, хорошо — как только может быть в нынешних обстоятельствах. “И это пройдет” — заповедует древняя мудрость.

Привет, привет, привет!

Сердцем и духом с Вами,

Н.Перих.

“Большие преступники охраняются своего рода судьбой, которая помогает им преодолевать все препятствия и избавляет от всех опасностей до той минуты, когда утомленное Провидение не положит предела их беззаконному счастью”.

Дюма

6.II.42

Родные наши. С 26-го октября не было Ваших писем. Можно себе представить, что происходит и с нашими письмами. Переписка становится невозможной. Не знаешь, что дойдет, а что исчезнет. И в каких именно недрах пропадет! Письма в Китай вернулись обратно. Не знаю, дошли ли письма в Португалию? Недавно пришло письмо из Нью-Йорка от какого-то Хермана Б.С. Франссона с двумя дипломами на почетного члена научных обществ — одно в Лос-Анджелесе, а другое на Яве. Адрес Франссона — 1879. Бродвей. Комната 805. Пожалуйста, поблагодарите его по телефону за добрую присылку. Я его совсем не знаю, но, может быть, он полезный человек, — Вы увидите. Скажите ему, как трудна почта сейчас. Посылаю Вам мой записной листок “Подвиг”. Можно напечатать где-нибудь в добром месте. Надо бы это замечательное русское слово внести в словари. Ведь биософы протолкнули в словари слово “биософия”, а ведь “подвиг” куда важнее. Если “указ” внесен в словарь, то непере译имое понятие “подвига” тем более заслуживает первое место. Что-то творится в наших разных обществах? Жив ли Конлан? Что Лукин? Даже и не вообразить, в каких положениях оказались друзья. На днях на юге Индии составилось наше Общество с очень выдающимся комитетом. Даже странно было увидеть, что и среди Армагеддона создается культурное дело, привлекающее к себе лучших людей. В Буэнос-Айресе “маленький человек” продолжает печатать мои статьи, конечно, оттиски доходят страшно медленно. А военные действия, верно, и совсем пресекут пересылку. Жизнь постепенно дорожает, вероятно, и у Вас те же обстоятельства. Как продвигается Ваш Комитет Красного Креста? Нет ли интересных встреч? Несмотря на все армагеддонные трудности, думайте о новых и молодых. Часто именно среди трудностей выявляются ценные сотрудники. Очевидно, и в С[ент]-Луи[се], и в Лос-Анджелесе имеются хорошие друзья и такие же и в разных других городах. Когда в мире столько ненависти, то каждое дружеское явление особенно радостно. Привет друзьям. Пусть и пламя “Flamma” не поникает. Такие пламенные зерна хранят свою жизненность. Буря пронесется, и солнце опять обогреет землю-страдалицу. Скажите привет милому Дедлею, С[офье] М[ихайловне], Катрин, Инге, всем, всем милым, устремленным к добру. Сердцем и духом с Вами,

Н.Перих.

Обнимаю Вас, родные, — все будет так, как нужно.

Е.Перух

28.II.42

Родные наши. Дошли Ваши письма от восьмого и пятнадцатого декабря. Значит, ноябрьские письма пропали. Конечно, теперь Вы не пишете, какой именно дорогой посылать, — это надо предоставить самой почте. Очень хорошо, что Либерти поддерживает связь с фламмистами. Показательно, что появился новый спрос на открытки и книги. Ведь у Катрин было много книг и маленьких монографий. Поддерживайте все эти новые, добрые отношения. Показательны и вредительские мерзости Коненковых, о которых Вы сообщаете. Наверно, находятся порядочные люди, которые говорят правду и сурово осаживают вредителей, подобно тому, как Сторк осадил Черную в Филадельфии. Каждый выпад есть лишь повод к сильнейшему отпору. Невозможно предположить, чтобы в большой стране клеветничество преобладало над правдой. Есть же честные люди. Конфуций говорил: “За добро — добром, а за зло — по справедливости”. Прислали нам ноябрьский “Studio”. Там мой “Половецкий стан” и добрая заметка. Может быть, Вы это видели в нью-йоркском издании. Почта стала совсем плоха. Как жаль, что в Вашем краснокрестном комитете такие неуместные трения. Даже в самом полезном деле оказываются вредители. Преборите всякие такие препоны. Воображаем, сколько у Вас забот в связи с новыми обстоятельствами. Тем стыднее всяким клеветникам вроде Коненковых, которые, даже несмотря на Армагеддон, все-таки продолжают свои мерзкие подкопы. Можно лишь удивляться такой некультурности и аморальности. Надо надеяться, что культурные люди распознают эту бездну тьмы. Жаль, что именно молодые сейчас вынуждены временно отдаляться от областей искусства. Пусть их огонь не заглохнет. Попробуем послать Вам еще открыток, но у Вас пока еще должны быть. Жаль, жаль, что нельзя еще достать монографию Конлана, и здесь на нее спрос! Но по нынешним делам об этом и думать нечего! Хорошо, что в Либерти чувствуют, что мы о них часто сердечно думаем. А что происходит в стане грабителей? Прислушивайтесь! Любопытно Ваше сообщение о Плауте. Дал ли он Вам *письменное* удостоверение о тех бумагах, которые он Вам не вернул? Ведь оно может очень потребоваться. Получена Ваша общая телеграмма ко дню рождения Е.И. Даже и скорая, телеграмма была в пути четыре дня! Спасибо Вам всем, милые, родные.

Пришло Ваше письмо от 12-го янв[аря]. Вы совершенно правы, полагая, что теперь не время для выставок в Чикаго и проч. Выставки могут быть в хорошие времена, а сейчас — смятение. Мысли наши со всеми Вами, с нашими родными в духе. Шлем Вам бодрость!

Н.Перух

Привет Вам, дорогие друзья, к Памятному Дню. Особенно помним о Вас всех сегодня и шлем мысли бодрости. За это время, с января, писем от Вас не было. Неудивительно, ведь даже здешние местные посылки исчезают. Только что мы ощутили пропажу двух пакетов с юга Индии. Давно ли к Памятному Дню можно было обмениваться приветами со всею Европою, Америкой, Китаем, Явою, а теперь даже и с Австралией и с Новой Зеландией путь затруднен и удлинён. Недавно проскочило запоздалое письмо из Китая. Из него видно, как жгуче ожидался ответ, но он уже был невозможен. Даже пространственно не дойдет мысль, ибо и пространство воюет и сотрясается противоречиями. О делах не пишем. Вы сами знаете, как чутко нужно прислушиваться. И среди самых трудных часов могут быть значительные встречи. Дела культуры всегда неотложны. Был у меня очерк “Помощь”. Говорилось об искусстве помощи во всех ее видах. Именно умение помочь есть великое искусство. В нем явлено творчество-добротворчество. Трудные события не раз соберут Вас вместе. Особенно будет оценено дружеское, сердечное слово. Поверх материальной помощи стоит помощь сердечная. И в этом саду вырастают самые редкие и ценные цветы. Наверно, Вы продолжаете Вашу полезную работу в краснокрестных организациях. Вы превозможете всякие вредительства. Пусть и эти препятствия создадут новые возможности. Терпение, терпимость ведут к человечности, а ведь люди сейчас именно нуждаются в человечности. Заносчивая механическая цивилизация забыла о самом необходимом для эволюции — о человечности. Тем более нужно спешно твердить об этой простейшей основе. Шатается жизнь от всяких вредительств. Многие даже не понимают эту разрушительную вредоносность. Тем более дозорные блага должны быть на страже. Помогайте, помогайте добрым советом; смотрите глазом добрым и не покиньте доброту сердца. С Вами наши мысли о бодрости о преуспевании. Да будет Вам хорошо! Сердцем с Вами,

Н.Перух.

В День Памятный Н.К. сказал Вам о пути совершенствования, об умении помочь, о глазе добром, о человечности. К этому, родные, я хочу добавить мою просьбу — не забывать, что все дары совершенствования должны поддерживаться сознательно, именно не только вдохновение, восторг и так называемый энтузиазм, но и терпение, и вмещение, и вся великая терпимость создаются сознательно. Дары совершенствования не приходят извне, но очаг пламенный живет в глубине сознания. Человек должен усмотреть его, должен любовно оберечь его и может призвать эти силы — тогда и внешняя Помощь может быть приложена. Даже простой механик понимает основу приложения энергии, тем более мыслитель должен усвоить применение своих качеств. Так в беседах о совершенствовании жизни

исходите из свойств человеческой природы и применяйте самые простые сравнения. Простое слово есть великий дар. Мыслитель говорил: “Найдите самое простое о Великом, только через простые врата входит любовь”.

Именно любовь может помочь нам явить совершенствование жизни, потому, родные, сознательно поддерживайте в себе пламенный очаг устремления. Психическая энергия, эта панацея, питается энергиями, и самой мощной из всех энергий будет ярая любовь, выношенная среди страданий и устремленная к совершенствованию, в чем бы это совершенствование ни проявлялось.

Потому, родные, думайте о сознательном совершенствовании, не позволяйте ни на минуту, чтобы эта сознательность покидала Вас, так Вы начнете настоящую Йогу и явите преуспевание на всем пути Вашем.

В дни переустройств такое устремление поддержит Вас, и принесет Помощь, и явит радость сердца.

Думайте, родные, устремленнее, думайте радостнее, думайте проще, ибо “только через простые врата входит любовь”.

Привет сердца Вам, родные, думы наши о Вас, о яром преуспевании Вашем,

Е.Перух.

10.IV.42

Родные наши,

Дошло письмо Зины от 12-го —16-го февраля. Получены Вами наши письма от октября — до начала декабря. Радовались доброму тону письма Зины — да, именно в трудные дни бодрость особенно ценна. Будет же время, когда и из Америки придет письмо без грустных вестей. Должно же наступить и такое время. Грустно, что Зине пришлось уйти из краснокрестного комитета. Неужели К[улидж], сам же пригласивший, не мог создать приемлемых условий для работы? Казалось бы, они должны ценить опытность и рвение. Уже немало для них было сделано, да и время ли заниматься бытовыми гадостями?! Не разгонять, но собирать воедино нужно все дельные элементы. Да будет стыдно вредителям! Они не лучше грабителей и убийц, ибо убивают энергию, основу жизни. Но где же, где же те, кто не боится сказать правду? Если страны подпадут под вредительский гангстеризм, то какой же труднейший путь их ожидает! Вы пишете, что Радославлевич усматривает исполнение пророчеств. Еще бы не увидеть то, что во всем мире проявилось так грозно! Не удивляемся, что Рок оказалась в грабительском стане. Только слепые это не чуяли. Конечно, в руках Редфильда достаточно доказательств о корпорации, и, надо надеяться, он использует их лучше, нежели Плаут. Ведь за shares деньги брали! При случае и декларация пригодится — ведь она же была постановлена Советом. Неужели Вам опять доведется услышать о таинственных телефонах, о подкупках, о лжесвидетельствах и прочих вредительских мерзостях! Да что

говорить, Вы все это отлично знаете. К тому же и в Вашем меморандуме все это отмечено. Как нужен такой суммарный меморандум! Привет Филадельфии, радуемся, если у них все ладно. Не удивляемся, что в Санта-Фе трудно. Это место маленькое и оживает лишь летом временно. Начиналось одно, а теперь вылилось в нечто совсем иное. Храните основы. Никакие вредительства их не опрокинут. Привет всем друзьям. Пусть растет их список. Почта все ухудшается, даже телеграммы долго идут, но и их в газетах просили, по возможности, не посылать. Хотели мы издать книгу в пользу Р[усского] Кр[асного] Креста, но цены на все так велики, что пришлось отказаться. Сметы непомерны, и в результате пользы не произойдет. Радуемся Вашему единению. Сейте добрые семена. А где они взойдут, не нам судить. Будьте добрые сеятели. Сердцем и духом,

Н.Перух.

Рады были получить и весточки от милых Катрин и Инге. Сердце полно думой о грядущем — везде подвижки, всюду нужны мужество и подвижность. Любите Учение Жизни. Никогда еще не ощущалось так величие Учения Жизни, как сейчас. Всем сердцем полюбите его, и найдете великое утешение и понимание происходящего. Обнимаю Вас, родные, одним объятием. Все будет так, как нужно.

Е.Перух

24.IV.42

Родные наши,

Дошли письма Зины от 31-го января и 23-го февраля — все вразброд! Идея Американско-Русской Культурной Ассоциации очень полезна, если только такая осуществима. После того, что Вы писали о русском краснокрестном комитете, невольно закрадывается подозрение, как бы и тут не втерлись смутьяны и вредители? Впрочем, Вам на месте виднее, сколько именно сил подойдет и удастся ли их удержать от взаимопожирания. Идея знака Дедлея интересна, может быть, проще ограничиться четырьмя буквами АРКА — они звучат хорошо. Вероятно, Вам понадобятся сношения с Обществом Культурных Связей [ВОКС] в Москве. Кто там теперь председатель — не знаю, но Вы можете узнать в посольстве. В свое время я давал Москову программу Русского Института в Америке (при нашем Мастер-Институте). Наверно, у Вас имеется она. Правильно, что Вы требуете от Рок *все бумаги*. Вообще, зорко смотрите, чтобы не попасть в западню. Грабители не дремлют, а теперь, должно быть, совсем распоясались. Зорко смотрите. Печально, что Куд. оказался слабым, а ведь именно он-то знал справедливое решение судьи О'Малея. Кроме всего прочего, грабители, вероятно, опасаются, что их "покровитель" будет затронут, и потому избегают процесса. Когда же наконец все мерзости окончатся?! И когда могут

зазвучать добрые вести? Вы поминаете несколько новых друзей. Кто они? Откуда и как подошли? Кто вокруг них? Вот Вы говорите о весьма культурной лингвистке. Где она работает? В каком кругу? Ведь каждый культурный работник источает вокруг себя полезную энергию. Он умеет заохотить увлечь молодежь к преуспеяниям. Тут уж проявится человечность та самая, которая сейчас так нужна и так зверски забита. Много унижаем нынче Красный Крест, а все же имеется в Женеве его пристанище, и среди бед люди все-таки обращаются туда. Вот так же уже мог быть и Красный Крест Культуры. Сколько разрушений нанесла злоба, но, по счастью, семена добра не исчезают. Где взойдут? Кого озарят? Нам ли судить? Знает ли сеятель, где будет лучший росток?! Разнообразие выявляется в действии. Действуйте! Помните из Бхагават Гиты: **“На всех путях ко Мне встречу тебя”**. Мы все трудимся. Каждый по-своему. Другьям передайте наш ласковый привет. Будьте бодры, будьте зорки, терпеливы, неустанны.

Сердцем с Вами,

Н.Перух.

Привет Брэгдону. Сегодня пришло его письмо от 4-го декабря — было в пути 141 день. Можно бы через Брэгдона предложить его издателям “The Creative Age Press” издать в пользу Р[усского] Красн[ого] Креста книжку моих очерков под названием “Himavat”. У Вас имеется манускрипт книги, но он будет слишком тяжел, потому издатели могли бы выбрать страниц на 200. Если откажут, то все же мы старались о добром деле. Среди моих очерков были о Шамбале, о Гималаях, об Индии, о Руси, о Китае, о Монголии, о борьбе с невежеством, об охране культурных ценностей — все это сейчас интересно. Конечно, на месте Вам виднее. Во главе издательства — Элен Гаррет, очень культурная. Познакомьтесь.

9.V.42

Родные наши,

Пришло письмо Зины от 10-го марта. В нем много ценных сообщений. Конечно, мы не получили письмо от переводчицы книги Е.И. — это еще раз доказывает, сколько писем сейчас пропадает. Наверно, Вы уже созвонились с посольством и узнали, какая именно там моя картина. Сообщите нам о последующем. По этому поводу сделается и хорошее знакомство. Полезно бы снестись с Якобсеном из Йельского университета и, может быть, получить его лекцию о картинах. Ведь он — друг. Конечно, совершенно безразлично, в каком именно штате будет утверждена А[мерикано]-Р[усская] Культурная Ассоциация. Вспоминаю, как в некоторых штатах всегда все было затруднительно, тогда как в других то же самое происходило благоприятно. Где дружественнее, там и лучше. С почтою — все труднее. Просят не затруднять телеграммами. Просят, по возможности, не ездить. С первого мая поезда сильно сокращены, Вы, конечно, все это знаете и понимаете, во что

превратилась переписка. Все же, может быть, Вам удастся нам сообщить, какая именно там картина. Жаль, что нет р[ижской] монографии. Беда, если с Рок не взяли расписку в получении бумаг. Бумаги давайте лишь под расписку, иначе все документы пропадут, а может быть, будут перепроданы грабителям. Армагеддон! В Лондонском парламенте заговорили о сохранении исторических памятников. Запрашивают, нельзя ли что-нибудь сделать через Красный Крест? Между тем когда мы предлагали наш Красный Крест Культуры, то именно они-то и противились ему. Хоть бы кто-нибудь им напомнил о том, что они отринули. Может быть, причина была в том, что идея исходила от русского! Теперь поздно вато горевать о разбитых сокровищах. Но никогда мы не устанем защищать творения человеческого гения. Пусть все друзья, каждый в своей области, в своей земле, берегут все, чем жив дух человеческий. Никакие гримасы жизни не отвратят друзей от заботы о самом ценном. Даже и в стесненных обстоятельствах можно служить добротворчеству. О бодрости, о неустанности хочется сказать в каждом письме. Всем друзьям, и ближним и дальним, хочется послать улыбку радости. “Аруна” на арамейском наречии — золотое солнце. И это золото нетленно. Итак, на всех Ваших добрых путях и в трудные дни да будет Вам хорошо.

Сердцем с Вами,

Е.Перух, Н.Перух.

29.V.42

Родные наши,

Пришло письмо Зины от 9-го апреля. Устав АРКА мы не получили. Еще раз показательно, сколько писем не доходят! Кто Председатель, Секретарь и Члены Комитета? Удивительно, что грабитель Хорш не гнушается присвоением трудовых сбережений служащих. Мало того, что он ограбил и Вас, и нас, а теперь еще покушается на сбережения Людмилы, бывшие в его сохранении. Неужели, с точки зрения его “покровителя”, и такой поступок допустим? Включите и это преступление в Ваш меморандум. Странно Ваше сведение о картине “Дела человеческие”. Мы знали, что эта картина была у Трубецкой, была привезена ею в Америку и куплена Сторком. Варианта этой картины не было, и тем более странно вторичное появление ее! Не подделка ли? До нас доходили слухи о подделках, и даже назывались имена подделывателей. Разузнайте, в чем дело? Также и о картине в посольстве. Сообщение Ваше о Кауне меня не удивило. Какой такой журнал “Новоселье”, каковы его задания, кто сотрудники, каковы все обстоятельства? Кто такая заведующая? Теперь все подробности особенно нужно знать. Теперь только дошло Ваше письмо от 24-го марта, а письмо с уставом АРКА так и не дошло. Вы правы, желая начать АРКА терпеливо и делать связь с молодым поколением. Ведь для них вносим в жизнь культурные основы. Мое Поч[етное] Председательство возможно. Сообщайте о новых знакомствах в

сфере АРКА. Вы узнаете в Посольстве, с кем и через кого можно сноситься. Никто не может Вам мешать в культурных сношениях. Американско-Русская Культурная Ассоциация должна быть приветствована всюду, где понятие Культуры не пустой звук. Вполне понятно, что наша Всемирная Лига Культуры временно замерла, ибо Армагеддон препятствует всему мировому, но культурная связь между отдельными народами не должна пресекаться. Потом она сольется в общее русло. Ведь культурное строительство опять очнется; опять люди примутся созидать, и никто не скажет, что путь культуры есть путь ложный. На этом пути держитесь, берегите друг друга и ободряйте малодушных. Действуйте по местным условиям, в добром качестве. Действуйте, действуйте. В действии рождаются силы.

Н.Перух

Не унывайте, родные, но при трудностях сравнивайте долю свою с миллионами несчастных, переживающих ужасы войны и революций. Обнимаю Вас и верю Вам, родные. Доживем до Светлого Дня.

Е.Перух

15.VI.42

Родные наши,

Долетело письмо Зины от 25-го апреля. Спрашиваете, как поступать? По местным условиям надо действовать. Нельзя спешить с решениями. Сейчас каждый день приносит новости. На местах виднее, что возможно. Культурная работа требует взвешивать все возможности. Где есть хотя бы малейший росток блага — там должна быть проявлена ласковость и бережность. Эти малейшие ростки блага можно разглядеть на месте. Вы пишете о вредительстве Коненковых. Это старинное прокисшее недружелюбие. Хуже будет, если подобные личности начнут Вас хвалить. Похвала врага — в степени его озлобленности. Помните очерк “Самоотверженность зла”? Враги стараются больше друзей. Ярость вражеская да будет мерилom действительности труда. Итак, действуйте по местным условиям. Вам послана моя брошюра “Радость искусству”, изданная художественным обществом в Амритсаре. Надеюсь, что дойдет. Второй экземпляр для Катрин. Джину послано. Если кому-то особенно полезно послать, напишите. Посылаю пароходным пакетом очерки — может быть, пригодятся. Но столько теряется в пути, что прямо невозможно уследить. Узнали ли, какая картина в посольстве и что за тайна около “Дел человеческих”? Может быть, Вам все-таки удастся попытаться [что-нибудь выяснить] о культурных связях? Даже крупницы таких сношений уже ценны. Может быть через Лондон или иным путем, как Вам посоветуют. Иногда проскальзывают письма совсем неожиданные, очевидно, всюду неразбериха. Дали ли вы Брэгдону мой листок “Незаписанная история”? Жаль, что, по-

видимому, Брэгдон стареет, книга его так и не дошла, также как и Дельфийский журнал. Хотелось бы послать сердечные слова, но невозможно, когда знаешь, какими личностями все это будет читаться и, может быть, высмеиваться. Вы поминаете о трудностях жизни — они везде. Тут-то и требуется обращение к основам, которые поддержат и скажут: “Благословенны препятствия, ими растем”. Сердечные приветы милым друзьям — непременно скажите им, как мы любим и помним их. Уже много войн пережили мы на нашем веку, и каждая чему-то научила и расширила сознание. Да будет у Вас все ладно.

Сердцем с Вами,

Н.Перух.

Все наши родные, бодрствуйте и помните, что препятствия, зовущие весь огонь духа, действуют как творческое начало. Передайте мою ласку родной нашей Катрин, очень я ее люблю. Также самый сердечный привет Инге, и Элен, и всей семье Джина. Радуюсь его преданности Учению — этому источнику всей силы и красоты. Будем надеяться, что эта война научит навсегда людей, что единственная война, которая может быть оправдана, есть война против невежества. Всякая другая — есть выражение варварства, именно самого дикого невежества. Итак, пусть лозунгом будущей войны будет “Борьба с невежеством”, и на знамени будет стоять “Мир через Культуру”. Сейчас, в самую, может быть, трудную фазу общемирового положения, мы верим в сужденную победу, не только верим, но знаем о ней. Обнимаю,

[Е.Перух].

30.VI.42

Родные наши,

Сейчас долетело письмо Зины от 11-го мая — спешу сейчас же ответить. Письмо Зины полно тяжкими аномальными сведениями. Если положение вещей настолько прискорбно во всех отношениях, то представляется своевременным отложить АРКА и дела на послевоенное время. К тому же Вы сообщаете, что, вероятно, Вам придется уехать из Нью-Йорка, так как Д. призывается. Какие же могут быть дела, когда один призывается, другие — на учете Красного Креста и в любой момент могут получить какое-то назначение. Такие экстраординарные обстоятельства должны быть всюду приняты во внимание. Вы уже имеете письмо Е.И. о деле Корпорации, потому не буду повторяться. Добавлю лишь одно, что не может быть настолько предубежденных, злонамеренных людей, которые не принимали бы во внимание таких небывалых обстоятельств. Но если они имеются, то эти люди просто преступники, во всяком случае, так назовет их будущее. Странно, что Редф[ильд] считает банду Эрнста порядочными

людьми, но ведь он же знает от Вас, как те оперировали подложными документами и в то же время не принимали во внимание подлинных писем и доказательств. Упаси от таких “порядочных” людей! Насколько все обстоит уродливо, доказывает описанная Вами статья о какой-то неведомой нам Эмме Гуро. Никогда о такой личности мы не слыхали, и можно лишь удивляться писателю, который произвольно поминает мое имя. Конечно, в конце концов все такие легенды — чистейшая ерунда, но при известности избежать их невозможно. Много их было, и еще больше их будет. Мы всегда Вам советовали действовать по местным обстоятельствам. Теперь, как Вы убеждаетесь, ближайшие соображения указывают на необходимость сокращения деятельности. Увы, культурная деятельность страдает в первую очередь. Но все же так же, как и в первые века христианства именно в катакомбах окрепло Учение, так и теперь Культура пробьется неожиданными и невидимыми проводами. Постоянно приходится слышать о прекращении полезных журналов здесь, и никто этому не удивляется.

Но в то же время возникают новые ячейки, которые с малыми средствами все же продолжают поддерживать культурное дело. Культура неразрывна с эволюцией. Остановите Культуру, и Вы прекращаете эволюцию и, следовательно, ввергнетесь в разрушение. Разрушение Музея есть разрушение страны — будем помнить это во всех смыслах. Не буду обременять цензора длинным письмом. Когда будете читать это письмо нашим милым Катрин и Инге, то скажите им, что постоянно они в наших мыслях и живем со всеми Вами мысленно в нераздельном единении. Сердцем и духом с Вами,

Н.Рерих.

24.VII.42

Родные наши,

Долетели Ваши письма от 24-го мая и 10-го июня. Видно, и Ваши условия жизни трудны, потому еще раз советуем действовать по местным условиям. Правильно, что с АРКА действуете осмотрительно, не торопясь. Относительно книги в пользу Русского Красного Креста — главное, чтобы она не сделалась для Вас обузой. Не понимаю, в чем дело с картиною “Дела человеческие”? Наверное, Сторк подтвердит Вам, что эта картина у него от Трубецкой, — запросите его. Спрашивается, откуда же такая же вторая картина? Не подделка ли? Мы видели подделки с подписью “Рерих” через “ять”. Видели и картину Рущица с моей грубо подделанной подписью. Всякое бывало! Статья Народного любопытна еще в том, что он же Вам раньше говорил о нежелании Херста помещать что-либо. Ненормальны все условия жизни, каждый это ощущает. Понимаем, что Вы на зорком дозоре, как бы грабители ни пытались во зло использовать военные условия. Какие же сейчас могут быть словопрения и решения, когда каждый из Вас может оказаться в неожиданных местах. Во всех культурных странах ненормальные

военные условия принимались во внимание. Дела должны быть отложены на послевоенное время. Если не так, то Вы имеете полное право протестовать и не признавать злонамеренных попыток. О полезности вольного определения Д. очень трудно сказать сейчас, настолько все сейчас меняется. Кто бы мог думать, что даже езда по железным дорогам будет нормирована карточками. Вы пишете, что и бензин, и шины — все оказалось в запрете. По-видимому, это везде. Даже во всем обиходе жизнь стала ненормальной. Мы послали Вам пакет открыток. Посланный Вами чикагский журнал и новая книга от Брэгона так и не дошли. Можно представить, сколько посылок вообще теряется. Какие же тут дела, когда мир трепещет в смятении! Как хорошо, что у Вас такие сердечные отношения с прекрасными друзьями из Либерти! Какие такие неведомые друзья хотят иметь портрет? Даже и в труднейшие времена открываются добрые сердца. Срам всяким злопыхателям, которые даже среди мировых потрясений лишь думают о вредительстве. Всегда нужно мыслить во благо, а в трудные дни особенно. Всегда нужно быть в единении, а в тяжкую годину особенно. Двадцатого июля у нас в горах выпал первый снег — необычно рано! Все теперь необычно.

Шлем Вашему дозору, всем друзьям наши сердечные мысли. Духом с Вами,

Н.Перух.

Родные, ничем не смущайтесь, прошу Вас. Мы переживаем сейчас одну из самых трудных фаз переустройства мира, но вера моя в высшее благо так же непобедима, как и раньше. Твердо верю в победу моей страны, несмотря на все очевидности. Человек предполагает, но Бог располагает. Держитесь вместе и помните, что мы с Вами в гордом сердечном устремлении, — обнимаю Вас, родные, всем сердцем,

Е.Перух.

7.VIII.42

Родные наши,

Долетела Ваша весточка от 25-го июня. Эти дни были для меня очень мучительны, но, как всегда, все обошлось ладно. Поразительно, что в день моего заболевания совершенно нежданно приехал в наше место лучший лагорский врач. Без его помощи было бы плохо. Рука помогающая проявилась в час нужный. Теперь все наладилось. В письме Вашем много показательного. Сберегите добрые отношения с Гаррет — ценный, хороший человек. Передайте мой привет. Выбор статей велик. Наверное, в “Himavat” войдут [очерки]: “Гималаи”, “Истинные ценности”, “Цивилизация”, “Оттуда”, “Борьба с невежеством”... Опять-таки скажу, что сделаете все по местным условиям. Ваша мысль о Радославлевиче хороша. Кроме того, можно дать письмо Рабиндраната Тагора — пришлю его Вам на всякий случай. Впрочем,

все сие решат издатели. А если вообще ничего не выйдет, то все же останется наша добрая готовность помочь Красному Кресту. Очень любопытно Ваше сообщение об июльском выпуске журнала. Значит, болтовня Уол[леса] на первом месте, а слово о русском подвиге с поминанием Преподобного Сергия Радонежского — на самом последнем! Показательно! Кто такая издательница? Американка? Русская? Журнал нам пошлите, авось дойдет. Кое-что все же доходит. Кто такие новые почетные советники? Их имена нам новы. Каждое новое имя, приобщившееся к культурной работе, приносит радость. Дополняйте неумолимо списки друзей Культуры. Привет им. Правильно, что Вы не спешите с Ассоциацией. Накопляйте. Посещение и предложения Шрак. прямо чудовищны, безумны. Они сводятся к тому, что разбойник, убив, обобрав, вытирая нож, обращается к убиенным и ограбленным им со словами: “Я простил!” Прямо чудовищно! Впрочем, даже и разгром часовни Преподобного для разбойников был нипочем. Гнусные предатели посягают на все. Зорко следите, нет ли каких подкопов и вредительства! Шрак. всегда был умственно слаб, но не спятил ли он окончательно? Да и какие могут быть сейчас разговоры, когда Армагеддон гремит и бушует! Небывалое время! Все условия жизни потрясены. Надо пережить эти дни. Удивляемся о “Делах человеческих”. Не подделка ли? Ведь в свое время Вы сообщали, что Сторк купил эту картину от Трубецкой, которая привезла ее в Америку и предлагала Музею. В прошлых весточках Вы сообщали, что целый ряд лиц хотели бы иметь монографию Конлана. Предлагайте им монографию Еременко — ведь она совсем не плоха. Для этого пусть Еременко даст Вам несколько leaflet’ов — они были хорошо сделаны. Кстати, Еременко еще раз увидит, что Вы доброжелательны. Действительно, жаль, что Вам не удалось достать еще конлановских монографий. Такие книги всегда неожиданно требуются. Вот и здесь было много запросов. Здоровье Е.И. это время благополучно — это большое счастье. Хотя перебои не оставляют. Во время особых событий все ее силы умножаются. Светик написал несколько очень замечательных картин. Королевское Азиатское Общество в Калькутте сейчас печатает превосходное исследование Юрия о Гессер-хане. Какие гнусные идиоты были все предатели и грабители, которые вредительствовали, даже не помыслив, что собрались порушить! Как хорошо, что Вы опять побываете в Либерти — отдохнете и обменяетесь сердечно с милыми друзьями. Разве не показательна судьба “Flamma” в потоке культурных аварий? Только что благое дело начало крепнуть и обзаводиться новыми силами, как армагеддонный шквал все снес! И опять лишь в глубинах сердец будет тлеть искра. Но доброе зерно нерушимо! Даже в самые трудные дни слагайте, собирайте и помогайте друг другу. Вот и здесь на наших глазах издыхают три культурных журнала. Были у них подписчики и в Бирме, и в Сиаме, и в Сингапуре, и в Китае, и на Яве, и на прочих островах — а теперь все рухнуло. Точнейшее повторение судьбы “Flamma” и “Urusvati Journal”! Привет наш самый сердечный всем друзьям — С[офье] М[ихайловне], Катрин, Инге, Спенсеру и всем, всем, чьи сердца открыты ко благу. Да будет всем хорошо.

Сердцем и духом,

Н.Перух.

Родные, только что пережили тревожные дни — Н.К. нас напугал, но, как всегда, чудесная помощь не замедлила — сейчас он уже на выздоровлении, но придется очень следить, чтобы ярые припадки заболевания не повторялись. В нашей глуши они очень опасны из-за полного отсутствия медицинской хирургической помощи. События так быстро надвигаются, что явно никто не знает, что будет через месяц. Несмотря на мрачную очевидность, явно уже намечаются знаки нового строительства мира. Опомнится человечество, но пережить всем придется немало. Много придется уравнивать, но новые энергии будут явлены. Ничем не смущайтесь, явите новое понимание Учения, расширяйте сознание, и радость наполнит сердца Ваши. Обнимаю Вас от всего сердца,

Е.Перух.

24.VIII.42

Родные наши,

Пришли письма Зины от 8-го июля и Дедлея от 10-го июля. Удивительно, что Редф[ильд] считает шансы корпорации слабыми. Ведь у Вас в руках главное доказательство в том, что противники неоднократно подсылают своих адвокатов для разделения с Вами имущества корпорации. Кроме того, за что же взяли они от Стокса, Сутро и Катрин 11000 долларов — ведь за shares Корпорации! Впрочем, разговоры вообще могут быть лишь после войны. Ведь при нынешнем положении любой из Вас может оказаться в отъезде. Ведь все ненормально. Значит, книга в пользу Р[усского] Красного Креста не состоялась? Ничего не поделаешь — было доброе желание. И так, два мерзавчика — Флейшер и Маггофин ушли. Может быть, и еще кто-нибудь из той же банды уже отправился в дальнейшее плавание! Прислушивайтесь! Будет хорошо, если АРКА постепенно нарастет. Передайте Ватсону мой сердечный привет — всегда душевно о нем вспоминаю. Особенно много советников и не нужно. Изобилие может только способствовать раздорам. Воображаем, как отзывается на жизни железнодорожная езда по карточкам. Потому и говорим, что действуйте по местным обстоятельствам. Ничто нормальное не приложимо. Не отягощайтесь, чем легче и подвижнее — тем лучше. Юрий говорит, что копия с письма Х[орша] была вложена — не пропала ли при вскрытии цензурой? Невозможно и представить, что сейчас может теряться?! Вы вспоминаете, как Хорш обобрал до нитки всех бондхолдеров. Никто из них не поднял голоса против грабителя! Хороши законы, по которым можно безнаказанно грабить! Хороши судьи! Хороши адвокаты! Людмила вовсе не пропустила 12 лет. Сравнительно недавно банк отвечал по ее делу. Неужели грабитель покусился на трудовые сбережения, ему доверенные?! Запишите и об этом преступлении в Ваш меморандум. У нас неслыханные дожди. Дорога все время обрушивается. Почта, кроме всяких цензурных задержек, еще на несколько дней запаздывает из-за

оползней. Грозные, великие дни! Вы говорите, что будете находчивы. Поистине, будьте такими даже среди самых сложных условий. Сердечный привет всем милым друзьям. Шлем душевные мысли.

Сердцем и духом,

Н.Перих.

Родные наши,

Больше, чем когда-либо, храните доверие к Вл[адыке], и все будет так, как нужно. Ничто не слагается без великого значения. Грандиозная битва света и тьмы перед переустройством мира не может проходить без страшных потрясений, но результаты будут благом для человечества.

Обнимаю всем сердцем,

Е.Перих.

14.IX.42

Родные наши,

Долетело письмо Катрин от 31-го июля. Очень значительно сведение о шести годах для продолжения дела Картинной Корпорации. Это совпадает с письмом Е.И. об отложении до конца войны. Сейчас же мы телеграфировали о необходимости установить точный последний срок для дела корпорации. Чем дальше этот срок, тем лучше. Кроме того, вероятно, и еще можно оттянуть. Не думаете ли Вы написать американскому ген[еральному] консулу в Калькутту и спросить, что у них в архиве 1928-го года имеется о Картинной Корпорации. И Зина, и Франсис тогда были там. Нам нельзя писать — мы не амер[иканские] граждане, но Вам можно. Ведь каждый крючок в деле полезен, а если не выйдет, то и вреда не будет. Кто же может отрицать существование корпорации, когда три shares стоили 11000 долларов? Не без причины Х[орш] все засылает с предложениями. Мы только что получили очень хорошее письмо от Бор[иса] Конст[антиновича] Р[ериха] от 18-го июня. (Его адрес: Москва, 25, улица Чайковского.) Между прочим, он пишет, что послал Вам телеграмму, но Вы о ней не поминаете. Не пошла ли она в Санта-Фе? Жаль, что его письмо шло 78 дней — такие астрономические сроки. Когда будете переводить это письмо Катрин, скажите ей, как мы радовались ее строкам и чуяли их сердечность. Привет сердечный Инге. Хорошо, что они проводят грозные дни на ферме. От 1-го августа сердечное письмо от Эми Вельш — привет ей. Вероятно, в пути весточка от Зины. Прилагаю телеграмму от Бленкнер, по правде сказать, не знаю, что с ней делать. Может быть, это и неплохой человек. Кто знает, кто и как может пригодиться для культурного дела. Во всяком случае, каждое доброе желание пусть встретит сердечное отношение. При АРКА особенно вдумчиво нужно отнестись ко всему ищущему. Как и в каждом культурном деле, Вам придется столкнуться с всякими невеждами, как Т.Кравен или ван Лун, но это неизбежно. Да и среди русских Вы знаете разных вредителей — это тоже

неизбежно. Видимо, не дождемся очередного письма Зины — видно, оно где-то гуляет. Дни очень сложные. Держитесь дружно, находчиво и зорко. Наши лучшие мысли с Вами.

Сердечный привет,

Н.Рерих.

Сию минуту долетело славное письмо Зины от 2-го августа.
Радуетесь Вашей работе и бодрости.

25.IX.42

Родные наши,

Прилетели письма от Зины (12-го августа) и от Катрин (20-го августа). Очень примечательно, что Хорш теперь посягает и на сто картин, но ведь Катрин *заявила* ранее его. Кроме того, показательно, что Х[орш] распоряжается действиями правительства! Неужели уж такое бесправие? Во всяком случае, Х[орш] своими действиями *признал* картинную корпорацию — это очень важно. Теперь необходимо установить, какой именно наидлиннейший срок *шестилетний*, с какого числа он начинается и когда именно кончится? Во всяком случае, остается еще очень значительное время. А там всякие новые обстоятельства — военные и частные. Вероятно, теперь бумага АРКА уже готова (пришлите десятка два) и можно спросить посольство о картине. Всюду столько особых обстоятельств, что можно действовать лишь по местным условиям. Выбирайте наилучшее из возможного. Накопляйте друзей и берегите их. Снисходите к ошибкам, где побудительные причины были доброжелательными. Где слишком трудно для Вас, обходите и отлагайте. Пусть трудность не подавляет бодрость и дальноркость. Две неожиданности: всеиндийское радио из Дели оповестило мое приветствие ко дню семидесятилетия Ауробиндо Гхоша. Почему-то из всех приветствий передан лишь текст моего. Вторая неожиданность в малабарской газете — прислали специальный номер, посвященный войне. Смотрю и глазам не верю: мой портрет (с чикагской фотографии) и давнишняя статья Нетти Хорш “Путь Рериха”. Из каких таких архивов перепечатали? Если при будущих дискуссиях о картинах она Вам понадобится — скажите, можно прислать. Будем надеяться, что шестилетний срок еще не скоро истечет, и много событий еще произойдет. Хорошо, что около Вас группируются новые друзья. Привет сердечный Катрин, Инге, Спенсеру, в Либерти и всем друзьям.

У нас очень ранняя осень — снег на горах, в комнатах 64 градуса [по Фаренгейту]. Неужели у Вас еще жарко? Радуетесь Вашей бодрости.

Духом и сердцем с Вами,

Н.Рерих.

12.X.42

Родные наши,

Получено письмо Зины от 4-го сентября. Удивительно сведение от Сторка, что у него будто не было моих картин, кроме маленького этюда. Но ведь он купил “Весть Тирону” от Кошиц за 1600 дол[ларов], о чем она сама рассказывала. Кроме того, по сведениям от Вас, Трубецкая привезла и предлагала “Дела человеческие”, и Сторк купил у нее эту картину. Так, по крайней мере, мы до сих пор знали. Вообще, что с ним случилось, если, как пишете, все его вещи были проданы с аукциона? Ведь Сторк был очень богатый и пожертвовал на школу в Филадельфии 15000 дол[ларов].

Хорошо, что АРКА уже сложилась и начинает жить. Придерживайтесь исключительно программы Культуры. Напишите о ее основании и в Посольство, и в Общество Культурной связи. Адрес узнаете в Посольстве или в Консульстве. Живите и действуйте! Бумагу АРКА пришлите и leaflet — все же не все пропадает. Увы, не удивляемся, что Ваша земля в Детройте оказалась обычной жульнической махинацией. Преступность, по словам Гувера, возрастает, а те, кто мог бы ей противостоять, — потворствуют сознательно или бессознательно. Надеюсь, что вторая посылка “Радости искусству”* дойдет до Вас. Можно дать ревью хотя бы в “Новоселье”, впрочем, Вам виднее, где и как лучше. Правильно Вы поминаете, насколько все и везде становится труднее. Тем более невозможно применять к таким небывалым армагеддонным временам обычные мерки. Отбивайте все грабительские наскоки! Елена Ивановна сейчас усиленно работает над переводом очень трудной, но и полезной большой книги. Только бы не заработалась. Она ведь себя ни в чем не щадит. Прочтите в “Четвертом измерении” Успенского, как чудесно он говорит о значении искусства. Если бы заправские критиканы искусства усвоили себе такую точку зрения, много вредных пустоглупостей было бы избегнуто. Прилагаю выдержки из писем Тагора — могут Вам пригодиться. Как и всегда, так даже в самые труднейшие дни накапливайте полезные зерна. Не знаете, когда и кому пригодятся эти запасы. Но они будут нужны, когда заблудшее человечество, как ребенок в лесу, заплачет и закричит о помощи.

Наблюдайте, кто вылезает на поверхность и бесцельно летает по миру, лишь загромождая пространство. Многое поучительно, показательно! Всем Вам, всем друзьям привет сердечный,

Н.Перух

Родные, шлю сердечный привет, но писать не могу из-за сильнейшего приступа люмбаго — храните единство.

30.X.42

Родные наши,

Недавно мы получили из Нью-Йорка наше давнишнее письмо к Зине. Оно валялось в “мертвых письмах” и пришло обратно. Вот так порядки! Может быть, там же валяются и другие наши письма. Мы переслали Вам это письмо, чтобы Вы по конверту могли сделать заявление.

Помнится, когда антикультурный комитет Рикаби делал наскок на Дом и на Учреждения, тогда много поминали и корпорацию, сделанную для *сохранности* картин, и декларацию 1929-го года. Спрашивается, отчего тогда и Хорш цеплялся за эти два обстоятельства, а теперь они будто бы непригодны? Сколько отличных речей тогда было произнесено, и только Плаут по своей бездарности не воспользовался всем этим материалом. Вообще, ужасно вспомнить, каким внушительным материалом пренебрег Плаут! Точно бы он был на стороне грабителей. Впрочем, по-видимому, и Рок была там же. И сколько документов эти оба типа растеряли или перепродали — по теперешним нравам все возможно! Еще недавно недаленовидные люди удивлялись, чего ради мы так настойчиво говорим о Культуре, а теперь они же вопят о судьбах человечества. Поистине, Культура — в опасности. Мышление людское далеко от нее. Вот теперь цена на бумагу так поднялась, что книгопечатание становится невозможным. Недавно опять возникали разговоры о моей книге в пользу Русского Красного Креста, но поднятие цен делает издание немислимым. Остается лишь доброе пожелание. Вы, вероятно, получили мой эскиз с четырьмя буквами АРКА — ведь и по-американски четыре буквы хороши. Очень жаль, что “Новоселье” неразборчиво в характере статей, как Вы пишете в своем письме 18-го сентября, — оно только что долетело, и русская статья при нем дошла. Если что интересное — присылайте. Когда именно истекают те шесть лет, о которых писала Катрин? Хорошо, что “Радость Искусству” к Вам дошла. Здесь о ней идут очень хорошие отзывы. Итак, держитесь дружно и крепко. Помните слова Соломона: “И это пройдет”. Шлем Вам всем душевные приветы.

Сердцем с Вами,

Н.Перух.

Родные и любимые,

Шлю Вам мою самую нежную любовь и радость Вашему мужеству; истинно, мужество сейчас нужно всем, лишь оно перекинет нас через все пропасти. Мужество являет возможности новые для Высшей помощи. Мужество русского народа явит победу над Германией, вернее, над Европой, ибо кто только не принимает сейчас участия в нападении на Россию! Пусть радость яркой веры в Учителя не покидает Вас. Всем сердцем с Вами,

Е.Перух.

Родные наши,

Катрин сообщает, что если удастся найти Майтланд, тогда можно продолжать дело по двадцатилетнему сроку. Будем надеяться, что все это удастся. Во всяком случае, столько обстоятельств изменялось за эти годы, что законники могут их применить в пользу правой стороны. Будьте зорки и находчивы. Дело о ста картинах находится в странном состоянии. Если грабители хотят доказывать, что картины находились в [Картинной] Корпорации, то ведь Е.И., в силу законной полной доверенности, могла их еще в 1935-м году, летом, передать Катрин. Если грабители не хотят признавать собственность Е.И., то ведь полная доверенность все же остается в силе. На месте Вам виднее, как можно полезнее поступить. Не забудьте также факты, Вам всем хорошо известные. Из картин, находившихся в том же положении, как и сто картин Катрин, некоторые были подарены: одна — Президенту Гуверу, две — Уоллесу, одна — матери Президента Рузвельта, по одной — Маггофину и Флейшеру, две — Археологическому институту и картины-памятки друзьям. Все это Вы отлично знаете. Спрашивается, отчего мать Рузвельта и Уоллес в 1934-м году могли получать картины, а Катрин (столько сделавшая для Учреждений) не могла получить картины летом 1935-го года? Все эти факты в руках даровитого адвоката могли бы быть представлены во благо, но, конечно, такие ничтожества, как Плаут и Рок, вообще ничего сделать не могли бы. Также показателен факт, что когда Хисс купил картину, то деньги были посланы Елене Ивановне, как и должно было быть. Все эти неоспоримые факты затериваются в пене событий, но никогда не знаете, когда возникнет в них надобность. Страшно подумать, неужели бойкие адвокаты одним жуликам помогают? Гейнсборо, окончив портрет, сказал своему заказчику: “У Вас честное лицо, никак не думал, что Вы адвокат”. Пишут, что Дюи будет губернатором Нью-Йорка. Помнится, он выступал против каких-то жуликов. Теперь ему будет широкое поле действия. Поминая мои две картины в Археологическом институте, думается, не попросить ли Вам их выставить в студии нашей Академии? — а там они, может быть, и останутся. После делишек Маггофина у меня об Институте воспоминание неприятное. Вероятно, теперь АРКА уже действует и налаживает добрые отношения. Действуйте — пусть препятствия окажутся новыми возможностями.

Сердцем с Вами,

Н.Перух.

Родные и любимые,

Передайте нашей милой Катрин мою любовь и признательность за ее письма, освещающие нам положение дела с картинами. Чуем, родные, всю заботу Вашу не допустить полного разрушения труда Н.К. Чудовищное преступление, допущенное в стране, в которую было вложено столько лучших энергий, выношенных в духе и выявленных сердцем, не только не забудется, но, наоборот, станет со временем еще ярче и драматичнее по своим подробностям. Предательства не стираются, ибо они являются

ступенями возвышения для пострадавших. Нельзя посрамить и предать светлые энергии безнаказанно. Карма явит свое возмездие в урочный час, ибо закон причин и следствий соизмерим и точен. Не будем питать злобы к предателям, но явим им полное равнодушие, всегда будем помнить — “Мне отмщение и Аз воздам”*. Теперь, родные, радуюсь, что Вы думаете о работе на пользу Вашей страны и хотите помочь и русскому народу; истинно, нужно ему помочь, ибо эта страна держит равновесие мира. Несмотря на все трудности, народ явил чудеса храбрости и выносливости и потому заслуживает всякой помощи. Пусть сердце знает, что каждая помощь этой стране будет помощью и себе. Великий народ, простивший и прощенный, явит новую страницу, страницу великую и самоотверженную, потому яро нужно ему помочь. Радовались успехам союзников и яро приветствуем выступление Америки.

Будьте радостны, будьте мужественны и не смущайтесь ничем, но углубляйте Ваше понимание совершающихся событий и всех сложностей жизни на основе данного Вам чудесного Учения, Учения, обнимающего опыт всех величайших проявлений Одного и Единого Эго, или Индивидуальности; когда сердце Ваше примет это единство, то многое станет Вам ясно, и смешными покажутся все разделения, созданные неведением, невмещением и нетерпимостью человека: идол, чуждое изображение, низвергаемое ревнителем иной религии, окажется изображением или одним из аспектов им же почитаемого Бога. Не сказано ли в древнейших записях, что на протяжении Великого Цикла в 200000 лет Один и тот же Великий Дух воплощался как Спаситель во всех расах и народах, потому не отвергнем ни Одного, чтобы не быть отвергнутым своим Богом.

Радуемся тому, что, по-видимому, все Вы чувствуете себя лучше. Н.К. тоже лучше, но все же мы очень следим за его здоровьем. С нами живет русский доктор, который и помогает нам в этом. Мой опыт тоже расширяется, и я счастлива новыми достижениями. Любовь моя к Учителю все растет и дает мне духовную радость ни с чем не сравнимую. Истинно сказано: “Люби, и все остальное приложится”. Обнимаю Вас сердцем полным любви и счастья,

Е.Перух.

29.XI.42

Родные наши,

Спасибо за телеграмму. Поистине, памятные дни всегда остаются веками нерушимыми. В волнах и вихрях Армагеддона часто трудно уловить ступени строительства, но стройка во благо навсегда нерушима. Письмо Зины от 12-го октября вызывает многие думы. Все соображения имеют разумное основание. Правильно замечено, что в частной квартире невозможны музыкальные классы. Вряд ли возможна деятельность АРКА, но ведь это полезнейшее начинание не родилось же, чтобы сейчас же умереть?

И в каком положении оказались бы почетные советники Кусевицкий, Чаплин, Крафт-Ватсон и другие приглашенные? Ведь могут быть обиды и отпадения, что более всего нежелательно. Оберегитесь. Может быть, найдутся сочувствующие и дадут возможность совместить студию с АРКА. Невозможно, чтобы деятельность Зины пресеклась. Все так меняется, как в калейдоскопе, и складываются фигуры неожиданные. Мы не удивляемся 65 градусам. У нас зимою в комнатах от 55 до 45°, а нынче, при запрещении на керосин, вообще трудно представить, каковы будут зимние месяцы. Душевно понимаем, как болеет Зина о всех таких проблемах. И у нас, и у всех — их так много. Только время их разрешает, выдвигая новые условия. Много раз разузнайте, прежде чем решать. Может быть, по военным условиям, ее уступят дешевле или же возникнет кооперация с АРКА? Теперь так много толкуют о ценности русской дружбы — вот и хорошая возможность доказать на деле. На местах Вам виднее, что можно сделать. Нормально я бы сказал: продайте пару картин для усиления средств! Во время прошлой войны в России это было бы легче легкого, но кто знает, не обеднела ли Америка? Часто мы не замечаем сторонних обстоятельств, которые готовы принести новые решения. Пресечь деятельность Зины было бы непоправимо. Многие вещи нельзя прерывать временно. Особенно же сейчас, когда все условия так изменчивы. Очень ждем брошюрку АРКА и бумагу ее. Надеемся, что в брошюре все ладно, ведь Вы знаете наши дезидераты* о Культуре. Шекспир сказал: “Кротко слушать, добром судить”. Вот этот старинный завет и встает, когда Вы трудитесь о Культуре. Бальзак добавил: “Самая чистая добродетель служит поводом для самой грязной клеветы”. И это Вы знаете. Бесчисленны исторические примеры. Они доказывают, как далека была Культура, ибо при ней такие пятна жизни были бы невозможны. Поэтому борьба за Культуру есть геройство. И герои всегда претерпевали и преодолевали. По счастью, человек всегда может действовать, а Бхагават Гита так высоко ставит *действие*. Вы правильно помыслили об АРКА и начали ее не для того, чтобы бросить на произвол. Думается, что у Вас еще не все возможности использованы, чтобы уже предпринимать решающий поступок. Конечно, все возможно лишь в пределах местных условий, которые так неслыханно изменчивы. Сообщите, что удастся нащупать. “Обрубить постромки легко, но потом уже не уехать”. У Вас накапливаются новые связи. Если их растерять, то откуда придут еще новые? Правильно, что Вы обдумываете и с той, и с другой стороны. Конечно, Вы имеете также в виду, что если грабители узнают, что у Вас все вообще кончилось, то они еще более обнаглеют. Итак, на месте обсуждайте все условия и не сделайте что-то непоправимое. Спешите установить сношения АРКА. Наверное, Вы в этом не упускаете ни дня, ни часа.

Шлем Вам лучшие мысли. Душевный привет всем друзьям.

Сердечно с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Обеими руками подписываюсь под всем написанным Н.К. о борьбе за Культуру, ибо явно борьба за Культуру была и есть истинное геройство. И

скажу, наибольшее геройство, ибо неизменно герои эти не знают ни кликов победных, ни подношений лавровых венков, но лишь клевету, страдания и конечное увенчание терновым венцом, — так было, так оно и есть. Потому так чисто, так самоотверженно, так прекрасно это геройство, истинно, оно преображает наше существо, и преображение это есть наивысшее воздаяние, ибо Миры Надземные становятся доступными во всей их мощи и красоте.

Теперь другое. Родной наш Дедлей, оставайтесь на месте Вашего служения, насколько это возможно. Ничего не насилуйте, не изменяйте. Все будет так, как нужно. Дедлей заслужил не только заботу, но и любовь В[еликого] Вл[адыки]. “Он стал Мне родным, и вся семья его Мне близка” — так Сказано. Радостно мне передать Вам это. Очень прошу Вас не тревожиться ничем, но явить заботу о своем сердце. В[еликий] Вл[адыка] советует Вам принимать ежедневно перед сном пять капель обычной стандартной тинктуры строфанта, и продолжать этот прием на протяжении длительного периода, ибо строфант можно принимать очень долго, он не аккумулируется в организме, как прочие яды. Я принимаю его уже в течение нескольких лет, и большую дозу, и, явно, он восстановил мне сердечную деятельность, которая была настолько ужасна, что, по словам В[еликого] Вл[адыки], “смерть грозила мне каждую минуту”. Храните Ваше сокровище, Вашу любовь к Учению Жизни и преданность к Вл[адыке]. Берегите и любите друг друга, многое изменится к лучшему. Пусть Катрин не тревожится за Спенсера — жизнь его будет охранена. Шлю ей мою любовь. Обнимаю Вас, родные, одним объятием, всегда включаю нашу Катрин, и Инге, и Элен, и всю семью Джина. Да будет Вам всем радостно. Все будет хорошо.

Сердцем с Вами,

Е.Перух.

10.XII.42

Родные наши,

Долетели письма Зины и Дедлея от 29-го октября с приложением АРКА — текст хорош (почему-то забыт Пушкин), список тоже хорош. В добрый час! Не теряя времени, действуйте, спешно налаживайте всюду отношения. Характерна кара, постигшая мерзавца Поуэла, — так и бывает. Сколько вреда он причинил! Томас Кравен тоже мерзавец. О нем Вы писали нам давно — о его книге. Показательны сведения, полученные Вами от Мидхема. Включите их в Ваш меморандум. Такие разведки чрезвычайно полезны. Можно видеть, насколько погрязли во зле грабители, как пытаются они вредительством прикрыть свои преступные мошенничества. И какова же бездна невежества, если *Канджур* и *Танджур* выбросили в подвал?! А теперь Америка шлет послов с приветами в Тибет, и могут ли они сказать о гибели тибетской библиотеки в центре Америки. Не бомбы уничтожили, а свои злобные невежды. Все вандализмы отмечайте! Боритесь за Культуру!

Вероятно, удивляются друзья, когда читают, как раньше писала Хорш. Что же случилось? Вряд ли грабитель на большой дороге даст ответ. Одновременно с Вашим письмом пришло и письмо Катрин с *чрезвычайно важными* сведениями. Грабители боятся учиненного ими мошенничества над трудовыми сбережениями Людмилы. Даже предлагают не начинать это дело и взамен отложить дело Корпорации. Это *чрезвычайно важно!* Не только внесите это подробно в меморандум, но и *закрепите письменно*, хотя бы в виде письма Катрин к Редфильду. Вполне естественно, что Катрин захочет укрепить сведения о том, что дело Корпорации может быть продолжено в *любое время и никакие сроки* не угрожают. Гнусное предложение адвоката Хорша об отложении дела Корпорации взамен дела Людмилы тоже может быть отмечено в письме Катрин к ее адвокату. И по делу Людмилы сроки не истекли, ибо последним письмом Редфильда к Стерну это дело выявлено. Ведь это и есть то самое, о чем мы все думали. *Очень закрепите!* Кроме мошенничества над Людмилою, такое же учинено и над Рябининым — пусть и этот дамоклов меч висит над головами преступников. Всему придет свое время. Можно представить, сколько всяких мошенничеств наделано Хоршем. Судья О'Малей так прав, протестовав против инспирированных голосов своих сотоварищей. Как видите, сами факты собираются, и часто бывает, что очень большое начинается с чего-то малого. Слабое место мошенника обнаружилось, а затем и еще придут факты. Зорко следите! Преступники боятся обвинения в мошенничестве.

Спешно действуйте с АРКА — имеете полное основание сноситься со всеми полезными учреждениями и лицами в Америке и за границей. Пришлите еще leaflet'ы и бумагу АРКА. Зина правильно замечает, что приходится адвокатам твердить уже общеизвестные вещи. Ничего не подделаешь — так и продолжайте: Корпорация — для сохранности картин, за три shares заплачено 11000 долларов, преступники боятся раскрытия их мошенничеств. Действуйте бодро и зорко. Берегите друзей, отвечайте сурово врагам. Да будет все хорошо! Душевный привет всем друзьям.

С Новым годом! Сердцем с Вами,

Н.Перих.

Родные наши,

Помните, как было Сказано: “Вор поможет” — иначе говоря, обнаруживание воровства поможет. Видимо, все преступные махинации Хорша с приспешниками в отношении вас и нас и всех участников учреждений — ничто по сравнению с захватом им трудовых денег Людмилы. Именно захват трудовых денег от *постороннего* человека заслуживает в новом мышлении адвокатов большего внимания, чем полное обкрадывание сотрудников. Потому, родные, воспользуйтесь этим новым поворотом в мышлении адвокатов и напомните им, и *подчеркните значение* и второго такого же захвата — явно трудовых денег доктора Рябинина. Не скрывайте, что Рябинин — подданный новой России. Новые обстоятельства заставляют на многое смотреть *иначе*, и обвинение в краже *трудовых* денег *весьма неудобно в настоящее время*. Нужно помнить о значении “малых вещей”, ибо и малый камешек может свалить гиганта в пропасть.

Привожу строки из письма нашей милой Катрин, они очень определены, и потому присоединяюсь к просьбе Н.К. и прошу зафиксировать их, именно хотя бы в письме Катрин к Редф[ильду], или лучше наоборот. Наступит день, когда преступное инспирирование и попустительство будут раскрыты во всей их мерзости и послужат на великую пользу будущим поколениям.

“Я спросила мистера Редфильда насчет дела о картинах, и он сказал, что временного ограничения для начала нами процесса не было, и поскольку он уже начат, то сейчас вопрос в том, когда Стерн с противоположной стороны ответит на наши документы? Нам нет необходимости что-либо предпринимать до тех пор, пока он не ответит, и он не стремится начать процесс о картинах, ибо если он это сделает, то мистер Редфильд грозит подать иск на Хорша о мошенничестве с деньгами Людмилы. Поэтому они согласились не настаивать на иске о мошенничестве против Хорша. По крайней мере, это то, о чем он дал мне понять последний раз, когда я его видела неделю назад...”

Передайте родной нашей Катрин, чтобы она писала такие важные сведения лучше в письме к нам, но не к Свет[ику] ибо Свет[ик] часто в разъездах; вот и сейчас он уезжает на днях в Дели, хочет по-своему оказать помощь Красному Кресту. Мы уже дважды явили посильную помощь Военному Фонду, но нужно и еще, ибо Красный Крест нуждается в помощи. Конечно, Зиночка может распоряжаться имеющимися у нее на руках деньгами от продажи книг и картин по своему усмотрению.

Обнимаю, Вас, родные, и счастлива думать, что Вы все дружно работаете и бодро смотрите в будущее. Сердце мое полно предчувствий нового устройства мира на более честных основаниях. Очень извиняюсь за грязь. Всем сердцем с Вами,

Е.Перих.

31.XII.42

Родные наши,

Думается, что письмо Зины пропало — последнее полученное нами письмо было от 29-го октября. А между тем у Вас, наверное, много новостей. Одна АРКА должна дать много шевелений и новинок. К ней должен быть большой интерес. Послали ли leaflet'ы Майскому в Лондон?

Полагаем, что интерес к АРКА должен быть велик, ибо сейчас у нас на глазах любопытное явление. Правительство в Дели с ноября начало издавать журнал “Советские новости”. Успех превзошел все ожидания. За первый месяц вся наличность была расхвачена, и даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Ирака, Африки. За второй месяц подписка удвоилась, а к третьему — утроилась. Если достанем еще экземпляр — пошлем Вам, авось дойдет. Журнал очень интересен, много снимков из русской военной жизни. Были воспроизведены новые ордена Суворова,

Кутузова, Александра Невского. В феврале идет статья о Кутузове, перепечатанная из “Правды”. В январе — моя картина и мой портрет Светика, который в Париже — в Люксембурге. Будет и статья. Все это интересно Вам для АРКА. Если здесь такой интерес, то и в Америке должен быть не меньший. Знаем, как близок должен быть Вам этот русский успех. Потому всячески развивайте АРКА. Если Ватсон будет читать лекцию о русском искусстве, нельзя ли получить копию ее? Мы поместили бы в здешнем журнале. Гонорара не следует ожидать, но как благое дело на всеобщую пользу это было бы хорошо. Была телеграмма от Катрин о цвете обложки “М[ира] О[гненного]”. Ответили: так же, как на русском издании, — белая с красной надписью. Вообще, не нужно менять цвета русских изданий. На монографию Конлана большой спрос. Как жаль, что в свое время не удалось получить большее количество ее и Вам, и нам.

Конец этого года ознаменовался большими русскими победами — так и должно быть. В новом году все продолжится и разовьется. Храните бодрость и действуйте во благо. Каждый в своей области может и должен оказать помощь общему делу. Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перих.

Сейчас прилетело письмо Зины от 21-го ноября. Радует успехам АРКА — очень важно! Сердечные приветы всем сотрудникам.

Родные, берегите здоровье. Неполезно приучать себя к слишком жарким помещениям. Малейшее колебание в температуре может вызвать тяжкую простуду. Придерживайтесь средней температуры, трудно будет в холодном климате, если придется там жить.

Радует успехам АРКА. Растите это полезное начинание как нежный и редкий цветок. Явите ему постоянное, неослабное внимание и развивайте деятельность, без действия все начнет разваливаться. Дело это полезно во всех отношениях, потому пользуйтесь широко благоприятными обстоятельствами и временами. Постарайтесь найти возможность связи с зарубежьем.

Жду радостно присылки книги “Мира Огн[енного]” в англ[ийском] переводе. Хотелось бы иметь, по крайней мере, две копии. Не лучше ли послать их разной почтой? После некоторого перерыва снова принялась за чтение “Агни Йоги” и настолько наслаждаюсь впитыванием этой мудрости, дающей такое расширение сознанию, что и выразить не могу, но сердце горит и являет новое понимание и новую любовь. Несказанно жалею, что пришлось прекратить высылку рукописи новой, — много там полезного и освещающего ранее данное Учение. Нужно ободрить переводчицу книги “Писем”. Перевод будет нужен.

Давно ничего не имеем от Мориса. На мое последнее письмо к нему он так и не ответил. Явно он не понял своего пути, и бедняге потому так трудно. Надеемся, что явится возможность ему помочь. Забавно слышать по радио провозглашения Глин. Самоослепление — опасная болезнь. Немецкие сообщения стали много скромнее, что касается до русского фронта. В недалеком будущем будут еще скромнее.

Родные, берегите друг друга, любите данное Вам Учение Жизни — нет ничего выше него. Счастье великое понять это прежде, чем наступит час указанный, час завершения. Ценно принятие его в самые тяжкие минуты, когда ярая очевидность слепит самые зоркие глаза. Обнимаю Вас, родные, одним объятием, ибо хочу видеть вас объединенными. Передайте Катрин, и Инге, и Эми мою ласку и постоянное памятование о них. Помним всех явивших помощь и преданность делу культуры. Нынешний Армагеддон имеет в основе своей борьбу за Культуру, за Эволюцию. Там, где нет эволюции, не может быть и Культуры. Но трудность в том, что многие, вернее, большинство, не отдают себе отчета, что есть культура, без культуры жизнь приходит к развалу.

Сердцем с Вами,

Е.Перух.

Совершенно доверительно, и *в Ваших письмах не поминайте*. Нельзя ли продать (постепенно) что-либо из моих картин, так, чтобы получилась сумма в *1300 долларов*? Хотелось бы возместить убыток Людмилы. Пусть ее дело будет отложено, но все же хочется, чтобы Людмила не пострадала. Все это говорю частным порядком, ибо никому нет дела, чтобы убыток Людмилы был возмещен.

31.1.43

Родные наши,

Пришло письмо Катрин от 29-го декабря. Интересные, важные сведения! Значит, дело о картинах Вы можете начать, когда будет полезно — ничто не потеряно. Второе, очень важно, что Хорш боится дела о мошенничестве с деньгами Людмилы. Это важно! Какое такое служебное назначение собирается мошенник получить? Хорошо бы об этом разузнать. Показательно, что к Катрин являлся следователь, и она ему все рассказала. Всякий намек на мошенничество губителен для служебного лица. Если собрать все мошенничества, проделанные Хоршем над Дедлеем, над Катрин, над Людмилой, над Рябининым и проч., и проч., то ведь это будет вопиюще! Зорко следите за этими обстоятельствами. Ведь крупнейшие воры попадают иногда на самом маленьком мошенничестве. “Покровитель” тоже перепугается, если его протезе мошенник. Наверно, у Вас много новостей об АРКА — ведь теперь все мировое внимание обращено на русские победы. Вашему благому делу все пути открыты, все должны Вам сочувствовать.

Только теперь дошло письмо Зины от 16-го декабря — удивительно, как вразброд идут письма. Хорошо еще, что не теряются вообще. Письмо Зины хорошее, бодрое — радовались ему. Думается, что жульничества Хорша получат возмездие. Следите за его манипуляциями. Удивителен ответ посла!! Вместо того чтобы хвалить и радоваться, он думает, как бы придушить и потопить. Вы совершенно правы, отстаивая самостоятельность АРКА. Вы правы, желая доброжелательно кооперировать, но к чему

сливаться? Вы правильно понимаете причины, а потому зорко идите вперед во благо! Будем ждать “Новоселье” и сообщения об успехах АРКА. Она дает Вам возможность приобщаться к новым слоям и всюду сеять добрые семена Культуры. Это так нужно! Всякие антикультурные “покровители” Хорша и подобных преступников вредительствуют повсюду. Им следует противопоставить добрый, здоровый культурный труд, и этот Свет в конце концов побеждает тьму, если она даже прикроется пышными атрибутами. И опять-таки, накапливайте молодых будущих деятелей. Действуйте спешно и бодро.

Сердечный привет всем Вам. Душевно,

Н.Перух.

Родные, только что пришла весть о несчастном случае с милой Инге. Яро огорчены этим новым ей испытанием, посылаем ей все лучшие и сердечные мысли и просим ее быть бережной при процессе заживления. Тогда и Катрин должна заботиться о своем здоровье — очень просим всех следить за здоровьем. Любите друг друга и следите, как все складывается в прекрасную, но будущую эпоху сотрудничества народов.

Сердцем с Вами,

Е.Перух.

Передайте Катрин, что на днях буду ей писать.

18.II.43

Родные наши,

В дни героических русских побед хочется говорить о русских достижениях. Посылаю Вам “Славу”! Вероятно, и АРКА мыслит и действует в тех же направлениях. Собирайте и сплачайте сочувствующие силы. Среди них, наверно, немало и молодых. Если много молодежи ушло в призыв, то ведь и среди женщин многие примут к сердцу доброе дело АРКА. Суть этого дела в том, что [оно] имеет в виду будущее. Такое назначение должно особенно воспламенять добрые сердца. Всякая работа во имя культуры близка молодежи, но ведь работа АРКА имеет глубокую особую цель. Ради такой цели можно претерпеть и кой-какие начальные заботы. Там, где сильна энергия, там и неизбежно противодействие. Но ведь даже парусные суда умеют идти против ветра. Встречные ветры несут и новые встречи. Область АРКА так обширна, что Вы можете звать всех, кто так или иначе причастен Культуре. Получен пакет от Музея Современного Искусства. При каждой такой получке думается, как правильна была программа нашего Музея. Только некультурность и преступность Хоршей все искажила. Что делается в грабительском стане? Зорко следите за этой бандой!

Сейчас принесли доброе письмо Зины от 4-го до 6-го января. Именно так, бодро и несломимо, нужно преодолевать все крепколюбия и своекорыстия. Развивайте АРКА — она принесет и хороших сотрудников. Радостны сведения из Индианаполисского института. Может быть, они хотели бы и приобрести что-нибудь? Местные жители могли бы узнать и направить. Дело Дедлея и должно было решиться так, как оно и вышло. В Канаде давно была хорошая группа — у нас была переписка. Показательно, если и пожарные приходят за книгами. Неисповедимы пути! Конечно, в “М[ире] О[гненном]” будет сзади повторена страничка с перечнем всех прочих книг на разных языках. Если следователь побывал у Фр[ансис], то почему он не был у Вас? Будем рады получить бумагу АРКА, журнал и газеты. Несомненно, многое печатается, но только трудно узнавать. Итак, в добрый, бодрый путь! Рады за Дедлея, шлем ему и всем друзьям сердечный привет.

Душевно с Вами,

Н.Перих.

Родные мои,

Счастлива была прочесть в январском письме Зины прекрасные слова ее о Дедлее и его всей семье; они нашли отзвук в моем сердце, и яро шлю ему и им горячий привет — пусть будет им хорошо, пусть дух их радуется. Жду выхода “М[ира] Огн[енного]”, надеюсь, что последняя страница с перечнем всех ранее вышедших книг и готовящихся к печати из книги “Аум” будет перепечатана и в “М[ире] Огн[енном]”. Любите друг друга, любите В[еликого] Вл[адыку], любите Учение. Нет ничего прекраснее силы любви, нет ничего более мощного, чем любовь и преданность, — все достижимо при наличии этих двух рычагов мироздания. Обнимаю Вас, родные. Что Инге? Что Катрин? Передайте им мою любовь. Постоянно думаю о всех Вас — любимые.

2.III.43

Родные наши,

Письмо Зины от 12-го февраля останется в делах как исторический документ. Если даже “покровитель” Хорша будет пытаться покрыть его, то все же все Ваши показания останутся в правительственных делах. Стыдно “покровителю”, что он прикрывает такого преступного жулика, как Хорш, — этим “покровитель” бросает тень на правительство. Всякий подумает, что, вероятно, сам “покровитель” замаран и участвует в хоршевской шайке. Но бумеранг кармы не минует преступников. Чем выше они, тем крепче удар. Теперь Вы видите, зачем нужен был меморандум Ваш. Держите в полном порядке все документы. Нужно очень и письмо Хорша ко мне от декабря 1924-го года. Пригодится и декларация 1929-го года. Пригодится и гнусное предложение Хорша Редфильду по делу Людмилы — ведь и эта проделка, конечно, внесена, в Ваш меморандум. Пусть Катрин и Инге будут в курсе

дела — ведь наши письма относятся и к Вам, и к ним обоим. Конечно, портрет Е.И. можно фотографировать, также как и мои картины. Сердечный привет Ватсону — он хороший друг, берегите его. Все, что Вы пишете о Прегель и о Слониме, показательно. Все примечайте и имейте в виду. Накапливайте новых друзей, и среди них — молодых. Кроме дорогостоящих лекций работа АРКА будет и в переписке и посылке полезных заметок в прессу, словом, во всем, в чем звучит понятие Культуры. Узнали ли через секретаря, какая моя картина в Посольстве? Теперь особенно зорко следите за грабителем Хоршем. Ведь он где-то ползает и вредительствует. Он не может сказать, что программа Музея была нежизненна. Успех Музея Современного Искусства (где многое взято от нас) доказывает, насколько мы были правы. Лагорское радио передало прекрасное сообщение Светика в честь русского воинства. И содержание было отлично, и голос звучал убедительно. Не дойдет эта весточка к 24-му марта, но пусть она будет памяткой охраны всех лучших воспоминаний. Живы памятки пути, и ведут они в светлое будущее. Даже в дни Армагеддона будем помнить о лучшем будущем. Думы претворятся в явь. Теперь же будем все особенно зорки. Станем на бессменном дозоре.

Сердцем и духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Яро радовалась я, что воровство Хорша будет рекордировано в правительственных кругах. Давно мы указывали адвокатам, что необходимо собрать все его воровские проделки *вместе* и предъявить в суд. Но, по-видимому, кража денег у тружеников не производила на них впечатления, им нужны были яркие явления, которые именно из-за яркости своей могли быть прикрыты всякими покровителями. Будет время, когда “деятельность” *нашего адвоката* тоже будет выявлена. Страшно вспомнить, сколько гнусности было явлено у этого дела! Но откуда же революции, если не от такого попрания всякой примитивной честности и справедливости, не говоря уже о всех других! Кошунство и предательство, допущенные Хоршем, и его женой, и Белокурой, и покровителем! Пусть призадумаются преступники и неправые судьи о той карме, которую они порождают не только для себя, но и для страны, — ничто так не нарушает все устои, как очевидная гнусная несправедливость, допускающая кражу трудовых денег! Несчастные *bondholder*’ы тоже могли яро предъявить свой счет нечестному владельцу дома.

Посмотрим, насколько хватит мужества, чтобы расследовать это дело. Не прикроют ли опять из-за яркости его! Но все же твердо знаю, что будет время, и эта вопиющая несправедливость будет освещена, и права будут восстановлены, — и чем позже, тем ярче.

Родные, шлю Вам мужество и яркую уверенность в конечной победе правого дела во всем мире. Верю, знаю и о победе русской. Любите друг друга, храните единение с друзьями, берегите их и являйте снисхождение к малым слабостям, но будьте суровы к себе. Ценю бережность к Учению — явно это есть якорь спасения в дни грядущие. Храните доверие к Руке

Ведущей — без доверия не может быть и помощи, ибо в недоверии отвергнем и помощь посланную. Обнимаю всех Вас единым объятием. Сердцем с Вами,

Е.Перух.

16.III.43

Родные наши,

Пришли Ваши письма: Зины от 6-го февраля и Дедлея от 21-го января с хорошей газетной вырезкой. Вероятно, такие же отзывы и в других местах, но мы их не знаем. Дедлей спрашивает, что входит в пределы АРКА. Конечно, входит все, касающееся Культуры — все области искусств, все области науки, воспитание, здравоохранение, кооперация, агрикультура, охрана культурных сокровищ — словом, решительно все, чем совершенствуется жизнь народов. Обо всем этом давайте сведения в прессу для широкого ознакомления. Вероятно, и о лекции Ватсона Вы дали в прессу. Находите всюду друзей. Зорко следите за грабительскими проделками. Наблюдайте за пресловутыми “покровителями”. Неужели все Ваши справедливые показания опять канут в пропасть? Не хочется верить, что справедливость так опорочилась! Какая моя картина в посольстве? Вообще, начните список русских произведений в Америке. Конечно, он не будет полным, но каждое новое сведение полезно. О таком списке Вы даже можете обратиться с письмами в редакции газет по разным городам — это тоже будет полезно для АРКА. Из газеты, Вами присланной, мы узнали, что Шагал в Нью-Йорке. Он был в нашей Школе [Общества Поощрения Художеств], но его пришлось удалить: он стал мошенничать и продавал свои рисунки другим ученикам для представления на экзамен, но на одном плохо стер свою подпись и попался! Впрочем, наверно, Вы с ним не встречаетесь. Вы спрашиваете о журнале “Новоселье”, мы его еще не получили и, верно, не скоро получим. Пароходная почта идет более четырех месяцев, если вообще доплывет. Через все трудности Армагеддона неутомимо ведите культурную работу. Если некоторые из сотрудников недеятельные, то ведь подходят и новые. Главное же, привлекайте молодых. Очень хорошо, что Зина привлекает волонтеров. Ведь всюду можно сказать об АРКА и раздать листовки. Культурная работа тем прекраснее, что может быть проявлена поистине везде. Забота о Культуре не есть одержание, но есть долг каждого мыслящего. И не в роскоши, но в трудных восхождениях творится культурный подвиг.

Бодрей, смелей — во имя человечества, во имя общего блага!
Сердцем с Вами,

Н.Перух.

Родные, ценю отношение Дедлея к Вел[икому] Уч[ителю] и Учению. Лишь при постоянном памятовании о Вел[иком] Уч[ителе] и неустанном сердечном горении может установиться нарушенная цепь, простирающаяся в вечности. Горите сердцем, и все приложится.

Люблю Вас,

Е.Перух.

5.IV.43

Родные наши,

Хотелось обождать Вашего очередного письма, но все нет, и, кто знает, не пропало ли оно вообще. Между тем, наверно, у Вас имеется много новостей. Почта совсем усохла. Музей Современного Искусства присылает свои похудевшие бюллетени. Видим из них, что многие сотрудники попали в набор* и деятельность музея сильно сократилась. Еще и еще убеждаемся, что их программа очень близка нашей. Если бы не хоршевская злоба ко всему сущему, то как могли бы преуспевать наши учреждения! И другой пример на наших глазах, а именно Общество Поощрения Художеств! Там все вмещалось и процветало. Значит, дело не в программе, но в добром к ней отношении. Имеете ли Вы вести от Б[ориса] К[онстантиновича] Р[ериха]? Мы только что получили его хорошее, бодрое письмо от 8-го декабря — оно было в пути сто десять дней! Видим, что и наши письма к нему дошли. Он хочет печатать мои листки, они там очень по душе пришлись. Соображайте, во что выльется отчет о деятельности АРКА к концу года. Ведь была и лекция, и номер журнала, и большая полезная переписка. Все эти данные отмечайте. Кроме того, наверно, и еще полезные сношения образуются — ведь год еще в начале. Но и теперь уже делайте все отметки. Как идут беседы Зины с волонтерами? Собирайте и всякие полезные газетные вырезки. Как проходит выставка собрания Бринтона? Подходят ли молодые? Не устану твердить об участии молодежи. Они должны учиться охранять Культуру. Никогда не угрожало ей столько опасностей. Из-за войны и всяких потрясений уровень жизни понижается. Сношения прерываются. Переписка пресечена. Как же вести ее, когда весточки тонут в таинственной пучине?! И могут ли народы сидеть в клетке? Даже дикие звери в клетке впадают в маразм, в рабство или в ярость, в бешенство. А ведь сколько песен о свободе сложено за это время. Весь мир мечтает о такой несказанной свободе, но где ее жилище? Поистине, “во время мировых потрясений и познания, и отрицания возрастают!” Берегите молодежь! Многие большие деятели уходят: ушел Фокин, теперь ушел Рахманинов. Ушли академики Щербатской и Коковцов, и многие, о которых мы и не слышали. Ничего не слышно о многих художниках. Удивительно подумать, сколько выдающихся людей как бы провалилось в обвале! Кое-кто из них покажется из-под обломков, но не скоро можно будет оглядеть все случившееся. Не погибли ли какие Ваши посылки, радио опять говорило о пропавшей почте. Зорко

следите за грабительскими хоршевскими махинациями. Может быть, Вам удастся обнаружить и еще многое значительное. Мы говорили о зорком дозоре — вот теперь он особенно требуется. В добрый час! Шлем лучшие мысли Вам и всем друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

24.IV.43

Родные наши,

Долетело письмо Зины от 20-го февраля. Мы уверены, что АРКА даст многое значительное. Видим это и из Вашего письма. У Вас накапливаются ценные сношения и сведения — все это так полезно в самом широком значении. Действуйте в этих направлениях. Присоединился ли к АРКА Филадельфийский Центр? Сейчас Е.И. получила сердечное письмо от Чайки. Несмотря на трудное для всех время, они все-таки существуют. Вообще, у Вас должны накапливаться иногородние члены АРКА, ведь дальние штаты часто гораздо отзывчивее и сердечнее. Было доброе письмо и от Эми. Вы правы, восхищаясь, как народ русский чтит искусство. Эта панацея спасет от дикости, невежества, жестокости. Русский народ преуспеет творчеством, находчивостью, смекалкой. Сейчас ТАСС просил мой лист “Слава”, чтобы переслать его в Москву. Знаем, что у Вас разовьются многие добрые сношения. И Вы принесете большую пользу, и Вам будет полезно. Обмен и сотрудничество — вечное обновление. Только подумайте, что Вам выпало давать чуткие, верные сведения о русском народе, — это прекрасно! Если переводчица писем Е.И. благорасположена, дайте ей перевести мои листы, которые я Вам посылал, и пришлите перевод нам — здесь он очень пригодится. Дошло хорошее письмо от Катрин. Пишет, что Хорш допущен к экспорту — как раз место для грабителя. Неужели весы Фемиды покривились? Интересно сведение о маленьких “гримли”*. Нет ли о них газетных статей? Вот Вы пишете об огромном уменьшении числа учащихся даже в таких старых учреждениях, как Лига Искусства. Все такое шатание есть шатание культуры. Прискорбные признаки! Тем более необходимо твердить о культуре. Культура от каждого семени требует значительное время. Тем более Культура человека нуждается в длительном процессе накоплений. Легко разрушить, трудно создать. Культурный человек не может совершать антикультурные поступки. Действуйте бодро во имя Культуры! Скажите Катрин, Инге (очень жалею ее), Джину (его новогодняя карточка долетела лишь вчера) и всем друзьям, как мы часто о них думаем и шлем наши лучшие мысли.

Сердечно,

Н.Перух.

Сейчас долетело Ваше письмо от 15-го марта. Радует успеху АРКА. Сердечно жалею бедную Инге. От Дутко писем и статей не получали. Написали бы Вы в ВОКС непосредственно. Уроки русского языка очень полезны.

7.V.43

Родные наши,

Пришла телеграмма от Катрин о покупке дома или о снятии целой квартиры. Ответ Е.И. Вы уже имеете. Местные условия так необычны и сложны, что лишь на месте можно решить, что лучше. Обе комбинации имеют и “за” и “против”. Что менее обременительно, то и легче. При всяких происходящих инфляциях вещи, как таковые, особенно ценны — недаром делаются разные приобретения, но нужно сообразить, что именно менее обременительно. Взвесьте все. Вы также получили нашу телеграмму на запрос Ральфа Л. о картине. Не знаю, выйдет ли что из его запроса, или же в нем скрыта какая-то тайная цель? Я с ним сношений не имел, лучше Вам деловито ответить ему. Это вполне естественно, ибо из Индии все равно сейчас картину не послать. Радио то и дело сообщает о погибших посылках и письмах. Вот и Ваши посылки журналов все еще не дошли. Справились ли Вы, какая моя картина в посольстве? Для списка картин Вам нужно это знать. Тампи печатает второе, дополненное, издание своей книги “Гурудев Р[ерих]”, ибо в Индии большой спрос. В нынешнем году — двадцать лет с нашего приезда в Индию и мой семидесятый день [рождения] — индусы очень ценят этот срок и считают не по годам, а по дням рождения. Пусть каждый по-своему. Сейчас долетело Ваше письмо от 30-го марта с припиской 1-го апреля. Все мы сердечно радуемся успехам АРКА, в которых были уверены. Так и действуйте во имя Культуры — доброжелательно. Надо мыслить широко, и Вы видите, что наши прогнозы оправдываются. Спрашиваете, не уделить ли Вам два дня в неделю для работы в Красном Кресте? Не хватит у Вас времени, ведь АРКА началась удачно и нуждается в ежедневных попечениях. Наверно, каждый день идут и посылают какие-то письма, хотя бы и коротенькие. Кстати, извещаете ли Вы всех почетных советников об успехах АРКА, а то они заскучают. Наверно, и уроки русского языка разовьются. Непонятно, о каких запросах Святослава об архитектуре Вас спрашивали. Он никого никогда не запрашивал. Кроме его прекрасного радио о русском воинстве он помог русским ученым ботаникам, которые здесь в командировке. Юрий сейчас работает над огромным трудом — перевод с тибетского. Он послал Вам свою работу о Гессер-хане. О ней получены отличные отзывы из Лондона и здешние; прекрасно работает. Конечно, от Вас бюллетени и посылки еще не дошли. Впрочем, пароходные посылки идут четыре месяца и более. Все хорошо в Вашем письме, но грустны сведения о руке Инге и об ушах Дедлея. Неужели врач не мог прописать кроме горячей воды какой-либо массаж, или электричество, или синий свет? Ведь без правой руки — ужасно. Думается, что ухо Дедлея отойдет опять — лишь бы

не простудиться. Привет Мюль, Арбеловым. Наши мысли с Вами, с Катрин, с Инге, с Джином, с С[офьей] М[ихайловной]. Да будет Вам всем хорошо в эти трудные дни. Е.И. работает не покладая рук. Все, каждый в своей области, трудимся и радуемся слышать от Вас о Ваших неустанных трудах во славу Культуры. Да будет Свет!

Сердечно,

Н.Перих.

P.S. Сейчас пришли две хорошие статьи Дутко. Добрый привет ей.

Пусть бы она перевела мою статью “Великий облик”, посвященную Е.И. У нее есть мои книги.

Родные мои,

Очень, очень мы горевали о повреждении руки нашей милой Инге, но В[еликий] Вл[адыка] меня успокоил, сказав, что рука будет двигаться, хотя и не вполне, но достаточно для работы. Также Сказано, что “она нужна в работе и еще может помочь в делах В[еликого] Вл[адыки]”, передайте ей это, родные, пусть воспрянет духом и запасется терпением. Погружение руки в горячую воду очень полезно, и В[еликий] Вл[адыка] советует делать это не менее трех раз в день по десяти минут, при этом нужно растирать больную руку, пока она находится в горячей воде, лечение это длительное. Шлю ей мысли лучшие и сердечную ласку. Дедлею нужно очень остерегаться простуды. Пусть всегда имеет при себе клочок ваты и при малейшем ветре или сквозняке затыкает чувствительное ухо. Пусть и Катрин следит за собою, ей тоже нужно придерживаться указанной диеты и не слишком утомляться. Знаю, что и Зиночке нужно иногда последить за собою, но все это не страшно. При твердом сознании и доверии к В[еликому] Уч[ителю] все заболевания не страшны. Нужно выработать в себе лишь постоянное памятование о В[еликом] Уч[ителе], чтобы утвердить в своем сердце своего рода умную молитву — ничем нерушимую связь, только при такой связи можно всегда получить необходимую помощь. Связь эта должна укрепляться и ткаться ежесекундно, и тогда все становится легким и достижимым. Примите это дословно. Радовались Вашей работе, пусть развивается, но мой совет — строго придерживаться пределов, намеченных культурной работой, но не переступать границ простой приветливости, необходимой при каждой совместной работе; но не вижу чрезмерного сближения. Будьте осмотрительны, больше слушайте, но сами говорите меньше, не доверяйте им. Соловьями все умеют петь, когда им полезно. Берите вещи как они есть, без преувеличения в обе стороны. Требуйте фактов, но не однобоких. У нас имеются факты, далеко не совпадающие с утверждениями о высококультурном отношении к труженикам просвещения. Факты, почерпанные из их же источников. Видимо, имеются разные источники.

Посылаю мою самую нежную ласку родной Катрин, очень хотела бы ей написать, но, к стыду моему, почти разучилась писать по-английски, в моем отшельничестве забыла этот язык. Спасибо ей за все, что она делает по делу, пусть оно теплится, насколько возможно.

Как всегда, мечтаю увидеть всех Вас, доживем и до этого дня.

Обнимаю всех одним объятием и прошу явить мужество и радость труду.

Е.Перих

25.V.43

Родные наши,

Дошел Ваш пакет от 22-го декабря с программой о лекции Ватсона и со статьей “Положение”. Мы тоже слышали об этом положении. С той же почтой Юрий получил от проф[ессора] Вернадского (Йель) две его последние научные работы. Он очень ценный ученый с широким кругозором. Его “Начертание русской истории” Вы, может быть, уже читали. Большие ученые — Ростовцев, Васильев, Сорокин — поддерживают славу русской науки. А сколько отличных русских музыкантов и художников в Штатах! Не приходилось ли Вам слышать о судьбе московских художников Юона, Павла Кузнецова, Сарьяна, Феофилактова — их была целая группа, ведь не вымерли же они все? Радио поминает какие-то совсем иные имена. Наверно, у Вас набирается много интересных сведений, если можно, сообщайте их. Неужели все Ваши показания о грабительстве Хорша канули в Лету? Казалось бы, подобные факты не могут игнорироваться правительством, если они зафиксированы официальными лицами. Неужели может оставаться на службе человек с “формуляром” Хорша? На телеграмму Дедлея мы сейчас же ответили. Конечно, все делаемое во имя Культуры всегда уместно и своевременно. На месте Вам видно, хороши ли условия. Где именно может быть помещение? Какие пути сообщения? Ведь теперь у Вас там все условия особенные. Если пишутся контракты, то всякие пункты должны быть законно предусмотрены. Да что говорить, сами Вы знаете, как бывают подстраиваемы всякие уловки. Главное же, чтобы новое помещение не было обременительно. Удивительно, насколько сейчас всюду усложнились местные условия. В Симле Р.Ренц собирается издавать серию брошюр: “New World Library”. Для первой он взял “Перих” (три статьи: Леонида Андреева, М.Бабенчикова и Голлербаха). Удивительно, что даже среди Армагеддона вспыхивают культурные искры. Всюду растет внимание к русскому. Правильно было наше постоянное задание о русском народе, о русской Культуре. Так через все трудности и донесем. Сейчас дошел Ваш пакет с “Новосельем”. Понимаем все Ваши труды с этим номером, также понимаем Ваши неудовольствия. Вы правы: что-то есть малоприятное в этом журнале. Во всяком случае, Вы сделали все, что могли, и принесли пользу. Каждое зерно пользы так ценно, а сейчас в особенности! Обширные поля пользы Вам даны, и эти посевы Культуры будут оценены. Шлем Вам, всем друзьям наши лучшие мысли.

Сердечно,

Н.Перих.

Родные наши,

30-го июня мы получили письмо регентов из Олбани от 24-го февраля о назначении на 17-ое апреля заседания о Музее и Институте. Конечно, Вы обо всем знаете, ибо телеграфно Вы снесли с нами, но получение 30-го июня письма о заседании 17-го апреля показательно. Насколько сейчас можно сноситься на больших расстояниях! Пресловутая цивилизация подмокла. Пакет был на имя Е.И. 2-го июля пришел такой же пакет на мое имя. На всякий случай отметьте себе эти даты. Получили мы от Катрин телеграмму о болезни Мориса. Хорошая мысль — пригласить его в Аруну на поправку. Воображаю, какое нездоровое, пыльное, жаркое место Альбукерке! * Каким образом случилось заражение крови? Пришла телеграмма от Муромцева, и на этот раз более утешительная. Все мы порадовались. Пришли три бюллетеня — значит, не все теряется. Присылайте, если что будет интересно. Еще пришел пакет с бумагой АРКА. Очень хорошо! Сейчас Светик и я заняты странным делом — уничтожаем некоторые свои прежние картины, чтобы выгадать холст для новых. Так, “Микула” дал место для “Вести Шамбалы”, “Монастырь Сису” уступил холст для “Ведущей”. У Светика “Заветы Учителя” превратились в “Андромеду”, “Христос” — в “Дамаянти”... Что делать, нет холста для темперы! И выписать неоткуда — Армагеддон гремит! Конечно, иногда после приходится пожалеть о таких харакири. Помню, как в свое время я уничтожил картины “Ждут”, “Дом Божий”, “Путь великанов”, “Век камня”, а после именно о них много спрашивали. Главное, жалеть не надо, а смотреть лишь вперед. Уже год, как живет АРКА. Когда сложите все Вами сделанное, получите отличный список полезной работы. Может быть, и Вы слышали московское радио Ильи Эренбурга “Слава России”? Кончается оно обращением к русскому человеку: “Да осенит тебя нетленная слава России!” Вперед, вперед! “Per aspera ad astra!” [Через тернии к звездам — *лат.*]. Уже более трех недель не было Вашего очередного письма. Все ли ладно? Сложно нынешнее время. Не знаешь, откуда вал набегают. Во все глаза смотришь! Преодолевайте! Привет, сердечный привет всем друзьям. С Вами со всеми наши добрые мысли.

Душевно,

Н.Перух.

Сейчас пришла Ваша телеграмма об инкорпорации Академии — в добрый час! Действуйте!

Родные наши,

После большого перерыва сразу три письма от Зины от 20-го мая и 28-го мая и письмо Дутко. Да, очень печально, что Сана так больна (все лучшие мысли с нею) и что Джин болел (радуемся его выздоровлению). Надеемся, что болезнь Спенсера не серьезна! Всё-то болезни и всякие сложности! Понимаем все Ваши раздумья о новом помещении. “Семь раз примерь и один раз отрежь”. Но Ваша телеграмма показывает, что все Ваши недоумения разрешились в положительную сторону. В добрый час! Вы правы, после 1934-го года я никаких сношений с С.Луисом не имел, и потому он не мог иметь от меня письма в 1939-м году — какая подозрительно злостная выдумка. До 1933-го года могли быть оттиски моих журнальных статей. Не думаю, чтобы с картиною что-либо вышло. И в этом тоже какая-то западня, какие-то подозрительные личности. Луис в своей книге уверял, что познакомился со мною в Палестине. А я в Палестине никогда не был и Луиса вообще никогда не видал. Он же изуродовал портрет Святослава*. Вы, конечно, помните эту скверную историю. Вы правы, не беседуя с Уидом на эти темы. Все-таки любопытно добиться, какая именно картина в посольстве. Если секретарь предложил переслать в ВОКС манускрипт книги в пользу Русского Красного Креста, я пошлю Вам манускрипт книги “Слава” пароходной почтой. Во всяком случае, это будет добрый акт со стороны АРКА и останется отмечен в ее деятельности. Попросите секретаря уведомить Вас о последующем. Так как Вы отдали Ваш экземпляр “Новостей Советского Союза”, то я послал Вам второй экземпляр того же номера. В новом помещении он потребуется Вам. Итак, снято новое, расширенное помещение, и место — центральное. Много что поместится. Картины, книги — все это будет внушительно. И Академия, и АРКА, и “Flamma”, и издательство. Опять оснастится большой корабль, а к нему и лодочки будут подплывать. Не нужно ли собрать и для Академии почетных советников? Впрочем, Вам на месте виднее. Конечно, Вы разошлете почетным советникам АРКА отчет о годовой деятельности. А также и несколько листов почтовой бумаги. Чувствую, что отчет выйдет весьма внушительным и многих порадует. Еще во времена Москова я дал проект Русского Института в Америке. Теперь у Вас будет место для хороших собеседований. Подойдут новые друзья — за эти годы горизонты обновились. Вам будет интересно и поучительно наблюдать новую психологию молодежи, а при широте воззрений нетрудно избежать столкновений. Поистине, в добрый путь! Еще раз попомним, что каждое дерево для роста нуждается во времени. Так и со всеми начинаниями. Скончался “Archer” только потому, что ему не дали времени для роста и укрепления. Пресеклась “Flamma” из-за войны, но лишь к концу второго года подписка стала укрепляться. Примеров много, когда из-за нетерпения или из-за грозных обстоятельств пресекались самые жизненные побеги. Вспоминаю это на пороге роста Учреждений. Такое древо должно иметь должное время, чтобы разрастись. Вам послан и экземпляр № 1 “New World Library”. Будем думать, что эта серия выживет вопреки армагеддонным трудностям. Стойкость и зоркость! В лагорской газете был громко оповещен скандал с Уоллесом и суровое осуждение его Рузвельтом. Чуется, что и тут “пахнет крысою” — жуликом Хоршем. Вы знаете об этом скандальном происшествии гораздо больше, и газеты Америки, вероятно,

гремели. Прислушивайтесь! Недаром покойная Делано говорила, что “Уол[лес] — злой гений ее сына”. Она чужа сердцем! Во всяком случае, такие вехи показательны. Жаль, что почта так протягновенна и неаккуратна. Странно, что Б[орис] К[онстантинович] с 8-го декабря замолк, может быть, письмо пропало, ведь и Вы от него ответ не получили? Итак, действуйте во благо!

Сердечный привет всем друзьям.
Душевно,

Н.Перух

P.S. Кто именно устраивал выставку “500 лет русского искусства”?
Пришлите каталог.

Строфант в малых дозах можно принимать.

12.VIII.43

Родные наши,

Писем от Вас опять не было. Почта стала очень медленна, а теперь, с дождями, окончательно испортилась. От Муромцевых телеграмма 2-го августа: положение Саны прежнее, больше интереса к окружающему, правая сторона слабеет. Последнее нас очень огорчило. Вы писали, что левая сторона в параличе. Неужели теперь и правая слабеет? 4-го августа Ваша телеграмма: Сана ушла в лучший мир. Для нее он будет поистине лучшим — она была доброй. Вся природа ее была добрая и сердце отзывчивое. Знаем, что ей будет хорошо. Жалеем Илью и дочек. Илья такой славный, подлинно честный — такие редки. Шлем им сердечные мысли. Надземный мир — наше прибежище.

Несколько местных новостей. 27-го июля в Музее Тривандрума Казинс прочел лекцию о наших картинах — был успех. В нашем Центре в Аллахабате — выступление здешнего знаменитого поэта Чаттопадия. За это время очерки мои были в “Тривени”, в “Маха Бодхи”, в “20-м веке”, в “Хиндустан Ревю”, в “Прабудха Бхарата”, в “Комрад”, в “Кочин Аргус”, в “Малабар Геральд”. Жаль, что “Сколяр” скончался. У него было много подписчиков в Бирме и в Китае, и теперь они все отпали. Сколько разрушений нанесла война! Трудно охватить, где и как отступнул Армагеддон. Тем более нужно беречь каждый уцелевший культурный очаг. Думается, когда в новом помещении Вы выставите имеющиеся у Вас издания и литературу, получится внушительное собрание. Вы никогда не знаете, откуда приходят запросы. Старые каналы, бывает, засоряются, но зато новые родники начинают бить. Потому-то широк должен быть доступ всему молодому. Помню, как негр на лифте был так признателен за доброе слово, что пришел после дежурства ко мне и предлагал, не может ли чем-либо быть полезным в свободное время. Ценно такое стремление. В “Дельфиан” — послано, не услышите ли от них? За пожертвование картины “Александр

Невский” прислали золотой знак нагрудный. Еще реализуют две картины — “Гималаи” и “Мыслитель”. Можно вспомнить, что в 1930-м году Муниципальный совет Парижа предложил мне устроить выставку в Малом Дворце Искусств. Это было особое внимание к иностранцу, и все удивлялись, что мы такую честью не воспользовались. Но мы так спешили в Индию, что задержаться на полгода в Париже казалось невозможным. Такой же дружеский жест был и со стороны Президента Думерга. Вспоминаю это именно к расширению Учреждений, задуманному Вами. Не знаете, где и как возникают особо дружеские жесты. Пусть двери широко открыты для всяких друзей. Даже в подавленной Франции и Бельгии жизнь идет. За постель Дега платят полтора миллиона франков. Жизнь берет свое. Культурные ценности все-таки побеждают. Итак, в добрый путь! Душевный привет всем друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

12.VIII.43

Родные наши,

Пришла Ваша телеграмма о распределении назначений в Академии. Послали наше полное одобрение — Вам по местным условиям видно, как полезнее сделать. Может быть, и еще новые сотрудники объявятся. Всегда новое помещение, новые условия создают “движение воды”. Вы используете все возможности. И всегда “неожиданно” складывались встречи и узнавались новые сотрудничества. Каков новый посол? Не было ли у Вас с ним сношений?

Шлем сердечные пожелания С[офье] М[ихайловне] — теперь эти операции делают очень удачно. Хорошо бы Вам постепенно обзавестись сочувствующей прессой. А то многие Ваши полезнейшие дела будут проваливаться в Лету бесследно. Новые сотрудники не знают ли путей? Главное в том, что часто спрос не встречается с предложением. Вот, например, у Вас уроки русского языка. Полезно! Но знают ли об этом? Объявления очень дороги, но дружественная хроника гораздо полезнее. И сколько молодых писателей приняли бы к сердцу сказать доброе слово. Такая дружба была бы ценна и на случай, если бы грабительская шайка Хорша опять зашевелилась. Ведь все время нужно наблюдать за этими мошенниками. Они живут лишь злом. Злодейством питаются. Сеют клевету, даже не заботясь, где и как взойдет она. Эти преступники не только ограбили всех нас, но они вредительствуют делу Пакта. Именно наши Комитеты могли бы делать сейчас полезнейшую работу. Но что преступникам, общественным вредителям Культура?! Сейчас долетело Ваше письмо от 10-го июля. Мы не удивились ответу С.Луиса. Думается, что вся история была подстроена, чтобы получить письмо от меня или получить дар. Любопытно, что Вы пишете о Линден. Про нее можно сказать словами старинной поговорки “Говори, что хошь, а цена тебе грош”. Этакий хлам! Спасибо Дутко за

перевод. Кто ее муж? И где он служит? Молчание Б[ориса] К[онстантиновича] действительно непонятно. Спрашиваете о ценах — они могут быть подвижны в зависимости от лица и назначения. Спрашиваете, не бросить ли членство в Музее Современного Искусства? Но иногда любопытно наблюдать, в какие тупики заходит мятущееся человечество. Сколько больших событий! Италия! Лопнула ось!* У нас Донбасс — победа по всему фронту. Патриарх Всея Руси — Сергей. На выставке в Третьяковской галерее картина “Донские казаки готовятся к атаке” — на фоне Троице-Сергиева Лавра. Ведь немцы, наступая на Москву, близко подошли к Сергиевой Лавре, и оттуда начался их разгром. “Не замай!” Подумайте, какие возможности для АРКА. Лишь бы скорее Вам устроиться на новом месте и начать новую работу. Зорко смотрите, где и что полезное можно сделать. Новые обстоятельства приносят и новые возможности. Невозможное вчера становится очень возможным завтра. А Вы знаете, за какое светлое будущее Культуры Вы сражаетесь. Наверно, у Вас много новостей. Всем милым сотрудникам наш душевный привет.

Сердечно,

Н.Перух.

Е.И. сильно подвернула ногу — сильно болит, сколько придется пролежать — неизвестно. Надеемся, что связки не были порваны. Конечно, можно пользоваться переводом Гартнера, хотя он и не был поправлен. Е.И. просит прислать “М[ир] О[гненный]”, хотя бы две копии, но лучше одновременно. Катрин может принимать мускус с валерианом и содою, но нужно следить за пищеварением, чтобы не было тяжести. Полезен и спермин — может быть, он есть в Америке. Е.И. всех Вас крепко обнимает, главное, ничего не бойтесь. Приветствует новое помещение и новую деятельность. В действии жизнь.

30.IX.43

Родные наши,

За это время Ваших писем не было. К тому же почта очень плоха. Е.И. все еще лежит и, видимо, надолго. Разрыв связок очень значителен. И сколько времени продолжится заживление?! Все это очень болезненно и томительно. Как прошла операция С[офьи] М[ихайловны]? Восстановилось движение руки Инге? Что с Морисом? Как Катрин? Сколько болезней! Недавно Казинс сообщил, что м-с Казинс лежит в параличе. Речь еще не вернулась. Всюду много заболеваний.

Впрочем, об этом Вы и из газет знаете. Посылаю “Крылья Победы”. Поистине, поразительны победы — каждый день по тысяче городов и селений. Вот и Смоленск! Вряд ли сохранился храм в Талашкине. Сколько исчезло! По некоторым данным, полагаем, что около грабителя Хорша что-то творится. Наблюдайте. Министр иностранных дел Чехословакии Ян Масарик прислал из Лондона сердечную телеграмму мне ко дню рождения. Какие старые воспоминания о Златой Праге встали! И выставка в Манасе, и

переписка с Президентом Масариком, и, наконец, Музей. И опять вопрос, существует ли? Отчего Лукин молчит, ведь Кирхенштейн с ним хорош, и, наверное, Лукин не остался в Риге под немцами? Вообще, только подумайте, где все друзья? Ведь у каждого из них какая-то драма. Хелин прислал хорошую статью из Лос-Анджелеса. Уже второй раз они дружественно выступают. Думается, если бы были враждебны, то не стали бы хорошо писать. Уж эти волны житейские! Сегодня — одно течение, завтра — иное. Так и во все времена! Вчера слышали, что Щусев получил к своему семидесятилетию орден Трудового Красного Знамени. Опять старые воспоминания, как я пригласил его профессором в нашу Школу [Общества Поощрения Художеств]. Затем мозаика Почаевской Лавры, часовня во Пскове! Сколько архитекторов сотрудничало: и Щусев, и Щуко, и Покровский, и Алешин... Щуко и Покровский умерли, но Щусев все творит и действует. Радостно, если можно вспомнить лишь хорошее. Добрые знамена не меркнут. Сколько у Вас сейчас забот и хлопот с переездом в новое помещение! Ведь все теперь так трудно, а сотрудников мало. Бывало, у нас всегда находилась молодежь для таких авральных работ, но у Вас сейчас условия иные. Сердечный привет всем друзьям, любим и помним их.

Душевно,

Н.Перух.

1943

Родные наши,

Долетели Ваши письма от 7-го и 27-го августа. Столько в них интересного — и подробности о Муромцевых, и об АРКА, и о переезде. Также поучительно, что наши письма доходят к Вам в изрезанном виде, и американский цензор отмечает, что не он резал письма. Этим он говорит, что резьба происходит в Индии, на пятом году войны и на двенадцатом нашего приезда в Индию. Любопытно, ибо в письмах положительно ничего не было, что могло бы интересовать цензуру. За четыре года войны мы послали Вам более ста двадцати писем и никогда урезываний не происходило. У нас имеются копии всех писем, и мы с изумлением перечитали их. Спрашивается, что же именно, по мнению цензора, не должно быть прочитано Вами?!! Мы пишем только о Культуре и о Ваших образовательных Учреждениях, вполне законно действующих. Но если и о Культуре вредно писать, то о чем же можно? Радостно, что Амер[икано]-Рус[ская] Культурная Ассоциация встречает такое сочувствие. Полезнейшее Культурное дело!

Дошел также Ваш интересный пакет с газетами от 16-го июля (об Уоллесе) и с адресом, читанным Уидом. Хорошо, что Вы можете его проинформировать. Ведь он многое может и не знает. Та же почта принесла письма от Джина (24-го июня) и от Муромцева (26-го июня) — почта так медленна, что актуальность пропадает. Привет Джину — жаль, что и он болел, теперь всюду болезни. Привет Муромцевым. Какая странная и

сложная была болезнь Саны. В той же почте было письмо от м-с Сади Став (Бруклин) — просьба о статье для вегетерианского журнала. Вы ее, должно быть, знаете — она жила у нас. В Вашем пакете еще было письмо из Метрополитен Музея, от какого-то самочинного комитета об охране культурных ценностей. Экое кривое зеркало! Я им ответил, что мог бы дать сведения о России, Франции, Италии. В то же время я подивился: ведь этот комитет — кривой осколок с нашего Комитета. Подумайте, что сейчас творится? Помпея повреждена, Неаполь изуродован... Пока пишешь, где-то уже совершается нечто непоправимое. Ровно десять лет тому назад был дан Пакт охраны культурных ценностей. За декаду разве осмыслили, разве приготовились? Не мне напоминать об этом, но кто-то напомнит, и грозно напомнит. Разрушитель Хорш нарушил великую культурную работу — она бы производилась *именно теперь*. Но грабительство и вредительство разбивают именно Культуру, и людишки малодушно помогают вредителям!! Читали мы статью Уида “В сердце” (в их журнале). Скажите ему наш привет. Пусть навсегда хранит лучшие сердечные основы. Добрые посевы дадут добрые зерна. Прилагаю мое старое обращение о Лиге Культуры. Вам оно интересно как памятка о нужном начинании, разрушенном вредителями. Музей Современного Искусства еще прислал свои забавные уродства. Положительно, такие вехи и неистовства джаза напоминают, сколь глубоко должно совершиться переустройство мира. Кривое зеркало отражает смятение человечества. Неслыханное кривое зеркало! Ох уж эти всякие абстракции! Хотелось бы посмотреть, каковы абстрактные дома, абстрактная пища, абстрактная одежда. И не платят ли наследники Рокфеллера абстрактными чеками? От реализма могут быть пути, но абстракция — тупик. Получили “Daily Mirror”. В нескольких номерах много уродливых вех. Жалобы на венерические болезни. Архиепископ возмущается приготовлением домов терпимости. Какие-то девушки — военные работники — дочиста обокрали какого-то викария. “О времена! О нравы!” Но не будем толковать о всяких кривых зеркалах. Бодро посмотрим в будущее, помыслим о культурных делах, так нужных, так неотложных. Жаль, что книга “М[ир] О[гненный]” задержалась в печати. Ведь столько о ней запросов. Дошел ли к Вам мой манускрипт “Слава”? Пожалуйста, перешлите его и сообщите нам обо всем последующем. Чуем, много у Вас хлопот с переездом, но все это ко благу. Нога Елены Ивановны очень медленно поправляется. Теперь, в пределах комнаты, передвигается с двумя палками. Длительная и болезненная история! Повсюду болезни! Будьте очень осторожны. Радует победы. Шлем всем друзьям наши душевные думы.

Сердечно,

Н.Перих.

28.X.43

Родные наши,

Сейчас пришли два Ваших [письма]: одно от 22-го июля, другое от 12-го сентября — видите, как вразброд идут письма. Оба письма нас глубоко порадовали — все Ваши действия прекрасны, своевременны. Так ценно, что Вы храните бодрое настроение, — эти крылья несут и высоко, и далеко. Пришло письмо Джина, и мы радовались. Как хорошо, что он получил повышение по Красному Кресту! Много пользы удастся ему принести и теперь, и в будущем. Честные деятели будут нужны. Вообще, два брата — и Дедлей, и Джин — удивительные, редкие люди. При их труде, они полны высоких устремлений, и эти светлые крылья перенесут их через все пропасти. Наряду с АРКА и Фламма необходима. Обе организации могут поддерживать друг друга. И только истинное прилежание к Культуре может помочь в этой трудной работе. Не скроем — трудна пашня Культуры. Много одичания! Иногда радио возвестит такую пьяную пошлость, что диву даешься. К чему человечеству жить миллионы лет, если они могут восхищаться такими гнусностями! И вот только упорная культурная деятельность может пробивать броню пошлости. Как радушно нужно пригреть каждое возвышенное устремление. Не в роскоши рождаются такие взлеты, но среди труда и нередко среди лишений. Сердечно, заботливо оберегите молодые сердца от озлобления. Каждый из нас встречал хорошую, отзывчивую молодежь, но угнетенную серым домашним бытом. И хотя они взлететь, да низок потолок, заглянуть бы подальше, да мутны окна. Много серого быта. Не знают, что читать, где найти прекрасные книги! Шкафы библиотек молчаливы. Как хорошо, что Вы теперь имеете расширенное помещение и можете пригреть большее число ищущих, стучащихся. И опять удивимся братьям Фосдикам. Как они, среди будничного быта, среди каждодневного труда, сохранили горение сердец! *Славный, прекрасный путь!* Помните два прекрасных сказания. Когда Конфуций болел, друзья напомнили, что пора помолиться. Но мудрец ответил: “Моя молитва уже давно началась”. Другое: св[ятой] Франциск позвал одного брата пойти с ним проповедовать. Они пошли в город, обошли много улиц, беседуя о возвышенных предметах. Наконец брат спросил: когда же начнется проповедь? Но св[ятой] Франциск улыбнулся: “Брат, разве ты не признал, что мы все время проповедовали? Мы пристойно шли по улицам, беседуя о возвышенном. Мы сеяли мир”. О, все это Вы знаете, и Ваши новые знакомые могли вовремя предупредить Вас. Нога Елены Ивановны поправляется. Ходит с палочкой, но боль еще чувствуется. Как все Ваши болящие? Надеемся, что здоровье налаживается. Интересно, кончилось ли изрезывание писем? Я ничего не имею против любой цензуры, но любопытно, какое именно культурное сообщение не должно достичь Вас? У нас раннее похолодание — уже 46° [по Фаренгейту], а керосина нет. Плохо, что холст совсем кончился. Бумаги мало. Ведь и у Вас трудно. Но германцы сломлены, и война пошла под гору. Держитесь крепко во имя Культуры. Радио передает, что в начале ноября в Америке будут разные ам[ерикано]-русс[кие] выступления. АРКА не упоминалась. Впрочем, может быть, у Вас к этому были свои соображения. На всякие хорошие случаи Вы, наверно, отзоветесь. Передавали, что Метрополитен устраивает какую-то русскую выставку. Берегите друг друга.

Сердечно,

Н.Перух.

Интересно было бы через Уида узнать, какую цену предложили бы за картину. Тогда сообщите нам, и мы подумаем. Ведь всегда можно найти повод к изменению цены. Не думаю, чтобы что-нибудь вышло, но все же любопытно!

14.XI.43

Родные наши,

За эти недели Ваших писем не было. Теперь у Вас уже зимний сезон, и по всем статьям оживление. Главное — бодрость, она как магнит. Читал Гвераци. События в Италии заставляют вспомнить, как мыслили благородные души в прошлом веке. Может быть, молодость и теперь вспыхивает тем же героическим духом?! Известия передают, что немцы младшего возраста гораздо более жестоки, нежели пожилые. Можно представить, что за жизнь в Европе! От бельгийского консула слышали, что в Бельгии собак уже всех съели, а кошка стоит сто франков. Конечно, неизвестно, что такое франк! Женевский журнал в последнем номере сообщает, что в Париже в летнем аукционе небольшой Ренуар пошел за четыре миллиона франков. Прямо невероятно, но опять же не знаем, во что превратился французский франк. Но журнал "Pro Arte" дает, по-видимому, точные сведения об аукционах в Париже и Брюсселе. Или люди вспоминают о художественных ценностях как о единственном прочном прибежище?! Можно представить, сколько прекрасных произведений погибает в частных домах. Нередко среди скромного обихода, бывало, попадалась вещь отличного мастера. А русские победы гремят на весь мир. Несломимое героичество ведет воинов через все преграды. Великий, широчайший Днепр не служит препятствием. Всегда верили мы в народ русский, а вот теперь и весь мир уверовал. Прекрасное, историческое дело может творить АРКА. Столько прекрасного можно поведать всему миру о Русской Культуре! Любовно, заботливо отбирайте эти драгоценные зерна. Энтузиазм не поникнет, когда в сердце сохраняется сознание о значении творимой работы. Вперед, вперед, вперед! Наверно, Вы обращали внимание, что московское радио даже во дни войны часто говорит о заседаниях Академии наук, о выставках, о новых музыкальных произведениях, об университетах и школах и прочих культурных преуспеяниях. Между тем другие радио о жизни Культуры говорят очень мало или совсем не упоминают. Это очень показательно. Если решите дать в "Новоселье" мои листы, можно помянуть, что они из книги "Слава". Ведь они войдут в манускрипт, который Вы, вероятно, теперь получили. "Крылья Победы" и "Огонь — на меня" могут войти в манускрипт "Слава" — они и по числам новее. Попросите секретаря переслать манускрипт и сообщить Вам о последующем. После всех суперлативов, о которых Вы писали, он, надо думать, устроит все ладно. Потрудимся во славу героизма, самопожертвования — преуспеем! Поверх житейских забот найдем час для

самого высокого. Полюбим этот час, им оживем. Привет сердечный всем друзьям.

Душевно,

Н.Перих.

Будет полезно для здешней прессы, если пришлете небольшую статью (страниц около трех машинных) об Академии, АРКА, Фламме, Издательстве — обо всем, что вмещает новое помещение, с перечнем имен советников и с программой на будущее общее название R[oeirich] Acad[emy] of Arts. Такое культурное осведомление очень полезно. Пришлите оттиски.

28.XI.43

Родные наши,

Долетели Ваши вести от 5-го октября. Глубоко сочувствуем горю Дедлея и Джина. Хорошему, доброму человеку, каким был отец их, будет хорошо и в тонком мире. Если он был близок мыслями [о] будущем, то он быстро освоится с условиями нового существования. Да будет ему светло! Печально, что здоровье С[офьи] М[ихайловны] не улучшается. Шлем ей наши душевные мысли. Представляем себе, сколько возможностей дает сейчас АРКА. Наверное, и новые люди подходят. Понимаем Ваши сетования на Д[утко] — может быть, она не поняла о книге “М[ир] О[гненный]”? Конечно, жаль, если ее увлечет лстивый человек, но рано или поздно она его восчувствует. Небось он не сказал ей, на каких основах написана им книжка, которую он ей послал! Поблагодарите ее за перевод. Светло было прочесть о комнате, устроенной Джином. Какие они прекрасные люди! Как стремятся они к истинной Культуре! Всю жизненную борьбу они преодолевают радостно, ибо в сердце их живет радость труда и созидания. Чек от Дельф[ийского] Общ[ества] пока оставьте у себя, а номер их журнала пришлите, может быть дойдет. Передайте им мои сердечные пожелания, а также прилагаемое мое обращение: “Миссия женщины”. Велика и славна эта миссия! Мясиу можно разрешить пользоваться эскизами для “Половецких плясок”. Интересна и своевременна его идея о китайском балете. Буду рад услышать о ней подробнее. Полагаем, что Катрин даст картины Святослава. Рады слышать об успехе “М[ира] О[гненного]” — конечно, к нам книга не скоро дойдет — теперь все так долго! Дошел ли манускрипт “Слава”? Желательно, чтобы он дошел по назначению. Что поделявают вредители — всякие Хорши, Уоллесы, Бенуа и тутти кванти*? Наверно, где-то сеют плевелы. Этим живут! Недавно мы посмеялись. Тибетцы рассказывают, что в Спитуге показывают мою фотографию как портрет китайского сановника. В Шигадце видели несколько воспроизведений с моего портрета работы Святослава, причем тибетцы уверяют, что это Нагчен Римпоче — регент Тибета. Откуда только берутся подобные рассказы? Иногда любопытно заглянуть, как создаются апокрифы. Нет ли вестей от Б[ориса]

К[онстантиновича]? Ума не приложим, почему прервались с 8-го декабря прошлого года его письма? Ведь он знает и Ваш новый адрес. Нет ли сведений о нем от Д.? Скоро выйдет новая книга Тампи. Пошлю Вам, а также для Дельф[ийского] журнала, для ревю. Нога Е.И. почти совсем поправилась, ходит, хотя и осторожно, но уже без палки. Итак, действуйте, как говорил ап[остол] Павел, “с оружием света в левой и в правой руке”, и пусть сами трудности послужат во благо.

Привет, самый сердечный привет к Рождеству и к Новому году всем друзьям.

Душевно,

Н.Рерих.

Родные и любимые наши,

Всем сердцем чую боль Дедлея и Джина и всей их милой семьи. Уход такого отца, конечно, тяжек для них, но для него — светлая радость пребывания в чудесном Докиуде и возможность лучшей помощи близким, и нового просвещения, и служения Благу общему. Потому, родные, не слишком печалуйтесь, но посылайте ему мысли любви. Не отягощайте его своею печалью.

Радует, родные, Вашему неослабному устремлению к посеву Культуры. Такие бескорыстные усилия должны увенчаться успехом. Чую, как может развиваться Ваша деятельность уже в недалеком будущем.

С нетерпением жду прибытия “Мира Огненного”. Конечно, подобные книги сейчас особенно ко времени. Прискорбно, что так мало лиц, действительно знающих и русский, и английский языки, но еще меньше тех, кто могли бы и были бы готовы поработать на такое светлое и неимоверно важное дело! При несоизмеримости людской всегда самое значительное занимает последнее место. Для всего есть время, но для самого насущного и часа не найдется. Тем более, родные, ценим Ваше неутомимое и сердечное приношение и работу при всех трудностях житейских, часто как бы даже непреодолимых. Сердце мое тянется к Вам, и так хочет порадовать Вас. Вы знаете, что для меня высшая радость — одобрение и радость В[еликого] Вл[адыки], и эта радость моя посылается Вам. Пусть сердце хранит ее и чаще вызывает из глубин памятование о ней — так она будет жить и светить Вам в трудные минуты.

Хочу попытаться послать Вам несколько копий “Иерархии” на английском языке, может быть и дойдет? В свое время нам было прислано пятьдесят копий, но здесь читателей мало и книги лежат без приложения. Жизнь духовная здесь понижена, несмотря на обилие разных тоненьких журнальчиков, посвященных перепечатыванию старых писаний из священных книг и их комментариям. Но они никак не могут отойти от своей ортодоксальности, и устарелой терминологии, и застывших представлений, которые являются таким анахронизмом в наш Век грядущего слияния Науки с Религией. Мертвенность эта и оторванность от темпа жизни тушат каждую искру искания духа. С одной стороны, власть традиций, с другой — нарастающее отрицание всего; при существовании такого острого противоположения не построить спасительного моста. Но Колесо кармы в своем обороте развеет все насты, и пущенное в ход новым импульсом

Нового Цикла Водолея в вихре вращения принесет и необходимое очищение. Уже в России идет светлое возрождение масс, и народ полон исканий и нового выявления героизма, всегда идущего с пробуждением Духа.

Радуюсь, если Илья Эмм[ануилович] с девочками вникает глубже в Учение Жизни. Он станет нам еще ближе. Будем им писать. Правильно поступает Зиночка, не вдаваясь в подробности при освещении поступков Метеца. Знакомство это, конечно, не так уже полезно, но пусть В.Д[утко] примет это испытание, потому не будем ее обременять предостережениями. Пусть проявится. Очень сочувствую Софье Михайловне. Ей нужна была бы очень легкая и умеренная пища. Обнимаю Вас, родные, единым объятием. Храните единение и доброжелательность.

Сердцем с Вами,

Е.Перух.

6.XII.43

Родные наши,

Долетело Ваше письмо от 15-го октября. Полагаем, что Зина должна возглавить Академию. Ведь Академия возникла из Мастер-Института и Зина главенствовала там. Значит, и теперь она должна возглавить.

Неужели манускрипт “Слава” еще не доплыл? Хотелось бы скорее его доставить по назначению. Все-таки непонятно, почему секретарь запнулся сказать, какая у них в посольстве моя картина?! Также странно происшествие со Сторком. Я отлично помню, Кошиц мне рассказывала, как она продала Сторку “[Весть] Тирона” за 1600 дол[ларов]. Также помню, что и “Дела человеческие” Трубецкая продала туда же. А теперь все выходит шиворот-навыворот.

Вообще, многое кануло! Е.И. не раз вспоминала, что я из Карелии послал для издания книгу поэм — она пропала, а черновики не сохранились. Е.И. жалеет также, что не списала хорошую статью С.К.М., написанную для издания Когана (Бринтон). Помните, его издательство развалилось, и все исчезло. Удивительны эти исчезновения — как камень на дно! Хотя бы коротко записывайте разные эпизоды. Не полагайтесь на память. Только сгоряча кажется, что память все удержит. Сложит она в такие глубокие склады, что и не вызовешь. Также и народная память — сколько полезного и доброго она засыпет в песчаных буранах бурной жизни. Придут новые, а уже и не знают многое. Вот мы даже отчества прадеда не знаем, а давно ли это было?! Вот и всякие новоявленные друзья расхваливают теперь русские победы, а учить русский язык ленятся. А ведь для прилежного друга это нетрудно. Приходил к нам индус — всего три месяца побыв в Москве, а уже говорит по-русски. При желании — все возможно. Разве среди друзей Уида нет желающих поучиться русскому языку?

Вообще, очень различайте подлинных от неподлинных. Арабский мыслитель Мансур-эль-Холлай говорил: “Будь осторожен, когда хочешь в

человеке бить по дьяволу, чтобы не задеть в нем Бога". Все мы знаем о подлинных и притворных друзьях. В земной борьбе так всегда и бывало, но счастье, когда бодрость не страдает от всяких "находок". Вперед, неудержимо вперед во славу Культуры!

Интересно, кто и как из Почетных Советников АРКА отзовется на Ваше сообщение о годовой деятельности? Не будет ли каких предложений? Главное, не огорчайтесь, если что идет медленнее, нежели ожидаете.

Помню, как Леонид Андреев, находясь в нужде и печали, восклицал: "Говорят, у меня есть читатели! Может быть, но ведь я их не вижу и не знаю". А ведь читатели и почитатели у него были, только он их не знал. Главное — бодрость!

Вы писали, что из ВОКСа присылают много материалов. Не сделать ли Вам в одной из студий постоянную выставку ВОКСа — это может привлечь. Прилагаю письмо Мясину. Эскиз "Половецких плясок" вышлю пароходной почтой (пойдет месяца четыре). Гонораром не будем его притеснять. Дягилев платил за право воспроизведения 500 рублей. Мясин — наш сотрудник, и потому пусть платит, как у него принято. Пришло очень хорошее письмо от Дутко. Чувствуется, что она хороший человек. Привет ей. Светик писал Катрин разрешение дать картины.

Привет всем друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

Когда получите эскизы для Мясины, пожалуйста, поставьте под *стекло* с самой узенькой *черной рамочкой*. Ведь эскизы должны вернуться в Академию.

22.XII.43

Родные наши,

За эти недели не было Ваших вестей. Опять Е.И. была больна. Не успела нога несколько оправиться, как подкралась простуда — зубы, головная боль, температура. Теперь и от этой напасти оправляется. Было очень болезненно. Главная причина — холода и отсутствие керосина — ведь мы на керосиновых печках. Покуда солнце повыше взойдет, всюду холодно. Много трудностей! Вот холст совсем кончается, а нового нет и достать негде. Пришло милое письмо Джина от 23-го августа. Значит, пароходная почта идет не менее трех с половиной месяцев. Десятого декабря послано заказным пакетом шесть темпер на *Ваше имя для Мясины*. Он просил держать эскизы в тонах первой дягилевской постановки — я так и сделал. Непременно поставьте под стекло, иначе в работе они могут пострадать. Привет Мясины. Дошел ли наконец манускрипт "Слава"? Эти бесконечные сроки выбивают все темпы работы. Хотелось бы — пусть "Слава" не запоздает. Пусть и "Половецкий стан" дойдет вовремя. Ведь воздушной

почтой такие пакеты не послать. С почтой так трудно! Вот и сейчас мы ждали срочную телеграмму, а она вместо Наггара пошла в Нагпур. Из этого — досадное опоздание! И многие не хотят понять, что почтовые связи изуродованы, и многое прежде обыденное стало необычным. Иногда по три дня вообще без почты. Джин пишет, что они имели добрую встречу с двумя членами Фламмы. Очень полезно поддерживать такие добрые сношения. Иногда коротенькая открытка может согреть сотрудника. Пламя — Фламма — не угасает. Не вернулась ли Дутко? Нет ли вестей о Б[орисе] К[онстантиновиче]? Ведь второй год пошел, как его письма вдруг прекратились, да ведь и Вы ответа не получаете! К нашему огорчению, нам вернули две “Иерархии”, которые мы Вам послали. Печатное объявление гласит, что теперь запрещено посылать книги в Америку. А ведь еще недавно Вы получили книжку, изданную в Симле. Тогда было можно, а теперь уже нельзя. Опасаюсь, как бы не вернули эскизы “Половецкого стана”. Дойдет ли посланный Вами “М[ир] О[гненный]”? Главное, странно, что на почте примут, а потом недели через три возвращают. Происходит непоправимое замедление. Видимо, местная почта не знает новых правил. Отмечаю это к тому, чтобы Вы лишний раз не удивлялись странностям в почтовых сношениях. Впрочем, и у Вас все необычно. Местные газеты сообщают о сильной своеобразной эпидемии в Америке. Больных более миллиона, были и смертные исходы. Поражены дыхательные органы при сильных головных болях. Что это за болезнь? Точно огненная? Вот спрашиваю Вас, а сам знаю, что ответ дойдет месяца через четыре!

Шлем Вам сердечные мысли. Соберите всю бодрость для преодоления трудностей. Держите на одной полке “Archer”, “Cornerstone”, “Message of 1929”, “[Message of] 1930”, “[Roerich Museum.] Decade [of activity. 1921-31]”, “Realm of Light”, “[Roerich Museum] Bulletin”, три книги Пакта. Придет новый молодой летописец, и Вы скажете: “История!” Идет значительный 1944-й год. Преодолевайте!

Духом с Вами,

Н.Перух.

Пришло письмо Джина от 12.11. Спрашивает, куда принять назначение. Советуем — в Россию.

7.I.44

Родные наши,

Опасаемся, не случилось ли чего с Вашей очередной почтой. Ваше последнее письмо было от 15-го октября. Вы писали, что вложите в следующее перевод Дутко. Хотя письмо Ваше где-то задержалось, но зато пришла Ваша добрая телеграмма от 31-го декабря, и шла она всего четыре дня, словно бы Вы почуяли, что мы беспокоились о Вас, о Вашем письме. Радует, что у Вас все ладно и даже брезжут какие-то возможности —

превосходно! Так и нужно начинать значительный год. Здоровье Е.И. налаживается, но все еще нужна осторожность. Е.И. будет огорчена, если “М[ир] О[гненный]” не дойдет. Теперь — все возможно. Чужало мое сердце, что с посылкой эскизов выйдет неладно, — вернули из Бомбея через три недели. Видите, теперь нужно какое-то особое экспортное разрешение, а где живет этот разрешитель, того не сказали. Теперь я поручил сие дело полковнику Ману — пусть проделает все, что требуется. Но ведь задержка-то какая, вот и показывай союзное искусство! В то же время из Америки доходят книги и брошюры. Только что получена статья Кауна о Лермонтове и новая книга Брэгдона. Поблагодарите от меня Брэгдона за отличную книгу, мы все ее очень оценили. Спасибо ему и за дружескую надпись.

Чтобы не отягощать почту, все делаю через Вас, а то вдруг еще и письма в Америку запрещены будут. Неужели манускрипт “Слава” все еще не получен? Ведь он был послан еще летом. Потеря его была бы прискорбна. Большое значение имеет своевременная получка манускрипта и доставка его по назначению. Ведь год-то какой — 1944-й!! Святослав сейчас в отъезде с выставкой. Кто бы мог подумать, что моя “Святая ночь” останется в Индии! Впрочем, пусть больше знают о русском народе, о русском искусстве. Именно, сейте добро всюду, где только можете. Судьба даст рост зернам полезным. Всем друзьям наш сердечный привет — для мысли нет расстояния. В прошлом письме я поминал книгу “Декада”. То была добрая строительная Декада, а вот теперь на пепелище оканчивается темная, злая декада. Где ее достижения? Где ее новизна и где стройка? А вот Вы теперь опять слагаете Декаду добра. В добрый путь! В добрый час!

Когда Победа развернет свои крылья прекрасные, то и все супостаты низвергнутся. Смело вперед!

Духом с Вами,

Н.Перих.

Большая радость — сейчас прилетело Ваше письмо от 10-го ноября с письмом Уида. Все Ваши вести превосходны — это подлинное строительство. Елена Ивановна пишет Вам отдельно, а теперь шлем телеграмму. Две части “Мира Ог[ненного]” “Братство”, “Община” — на очереди. Не пропало ли Ваше письмо между 15-м окт[ября] и 10-м ноября? Попытайтесь узнать о дальнейшей судьбе “Славы”. Радостны такие добрые вести. Пусть 1944-й — везде, во всем победоносен! Да будет!

21.1.44

Родные наши,

Поистине, Ваше письмо принесло радость. В нем звучала несломимая бодрость. Такая бодрость есть мощный магнит. Расцветет Издательство, окрепнет Академия, разрастется АРКА, будет жива Фламма. Отлично, что ВОКС непосредственно шлет Вам полезные материалы. Как прекрасно

способствовать взаимопониманию культур двух великих народов! Каждым Вашим выступлением, каждым оповещением Вы творите полезнейшее дело! Довольно мрака невежества, пусть всюду просияет правдивое осведомление. Только на такой почве растет сотрудничество. Вы писали, что Ламонт говорил Вам о моей книге. Все думается о каких-то новых полезных сотрудничествах. Не хочет ли он быть Почетным Советником АРКА? Опять-таки Вам на месте виднее. Как полезна Ваша поездка в Посольство! Все это — истинное добро, а Вы — добродетели. Чувствуется, что около АРКА у Вас вспыхивают новые добрые очаги. В больших водах Ваш корабль. Крылья Победы уберегут его от всех смерчей. Ман ведет переписку о получении экспортного свидетельства на посылку эскизов к “Половецким пляскам” для Мясиной. Только подумайте, что прошло более месяца со времени первой посылки эскизов, а движения нет. Этакая проволочка из-за нелепой новой формальности. Объясните Мясиной, в чем дело. Среди всяких Ваших спешных занятий найдите минутку прислушаться, что происходит у Хоршей. Наверное, какие-то пакости там делаются, ведь иначе они и жить не могут. А всю Вашу добрую, полезную работу темная свора ненавидит, ибо зло не терпит добра. Сколько неплохих, но слабых людей сворачивает хоршевская банда своею злобною ложью. Встречаетесь ли Вы с чехословацким консулом? — они всегда были друзьями. В их лондонском журнале “Европейский Обзорщик” недавно была душевная статья Руфины Хилл о моем искусстве. Спрашивают меня о нашей Лиге Культуры. Она претворяется в обществах Культурной связи — они растут и множатся. Значит, наша мысль была правильна и своевременна. Можно радоваться. На днях радио из Тегерана оповестило об открытии и там [отделения] ВОКС — всюду идея Культурного единения. Не все ли равно, под каким названием, лишь бы творилось полезное дело. Безразлично, каким путем или в каких словах проникает в мир добро. Всюду, где мы добро замечаем, будем помогать ему. Да живет добротворчество! Умножатся в добротворчестве силы и возможности Ваши. Культура так унижена сейчас, что каждый культурный труд особенно благословен. Всем друзьям-сотрудникам — наши сердечные мысли.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Вы уже знаете, какая огромная радость была явлена нам Вашими вестями об успехах и продвижении АРКА, а также письмом Уида. Послала ему мой ответ и благодарность. Надеюсь, что Вы прекрасно столкнетесь с ними относительно деловых оснований, на которых будут явлены его участие и помощь. Важно наискорейшее выполнение этого прекрасного и неотложного задания. Время не терпит. Вел[икий] Вл[адыка] советует в первую очередь выпустить *новое* издание “Сердца” и “Иерархии”, ибо эти книги остались лежать в подвалах, но выход их особенно нужен. Вероятно, у Вас имеются несколько экземпляров этих книг и Вы легко можете их переиздать. Конечно, мне хотелось бы исправить некоторые ошибки, вкравшиеся в них. Я начала просматривать “Сердце” и уже нашла несколько.

<...> Думаю, что скоро пришло Вам и дальнейшие поправки. Теперь, не затрудняйтесь цветом обложки, берите то, что есть; так, “Сердце” может иметь обложку *рубиновую* или *синюю*, если нет желтой, также точно можно заменять и остальные обложки. Важно лишь не откладывать. Также не ждите моих поправок, ибо они могут пропасть в пути, а книга должна выйти безотлагательно. К моему горю, “Мир Огненный” так и не дошел до нас. Тем более это странно, что мы получаем из Америки книги, и недавно получила книгу Брэгдона “Йога для вас” — книга неплохая, но не для большего круга читателей. Родные, обнимаю Вас всем сердцем, радуюсь Вашим непокладаемым трудам. Только в труде кратчайший путь всякого достижения. В добрый час — трудитесь.

Е.Перих

4.II.44

Родные наши,

За эти недели Ваших писем не было, дошел от Фричи один “Мир Огненный”. Может быть, и другие два дойдут. Была большая радость — книга издана отлично. Найдёт она свои пути и зажжёт новые сердца. Как вовремя подошел Уид для движения прочих книг. Наверное, Карнеги-холл направит запрашивающих по новому адресу. Между прочим, Ваша прежняя почтовая бумага Академии вполне пригодна, стоит лишь поправить 250 на 200 — хорошее совпадение. У нас снега, почта совсем испортилась, а телеграф уже несколько дней не действует. С продуктами все труднее. Опасаюсь, не пропало ли Ваше письмо между 15-м октября и 10-м ноября? Там мог быть перевод Дутко, и Ваш годовой отчет АРКА, и много другого весьма интересного. Не вернулась ли Дутко? Не видела ли Б[ориса] К[онстантиновича]? Не было ли чего дальнейшего о “Славе”? Хотелось бы послать Вам новую книгу Тампи и второе (улучшенное) издание брошюры Ренца, но ведь теперь в Америку запрещено посылать. Вот и эскизы для Мясиа все еще под запретом. И журнал Дельфийского Общества, видимо, пропал. Так печально, когда последние безобидные ниточки обрываются. Это еще между союзными странами, а уже Швецию, или Португалию, или Швейцарию и трогать нельзя. Страшно подумать, что случилось в Риге со всеми картинками и книгами! Неужто все это погибло? А в Праге, Белграде, Загребе, Париже, Брюгге?.. Просматривал сейчас некоторые старые письма. Сколько в них предупреждений против Хоршей. Вспоминал, как многие не хотели сотрудничать с группой наших Учреждений, опасаясь Хоршей. М-с Тер, увидав Хорша, прямо сказала, что с этим ужасным человеком она не может иметь ничего общего. Таких мнений можно привести очень много. Да что говорить, Вы сами все это знаете. И Юрий не раз Вам говорил об этом вреде. Вот уж подлинные сатанисты! Кроме всех ограблений и мошенничеств по отношению к нам всем Хорш вредил мировому делу Знамени Мира, порушил русское дело — Музей, кощунствовал над именем преподобного

Сергия — поправил все добро. А все его подкупы судей и адвокатов! Все таинственные телефоны хоршевского преступного “покровителя”. Какая скверная, какая мерзостная драма — глумление над всем миром! События подтверждают, насколько неотложны и своевременны были все наши начинания. Преступная банда все нарушила. И Лига Культуры имела широчайшую программу, а теперь все тормозится, ограничивается, замедляется. Поистине сказано, что один конь может задерживать целый караван. Все преодолеем, бодрости достаточно, но невольно негодуем сердцем, зная такие вандализмы. Помню, как один из сотрудников наших писал: “Скорей, скорей, пусть скорей сделается все, что должно совершиться!”. Русские славные победы гремят. *Подвиг* совершается, “идет война народная, священная война”. Эти дни слышали мы все о наших прежних местах. Вот наша станция Волосово, а теперь она уже город. Леможа, Заполье, Извара — все наши места. Так хочется там, на Руси, помочь всем знанием, всем опытом, всеми накоплениями. Душевный привет Вам, всем друзьям и сотрудникам.

Сердечно,

Н.Перух.

Родные наши,

Приступая ко второму изданию “Сердца”, руководствуйтесь при чтении корректур английским изданием, как ни странно, но в нем меньше опечаток, нежели в русском. Тревожимся, что вот уже три недели как не имеем от Вас весточки. Несомненно, предпоследнее письмо от Зиновки со вложением перевода В.Дутко статьи Н.К. пропало в пути. Весьма вероятно, что и наши письма не все доходят до Вас. Грустим очень, что обмен письмами и книгами становится столь затруднительным. Культурная жизнь замирает, дышит на ладан, но современные люди отлично обходятся без нее и даже, по-видимому, “облегченно вздохнули”, ибо кино сомнительного содержания и разные кабаре с утроенным успехом заменили им культурные требования утончения мышления и расширения сознания. Когда-то наш Толстой, наблюдая аудиторию концертного зала во время исполнения симфонической программы, высказал убеждение, что если бы вместо симфонии Бетховена оркестр неожиданно заиграл бы Камаринскую, то большинство “облегченно вздохнуло бы”. Он оказался пророческим и в этом. Достаточно прослушать ежедневные программы, которыми нас угощают по радио, и, увы, в первую очередь из нашей многострадальной России. Тяжела, ах как тяжела эта продолжающаяся нивелировка не только уже по среднему, но уже по низшему сознанию! Давно было Сказано: “Если трудно вложить малый меч в большие ножны, то насколько труднее вложить большой меч в малые ножны”. Вероятно, потому всюду замечается устремление к укорачиванию голов, слишком возвышающихся над уровнем избранным. Пора проснуться от кошмара самоистребления. Надеемся, что этот год будет отмечен решительными победами над беснующимися. Оплакиваем утрату незаменимых сокровищ, достояния грядущих поколений. Знамя Мира, поднятое за десять лет до истребительной войны, живым укором будет занесено в рекорды Истории. Конечно, по-прежнему знаем о победе Сил Света, об очищении атмосферы нашей планеты, но все же тоскливо думать,

какой ценою, каким разрушением сопровождается такое очищение от негодного элемента. Потому возможность издания прекрасных книг Учения Жизни особенно радует мое сердце. Шлю самую горячую признательность душам, думающим о созидании и продвижении Прекрасного в столь тяжкие дни. Но сердце мое уже находится во власти предчувствия близкого подвига оздоровления духа человеческого. Там, где тяжелее всего, там скоро будут оявлены подвиги, светлые подвиги строительства под знаменем напряженного труда, широкого строительства и сотрудничества народов.

Родные, стройте, не унывайте и думайте больше о трудах, явленных Великими Учителями человечества. Их пример пусть будет перед нашими глазами и в сердце во время служения человечеству. Обнимаю Вас всех, еще немного — и Свет блеснет ярким Лучом.

Сердцем с Вами,

Е.Перух.

18.II.44

Родные наши,

Только что послали Вам телеграмму о пролете двух Ваших писем, а тут-то они и пришли. Теперь мы имеем от 25-го ноября, 13-го декабря и 27-го декабря — три письма, и какие славные письма! Все Ваши сведения об успехах АРКА нас глубоко радуют. Творится большое полезнейшее дело. Вы вписываете в Вашу деятельность прекрасную главу. Понимаем, как должны Вы уставать, но сознание великой пользы приносимой окрылит и удесатерит силы. Посылаю [статью] “Русскому Сердцу”, можете использовать как можно лучше. Скажите Вашим новым друзьям, как мы все хотели бы приложить наши силы и знания там, на месте. Непременно скажите! Непонятно, отчего Б[орис] К[онстантинович] не дал письма Вам и нам через Д[утко]? Напишите ему через Д[утко] и скажите, что мы очень ждем. Радуетесь и успеху “Мира Огненного” — так и должно быть. Предостерегите Д[утко] от Греб[енщикова] — он впал в ярое кощунство и старается заразить добрых людей. Выписки из его писем сохраните — пригодятся! Он кощунствует и вредит Русскому Делу — долой его. Истина развалиться не может. Никакое грабительство не нарушит истину. Радуетесь, что Вы не огорчаетесь отношениями Олбани. Если там “доллар — король”, то Вам не по пути. Можно и без них преуспеть. Вы помните, что то же самое было и при начале Мастер-Института. После двух месяцев переписки было разрешено послать эскизы “Половецких плясок”, что мы немедленно и сделали. Надеюсь, посылка дойдет к Вам благополучно. За эти недели пришла еще одна книга “М[ира] О[гненного]” на этот раз от Зины, пришли брошюры от Музея Нового Искусства, три журнала из Калифорнии и один журнал от Аниты Мюль из Огайо (поблагодарите ее). Как идет продажа книг? Вообще, какие книги у Вас имеются? и сколько? Здесь спрос на “Алтай-Гималаи”. Вообще странно, что издательства не посылали книг в Индию. Здешний книжный рынок очень расширяется. И

опять был спрос на Конлана. Существует ли это издание да и он сам? Прилагаю образец холста. Кто знает, может быть найдется. Он был от Лефранка, не было ли в Нью-Йорке его представителя? Нет ли движения со “Славою”? Сейчас мы все здоровы. Надеемся, что и у Вас ладно. Итак, в добрый час: “Per aspera ad astra”. Всем Вам, нашим дорогим, шлем душевные мысли.

Сердечно,

Н.Перух.

1.III.44

Родные наши,

24-го марта встречаете среди напряженной полезной деятельности. Подошли новые дела, обновились прежние. Трудное военное время не помешало росту работы. Сознание подсказывает, какое славное расширение возможно. Радость, большая радость, когда видишь, что победное преодоление совершается. Волна победы докатилась в урочное время. Жаль, что привет к Памятному Дню невозможно послать друзьям, в рассеянии сущим. Где все они? Как выжили, как преодолели? Во многих странах притаились друзья. Пошлем им мысленно наш сердечный привет. Вспомним о них в день памятный. Недалек уже день вести радости. А наши-то, наши русские Победы! Так и гремят. Там, где весь народ встал за свою землю, — там он непобедим. Особое 24-ое марта свидетельствует о победах народных. Вот если бы все члены АРКА проявили то же сплоченное, деятельное устремление. Из родников и большие реки зачинаются. За это время дошел от Зины третий “Мир Огненный”, получены две Ваши телеграммы, дошел “Великий Облик” в переводе Дутко и Дельфийский журнал с моей статьей “Мусоргский, Станиславский, Дягилев”. Также доплыли два выпуска “Современного Музея” со многими их чудачествами. Получен и портрет Уида (в их журнале). Хорошее лицо — передайте ему наш привет. Ценно, что он живет высокими идеалами. При этом он работает, а не только числится на списках. Вы писали, что ВОКС присылает Вам много материала. Попросите их также посылать ко мне как Поч[етному] председателю АРКА. Прямо сюда — мы имеем полезное применение. Удивительно, почему Б[орис] К[онстантинович] не пишет и даже не воспользовался связью через Д[утко]? Не вернулась ли теперь Д[утко], и нельзя ли от нее узнать подробности их свидания. Очень странно, что Б[орис] К[онстантинович] замолчал и Вам, и нам. Может быть, Д[утко] даст намек, что именно мешает Б[орису] К[онстантиновичу] продолжать переписку, им же начатую. Нет ли новостей о “Славе”? Хоть бы эскизы для Мясиа не задержались в пути! Так хочется, чтобы они дошли вовремя. Очень ценю, что он поддерживает дягилевские традиции и тем способствует русскому делу. АРКА помогает всюду, где может быть культурная польза. Работаем мы усиленно. Послал Вам пароходной почтой несколько страниц

из книги Тампи — авось дойдут! В Калькутте в журнале “Dawn of India” напечатано обращение Уида от АРКА — попробую послать Вам этот номер. Отметьте и это в Ваших отчетах об АРКА. Сердечный привет всем друзьям, дорогим сотрудникам к 24-му марта.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Е.И. шлет Вам самый сердечный привет. Сейчас она немножко простужена. Много работает. У нас снег’а и дожди.

14.III.44

Родные наши,

Пришла новогодняя весточка от Джина — привет им, хорошие они, редкие люди. Пусть бы и к АРКА они поближе были. Между прочим, уже давным-давно мы говорили, что в каждом деле должны быть законные заместители. Не будет ли Джин таким заместителем в картинной корпорации? Кстати, кто заместители у Катрин и Инге? В случае какого-нибудь непредвиденного отъезда такие готовые деятели вдруг могут понадобиться. Ведь грабители всегда ждут случая, чтобы неожиданно напасть. И Зина могла бы быть заместительницей чьей-либо. И война теперь достаточно показала, насколько должна быть предусмотрена каждая неожиданность. Злой враг Гитлер, а Хорш еще злее. Сделайте, как лучше и крепче. Узнайте о судьбе “Славы”. Это важно не только по личным отношениям, но и потому, что “Слава” была передана через АРКА. Должно быть, в ближайших Ваших письмах будет и годовой отчет АРКА. Хорошо, что этот отчет выйдет ладным, ведь он пойдет и в ВОКС, и ко всем Поч[етным] Советникам. Надо, чтобы они не заскучили. Вы будете рады узнать, что с нашей выставки в Хайдарабаде некоторая сумма (входная плата и пр.) была послана через м-с Черчилль в Русский Красный Крест. Давно мне хотелось туда послать, а тут Комитет выставки сделал это очень достойно. Хорошо, что Вы устраиваете в одной из студий выставку материалов из ВОКСа. Когда она сменяется или дополняется, давайте знать в хронику тех газет или журналов, которые симпатизируют русскому сближению. Ведь есть же такие! Из-за медленности почты мы не знаем Ваших текущих дел, уже целая зима прошла. Эти строки дойдут к Вам уже к лету, и много событий за это время свершится. У нас полная весна. Снег около дома сошел. Цветут сливы и абрикосы. Думаем о Вас, так хочется, чтобы у Вас все было ладно и бодро. Душевный привет друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

Сию минуту прилетело Ваше письмо от 10-го января. Вы правы — для АРКА невозможно пускаться в такие дорогие издания. Видимо, “Новоселье” есть тухлое староселье. Такие сотрудники бесполезны. Вы правы о теплых друзьях. Истинный друг огненно встретит всякую клевету. Видимо, боязлив новый сотрудник. Хорошо, что он еще прибежал к Вам, а то еще и промолчал бы другой. Надо думать, что Д[утко] поймет льстеца и отнесется по заслугам. Не знаете ли, как идет Академия Завадского? Любопытно! Непонятно молчание Б[ориса] К[онстантиновича]. Есть же какие-то причины? Но тогда он предупредил бы или нас, или Вас. Попробуйте ему послать открытку по-английски. Нас не называйте, но скажите, что Н[иколай] очень ждет. Потому-то я так жду следствий от “Славы”. Дай Бог Вам новых, огненных сотрудников. Все наши мысли с Вами,

Н.Перух.

24.III.44

Родные наши,

Пришел Ваш пакет с любопытной газетой. “Ограбленное Искусство”, с хорошей программой АРКА и двумя журналами. Вы знаете, что к писаниям “Тибетца” нужно относиться осторожно.

Сейчас долетело Ваше многозначительное письмо от 25-го — 26-го января. Глубоко понимаем Ваше справедливое негодование, когда Вам приходится выслушивать грубые суждения против борьбы за Культуру, и это еще в стенах Культурной Ассоциации. Хорошо также и тухлое староселье! Все это весьма прискорбно. Вероятно, в будущем выяснится, с кем возможно сотрудничество. Только невежды могут говорить, что служение Культуре есть пропаганда. Хотелось бы знать, какая книга не есть пропаганда мысли, в ней выраженной! За Культуру приходится выносить многое. Вы совершенно правы, оставаясь на зорком дозоре. Сами обстоятельства покажут, как воспринять происходящее. Что-то очень темное сквозит за невежественными выпадами против Культуры. Спрашивается, в чем же деятельность АРКА, как не в обоюдном оповещении о Культурной жизни? И в прошлую войну опубликовывались акты вандализма, и это было предупреждением заблудшему человечеству. Но Вам-то, Вам как тяжело одиноко стоять на бессменном дозоре! Впрочем, это одиночество лишь кажущееся. Вы не одиноки. А всякие невежды и клеветники неизбежны. И чем идеал выше, тем больше псов его облаивают. Вот Вы поминали о какой-то теософке-клеветнице. Конечно, клеветников всегда было много, а в теперешнее смутное время они умножились. Давно Крылов сказал: “Коль слушать все людские речи, придется и осла взвалить себе на плечи”. Старая истина! Но в Вашем случае клеветала теософка, и это показательно. Не раз слышалась клевета из Адьяра и из Женевы, и можно лишь удивляться, что, так сказать, философы не умеют уберечься от гнуснейшей человеческой привычки. Клеветник — лгун — невежда! Конечно, от клопов следует оберегаться. Что

делать, и на такую оборону приходится тратить энергию, а то заползут, вонючки. Скоро выходит брошюра Ренца о Пакте. Все время приходится слышать неожиданные упоминания — то из Лондона, то из Испании, то из Ватикана. “Благословение” бомбами заставляет людей вспомнить о добрых желаниях облегчить участь человеческую. Я послал письмом статьи для мисс Леерер через Вас — авось дойдут. Поблагодарите Дутко за ее переводы. Трогательно, как она тянется ко благу. Ободрите, оттеплите ее. Дойдут ли эскизы для Мясиного? Когда? Как? А хотелось бы! Также хочется знать судьбу “Славы” — это так важно. Если в студиях есть место для материалов ВОКСа, то сделайте там постоянную выставку и назначьте определенные два-три часа в день. Пусть к Вам приходят. Об этом сделайте объявление и в Консульстве, и в Посольстве, наверное, там есть доска для объявлений. Бывало, у нас в Обществе Поощрения от 3-х до 6-ти постоянно приходили многие полезные люди. Был как бы живой клуб, и многое хорошее там зарождалось. Конечно, нужно время, чтобы образовалась такая добрая привычка. О такой постоянной выставке и в ВОКС должно сообщить. Ведь это будет живой нерв Культуры. Когда выставка где-то далеко на стороне, никогда не знаете, как она показана и что при этом сказано. А тут, дома, могут быть лучшие объяснения. Да и расположить материалы можно привлекательно. Размещение выставки есть уже ключ к успеху. Самые лучшие вещи можно убить их нелепым расположением. А тут, когда всякие тухлые староселья еще прозябают, каждое сведение о Культуре должно быть заботливо обережено. Человечество сейчас мечется в неслыханном водовороте, и тем более нужно настойчиво напоминать о Культуре. Увы, значение ее совсем изуродовано. Опять вылезли смешения Культуры с цивилизацией, а то и с “древним ужасом”, не раз потрясавшими человечество. Гибнут, гибнут памятники гения человеческого. Близится жестокий “шапочный разбор”. Но сердце человека рвется к героизму, к подвигу. Воинство русское являет неслыханные победы во имя Родины и Светлого будущего. Культура есть молот будущего. Особенно ценны труды во имя Культуры, когда они рождаются не в роскоши, в избытке, но среди нелегкой каждодневной работы, в напряжении творческой психической энергии. Вероятно, у Вас спрашивают, какую русскую историю прочитать. Укажите: “История России” проф[ессора] Вернадского. Все-таки мало знают нашу великую Родину. Хорошо еще, что умножаются уроки русского языка. Пишут, что в России теперь кличка “антикультурный” является оскорбительным ругательством. Русские воины идут в бой с кличем: “За Толстого! За Пушкина!”. Знаменательно! Хочется закончить одним из любимых стихотворений А.Толстого:

*Пусть тот, чья честь не без укора,
Страшится мнения людей;
Пусть ищет шаткой он опоры
В рукоплесканиях друзей!
Но кто в самом себе уверен,
Того хулы не потрясут —
Его глагол нелицемерен,
Ему чужой не нужен суд.
Ни пред какой земною властью*

*Своей он мысли не таит,
Не льстит неправому пристрастью,
Вражде неправой не кадит;
Ни пред венчанными царями,
Ни пред судилищем молвы
Он не торгуется словами,
Не клонит рабски головы.
Друзьям в угодность, боязливо
Он никому не шлет укор;
Когда ж толпа несправедливо
Свой постановит приговор,
Один, не следуя за нею,
Пред тем, что чисто и светло,
Дерзает он, благоговая,
Склонить свободное чело!*

Сердечный привет всем друзьям и добрым сотрудникам. Вперед, вперед и вперед!

Духом с Вами,

Н.Перих.

7.IV.44

Родные наши,

Сейчас прилетело Ваше славное письмо от 1-го февраля. Итак, АРКА гремит по радио — это прекрасно. Вы правы, для юбилея Римского-Корсакова нужно что-то хорошее сделать. Мы всегда были и с ним самим, и со всею семьею в добрых отношениях. С ним и со Стасовым я ездил в Москву к Льву Толстому. Эскизов к его операм было у меня много: “Снегурочка” для Питера, для Парижа, для Чикаго; “Псковитянка” (Париж, у Дягилева); “Царь Салтан” (Лондон); “Сеча при Керженце” (Дягилев). В маленькой монографии (Корона Мунди) Вы имеете несколько эскизов. Конечно, эта книжка имеется у Вас или у Катрин — оттуда Вы можете вырезать. Кое-что было и в монографии Еременко. Хорошо, что с Уидом у Вас — ладно. Пришла Ваша радостная телеграмма — “Сердце” и “Иерархия” сданы в печать. Порадовались и мы — таким путем, вопреки всем препятствиям, добро проникает в новые круги. Не знаем, где посев даст лучший урожай. Иногда плодородие возрастет на совсем нежданном поле. Только закоренелые невежды будут брюзжать против блага, и отпадут они, как сухие листья. Вот не скажут потом, что мы неуместно заботились и о мире, и о сохранении культурных ценностей. В Китае некий идиотичный молодой человек довольно грубо выговаривал мне: “Ваша настойчивость о мире и о Культуре граничит с одержанием. Никто ничего не разрушил, не нарушил, к чему же Вы взываете о каком-то несчастье...” Это было в 1935-м году. Если этот идиотик еще жив, то, вероятно, теперь даже он понял

уместность и неотложность наших повторных зовов и молений. Вот и теперь не умолкайте в защиту культурных ценностей. Не думайте, что людишки уже одумались и научились беречь народное достояние. Того и гляди, что вновь можете услышать о новых разрушениях и расхищениях. Праздновались дни Культуры, и тогда же совершались некультурные поступки. Нечего хвалиться Культурой, когда культурные деятели и голодают, и холодают, и беспризорно страдают. Большинство из тех, кого нынче почитают и величают, в свое время погибали непризнанными. Не сказать ли примеры? Недаром сказано, что имеются общества покровительства животным, но нет заботы о человеке. Самый почетный дозор — есть дозор о Культуре. Будьте действенны на таком дозоре. Помните, что бездейственною обороною ничего не спасете. Одна оборонительная тактика ведет к поражению. Победа — в отважном, обдуманном наступлении на врагов темных, жестоких в невежестве — только так можно оборонить Культуру. Твердите о Культуре. Не бойтесь, если Вас будут укорять в повторениях. В сущности, повторений в природе вообще не существует. Какое же может быть повторение в постоянном движении. В полете жизни все преобразается, все обновляется. В таком обновлении Вы всегда остаетесь молодыми и бодрыми. Надо надеяться, что общества Культурной связи найдут в себе силы поверх всего отбирать и беречь все принадлежащее истинной Культуре, вне преходящих делений и недоумений. Велика сокровищница Культуры, разобраться в ней может лишь тот, кто сумеет возвыситься над пеною жизни вчерашнего дня. Сухие осенние листья не смутят уборщиков сада. Они — мудрые садовники — пришли ради весны, ради расцвета. Ничто так не близко Культуре, как чувство любви, осознание Прекрасного и сердечное стремление к Подвигу. Во “Внутренней Культуре” (Лос-Анджелес) была моя статья “Скрижали Азии” — Вы, должно быть, знаете этот журнал? В журнале друзей Уида было упоминание о египетской музыке, инструментованной Зиной, — помните, это было в Америке? Из Америки журналы приходят и книги, а отсюда почему-то нельзя посылать, и нам вернули посланное. Это жаль, хотелось бы послать вторые издания Тампи (“Гурудев...”), и Бабенчикова, и Голлербаха, а теперь Ренц уже печатает “Пакт”, и выйдет второе издание текста Конлана. Все это Вам бы пригодилось. Весна у нас холодная и дождливая. Снег на горах опустился необычно низко.

Нет ли шевелений о “Славе”? Нет ли новостей от Б[ориса] К[онстантиновича]? Как вышел отчет АРКА? Не отзовется ли о нем ВОКС? Пусть будет у Вас все хорошо. Пусть придут к Вам ладные сотрудники. Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Приятная неожиданность — пришел от Вас целый пакет московских брошюр. Говорю “нежданность”, ибо он был так долго в пути, что мы уже потеряли надежду получить его. Брошюры хороши: “Александр Невский”, “Москва”, “Русские женщины”, “Осуждение вандализма” — наконец-то додумались осудить варварство. Наконец-то подумали о сокровищах народных. Спасибо, большое спасибо за присылку. А тут еще ТАСС прислал “Красную звезду” за несколько месяцев. Значительные статьи Эренбурга, Толстого, Шолохова, Тихонова. Все это так отвечает последним русским победам. Слушаем о них с радостью и гордостью за великий Народ Русский. А вот и еще хорошая присылка! Пришли от Фричи девять книг “М[ира] О[гненного]”. Значит, от Вас сюда книги доходят. Спасибо, большое спасибо. Пришло хорошее письмо Брэйдона. Спасибо ему от меня. Он, конечно, не знает, что нам отсюда сейчас трудно посылать. Он читал Конлана и очень хвалит. Кстати, Вы спрашивали, насколько могут журналы цитировать книги? По прежним законам — чуть ли не треть, лишь бы с указанием откуда. К сожалению, последнее обстоятельство плохо соблюдается. Сколько раз приходилось жалеть, что полезная цитата, хотя и в кавычках, неизвестно откуда взята. Бывало и так: целиком перепечатывались мои очерки без указания автора, а одна книга Е.И. была перепечатана на Дальнем Востоке без имени автора. Всяко бывало! Заботит, дойдут ли вовремя эскизы для Мясины и вообще дойдут ли? Его задание нужно поддержать. Что случилось со “Славою”? Если даже знаем, что она была послана и дошла, это еще не все. Хотелось бы знать, что с ней сделали, — это очень важно. Иногда спрашивают о судьбе некоторых картин моих. Меньше всего я сам о них знаю. Где “Рассказ о Боге”, где “Три радости”, где “Волокут волоком”, где “Знамение” (оно было в Кишиневском музее), где “Ростов Великий”, где... да много таких странников. Вот какая-то нелепость вокруг “Дел человеческих”... Где “Языческое” — оно было в Загребе, в музее. “Святые гости” были в Белграде, а теперь? Словом, если услышите о чем — запишите. Пришла Ваша телеграмма о предположенной операции С[офье] М[ихайловне]. Обычно эта операция не считалась опасной и производилась при местной анестезии. Наш врач здесь перечислял много наблюденных им случаев прекрасного исхода. Вот и у старого Шк[лявера] такая же операция дала отличные следствия. Понимаем Ваше волнение и шлем лучшие мысли. Как подвигается русский язык Дедлея и Уида? Главное — разговорная речь и возможность чтения. Мы видели здесь отличные достижения после нескольких месяцев разговора.

Пусть будет Вам всем хорошо. Пусть приходит к Вам новое и полезное. Преуспевайте во славу великого дела Культуры.

Сердечно,

Н.Перух.

Родные наши,

Долетели добрые письма от Джина и от Катрин — оба от 24-го марта, и были в пути менее месяца. Это совсем хорошо. Вести Джина отличные — можно только радоваться полезным трудам всей семьи. Не только он, но и жена его, и сын преуспевают. Катрин и Инге пишут об издательстве — отчет весьма утешительный. Жаль, что судьба Спенсера не так слагается, как хотелось бы. И Катрин, и Инге обе сердечно и восторженно говорят о Ваших трудах и преуспеяниях. Так ценно слышать отзывы сотрудников. Долетели сейчас вместе два Ваших письма от 13-го февраля и от 6-го марта. Как видите, я отмечаю числа каждого Вашего письма, и из этого Вы знаете, какие именно и когда Ваши письма дошли. С Уидом Вы действуете правильно. Все-таки он уже много помог, не так как другие директора. Может быть, он окажется и еще полезнее в будущем. Сами знаете, как мало людей! Вы правы и с устройством лекций — они дорого стоят и хлопотны. Уже писал Вам, предлагая сделать постоянную выставку в помещении АРКА, где иногда Вы можете беседовать с группами. Будет и сердечно, и внимательно. Впрочем, Вы уже так и поступаете, и, как видно, с успехом. Учащиеся и учительницы — прекрасная аудитория, и так могут слагаться новые, добрые отношения. Лекция бывает холодна и скучна, а групповая беседа вносит интимность, душевность. А ведь в Нью-Йорке столько школ! Сколько полезных сведений о Руси можете заронить в сердцах молодежи! Это уже не политика, а человечность и культура. Хорошо, что имеете глаз за грабителями, — нужно быть в курсе их мрачных ползаний. Они являют такой поразительный пример вандализма, и можно только удивляться, что общественное мнение так легко примиряется с вандалами. Даже и Брэгдон, хотя и протестует, но шепотом — в подушку. Будем ждать Ваш отчет АРКА. Конечно, Вы пошлете его в ВОКС и предложите им опубликовать его в местной прессе. Странно, почему они не отвечают Вам о “Славе”? Еще раз запросите — ведь они же получили манускрипт? Может быть, Леерер может поместить отчет АРКА где-либо в прессе? Пусть больше знают о преуспеянии доброго дела. Как жаль, что у Вас опять боли — это так нервирует, хоть бы электричество помогло. Теперь Е.И. вполне оправилась, но у Светика бронхит и тянется уже долго — печально. Ценим Ваш добрый отзыв о Дутко — она хорошая. Ее перевод “Великого Облика” уже появился в “Twentieth Century”. Привет ей. Любопытно, как существует Завадский — тоже не оправдал надежд. Любопытно, что письма Джина и Катрин от 24-го марта дошли 22-го апреля, а Ваше от 13-го февраля дошло лишь 2-го мая — где-то залежалось. Итак, действуйте “с оружием Света и в правой, и в левой руке”.

Друзьям — душевный привет.

Сердечно,

Н.Перух.

Родные наши,

Получили на днях письмо от Джина и Катрин от 24-го марта, а письмо Зиночки от 13-го февраля пришло лишь вчера — вероятно, из-за русского

языка так долго лежало в цензуре. Зиночка могла бы иногда для ускорения получения писать нам по-англ[ийски]. Вижу, как огорчается Зиночка, что деятельность АРКА не может развиваться в столь широких размерах, как деятельность других организаций, обладающих миллионами. Но кто же из нас может стремиться к такой дешевой массовой пропаганде! Нам дорого забросить здоровые семена в сознания молодых, детей и учащихся, но кому нужны сборища зевак и снобов, бегающих от одной новинки к другой. Я никогда не верила в продуктивность лекционных курсов. Душевные беседы с небольшими группами людей много полезнее. Прекрасны и выставки; наглядные примеры убедительнее целой лекции. Именно дорого воспитание молодежи. Им доступнее устремление к утончению и к познанию, и красоте общения Надземных. Разве не радостно заронить зерно духовного устремления? Итак, избегайте зевак, этих теней проходящих. Уберегитесь от такого обременительного балласта. Хотела бы сказать: избирайте в члены и сотрудники лишь трудящихся и горящих энтузиазмом, но, увы, — это было бы обречением Вас на полное **одиночество**. Понимаю, что некоторые имена нужны как реклама и символы, хотя они могут уявиться даже обузой. Итак, родные, действуйте жизненно практически, иначе говоря, целесообразно. Отвечая на письмо Катрин относительно Agni Yoga Press, могу посоветовать избрать название самое простое: или указанное Agni Yoga Society, или Association. Считаю, что, по справедливости, президентом должен быть тот, кто больше всего потрудился над выходом новых книг. Остальные должности должны быть распределены как можно практичнее между теми, кто может уделить наибольшее время, дабы дело не тормозилось. Вице-президентов может быть и двое, и трое — как лучше. Сообразуйтесь с обстоятельствами. Важна деятельность, но не форма ее организации. Что можно облегчить, пусть будет облегчено. От души смеялась, но и сочувствовала Зиночке, читая об оказанной ей помощи милейшим пожарным. Именно большинство людей не имеют представления о *величайшей ценности времени*. Во многих местах следовало бы вывесить на самом видном месте изречение Петра Великого: “Потеря времени — смерти подобна”. Да, человечество утратило наибольшую ценность своего “человеческого” существования, именно **дисциплину**, что уявилось следствием утраты уважения к **авторитету**. Много пагубных следствий породила утрата уважения к **авторитету**; одно из наиболее вредных — это отсутствие **соизмеримости**, оно приносит духовное вырождение и разложение сознания.

Радовалась, что Зиночка нашла правильное отношение с обидевшим ее лицом. Нужно стараться понять состояние сознания и настроения собеседника. Часто они говорят по настроению, навеянному посторонними причинами или вражескими советниками, всегда лучше не возражать, но выждать некоторое время, и тот же человек придет к Вам в совершенно ином настроении и даже не будет помнить или, вернее, не поймет нанесенную им обиду. Чем дольше живешь на свете, тем больше видишь, как уявление обиды приносит непоправимый вред. Люди, как малые дети, сотворят зло и сами не понимают того, что сотворили, да и не помнят его. Более мудрым приходится считаться с такими привычками, потому так нужна приветливая сдержанность со многими. Ученикам оккультных наук приходится проходить ступень, на которой они должны научиться не обижаться. Ступень эта очень

трудна, ибо ученики, пришедшие к этой ступени, должны уже улавляться особо чувствительными к несправедливости, а тут приходится выявлять полное спокойствие и не таить неприязни к лицу обидевшему. Но и это преодолеть можно, если перед Вами ярко горит цель, к которой Вы стремитесь.

Относительно некоторых ошибок в “Иерархии”. В русской копии в параграфе 366-ом на стран[ице] 167-ой вместо “органическое и неорганическое” стоит “ограниченное и неограниченное”, конечно, в англ[ийской] копии перевод, соответственно, неправилен. Но в параграфе 264-ом в англ[ийской] коп[ии] правильно стоит буква “А”, ибо в переводе на англ[ийский] вещество это будет иметь заглавную букву “А”, а не “С”, как в русском. Также правильно в русской копии “*физическое соотношение вибраций*”, ошибка в англ[ийском] переводе. “Умный Мир” соответствует ментальному, и в теософ[ских] книгах часто ментальный мир называется умным, так же как у нас говорится — “умное делание”, “умная молитва” и так далее. Получила еще копии “Мира Огн[енного]”, большое спасибо, но больше мне не нужно. Но зато очень хотела бы получить хотя бы еще четыре копии “Аум”. Ваши посылки доходят, но у нас дело с посылками очень затруднено. В некоторых местах психология здесь времен Махабхараты. Именно время здесь не существует. Обнимаю Вас, родные, сердечный привет [Софье Михайловне].

Сердцем с Вами,

Е.Перих.

Телеграмму Вашу к 13-му февраля — не получили. Радовались успеху сына Джина, желаем ему походить на его отца и Дедлея. Что Спенсер? Зиночке электр[ический] массаж хорош, но, может быть, нужно найти еще более подходящие вибрации? Светик поправляется от бронхита.

18.V.44

Родные наши,

Радостно получить письма Зины и Дедлея от 24 марта. К радостному памяtnому дню Вы собрали и ряд добрых сведений. Так сердечны оба письма, так душевны слова Дедлея о Свете. Именно к Великому Свету пусть возносится дух. Трудная жизнь человеческая озарится радостью Высшей Красоты. Вперед — к Свету! Все, что Вы сообщаете об АРКА, отлично. Пусть движутся выставки АРКА и по музеям, и школам, и всяким общественным учреждениям — всюду откроются новые хорошие сердца. Спасибо Уиду за пожертвование 2000 долл[аров]. Безразлично, сделаете ли A[gni Yoga] Press как Общество или как Ассоциацию, — Вам на месте виднее, как лучше, как полезнее. Радуюсь, что картины Святослава хорошо разместились — сколько их и какие именно? Альбуэрно я писал, и мое письмо мне вернули обратно. Непонятно, почему Вам можно с Юж[ной] Америкой

переписываться, а нам нельзя? Передайте Альбуэрно мой привет. Удивляемся письму Эми — ведь Вы ей послали отчет АРКА. Вот Вам и дружба народов! Когда же дойдут эскизы для Мясина? Когда же нечто проведется о “Славе”? Почему по этому пункту ВОКС молчит, а работа АРКА ему, видимо, нравится. Когда возвращается Дутко? Не слыхала ли она чего нового? Вы правы, что летние месяцы в Нью-Йорке для нее были бы тягостны. Но трогательно ее стремление быть поближе к общей деятельности. Не дает ли она уроки русского языка? Читая письмо Дедлея, думалось, а ведь, пожалуй, скоро он по-русски напишет. Как идет русский у Уида? Хорошо, что он отбыл свой срок и теперь может быть ближе к Вам, к АРКА. Вы писали об остолопах, глумящихся над понятием Культуры. Если все зверства, сейчас происходящие, не образумили их, то это лишь свидетельствует, на каком низком уровне может застрять сознание человеческое. К сожалению, Ваше прискорбное наблюдение нам не ново. Недаром мы били в набат. Не без причины ссылались на признаки одичания. Не случайно печаловались о падении человеческом. Сколько очерков прошло в печати о различии цивилизации от Культуры! Сколько раз восклицали, что цивилизованный дикарь есть самое отвратительное зрелище. Невежество цивилизации есть стыдное безобразие. Да, цивилизации нечего гордиться, когда в мире проживают многие миллионы неграмотных четвероногих. Вандализм вещественный еще ничто перед рабством мысли, скованной невежеством. Знаем, как трудно Вам пробиваться сквозь лед невежества. Отрицание, самое гнусное отрицание царит на всех концах Земли. Но тем священнее труд тех, кто защищает Культуру, кто несет высоко свободное знание. Осознание такого почетного труда удесят�ряет силы, превращает каждодневную работу в победоносный подвиг. Герой должен быть культурным деятелем. Герой после битвы будет истинным просветителем молодых поколений. Сознательный герой растет в грозе Армагеддона. Герои — в сражении, герои — целители и просветители. Пусть все герои — подвижники соберутся в дружину непобедимую и радостную. Высшая радость познания превратит и горе в светлое достижение. Да будет! Вот отовсюду слышится стон от жестокости. Точно в мрачайшие века инквизиции люди-звери измываются над своими собратьями. Вспыхнула жестокость, излечить от этой свирепой эпидемии может лишь Культура, глубоко осознанная. Да будет! Не было ли у Вас сообщений с Рокуэлл[ом] Кент[ом] — у меня к нему доброе чувство. Кто такой Сикорский, поминаемый Вами? Пошлю Вам пароходным письмом несколько очерков — может быть, пошлете в Дельфийский журнал, а “Любителей искусства” не передаст ли Брэгдон в “Tomorrow” или куда-нибудь? Всякие такие меры Вам виднее на месте. Душевный привет всем добрым друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

Очень огорчила нас телеграмма Дедлея о болезни Зины. Казалось бы, теперь в Америке столько электрических приспособлений и лучей против неврита, а на деле все эти врачи не очень-то действуют — ведь это так болезненно. Инкорпорация A[gni] Press как Общество полезна — чем проще,

тем и лучше. Зина — президент. В числе директоров Уид. С ним Вас пятеро — Зина, Дедлей, Катрин, Инге. Как по местным законам проще, так и сделайте.

Сейчас Дутко прислала две свои статьи — очень хорошие — привет ей. Не знаете ли, где Осип Дымов — он работал в “Новом Русском Слове” или в “Русском Вестнике”. Приходят ли они в АРКА?

I.VI.44

Долетели Ваши письма от 14-го апреля и письмо Джина из Атланты от 24-го апреля. Ужас, сколько больных — Зина, и С[офья] М[ихайловна], и жена Джина. Как теперь Ваши болящие? Надеемся, что все ладно. А у нас домашний лазарет продолжается. Не успел Святослав немного оправиться — то же самое началось у Е.И. Какая-то особая форма — среднее между трахеитом, бронхитом и коклюшем. Эта новая комбинация проявляется повсюду — как бы эпидемия армагеддонная. Конечно, уродливые, жестокие обстоятельства должны поражать и слизистые оболочки. Нельзя пять лет перегружать пространство взрывами без последствий. Очень томительно такое длительное воспаление, особенно по ночам. Теперь Е.И. лучше, но все еще далеко не ладно. Замечательно, что эта новая форма повсеместна. Длится от одного до трех месяцев.

Спрашиваете, как быть с инкорпорированием? Мы уже писали, что оно желательно и, чем проще — тем лучше. Главное — польза дела! Перевод “М[ира] О[гненного]” хорош, и само издание хорошо. Все, что пишете о деятельности АРКА, отрадно. Полезные люди будут приближаться. Также получен отчет АРКА и “Surway” с интересными фото. Конечно, в следующем отчете Вы упомянете об этом номере “Survey”. Отчет АРКА очень хорош и внешне, и внутренне. Любопытно, что скажет ВОКС, получив этот отчет? К сожалению, все такие обороты возьмут много месяцев. Для будущего отчета заведите папку и накапливайте в ней все новости, и большие, и малые — потом легче составлять. Мало ли полезных запросов, телефонов, писем происходит — упоминание о них дает ширину картины. Не отозвались ли почетные советники на отчет? В какие газеты и журналы пошлете? Все это значительно и своевременно. В “Красной звезде” сообщается, что тенишевский музей в Смоленске разграблен. Там был мой эскиз “Царицы Небесной” — значит, и еще один покойник. Вероятно, и стенопись в храме тоже погибла. ТАСС прислал недавно вышедшую монографию умершего Рылова. В ней упоминается об уничтожении моих фресок Масловым*. Жаль, что Рылов не знал всей моей заграничной работы и даже не знал, что мы были в Москве в 1926-м году. Странно, до какой степени разъединены народы сейчас, вопреки всем путям сообщения. Видимо, Рылов не видался с Б[орисом] К[онстантиновичем], ибо ни о нем, ни о Степе не поминает, а ведь жили они в одном городе и долго вместе работали в Обществе Поощрения.

Если собрать все, что писали обо мне Рылов, Грабарь, Бенуа, Маковский, Бабенчиков, Голлербах, Иванов, кн[нягиня] Тенишева, Дымов,

Койранский, Бурлюк, Рудзитис, Л.Андреев, Кузьмин и другие за последнюю четверть века, какие противоречия окажутся. Где же тут разобраться постороннему читателю? А если еще добавить иностранных писателей, то получится немалая энигма*. Вы писали, что вследствие спешного течения дел АРКА наша Академия оказалась в тихом русле. Вполне понятно! Сейчас АРКА должна спешить со своими утверждениями. Академии временно трудно, ибо много молодежи отвлечено войною да и Вам не разорваться же на все дела. Ведь и помощников мало! Впрочем, в теперешнее переходное время — везде трудно. Конечно, такое утешение не очень-то утешительно, но, впрочем, “нагружайте меня, когда иду в сад прекрасный” — давно Сказано. В следующем [письме] подчеркните Ваши непосредственные сношения с ВОКСом, их оценку и пересылку им “Славы”. Среди книг, имеющихся у Вас, должен быть “Адамант”, и Селиванова, и маленькая монография Корона Мунди. Пожалуйста, пришлите ее шесть экземпляров. Не остаются ли какие книги на складе у Катрин или в Либерти? Здесь есть спрос на Конлана — теперь скоро его текст появится в Аллахабаде, но люди хотят рижскую большую монографию. ТАСС прислал два номера московского журнала “Славяне” — вероятно, и Вы его видели. Во втором номере (февраль) есть статья Юрия Окова (кто такой?) “Среди русских в Америке” — прочтите, следует знать. Об АРКА то же самое, что и Вы в письме приводили. Не увеличить ли при случае число почетных советников? Радуюсь, что Ваши музейные изыскания успешны. Значит, “Ведущая”, по завещанию Пальмер, теперь в музее Коннектикута? Две картины “Человечьи праотцы” и “Берендеева слобода” после Бринтона — в Филадельфийском музее. Постепенно и еще найдется. Не было ли в Гарварде? Ценные сведения о Русском Искусстве накопятся. Прилетит это письмо к Вам уже в середине лета. Да будет Вам всем хорошо. Чую, как трудно бывает. Из всех житейских решений избирайте самое простое — уж очень сложна сейчас жизнь. Привет всем Вам, всем друзьям. Милые Джины, знаем, как трудитесь Вы на общую пользу, сколько добрых слов сеете Вы о единении, о справедливости, об истинном преуспевании. И взойдут Ваши честные посевы, и загорятся новые молодые сердца. Милые Катрин и Инге, Вы неустанно трудитесь на пользу единения великих народов. Радуюсь слышать от Зины, как Вы поддерживаете АРКА; и Зина, и Дедлей так ценят совещания с Вами. Великий двигатель — единение и доверие. Истинное добро возрастет из Ваших общих достойных трудов. Милые Муромцевы, и Вы близки общему славному делу — дорого нам узнавать о Ваших сердечных беседах. Подходите ближе и крепче. Сейте добро во славу Народа Русского. Светло смотрите в будущее и чуйте Вы все наши сердечные мысли о Вас всех. Так и скажите душевно друг другу о единении, о взаимном доверии, о нерушимом сотрудничестве. И любите друг друга, помогите обоюдно всем, чем можете, а ведь сердце человеческое может многим чем помочь.

Сердечный привет,

Н.Перух.

Родные наши,

Как Ваши болящие? У нас лазарет все еще не кончился. Светик почти поправился, но Е.И. все еще не может оправиться от кашля — особенно по ночам и утром. За эти дни болела и Рая. Был сильный гастроэнтерит. Но теперь она оправляется. Многое необычно. Вот и погода особенная. Ночью бывает всего 10 [градусов] Цельсия, и после полудня — ливни, вихрь, гроза, град. Для июня все это необычно. На днях выйдет второе издание Конлана. Попрошу друзей, не смогут ли они переслать Вам несколько экземпляров. Только подумать, что это письмо дойдет к Вам к концу июля. Значит, Вы мыслите уже о будущем сезоне. Какие события происходят! И какие еще произойдут, пока долетит письмо. И подвиги, и ужасы, и горе — только счастье еще не брезжит. За пять лет ужасов что сделается с сознанием человеческим? Кроме самой войны — разорение, разруха, эпидемии, одичание... И чем же залечивать все эти несносные раны? Только развитием Культуры. Война подтвердила многие старые истины. Между прочим, события еще напомнили, что одни защитные действия, без наступательных, ведут к поражению. Как бы ни были укреплены защитные силы, они все-таки будут сломлены, если не смогут перейти в наступление. Суворов знал ценность наступления. Так и во всем, во всей жизненной борьбе. Во имя блага будьте воителями. Не сидите взаперти за стенами крепости, но выходите бодро в чисто поле. Пусть каждая разрушительная злоба получит удар заслуженный. Спасибо Валентине за ее статью “Общее благо”. Пусть она сеет такие добрые зовы. Ведь кто-то и где-то усвоит ее призывы. Наверно, она никогда не узнает, кому помогли ее писания, — это общая участь. Но тоже знаем, что где-то добрый посев даст всход и урожай. Вот если бы побольше таких сотрудников, и каждый на своей ниве утвердил бы добро. Нельзя ли от Д[утко] узнать побольше о ее свидании с Б[орисом] К[онстантиновичем]? Ведь нужно же как-то раскрыть сию тайну. Не мог же Б[орис] К[онстантинович] провалиться беспричинно! Юрий получил письмо Зины. Так хочется, чтобы его посылка дошла и получились бы следствия. А то точно в пропасть все проваливается. Приложение — “Славяне” перешлите председателю Всеславянского Комитета. Лучше пошлите сами непосредственно и для ответа дайте адрес АРКА, скажите, что шлете по моему желанию, и попросите подтвердить получение. Прилагаю адрес редакции журнала “Славяне”: улица Кропоткина, 10. Вот Рим оказался примером, как Культура, Религия, Искусство являются подлинными охранителями. Среди ярых битв Рим невредим, ибо обе стороны не хотели его повреждать. Значит, все дело прежде всего в добром желании. Знамя — Охранитель Культурных Сокровищ — незримо веяло над Римом. Даже жестокость и дикость преклонились перед высокими достижениями. Помните, некоторые невежды нам говорили, что во время военных действий ничто не спасет памятники гения человеческого. Но вот достаточно было захотеть — и Рим невредим. Так и запишем о примере победы Культуры. Вообще, все события лишь подтверждают, насколько наши предложения были своевременны и выполнимы. Итак, опять — вперед и вперед! Передайте мой

привет Норману Бел-Геддесу. Каков он теперь? О нем я сохранил добрую память. Другьям, сотрудникам — душевный привет.

Сердечно,

Н.Перух.

Председатель Всеславянского Комитета генерал-лейтенант Александр Гундоров, улица Кропоткина, д. № 10, Москва.

1.VII.44

Родные наши,

Ваша весточка к Юрию была от 24-го апреля, с тех пор писем не было. Конечно, и Зина была больна, и операция С[офьи] М[ихайловны]. А, может быть, и письмо пропало! Вот эскизы к “Половецкому стану”, по-видимому, еще не дошли. Все теперь необычно. Погода совсем особенная. После полудня вихрь, снег на горах, в комнатах 69° [по Фаренгейту], а сейчас пришла жара. Повсюду все особенное. Немцы и японцы всюду побиваемы. Нормандия, Италия, Белоруссия, Карелия, Бирма, Тихий океан! Прямо поразительно, как сбываются ожидания.

Я все-таки еще раз написал Б[орису] К[онстантиновичу]. Может быть, дойдет?! Может быть, и Вы что-нибудь узнаете. Ведь Б[орис] К[онстантинович] сам начал переписку, и что же такое могло случиться с тех пор? Вот Юрий получил письмо от русского ученого из Лондона. Из письма видно, что тот пишет туда же, где Б[орис] К[онстантинович], и получает оттуда ответы. Премудрый Эдип, разреши сию загадку! Как-то Вы спрашивали о здешних журналах, где я работал. Прилагаю список пятидесяти двух журналов и газет в Индии — в них писал я за эти годы. В некоторых — иногда, а в других ежемесячно, долгое время. Сеялись зерна культуры, дружбы, взаимопонимания, сотрудничества. И никогда не знаешь, где окажется лучший урожай. Обычно неожиданно поднимаются эти посевы. Все это Вы не раз испытывали. Значит, и в грозу, и в ливень спешите в трудовой путь, если знаете добрую цель.

Наблюдайте не только за рабителями, но и за их покровителем. Читаем о нем и улыбаемся — какие негодные средства! Я дал Ваш адрес некоему Тернеру в С[ент]-Луи[се], не пригодится ли? Пришлите парочку маленьких монографий Корона Мунди, хотя, видимо, многое теряется, но, может быть, дойдет. А теряется не только заграничное, но и здешнее. Вал[ентина] Леонид[овна] прислала свою и мальчика фотографию — спасибо скажите от нас, когда будете писать. Интересно справиться в библиотеке Конгресса Нью-Йорка и других, какие русские журналы у них хранятся. Такие журналы, как “Мир искусства”, “Аполлон”, “Весы”, “Золотое руно”, “Искусство и художественная промышленность”, “Художественные сокровища России”, “Искусство” (Москва), “Старые годы”, и другие отображают целую эпоху истории искусства. Если русские отделы в музеях и в библиотеках должны

развиваться, то прежде всего все касаемое до творчества Руси должно быть собираемо. Может быть, полезно от АРКА послать в библиотеки вопросный лист с перечислением названных журналов. Вся жизнь должна быть заботливо охранена деятельностью АРКА. Сейчас, когда столько разрушено и разграблено врагами, требуется особая бережность ко всему, что еще возможно собрать на пользу будущих поколений. Так и занесите это мое заявление в анналы АРКА. Вот уж и половина лета. Опять неустанно гремят русские победы. Неутомимость русская потрясающа. Поистине, будущий век будет русским веком. И все, кто приложится к этому веку, да будут благословенны.

Для Ваших сведений будет интересно, что в Туммапади Санджива Дев 14-го и 15-го июня прочел две лекции “Р[ерих] — победитель тьмы и инерции” и “Р[ерих] — преобразователь Хаоса в Космос” (по-тамильски) в местном Обществе Друзей Советского Союза. Мысли наши с Вами, милые дозорные. Пусть с Ваших вышек хорошее досмотрится. Привет, сердечный привет всем сотрудникам-друзьям.

Духом с Вами,

Н.Рерих.

15.VII.44

Родные наши.

Пришли письма Зины от 18-го мая и 28-го мая. Душою болели мы, читая о болезни Зины и С[офьи] М[ихайловны]. Как это все прискорбно. Обеспокоило нас и письмо Катрин от 1-го июня. Пишет, что Зина выглядит очень утомленной, а С[офья] М[ихайловна] очень болезненной. Все это печально. Спасибо доброй Леерер за ее сердечное письмо. Вот таких бы сотрудников, а то всякие староселы — только чучела. Не удивило нас известие о Лансере, Грабаре, Юоне — говорят, что зависть родилась раньше человеческого рода. Как раз об этих трех я очень хорошо писал, а в свое время и добро им делал! Пришлите их писанину. Какая чепуха с мясинскими эскизами!! Вы правы, указав, что консула здесь нет и, пока мы обернемся с ним, пройдут месяцы. Поэтому спешу теперь же послать invoice и свидетельство оригинальности, подписанное здешним магистратом. Пока, может быть, и оно поможет. Пишу кратко, чтобы письмо скорее до Вас дошло. Спасибо Муромцеву за холст и краски — конечно, краски в порошке. Сколько они стоят, почем холст? Сообщим дальнейшее, как только получим эту посылку.

Из США пришло приглашение биософов подписаться на их журнал, и кого же видим во главе их списка? — хоршевского покровителя. Надо их опасаться! В аллахабадском клубе Рабиндранат Деб читал и напечатал лекцию обо мне — вот еще новый друг. Кто он? Еще не знаю. Такие самородки бывают очень интересны. Вот бы и к Вам такие же помощники. Между прочим, когда я писал Вам о заместителях, имелась в виду Картинная

корпорация, а не издательство. По-видимому, Катрин думает, что имелось в виду издательство, но я писал именно о Картинной корпорации, чтобы еще крепче оградиться от зловредного трио. Так и сделайте, не откладывая. В свое время и Сутро, и Стокс очень вовремя подумали о заместителях в shares. Относительно выборов — размещайтесь, как удобнее. Мы уверены, что Вы сделаете как лучше по местным условиям. Нам писали из Карачи, что было московское радио, астрономы установили, что жители Марса усиленно ищут сношений с другими планетами. Не слыхали ли Вы чего о такой “сенсации”? А победы гремят, и скоро та “Слава” окажется устаревшей. Потребуется писать о новой, великой Славе. Вы хорошо делаете, продолжая сношения с ВОКСом. Если и происходят, как Вы пишете, временами перебои и неразбериха, то ведь время-то какое! Вся планета — в перебоях! Токи тяжкие, потому всячески берегите здоровье, не переутомляйтесь. А Вы скажете, а как же быть-то? Откуда людей взять? Да, насчет людей всюду плохо. Тяжка ноша мира сего. Да будет же Вам хорошо. Да будет Вам и всем друзьям получше, полегче.

Н.Перух

1.VIII.44

Родные наши,

Прилетело письмо Ваше с письмом И.Гр[абаря]. Все это весьма показательно и, вероятно, беседа с Базыкиным даст новые горизонты. Спешат события, и дозор особенно нужен. По письму Вашему видим, что Вы все это учитываете. Хорошо, что староселье отчалило. Никакой пользы оно не приносило. Только прочли, что хоршевский покровитель не будет избран. Это тоже показательно — так и должно было случиться. Особенно нужно теперь наблюсти, чтобы при уходе не произошло вредительства. Во всяком случае, вещи задвигались. Хорошо, что Вы делаете постоянную выставку в помещении АРКА. Это еще больше централизует деятельность и дает Вам возможность новых бесед и сближений. Так и объясните, что это делается во благо. Конечно, при случае могут быть и выставки вроде устраиваемых нашей доброй Леерер, если они не вызывают особых трат и хлопот! Святослав пишет о своей выставке. Воображаем, сколько Вы имеете значительных местных сведений. Наблюдайте — все это показательно. Русские победы прямо поразительны! Каждый день занимают сотни мест — какая неистощимая энергия! Не было ли вестей от ВОКСа? Странно, что из посещения Д[утко] ничего не вышло. Странно, что Б[орис] К[онстантинович] не воспользовался такой оказией. Послали мы телеграмму к столетию со дня рождения Репина — авось дойдет. События спешат. С прошлым письмом мы послали Вам invoice и сертификат об оригинальности эскизов “Половецкого стана”, засвидетельствованные местным магистратом. Теперь мы достали консульские бланки, заполнили их и послали в Бомбей через одного приятеля, там живущего. Просили, если консул подпишет,

переслать воздушной почтой Вам. Посмотрим, как выйдет — бывает много рутины. Вообще, эти злосчастные эскизы! И здесь, и у Вас только хлопоты причиняют, будем надеяться, что в конце польза получится.

Глубоко понимаем, как Вам трудно на безлюдье. И даже те, кто мог бы сотрудничать, — где-то за городом. Но события спешат, а с ними и многое поспешит. Хоть бы болезни Вас не тревожили!

Приветы всем добрым друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

15.VIII.44

Родные наши,

Писем Ваших за это время не было. Вообще уже более недели у нас не было ни почты, ни телеграмм. Прямо водное бедствие — на дороге неслыханные обвалы, снесено тридцать два моста, а далее — три железнодорожных. Убиты люди и животные. Говорят, что даже временные исправления потребуют не менее месяца. Дошло ли мое письмо в Карачи для консула? Не могут Вас притеснять со сроками, когда происходят такие бедствия. Что поделаешь, когда почта скончалась. А ведь городские жители и не представляют себе таких негаданных бедствий. За наше время здесь ничего подобного не случалось. От Рокфеллеровского музея прислали просьбу о пожертвовании. Если уж Рокфеллер просит о пособии — такое особенно забавно. С эскизами волокита продолжается. Бомбейский консул отказал, теперь мы послали в Карачи — вот тоже напасть! Бомбейский консул нашел причину своего отказа в том, что Наггар принадлежит к Карачи. Консул неправ, ибо мы всегда посылали картины через Бомбей. Посмотрим, что выдумают в Карачи. Любопытно, что понудило староселье именно теперь отчалить? Факт хороший, но почему посреди лета? Нет ли в этом чего-то показательного? Не знаем, дошли ли наши телеграммы в Москву к репинскому столетию и к Грабарю. Назад не вернулись. Впрочем, теперь многое, даже заказное, назад не возвращается, но и ответа нет. Не знаешь, где и что пропало?! Если Мясин захочет фотографировать эскизы — разрешите, но тогда нужно стекло снять. Не раз слышали: “Отчего не снимите хороших фото с картин”? Сами знаем, насколько картина искажается скверными снимками, лучше и вовсе не снимать. Но ведь в наших горах нет ничего, да и в городах здешних фотографии неудачны. Постоянно слышим — нет ли фото с последних картин, а где их взять?

Воображаю, сколько у Вас сведений о хоршевском покровителе, ведь и Джин может о нем слышать да и сказать. Теперь столько поворотных рычагов задвигалось — только усмотреть. В Археологическом Институте были две моих картины — “Три меча” и “Менгиры”. Так как там, наверно, публика археологическая, то попросите их к себе на выставку, а там, может быть, у Вас и останутся. Мои листы “Подвиг”, “Крылья Победы”, “Сибирь” идут в

южноиндийской газете — так расходятся добрые слова о русском народе и творят новых друзей. Непонятно, почему Вы не получаете сведений о “Славе”? Если, по нынешним обстоятельствам, ее не могут печатать — то нужно известить. Может быть, мы могли бы издать ее в другом месте! “Слава” для доброго дела предназначена.

Придет к Вам эта весточка уже на шестом году войны. Подумать только, что пойдет шестой год человеческого братоубийства! Но пусть это будет последним годом. Пусть Вам будет получше среди всех трудов и треволнений. Да будет Вам хорошо! Да будет миру хорошо!

Духом с Вами,

Н.Перих.

Сейчас получили Вашу телеграмму об invoice’ах. Действуем, ждем ответ из Карачи.

Сию минуту дошло Ваше письмо от 29-го июня (первое после перерыва). Грустим о болезни С[офьи] М[ихайловны] и жены Джина. С сердцем шулки плохи, может быть, организм переработает бациллы. Вы правы о Мясине и Купере. Имена хорошие, но убеждений их *совершенно* не знаю.

О “Весне священной” подожду письма Мясина. Леерер, видимо, очень полезна. Базыкин, может быть, просто не приезжал в Нью-Йорк. Вот бы представитель Вильденштейна устроил выставку Святослава у Вильденштейна. О Мусоргском, кроме моей статьи у нас, не найдется сведений. Привет Дутко. Жаль, что теперь все пересылки так трудны. Думается, что декорации и костюмы “Весны [священной]” не были пересланы в Мастер-Институт. Вы об этом в свое время слышали бы. Воображаю, как Вы и Дедлей утомлены! Чуем это, и шлем Вам, нашим милым, наши сердечные мысли,

Н.Перих.

1.IX.44

Родные наши,

От Вас не было вестей, впрочем, последнее письмо было от 28-го июня — значит, и следующего еще не могло быть. Дни полны событиями. Развязка войны приблизилась. Значит, и новое будущее приблизилось. И в самые трудные дни будем твердо мыслить о светлом будущем. Мы всегда о нем знали. По-видимому, консул в Карачи даст invoice, и пакет будет Вам послан воздухом прямо из Карачи. Заказным пакетом я выслал Вам пять листов (декорации и костюмы) к “Весне священной” для Мясина. Прилагаю здесь копию моей декларации — может быть, она Вам потребуется. Вы писали, что менее ста долларов не нуждается в консульском invoice — значит, здесь invoice’а не нужно. На почте пакет приняли без возражений; будем надеяться

— назад не вернется. Когда будете передавать Мясину “Весну [священную]”, напомните ему, что идея этого балета была моя и потому я получал в Париже гонорар не только как художник, но и как либреттист. Последний такой гонорар получил в Париже по моей доверенности Святослав. Как Вы знаете, “Весна [Священная]” посвящена мне — так значилось и на нотах. Все это любопытно, ибо впоследствии Стравинский где-то писал, что всю идею этого балета он задолго видел во сне. Вдова Нижинского где-то уверяла, что Нижинский видел ранее во сне этот балет. Итак, получилось какое-то таинственное царство “снов”. Вот как бывает! В моем записном листе “Зарождение легенд” я вспоминал эти житейские курьезы. Но не мешает напомнить истину Мясину — может быть он под каким-то ложным впечатлением. Само собой разумеется, что я тревожу старые воспоминания лишь ради истины, а вовсе не для гонорара либреттиста. Вероятно, Мясину для Мексики потребуются правильные биографические сведения, пожалуйста, дайте ему. Из Аллахабада сообщают, что они готовы немедленно издать “Himavat”, если только удастся достать разрешение на бумагу. В отчете АРКА можете помянуть, что в прессе Индии прошли мои следующие статьи, посвященные русскому народу: “Подвиг”, “Киев”, “Новгород Великий”, “Горький”, “Толстой и Тагор”, “Напутствие”, “Гоголь”, “Пушкин”, “Росси́ка”, “Русская женщина”, “Талашкино”, “Державин”, “Мусоргский”, “Дягилев”, “Театр”, “Культура”, “Московский Художественный театр”, “Станиславский”, “Монголия”, “Любители искусства”, “Подземные сокровища”, “Крылья Победы”, “Сибирь”, “Слава”, “Русское искусство”. Все эти очерки появлялись в различных изданиях, а иногда по два-три раза, и таким путем множество читателей было осведомлено, и творились друзья русского народа. Ведь Культурная ассоциация должна проявляться повсюду. Пусть верные зерна дают добрый урожай! Посылаю Вам прекрасную статью Ильи Эренбурга (“Правда”) “Мысли о будущем”. Все мы порадовались. Тоже пригодилась бы она для АРКА. Вот нашей милой Валентине перевести бы ее. И в Америке, и в Индии такая статья принесет много пользы. Знают ли люди о постоянной выставке в АРКА? Новые друзья придут. Был ли Базыкин? Впрочем, у них теперь столько заседаний и комиссий! От Б[ориса] К[онстантиновича] по-прежнему ни слова. Неужели визит Д[утко] пропал без пользы? Как у Вас-то? Думаем и жалеем. Но события поспешают. Да, да, да, скажите друзьям наши душевные приветы.

Сердечно,

Н.Перух.

Опять, за час до отправки, прилетело Ваше письмо от 23-го июля. Видимо, все адвокаты одинаковы и главное их занятие — портить дела! Хорошо, что Вы зорко следите за разными толками — все это нужно знать. Привет Мясину; его желание исполнено — эскизы уже в пути. “Благословенны препятствия — ими растем”.

Может быть, в Коннектикуте инкорп[орация] лучше пройдет.

Маленькой монографии Корона Мунди должно быть много — ведь ее было 5000.

ВОКС

“Издательство “**Китабистан**” в Аллахабаде к семидесятилетию академика Рериха выпускает 12-й том его сочинений под названием “Химават” в пользу Русского Красного Креста. В различных журналах и газетах Индии широко разошлись очерки академика. Среди них “Подвиг”, “Великий Новгород”, “Горький”, “Толстой и Тагор”, “Напутствие”, “Гоголь”, “Пушкин”, “Россия”, “Русская женщина”, “Державин”, “Мусоргский”, “Дягилев”, “Театр”, “Культура”, “Московский Художественный театр”, “Станиславский”, “Монголия”, “Любители искусства”, “Подземные сокровища”, “Русское искусство”, “Талашкино”, “Сибирь”, “Крылья Победы”, “Слава” и др[угие]. Все эти очерки появлялись в различных изданиях, а иногда по два, по три раза, и таким путем осведомлялось множество читателей и творились друзья. Из картин академика, приобретенных музеями Индии, целый ряд посвящен Руси: “Победа Александра Невского”, “Ярослав [Мудрый]”, “Борис и Глеб”, “Ранние звоны”, “Новая Земля”, “Новгородцы”, “[Спас] Нередица”, “И [мы] открываем [врата]”, “Победа” и др[угие]. На выставках прошли “Микула”, “Святогор”, “Настасья Микулишна”, “Мстислав Удалой”, “Богатыри проснулись”, “Великан” и др. Академик Рерих и его сын Святослав пожертвовали на Русский Красный Крест 500 англ[ийских] фунтов и 107000 рупий на военные нужды. Королевское Азиатское общество в Бенгалии в трудах своих издало исследование **Юрия Рериха** о Гессер-хане и сопровождало его воспроизведением картины академика “Меч Гессер-хана” (к юбилею Монголии). Так в Гималаях творится культурное русское дело. Индия отметила 70-летие академика изданием в Тривандруме (Траванкор) иллюстрированной книги “Гурудев Николай Рерих”. Текст П.Тампи. Предисловия больших художников Индии: Азит Кумар Халдар, Биреевар Сен, Рой Чаудхури.

Наш друг великий художник Николай Рерих всегда несет знамя красоты, даже тогда, когда мир, по-видимому, катится к варварству. Его мысли об искусстве летят так же, как и его мастерские образы, посвященные Гималаям, и мы благодарны ему за его колоритную эпiku гималайских снегов. Он прирожденный художник... Рерих — первый русский посол Красоты, он принес в Индию бессмертный завет искусства, и мы признательны ему за его неустанное сотрудничество в сближении души России и Индии” — так писал недавно известный ученый Индии Калидас Наг.

“Ваша жизнь — посвященная, и я надеюсь, что Вы будете надолго сохранены, чтобы продолжить Ваше служение Культуре и Человечеству” — так кончает одно из последних писем к Рериху Рабиндранат Тагор.

15.IX.44

Родные наши.

Спасибо за Ваше письмо от 5-го августа. На каждом моем письме я помечаю числа Ваших писем, и, таким образом, Вам легко судить, все ли Ваши письма дошли. Но срок оборота писем очень велик — от трех до четырех месяцев, принимайте это во внимание. Вы получили нашу

телеграмму с приветом Кусевицкому к его семидесятилетию — значит, мы ровесники. Там же сообщили мы о том, что пресловутые invoice'ы наконец высланы воздушной почтой шестого сентября из Карачи Вам. Будем надеяться, что дойдут вовремя — во всяком случае, телеграмма о высылке их — уже доказательство. Прилагаю на всякий случай и заверения нашего магистрата об эскизах “Весны священной”. Хотя, как Вы ранее писали, они и не потребуются. И эта посылка не без хлопот. Пакет вернули из Бомбея с требованием прислать удостоверение от торговца (дилер) — такая чепуха! Наш бедный почтмейстер совсем с толку сбился, посылая взад и вперед оборванные, грязные пакеты. Неужели опять вернут?! Наверное, Мясин не представляет себе все эти нелепые затруднения. Мало того — сделать эскизы, мало того — заплатить за посылку, но еще нужно претерпеть всякие необъяснимые нелепости! Спрашивается, при чем тут торговец-дилер! Вот и холст от Муромцева все еще не пришел, а ведь сколько месяцев уже прошло! Не пропал ли?! Радуюсь Вашим сведениям об АРКА — истинно, полезная, добрая, хотя и каменистая пашня! Конечно, полезно включить издательницу “Tomorrow” в число поч[етных] советников, но сочувствует ли она? Сколько всяких праздноболтающихся, а как только дойдет до дела, все они прячутся по своим норкам. Попробуйте! Сколько сейчас личностей, которые сейчас якобы выказывают дружбу ко всему русскому, но в глубинах своих шепчут иначе. Всяко бывает! Вы, вероятно, читаете журнал “Times” — много любопытных осколков. Видели ли от пятого и пятнадцатого мая? Из ТАССа получили мы “Известия”, “Правду”, “Красную звезду”, “Журнал Московской Патриархии” и “Славяне”. Может быть, и АРКА получает эти материалы? Рано или поздно ВОКС должен Вам ответить о “Славе”. Интересно, что Б[орис] К[онстантинович] давал кому-то читать часть этих статей и писал, что эти читатели были в восторге. А ведь он знал, кому давать. Куда же теперь Б[орис] К[онстантинович] пропал? Хорошо, что напоминаете о нем Валентине — привет ей! Итак, “per aspera ad astra” — преодолевайте и восходите. Спасибо Джину за весточки. Преоборет жена его нездоровье. Всем друзьям сердечный привет. Неустанно будьте на дозоре. Дни событий!

Сердечно,

Н.Перух.

1.X.44

Родные наши,

Пришло письмо Ваше от 12-го августа. Теперь Вы уже знаете, что invoice'ы и свидетельство об оригинальности Вам высланы и от консула, и от магистрата. При этом консул письменно заявил, что в случае суммы меньшей ста долларов никакого invoice'а не требуется — заявлено письменно. Валентина прислала свои отличные статьи. Она талантлива. Привет ей душевный — сеет добро, а в этом сейчас такая нужда. Вот если бы она жила

от Вас поблизости! Наша милая Магдалена Леерер прислала к моему рождению трогательное письмо с очень хорошим воспроизведением Майтрейи. Оказывается, она хороший график. Передайте ей наш сердечный привет — вся моя американская корреспонденция идет через Вас. Магдалена сообщает, что композитор Льюранс посвятил мне свое последнее произведение и посылает его. Наверно, ноты идут пароходом и нельзя ждать их скоро. Вот и холст от Муромцева все еще не дошел. Последний номер “Times” пришел в миниатюрном виде — значит, везде не хватает бумаги. Здешние журналы тоже усохли до неузнаваемости. А ведь это знак печальный — война идет к концу, а тут и культурные проявления тоже пошли к концу! Казалось бы, тут-то о культуре и вспомнить, а между тем она-то и усыхает. Конечно, война всюду внесла одичание, но всеми лекарствами нужно бороться против такой опасной эпидемии. Человек так склонен к одичанию. Прискорбно! Сколько же миллионов лет еще должно пройти, чтобы сознание человеческое окультурилось. Кроме дикости еще вспыхивает изуверство. Такая эпидемия очень губительна. Культурные ячейки — как малые островки среди бурного океана. Того и гляди, что зальет и смоем достижения. Помните, как во время одного землетрясения в Японии остров со старыми храмами окунулся в пучину и вынырнул голый-преголый. Ничего не осталось! Хорошо, если уцелевший человек умеет смотреть лишь вперед. Опять-таки “благословенны препятствия — ими растем”. Через все океаны чуем, как Вам нелегко. К тому же все сотрудники иногородние, а письмами не всегда удастся сообщить. Да и все ли умеют отвечать немедленно. Нередко даже у хороших людей письма-ответы залеживаются. Но все это надо преобороть. Иногда кажется, что говоришь, как в подушку, и никто не слышит. А потом вдруг окажется, что ветер унес зерна далеко и взошли они в самом нежданном месте. Жизнь! Псалмопевец сказал: “Очи мои возвожу к горам, откуда придет помощь моя”. Да — от гор! Иногда мы толкуем: от кого из друзей из освобожденных стран придет первая весточка. Думаем, от того или от другого. А на деле может быть от совсем неожиданного. Сейчас опять вернулись из Бомбея злосчастные эскизы “Весны священной” с требованием удостоверения от какого-то мифического торговца (дилера). Вернулись в изодранном виде. Прямо сумасшествие какое-то! Вот Вам и Культура! Опять прибрали мы пакет и послали в Бомбей одному приятелю, чтобы он лично побывал в “учреждении” и попытался уладить всю нелепость. Сколько людей приходится беспокоить, сколько переплачивать — наверно, Мясин не воображает, через какие ущелья нелепости проходят безобидные эскизы. А вернулся пакет в таком ужасном виде, что даже доска была расколота. Прямо беда, точно через лапы вандалов прошел! А события так и спешат! Индийская Академия искусств и литературы просила меня вступить в нее. Полагаю, что сейчас все культурные силы должны объединиться для борьбы против невежества. Так и Вы все, наши милые, всеми силами поддерживайте светлое единение. Да будет Вам хорошо. Радуюсь директорству Мясина. Пусть и еще подойдут даровитые люди. Пусть жалкие злопыхатели гибнут в своем яде. Добро всегда победит. Добро не тлеет, правда не ржавеет.

Прилетела Ваша добрая телеграмма. Книги вышли удачно, глазная операция удачна. Пусть всюду будет удача.

Сердечно,

Н.Перух.

Ваша телеграмма, родные, истинно, принесла радость. Будем ждать добрую весть и о милой Жанете. Из новых напечатанных книг пришлите нам только “Сердце”, и не больше трех или четырех копий. Спасибо большое за рецепт глазных капель. Я сейчас пользуюсь иногда новым средством “оптрекс”, оно очень неплохое. Моя беда в том, что мне нужны новые очки, но иметь их здесь трудно из-за отсутствия настоящих глазных врачей. Но теперь уже недолго ждать, и можно будет подобрать их в Европе. Ведь мы вступили в последний год войны в Европе. Не слыхали ли нового из враждебного очага? Провал их друга Глина должен отразиться на их положении. Обнимаю Вас, родные, радуемся каждой весточке от Вас. Пошлите привет Валентине Д[утко], ее статьи прекрасны — то, что нужно. Подумать только, сколько подобных статей, имея книги Учения, могла бы писать в свое время Франсис! Но легкомысленная душа упустила все возможности. Еще раз обнимаю Вас, Зиночку.

Всем сердцем,

Е.Перух.

15.X.44

Родные наши,

Спасибо за письмо от 31-го августа. Много в нем неожиданностей. Какая именно болезнь Б[ориса] К[онстантиновича]? Не сообщит ли Д[утко], в чем дело? И с какого времени Б[орис] К[онстантинович] в госпитале? Удивителен эпизод с Валентиной. Все это печально! Может быть, были и какие-нибудь иные причины? Общество А[гни]-Й[оги] начните спокойно. Пусть приходят, беседуют — без хлопот. Жалеем о Ваших сведениях о Мур[омцеве]. Ничего не поделаете. Получены два пакета холста от Муромцева. Большая радость. Холст хороший, очень пригодится. Взяли сорок одну рупию за пошлину, какая-же цена самого холста? Напишите. Краски оказались масляные, а я употребляю для темперы в порошке — эти Светику для масляных картин будут хороши. Если бы Мясин заплатил — можно за холст отдать. Отсюда денег невозможно переслать. Получено разрешение на издание “Himavat”. Условия следующие: 1) Печатать не более тысячи экземпляров. 2) Книга должна содержать не более 350 страниц. 3) Страница не более как 5 1/2 на 3 1/2. Такие условия, еще при пожертвовании Р[усскому] Красному Кресту. Далеко не уедешь при таких ограничениях. Наверно, кое-что придется и сократить. Спрашивается, в какой части книги делать вивисекцию? Из “Россики”? Из “Химавата”? Из “Мир через Культуру”? Из “Искусства”? Пожалуй, опять искусство пострадает, часто этим кончается. Нужно помянуть, что и такое разрешение было дано по личной любезности. При Десаре (осеннем празднике) ряд статей появился: в “Свободной Индии” — “Сокрытые сокровища”, в “Hindustan Standart” — “Любители искусства”, в

“Twentieth Century” — “Судьба”, в “Заре Индии” — “Письмена Азии”. Так, и в трудные для печатного слова дни все-таки звучит зов о Культуре. Второе издание Конлана сейчас напечатано. Вещь в сто страниц печаталась с марта. Может быть, Вам удалось узнать что-нибудь о “Славе”? Грабарю я напоминал о ней, но неведомо, дошло ли мое письмо. Вот уж подлинно: “Тесна моя улица”. Маленькие монографии “Корона Мунди” еще не получены. Наконец получили уведомление из Бомбея — экспортное разрешение на посылку эскизов получено, но теперь новая нелепость! Банк должен поставить свою печать на пакете. К чему? Это уж вроде “сатанинской печати”! И когда человечество изживет этикие нелепости! Эскизы балета — под печатью банка!! “Весна священная” — и бухгалтерия! Ведь какие люди даже не поверят! “И смех, и слезы”! В вихре жизни все неожиданно. Самые неожиданные газеты отметили мое семидесятилетие. Радуюсь, если Вам удастся хоть несколько дней отдохнуть. Надеюсь, что ВОКС когда-то ответит на Ваши вопросы. Привет сердечный друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Родная моя Зиночка,

Очень, очень тяжело было узнать о трагическом уходе молодого моряка. Будут ли когда уявлены все обстоятельства, приведшие к такой печальной и, видимо, неожиданной развязке?

Зиночка спрашивает меня, что думаю я о нашей новой другине? Несомненно, она очень даровитая природно, но, будучи во цвете лет, она, конечно, еще не изжила всех земных притяжений, уявленных на пути талантливой и привлекательной женщины. Она любит так называемую красоту жизни, иногда весьма пошлую; земные притяжения сильны, она борется с ними, и я знаю, что ей нелегко; но все же сердце ее полно порывов к истинно Прекрасному и Возвышенному. В ее нескольких письмах ко мне я остро чувствовала в ней эту борьбу, и в ответах моих я старалась поддержать ее на мыслях о расширении сознания и совершенствовании ее дарований.

Ее последнее письмо ко мне от 28-го июня было полно восхищения и преклонения перед светлым обликом Рамакришны, который сливался в ее сознании и сердце с Христом. Я радовалась такому правильному направлению и снова подчеркнула в своем ответе значение и красоту высшей формы любви и направила ее к чтению биографий Мистиков, стоящих, как прекрасные Вехи, на пути к Высшему Обществу. Она ведь находилась на ступени Зова, когда душа, приблизившаяся к Учению, идет как зажженный факел, полная радости новых духовных переживаний и откровений. Но она утвердилась на яром желании стать ученицей и сотрудницей, и тем самым она предоставила себя на испытания. И это, конечно, она должна была знать, ибо она имеет не только все книги “Живой Этики”, но читала и “Чашу Востока”. Но беда в том, что мало кто из имеющих книги Учения и читавших “Чашу Востока” отнесся с должным вниманием и пониманием *серьезности* уявленного в них предупреждения подходящим к Учению. В последних двух письмах в “Чаше Востока” сказано: “Испытания неизбежны, и метод испытания следует системе Радж-Йоги, и результатом

этого является развитие в ученике, в его темпераменте каждого зародыша добра и зла. Правило это непоколебимо, и никто не избегнет его, напишет ли он письмо или же в тайнике сердца сформулирует сильное желание знания и общения с Учителями. Именно, как вода развивает жар в негашеной извести, так Учение вызывает к ярому действию каждую неподозреваемую потенциальность в ученике...” В моих письмах, которые она переводит, приведена страница, называемая “Предостережение”, написанная в свое время Е.П.Блаватской. Но, по-видимому, наша новая другиня не обратила внимания ни на какие предостережения, имеющиеся в изобилии в Учении, но увлеклась желанием создать в сознании настроение радости и, может быть, не совсем отдавая себе отчета, что радость, охарактеризованная как высшая мудрость, мало похожа на радость, которая ожидается душами, не испытанными достаточно в жизни и не имеющими полного *осознания* своей *ответственности*. Я надеялась, что, неся в сердце любовь к Высшему Идеалу, она не допустит легкомысленного подхода к людям. Я предупреждала ее об осторожности с душами неподготовленными, далекими от понимания истинного смысла жизни и не могущими воспринять Учение Живой Этики. Но я не имела права оявиться ей наставницей, ибо я имела тогда от нее не более двух-трех писем, сейчас имею только *пять*.

В последнем письме она упомянула о встрече с новой молодежью из Р[оссии], об их чистоте и уважении к женщине; на это я ответила, что я всегда знала врожденную чистоту русского характера, русской души. Циничное отношение к женщине, умаление и унижение ее возможны только среди народов уходящих. У меня одна молитва — это, чтобы Россия соблюла свою вновь обретенную чистоту и не заразилась бы язвой пошлости и растреления, разъедающей целые страны. Но, видимо, язва эта оказалась яро заразной и ядовитой... Закончила мое письмо словами: “Будем бороться всеми силами духа с пошлостью, легкомыслием в мыслях и во всех жизненных проявлениях и утвердимся на несении подвига...”, но, увы, слова эти долетели слишком поздно... Буду ждать ее письма. Спасибо Зиночке за предупреждение, и прошу не передавать ей ничего из сказанного мною о ней.

Е.Перух

1.XI.44

Родные наши,

За эти недели Ваших вестей не было. Неудивительно, ведь почта так нерегулярна. Пробую послать Вам Конлана и Тампи — насколько удастся, не знаю. Опять побеспокоил друзей. Даже странно подумать, что из-за такого пустяка приходится громоздить Оссу на Пелион*. В “Times” сообщалось, что Сааринен открыл в Мичигане Академию Искусств. Любопытно бы знать ее и кто участвующие? Как архитектор он очень известен. Также сообщалось, что на аукционах прошли многие итальянские картины. Не слыхали ли, какие именно? Вообще “Times” дает немало интересных сведений. Вероятно, Вы

его читаете. Там же мы прочли о позорном провале Уоллеса. Кажется, ни один из вице-президентов не бывал отставлен с таким скандалом. Последите о последующем. Там же мы узнали о новом, неотражающем, стекле. Что это такое? Для картин это была бы огромная находка. Музей Современного Искусства прислал свои чудачества. Что за люди там засели? Посылаю для Вашего архива копию письма Нандалала Боше — он лучший художник Индии. Наконец вышло второе издание Конлана. В калькуттском журнале “Искусство и Культура” были отличные рецензии и на Тампи, и на Бабенчикова — все это было бы полезно для Вашего архива. Пришли шесть маленьких монографий — большое спасибо. Если их много, вот бы еще дюжину получить. Здесь они очень пригодятся. Впрочем, и у Вас, наверно, они идут. Что же в Риге? Ведь там и картины, и книги, и целый ящик клише из Нью-Йорка. А где все друзья? Имеете ли новые материалы для АРКА? Неужели отсутствие ответов нужно объяснить беспорядком? А между тем обстоятельства все усложняются, и Вы, наверно, это чувствуете. Вот уже и снег на горах. Пока что осень гораздо холоднее прошлого года. По утрам 44° [по Фаренгейту]. Еще одна военная зима — это уже последняя. Валентина пишет, что ее муж будет заходить к Б[орису] К[онстантиновичу] и сообщать о здоровье. Спасибо за это внимание. Бедная Валентина, у нее у самой столько тяжких переживаний. Как здоровье Спенсера? Где он теперь? Вспоминаю, как он однажды в подземке услышал рядом знакомые имена. Оказалось, что два бандита толкуют о том, что публика слишком любит наш Музей и необходимо отвлечь ее от Музея. Эдакие мрачные бандиты! И не знали они, что школьник слышит их темные замыслы. Какой широкий заговор заваривался. Против русского дела. Еще Бринтон предупреждал не верить искренности неких личностей и некоторых художников. Бандиты действовали, а друзья помалкивали да стеснялись. Вы были свидетелями, как безобразие совершалось. И теперь бандиты могут опять окрылиться. Необходимо досмотреть. Долетит к Вам эта весточка уже зимою, пожалуй к Рождеству. А за этот полет столько событий произойдет. Да, да — тяжка война, но еще тяжелее “шапочный разбор”. Заходят ли в АРКА новые? Или уже усыхает внимание? Все мы трудимся. Послал [монографию] Конлана в Москву — только дойдет ли? Пусть будет у Вас все ладно. Друзьям — душевный привет.

Сердечно,

Н.Перих.

15.XI.44

Родные наши,

Спасибо за письмо от 23-го сентября. С ним вместе пришло письмо от 30-го сент[ября] о нелепых трудностях с эскизами. Надеемся, что Вы вовремя получили консульские инвойсы, посланные воздухом из Карачи. Прилагаю при сем подлинное письмо консула Мэси, из которого ясно видно, что для

пакетов стоимостью менее ста долларов консульский инвойс не нужен. Свидетельство об оригинальности Вам было послано. Как хорошо Зина говорит, что лишь в труде можно преодолевать всякие смутные настроения. Труд — святое дело. Можно удивляться, что ВОКС не пишет и не отвечает на Ваши определенные вопросы. Ведь ВОКС так одобрял деятельность АРКА. В чем же дело? Без новых материалов Вы, конечно, не можете давать новые выступления. Для постоянной выставки АРКА ценно все новое, иначе и приток посетителей иссякнет. Удивительно! В “Daily Mirror” несколько любопытных черточек текущего безумия. Податной инспектор запрашивает палача о предполагаемом доходе от казненных! Пожалуй, первый раз в истории. Справедливо Джин замечает, что нынешняя цивилизация сама себя пожирает. Об уродствах “цивилизации” много раз приходилось писать. Да и о массовых эпидемиях безумия. Вот немцы со своим “гениальнейшим всех веков и народов” Гитлером — разве не умопомешательство? Все эти чудовищные суперлативы и неслыханные эпитеты — разве не массовое безумие? В истории бывали такие эпидемии. Хочется еще раз написать о губительных массовых психозах. Культура трещит. Бывало, Селиванов говаривал, когда кто-то поминал мерзавцев: “Не поминайте мерзавцев: Боткин услышит — на свой счет примет”. У нас уже 4° Цельсия — кругом снег. Томаты — наша лучшая еда — замерзли. Огород прекратился. Видимо, зима будет сурова. А керосину нет, да и со свечами плохо. Валентина пишет, что Б[орису] К[онстантиновичу] стало настолько лучше, что его перевезли домой. Спасибо ей. Кем служит ее муж? Может быть, и еще будут вести о Б[орисе] К[онстантиновиче]. Я писал ему еще два раза, но ответа не было. Впрочем, и телеграмма, и письмо Грабарю тоже без отклика. Пора нам научиться терпению. Будем помнить, что у наших корреспондентов имеются свои причины. Хорошо, что Мясин примкнул к директорству АРКА. Насчет издательницы “Tomorrow” не знаю — она ведь трудная, да и взгляды ее не ясны. Пришло доброе письмо от Джан из Либерти. Какие они славные трудящиеся! Хорошо, что здоровье ее налаживается. Веронал надо отставить — вреден. Строфант хорош, но не преувеличивайте — лучше через день, а пару дней отдохните. С письма Джан марки были кем-то сняты. Воображаем, сколько писем искалечено или пропало. Вот Вы можете переписываться с Альбуэрно, а мои два письма были возвращены. Пришлось бросить дружелюбную переписку. Напишите ему об этом. И так сколько добрых, полезных нитей пресеклось. Многие из них уже не налаятся. Война — к концу, а трудности растут. Радовались, что Зина и Дедлей хоть несколько дней отдохнули, — ведь опять целая зима неустанного труда. Опять всякие человеческие изгибы и перегибы. Такова армагеддонная жизнь. Скажите наш сердечный привет всем друзьям. Да будет хорошо!

Сердечно,

Н.Перух.

Родная моя Зиночка,

Надеюсь, что все недоразумения с получением эскизов закончились благополучно. Друзья в Карачи и в Бомбее сделали все возможное, чтобы

выполнить все требования, порой противоречивые и непонятные для нас. Все удостоверения должны прийти во время. Получила трогательное письмо от Жанет. Она права, думая, что мои посылки помогли ей. Я очень просила Вл[адыку] помочь ей и много думала о ней. Так хотелось бы укрепить ее. Строфант чудесное средство, но не нужно злоупотреблять. Потому не советую Зиночке и Дедлею принимать его безостановочно. Он может перестать действовать, и придется увеличивать дозу. Попробуйте принимать его через день или же по три или четыре дня в неделю, и только в случае некоторой слабости можно продолжить каждый день некоторое время, а затем уявить передышку.

Родная моя Зиночка решила мужественно бороться с унынием и усталостью, одобряю первое, но борьба с усталостью иногда бывает опасна, можно, как говорится, перетянуть струны, потому нужно уявить бережность к здоровью. Не всем можно это сказать, но Зиночке можно, ибо лень и желание уклониться от чрезмерного напряжения в труде по природе чужды ей — и это большое достижение. Правильно отмечено о вреде чрезмерной заботы о так называемом “leisure” и “good time” — этих двух растлителей современной молодежи. Казалось бы, именно сейчас, в переживаемое нами тяжкое, безумное время, должно думать о развитии и усилении общего труда, ибо только в нем можно черпать силу пережить ужасы творимые. Именно в труде происходит нагнетение психической энергии — этого оздоровителя и целителя от всех моральных и физических недугов. *Призыв к жертвенному труду должен стать лозунгом дня.* Но труд должен быть понимаем широко, и труд умственный, сердцем отепленный, ускорит переустройство и восстановление равновесия в мире. Где можно достать книги Макаренко, например “Для родителей”? Отзыв Зиночки о них весьма заинтересовал меня. Так же близко мне указание об умении “красиво кончать”. Мечтаю в подвиге уявить заключительный аккорд жизни, чтобы сознание могло проявиться во всем объеме в Надземном Мире. Так хотелось бы как можно больше посеять духовных зерен, ибо лишь эти зерна питают жизнь всех миров.

Радуюсь за Соф[ью] Мих[айловну]. Могу себе представить, как томилась она без возможности работать. Друзья могут переводить “Мир Огненный” на испанский язык, если есть на это спрос. Но совершенно не понимаю, чем может смущать параграф 658, я перечла его и удивляюсь, не спутал ли он цифры? Может быть, ошибка в нумерации? Относительно опечаток я писала о тех поправках, которые нужно было сделать в новом издании “Сердца” и “Иерархии”! В свое время я переслала некоторые исправления, но Зиночка ответила, что они уже приступили к печатанию, и на это мы написали о возможности указания в конце книги на некоторые опечатки. Крепко обнимаю и шлю мою любовь Зиночке и всем друзьям,

Е.Перух.

Родные наши,

Спасибо за письмо от 12-го октября. Конечно, балетный план Мясина хорош, но Ваши соображения правильны. Откуда ждать таких огромных средств? Разве Москва захочет дать их, но это проблематично. Интересно, когда посол ответит. Разве не удивительно, что о “Славе” — ни слуху ни духу. Также удивительно, что Вы не получаете новых материалов! Любопытны Ваши переговоры с Олбани. Может быть, в другом штате лучше. Письмо Дедлея к членам АРКА хорошее. Что-то будут писать другие директора? Впрочем, Вы увидите. Получили душевное письмо Джина из Атланты к десятому октября. Спасибо за все его добрые пожелания. Да, только добром можно пройти жизненный путь. Как-то сложится его дальнейшая судьба? Здоровье Жанны, конечно, наладится, но ей следует избегать волнений. В конце концов, большинство человеческих волнений как буря в стакане воды. От Магдалены пришла партитура кантаты. Поблагодарите ее и композитора. Тоже славная душа. Из Бомбея мы получили сведение, что заказной пакет с книгами Вам послан, хотя и с трудностями. Можно эти книги выставить в АРКА. Почему-то опасаюсь за АРКА. Так часто люди бегут туда, где миллионы, а там, где Культура, им и дела нет. Удивительно — небрежение Культурой. По-прежнему люди не различают цивилизацию и Культуру. Свет Культуры для слепцов не сияет. Впрочем, как-нибудь утрясется путями неисповедимыми. Давно люди сказали: “Все имеет конец, а колбаса имеет два конца”. Когда будете составлять отчет АРКА, можно помянуть наши пожертвования для Русского Красного Креста. Впрочем, на месте Вам виднее. Если полезно, в отчете дайте лист дневника “Крылья Победы” или “Слава”. Прилагаю оба листа. Но действуйте так, как полезнее.

Всякие события надвигаются. Последите, где Уоллес и что грабители? Говорят, что людоедство вымирает, а разве грабительство не каннибальство?! Не придут ли еще вести о Б[орисе] К[онстантиновиче]? Не верится, чтобы там были запрещены всякие почтовые сношения. Непонятно, почему отсюда к Вам посылать трудно, а от Вас сюда посылки идут. Приходит “Times” и “Научные новости”, вчера дошел номер журнала [Общества] Марка Твена. Пошлите от меня открыточку Кириллу Клеменсу — журнал был с его надписью. Что-то давно ничего не было от Муромцевых? Все ли ладно у них? Где Спенсер — о нем часто думаем. Один наш друг уже получил письмо из Бельгии — шло через Лондон два месяца. Но мы, вероятно, и Вы, еще ничего не получили. Постоянно приходится узнавать о недошедших письмах и журналах. Казалось бы, моря освобождены, но сношения не легче, если не труднее. Заботно о многом происходящем. Валентина пишет об ужасном циклоне, унесшем столько жертв. Да, пространство кричит. Пришло несколько подписок на “Flamma” — пришлось вернуть. А жаль, такое нужное дело и вынуждено временно замолкнуть. Заря, заблести скорей!

Душевный привет всем друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

Следующая [книга] может быть “Мир Огненный”, вторая часть.

15.XII.44

Родные наши,

Я писал Вам очередное письмо, когда пришла Ваша горестная телеграмма. Конечно, бывают частые ошибки, и на этом основаны многие повести. Горестно, горестно подумать, если бы такая жестокая судьба коснулась такого славного мальчика. Бывает при массовых боях, что всякие подсчеты оказываются далеко не точны. Но групповая карма, проявляющаяся на войне и при бедствиях, неумолима, как бурный поток. С другой стороны, так много однофамильцев. Так или иначе, но все это ужасно, и мы потрясены. Мы так любили милого Спенсера и часто душевно его поминали. Горько, горько-то сколько! В Надземном Море лучше.

Теперь — очередное, ранее написанное. Писем Ваших за эти недели не было. Пределы цивилизации! В американских журналах сообщается о новом счастливом изобретении — “механический композитор”! Куда же дальше идти? И машинка недорого стоит — всего три доллара. Теперь радио сообщает, что посевы с помощью тракторов в отношении урожая не оправдали ожиданий, не превзошли ручную работу. Можно усмотреть много пределов цивилизации. В разных областях встают эти показательные вехи-предупреждения. Друзья, без Культуры не прожить. Одною машиною не возвыситься. Так — во всех областях. И на Луну самолет не нанять. Даже самые прозаичные астрономы начинают широко мыслить. И напрасно смеялись над Фламарионом и над Круксом. Помню его лекцию о мировоззрении великана и карлика. Хорошая ли у Вас теперь секретарша? Без секретаря невозможно, по себе знаю. Последняя библиография всего бывшего в печати прервалась на 1936-м (она у Вас есть). А ведь с тех-то пор сколько расплылось! Каждый год, когда сотня, когда и две сотни всяких выявлений, и все это рассыпалось. А самому укладывать все эти накопления и скучно, да и недосуг. Каждый час что-нибудь делаешь и задумываешь. Плачевно — отсутствие холста. Присланные два куска достаточны для четырех картин. А затем? Вот и бумаги уже не достать. Из нескольких магазинов отказали, и то уже все черновики пишем на обратной стороне старых конвертов и писем. Нет ли у Вас еще двух, трех отчетов АРКА? Пришлите еще маленькую монографию Корона Мунди — ведь от Вас сюда книги идут, только отсюда нельзя. Как крокодил в цирке: от головы до хвоста три аршина, от хвоста до головы — два с половиной. Теперь всюду такая сумятица, что и не узнать причины и следствия. У нас бывали престранные эпизоды. Письма вместо Наггара посылались в Нагпур. Вместо нашего адреса писался адрес далекого штата. Такое уж время армагеддонное! Продолжайте запрашивать ВОКС. В отчете АРКА помяните все, что Вы посылали в Москву: и американскую кантату (небось композитор обижается, оставшись без ответа), и манускрипт “Слава” в пользу Русского Красного

Креста, и материалы о Римском-Корсакове и о Сталинграде, и статью для журнала “Славяне”. Также помяните речь Уида об АРКА, напечатанную в калькуттском журнале “Dawn of India”. Если Мясин согласен, то и о его балетном проекте можно помянуть, все-таки таким образом его добрые намерения будут зафиксированы. Ведь он теперь участник АРКА, и каждое полезное предложение может быть отмечено. Впрочем — как он хочет. Памятуя, что АРКА не политическая, но культурная ассоциация, пусть все культурно полезное будет отмечено. В ВОКС потом пошлите. Может быть, там люди меняются, ведь Вы отмечали быстрые перемены. Скоро Святослав едет по поводу выставки. Утомительные поездки в жарких городах. Вспоминали мы, как в Бароде на выставку шли такие тысячные толпы, что двенадцать стражей не могли водворить порядок и, наконец, этот поток сбил с ног Святослава. Вот так популярность! Известили, что 1-го декабря приступлено к печатанию “Химавата” в Аллахабаде. Таким путем часть записных листов зафиксируется, но ведь это лишь малая часть. Здесь один критик поместил меня в группу экспрессионистов — Ван Гог, Матисс, Мунк, Рерих. Забавно, если собрать всякие бывшие определения. Каун умер, жаль, что он всю жизнь пошатывался — то так, то этак! А ведь у него бывали отличные статьи. Его перевод статьи Андреева здесь опять появился в двух журналах. Удивительно, как усох прежний список почетных советников. Прямо — никого не осталось. Хорошо, что у Вас добрые отношения с Рокуэллом Кентом — большой художник. Скажите ему мой привет, часто о нем вспоминаю. Прилагаю для Вашего архива хронологию выставок, бывших здесь. Так у Вас сохранятся даты и последнего времени. ТАСС прислал еще пачку “Известий”, и там доклад Комиссии о разрушениях в Павловске, Петродворце (Петергоф) и в Пушкине. Как уничтожено и искалечено все сокровище русское! Можно ли зачинить все вандализмы? Ведь даже лучшая реставрация не передаст красоту оригинала. И где все увезенное? И как вернуть? Как возместить? И всюду там мы ходили, любовались, а теперь там мрачные развалины. Вот прогресс человеческий. Вот культурные ассоциации и должны неутомимо твердить об истинных сокровищах, о нерушимом достоянии народном. Через все трудности несите Свет Культуры. Ведь вихри и смерчи повсюду. От друзей, в рассеянии сущих, нет вестей.

Переживайте горе и беды — в этом подвиг. Бодро встречайте последний ярый год войны. Душевный привет всем труженикам за Культуру.

Сердечно,

Н.Рерих.

ВЫСТАВКИ

- 1932. Бенарес (Roerich Hall)
- 1933. Аллахабад (Roerich Hall)
- 1936. Люкноу (State)
- 1938. Тривандрум (State)
- 1939. Хайдарабад (University)

1939. Тривандрум (State)
1939. Ахмедабад (Art Society)
1939. Майсор (State)
1940. Лахор (University)
1940. Бомбей (Art Society)
1941. Тривандрум (State)
1941. Индор (State)
1941. Барода (State)
1941. Ахмедабад (Art Society)
1941. Мадрас (Adyar)
1942. Майсор (State)
1943-44. Хайдарабад (State)

Родная моя Зиночка,

Как тяжело было получить Вашу последнюю телеграмму. Тяжко из-за Катрин. Сердце щемит и болит именно за нее. Хотелось бы иметь ее при себе, чтобы утешить, влить новую силу и уявить причину случившегося. Милый мальчик много счастливее сейчас. Ведь обстановка современной войны — ад! Знаю, как легко перешел он, и находится в Док[иуде]* на Высоком попечении. Знаю, как тяжка была бы ему жизнь, если бы он остался жив. Истинно, великая Помощь ведает лучший исход. Как часто мы вспоминаем утраты родных и друзей, так оплакиваемых нами перед войной, но теперь мы должны сказать: какое счастье, что они ушли раньше и тем избежали ужасной участи, постигшей их страну и друзей. Конечно, я писала Катрин, что великая Помощь будет оказана ее мальчику и он вернется к ней. Но разве я могла написать ей, что судьба его обрывается за морями. Когда он заболел простудой с осложнениями и его хотели увезти в другой климат, мне было Указано написать, что ему нельзя уезжать из Америки. По гороскопу жизнь его обрывалась за морями. Но разве могла я писать о таком горе для нее? Мы надеялись, что врачи забракуют его ввиду его слабой груди. Но когда было Сказано, что “из худшего получится лучшее”, я тоже не могла понять истинного значения этого, но теперь я знаю. Он был легко вырван из ада, и будущая жизнь его была бы очень трудной, если бы он остался жив. Пусть любящая мать найдет утешение в том, что ее сын много, много счастливее сейчас. Узы любви самые крепкие, и, конечно, сильно любившие друг друга сердца приходят вместе на новое испытание. Конечно, я не могу писать ей сейчас об этом, пока она не получит подтверждения о его уходе. Но родная моя напишет ей мои слова, как только горестная весть получит подтверждение, ибо мое письмо дойдет к ней позднее. Скажите ей, что ее славный мальчик был принят в объятия Отца и Учителя и уявился на яром счастье. Скажите, что мы всем сердцем чуем ее горе, но просим ее собрать все мужество и найти силы радоваться счастьем сына. Пусть она не омрачает его счастья, ибо ее горе доходит до него. И когда сама она уявится на переходе, она, конечно, встретит его. Пошлите ей мою ласку и любовь. Знаю, как тяжела эта утрата милой Инге, она так прекрасно и любовно писала мне о чудесной природе ушедшего мальчика. Шлю ей мою нежность. Радуюсь, что Соф[ья] М[ихайловна] получила облегчение. Передайте ей мой сердечный привет; хотелось бы знать о самочувствии Жанет. Как Дедлей,

что Джин и его вся семья? Ведь все они включены в нашу духовную семью, и сердце болит их трудностями и радуется их радостями. Мою Зиночку обнимаю и радуюсь ее мужеству и терпению. “И это пройдет”. Мы переживаем Великий Канун. Жду окончания войны с Германией в наступающем году. Что Муромцевы, тревожусь очень, не получая от них писем, последнее было от конца июля?

Шлю всю любовь.

Сердцем,

Е.Перух.

1.1.45

Родные наши,

Пишу “45” и чую, какая это значительная дата. Скорей! Скорей! Пришло Ваше доброе письмо от 7 ноября. Конечно, распорядок должностей Вы сделаете как лучше по местным условиям. Теперь у Вас на руках: Академия, Agni Press, АРКА, “Flamma”, Картинная Корпорация, да у Джина Красный Крест. Шесть дел — целый многострунный инструмент. Целая симфония: то аллегро, то модерато, то марциале, то маэстозо, а то — тутти! Спасибо, что Валентина и Магдалена помогают. Спасибо им — славные! Ответ ВОКСа малопонятен, и Вы хорошо сделали, запросив об обещанном письме. Жаль, что теперь так многое в пути пропадает. Запросите и Славянский Комитет, получили ли они посланную статью “Славяне”? Да, трудны почтовые сношения. Сколько энергии пропадает! Мысли Ваши об АРКА хорошие. А на письмо какого-то идиота и внимания обращать не стоит. Мало ли дураков! Относительно продажи репродукций — не ссорьтесь с галереей, но мирно разузнайте: какие именно картины, откуда, где клише и все полезные сведения. Так постепенно и разузнаем. Попросите кого-нибудь зайти и мирно расспросить. Если скажете мне, какие там картины, я скажу, откуда эти клише. Много клише было в Риге, немного в Праге, были у Франсис в Press, но в Париже цветных не было. Очень любопытно все сие выяснить. Лю, о котором поминал Дутко, — хороший человек — привет ему. Тернер из С[ент]-Луи[са] пишет, что он сделался членом АРКА. Он состоит там же, где Уид. Совершенно нежданно подходят члены. Одно время Вы были против Уида, но, как видите, он оказался полезным сотрудником, а староселье, вероятно, враждебно всему русскому. Показательно! Некто Сормани просил автограф — снесите с ним, может быть хороший человек. В калифорнийском журнале “Восток — Запад” под названием “На Гималайской арфе” — мой очерк. Мое название было “Тайны”, но к чему-то они изменили. Впрочем, намерение было доброе, а это главное. Мы уже давно привыкли ко всяким нежданым добавкам. Вот в “Двадцатом веке” вместо “selflessness” напечатано “selfishness” — вопреки смыслу. В очерке “Женщине” я писал о бескорыстии, самопожертвовании, а вышла самость! Что поделаешь! Побаиваюсь за “Himavat” — вдруг там окажутся пренеприятные опечатки.

Неприменно прочтите “Times” от 11-го сентября о римском светском сезоне и о парижских нарядах, правдиво описана нынешняя “аристократия”. Вот кому бы прочесть лекции о Культуре. И это во время мировой войны, когда миллионы людей погибают, когда молодое поколение уничтожается и калечится. Неприменно прочтите! Чего стоят серьги величиной в апельсин и полуаршинные шляпы. Чего доброго, к концу войны вернутся к кольцам в носу. Истинно, от невежества, от некультурности происходят все бедствия. Каков будет мир с серьгами в апельсин величиной?! Тем более необходимы все ассоциации, посвященные Культуре. Да и где та страна, где можно не напоминать о Культуре? Вопящие о разрушениях сами же и разрушали. Кричащие о Науке и Искусстве сами же и гнали ученых и художников. Был у меня очерк “Остров слез”, написанный четырнадцать лет тому назад. Сейчас дал его снова перепечатать с пометкой: “писано четырнадцать лет назад”, но ничто не изменилось. Сейчас дошли от Вас “Иерархия” и “Сердце” — очень хорошо. Как переживает Катрин свое горе? Отчего замолчал Илья? С июля от него нет писем, а мы писали. Сейчас пришло Ваше письмо от 9-го — 11-го ноября. Хорошо делаете, что мирно постепенно узнаете о продаже репродукций. Конечно, никакого дела начинать нельзя. В свое время Еременко сносился с Франсис, а теперь никто этих сношений не запомнит. Воображаю, какие условия жизни там, куда Валентина хотела поехать! Наверно, Вы пришлете мне английское письмо, которое я могу показать отважному лектору. Беспокоит Ваше здоровье. Не запускайте, исследуйте. Хочется начать новый год добрым словом. Поверх всех горестей и трудностей хочется послать добрую мысль, и не знаем, куда и как далеко летит она. Но она нерушима и совершит свое доброе дело. Не нам судить, где и как превратится это добро. Знаем только, что мир нуждается в таких мысленных посланках. Скажем, да свершатся в новом году многие добрые дела. Скорей! Скорей!

Сердечный привет всем друзьям.

Душевно,

Н.Перух.

15.1.45

Родные наши,

Долетело письмо Ваше от 23-го ноября. Глубоко понимаем Ваши горестные недоумения. Пусть себе расходятся воспроизведения — зла нет, а даже добро возникает. В книге или в открытках — не все ли равно. Привет Рокуэллу Кенту за его слова о моем искусстве. Вы знаете, как я всегда ценю его творчество. А жить художникам трудно, а во время разрушительного Армагеддона особенно. Мы всегда говорили и писали против варварских разрушений. В прошлую войну наш друг Арман Дайо издавал исторические памятники, разрушенные немцами во Франции и Бельгии. Симон и Шустер издали большую книгу об ужасах войны, и она произвела глубокое

впечатление — о ней я писал в статье “Не убий”. Как же защищать Культуру, если не показать, насколько отвратительны разрушения?! Только слабые опасаются громко заявить, насколько гнусны вандалы. Повторяю, АРКА не политическая организация, а чисто культурная, почему она и сносится с ВОКСом. Ведь ВОКС существует именно для культурной связи. Великий грех Германии в том, что она первая подняла меч и запятнала себя вандализмом. Мы все не политические работники, а Культурные деятели и должны бороться за общечеловеческое творческое достояние. Мы должны осуждать вандализмы, где бы они ни происходили. Вы помните мою статью “Анжелюс” по поводу вандализма над картиной Милле в Лувре. О вандализмах Маслова мы тоже не молчали. Приходилось писать о вандализмах в Европе и в Азии. Множество развалин свидетельствует о дикости и жестокости во всех веках и народах. “Сожжение сует” Савонаролы, костры инквизиции, костры невежества еще догорают. О сохранении культурных сокровищ мы неустанно предупреждали человечество во имя светлого будущего. Чужою, как Вам трудно, но борьба за Культуру нелегка! Тем славнее она! В борьбе умножаются силы! Вот и снежный январь! Большие деревья падают под тяжестью снега. Дорога опять прервана. Телеграф несколько дней не действует. О чем думаем? Посылаю два листа — “Герои” и “Любите Родину” — прочтите и перешлите в ВОКС для добавки к “Славе”. С этими мыслями встречали Новый год. С этими мыслями жили более полвека. Оставляем их молодому поколению. Много русских сердец поверх всех преходящих трудностей живут мечтою о славе любимой Родины. И эта слава рождается не из шовинизма, но из быстрокрылой мечты о светлом будущем. Привет всем народам Великой Руси. На пожарище возведется дом прекрасный. Израненные стены и башни вознесутся еще краше. Народы еще глубже поймут ценность своего творческого достояния. Да будет! И будет расцвет мысли и творчества. У Вас, наверно, уже готов годовой отчет АРКА. Много полезного можно включить в него. Главное — Ваша постоянная выставка и разные выставки по всяким городам и школам. Ваша переписка, беседы с молодежью. Когда отчет напечатается, пришлите в двух, трех пакетах сюда — очень пригодится на общую пользу. *Per aspera ad astra!* [Через тернии к звездам — *лат.*] Надеюсь, что Вы уже получили “Весну священную”, и на этот раз без всяких нелепостей. Если Мясину еще что-нибудь будет нужно, я дам эскизы на тонких бумажках и пошлю обычным письмом, а Вы на месте дадите их наклеить (ведь простые письма еще не запрещены). Получили мы открытку из Алжира от Потоцких — первая весточка “с того света”.

Разбирал переписку прошлого года — вот письмо Грабаря и мои ответы ему: и телеграмма, и письмо, вот мои весточки к Б[орису] К[онстантиновичу], вот приветствие к юбилею Репина, вот письмо в Славянский Комитет... много чего, и все как в пропасть! Не разберешь, где почтовое действо, где что иное. А где возвещенное ВОКСом письмо художников? Конечно, Вы замечаете, сколько сложностей возникает в мире. Держитесь крепко и ведите неоспоримую линию Культуры. Под этим знаком пройдете.

В мыслях с Вами, шлем бодрость и преодоление всех трудностей.

Сердечно,

Н.Перух.

P.S. Пришлите англ[ийское] письмо, чтобы я сообщил его лектору. Помяните смерть Кауна, Бринтона, Ланмана.

Некий здешний молодой человек резво засобирался ехать в Америку читать университетский курс здешней истории (точно это так просто!). Я говорил, что без *определенного* приглашения ехать невозможно. Теперь, пожалуйста, напишите мне по-англ[ийски] на бланке нашей Академии так, чтобы я мог переслать ему о трудных местных условиях. О том, что наши друзья — проф. Ланман, Каун, д-р Бринтон, которые могли бы помочь, — умерли. И сейчас время наиболее трудное. Если у Вас имеются еще соответственные данные о школах и университетах — напишите. Увы, сейчас везде трудно, а такой приезд мог бы оказаться Вам в тягость. Итак, буду ждать Вашу отписку по сему поводу. Может быть, в будущем будет легче — оставим ему некоторую надежду.

1. III. 45

Родные наши,

Прилетела Ваша весточка от 12-го декабря с двумя циркулярами для членов АРКА. Много в письме печального, но и много строительного. Оба циркуляра хороши, и они принесут свою пользу. Можно в них поминать все, что я посылал в АРКА для передачи в ВОКС, — ведь Вы туда, наверно, посылаете и эти циркуляры — это дает жизнь. Много полезное надо проталкивать упорно, иначе затеряется в суматохе быта. Особенно на дальних расстояниях приходится напоминать усердно. Хорошо, что почетные советники откликаются — они не должны быть бессловесными. Пришлите (по-англ[ийски]) письма молодежи — здесь их можно поместить с пользой. Пришлите список воспроизведений, полученных Вами из ВОКСа, есть ли среди них Врубель, Серов, Бенуа? Жаль, если, как Вы пишете, качество воспроизведений неважное. У нас здесь имеется большое воспроизведение моего “Гонца”, изданное Госиздатом в сорока тысячах [экземплярах] в красках, но качество воспроизведения очень неважное. Жаль, качество — прежде всего. Неслыханный снег натворил повсюду много бед. Обрушивались дома, были жертвы. Был охвачен снегопадом широкий пояс от Дарджилинга до Кветты. Январь был урожаен в смысле очерков: были в “Art and Culture” (Калькутта), в “Hindustan” (Калькутта), в “Twentieth Century” (Аллахабад), в “All-India Weekly” (Бомбей), в “Malabar Herald” (Кочин), в “Indian Review” (Мадрас) — так опять по всей Индии прокатилась русская мысль о значении Культуры и творчества. Часто видишь свои слова в чужих статьях без упоминания, откуда они. Но это неважно — лишь бы пригодились кому-то с пользой. Значит, читают и примечают. Потому-то не следует сетовать и на распространителей воспроизведений — невольно и они полезны. Какая героическая молниеносность в Русских победах! Неслыханно, чтобы в один день брать тысячи мест, и среди них — первоклассные крепости! Какая-то непобедимая лавина! Что-то суворовское и кутузовское!

Среди взятых мест мелькнули Скерневицы. Жива ли там церковь по моему проекту? На архитектурном конкурсе был избран мой проект, а когда конверты вскрыли, оказалось, что автор — художник. Было удивление! Жива ли мозаика в Почаеве? Там были собраны древнерусские воители. Эскиз мой был у Щусева. Жив ли храм в Талашкине? Эскиз мой был в Смоленске в тенишевском музее? Живы ли мозаики в Пархомовке около Киева? Живы ли мозаики в Шлиссельбурге? Жива ли часовня во Пскове на мосту через Великую? Сколько рассыпалось! Не скоро узнаем, где и что сохранилось. Вообще, сложность этого года, по-видимому, превзойдет все бывшее. Всем придется напрячь все распознавание и всю внимательность. Газеты присылаемые почему-то совершенно не отражают художественную жизнь. Здесь изданная Ренцем брошюра о нашем Пакте встречает сочувствие и добрые отзывы. Но истинно культурные люди могут послать лишь добрые мысли. Конечно, Платон заповедал, что мир управляется идеями. Пусть так и будет. Главное, помните: “Если ты устал, начни еще. Если ты изнемог, начни еще и еще”.

Эта весточка дойдет к Вам к 24-му марта. И здесь, и там будет помянут Памятный День — ведь нынче уже четверть века. Вы писали, что книги вместо одного доллара продаются в магазинах за девять долларов. Значит, велика потребность. А где эти читатели — не нам судить. Послал Вам пароходом брошюру о Пакте. Там речь “коммерческого секретаря” (выгодная штука) пусть устыдится, если вообще у него остались стыд и совесть. Что творит мерзостное трио? Вам, как Дуккар*, приходится иметь тысячу глаз. Такое уж время армагеддонное. Легковерные думают, что все кончится и все “по щучьему велению” вдруг встанет на место. А не тут-то было! Каждый день газеты говорят о сложностях. И все-таки скажем: вместе с Русским Народом “вперед, вперед, вперед”. Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Рерих.

15.II.45

Родные наши,

Гораций сказал: “Живите сильными”. И никто и ничто не отнимет силу духа, крепчайший панцирь Света.

Главное, гоните всякое уныние. Если почувствуете приближение этого мерзкого гада, всеми силами искореняйте его. За унынием гнездится сомнение, а что может быть хуже! Помните, что сейчас всем в чем-то тяжело. Но не считайте безысходностью проходящую тучу, ведь “и это пройдет”. И как часто чувствуется нестерпимое нагнетение именно тогда, когда разрешение уже близко. Перед зарею тьма кажется особенно мрачной. Но много света в русских победах. У индусов есть две йоги: вира чара — путь героя и кшатра дхарма — долг воителя. Вот сейчас вспоминаются эти героические заветы, когда слышишь о русских победах. Конечно, мы их и знали, и ждали, но все

же дивно и чудно, когда они воочию претворяются. Алексей Толстой в статье “К славе” добром помянул великих русских воителей — Александра Невского, Суворова, Кутузова. Чего только не перевозмог Народ Русский! Нынешние герои всемирно утвердили Русскую Славу. Каждый из нас в своей области должен вносить свою лепту в Русскую Сокровищницу. Должен радоваться, что и ему выпала честь трудиться для Родины, для великой Родины. Присмотритесь к русофильской прессе и питайте ее доброю хроникой. Ничего, если не сразу напечатают, — “капля по капле и камень точит”. Нет ли лекции Рокуэлла Кента, здесь она бы очень пригодилась. Но сделайте к ней хорошую заметку — ведь он прекрасный художник. С ВОКСом держите связь — все это ко благу Культуры. Как Вы полагаете: хорошо бы устроить памятную доску Спенсера Кемпбелла в одной из студий. В учреждениях нередко отмечают память близких, павших на поле брани. А ведь Спенсер был так близок. Конечно, поступите как лучше по местным условиям. У нас опять были большие снега. Ломаются плодовые деревья — ущерб. Часто получаем запросы на конлановскую монографию — приходится отказывать, откуда взять ее? Некоторые наивные люди настаивают, что Рига теперь освобождена, значит, по их мнению, оттуда теперь можно получать издания!! Сколько каких книг у Вас теперь остается? Не остались ли по-английски фрагменты Дювернуа?* Сколько маленькой [монографии] Корона Мунди?* Вероятно, у Вас есть список всего. Подсчет сил всегда нужен, а сейчас особенно. Нет ли вестей из ВОКСа или от Грабаря? Удивительно, он писал в апреле. Я получил его письмо в июле и тогда же телеграфировал ему и послал письмо отсюда и через Вас. С тех пор прошло семь месяцев и — ничего! Мы-то сношения сохраняем, но выходит однобоко! Прошли в печати сведения об избрании Патриарха Алексия, первый раз при участии вселенских Патриархов. А вот на наших глазах вандал Хорш уничтожил Часовню преподобного Сергия, уничтожил русский музей. Общественное мнение трусливо промолчало. Но на Руси теперь вандалы сурово осуждены, и вандализмы Маслова уже невозможны. Народ прозрел. Все похищенное немцами будет востребовано, а уничтоженное будет восполнено из художественных собраний Германии. Справедливо! Из Музея Современного Искусства прислали какую-то нелепую выкройку костюма, не хотят ли они сделать кунсткамеру ужасов?! Какое вреднейшее влияние на молодежь! Ромен Роллан ушел, Алексей Каррель ушел. Уходят те, кто был духовно близок. А кто ушел из художников? Группа “Мира Искусства” почти вся перешла в Надземные Миры. Дягилев, Бакст, Бразер, Сомов, Серов, Трубецкой, Петров-Водкин, Григорьев, Головин, Рылов, Яковлев, Щуко, Фомин, Замирайло, Чехонин, Нарбут... может быть, за эти годы и еще кто-нибудь? Сведения так случайны, так редки. Не слышно о Павле Кузнецове, Миллиоти, Сарьяне, Крымове, Уткине, Якулове, Феофилактове. Не слышали ли об Анисфельде, Добужинском, Бенуа или о Билибине, Лансере, Лебедевой, Яремиче? Ни газеты, ни радио их не поминают.

Видимо, за эти недели Вашего письма не будет. Итак, живите сильными и преодолевайте. Друзьям всем сердечный привет.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Сейчас пришло Ваше пароходное письмо от 13-го ноября. Спасибо — то, что нужно.

1.III.45

Родные наши,

Пришло Ваше письмо от 30.12.44. Чуем и понимаем заботы нашей милой Зиночки. Все недоуменные вопросы, рожденные теперешней смятенной жизнью, гнетут, а люди мало понимают истинное сотрудничество. Что поделаете, именно “per aspera ad astra”! Хорошо, что Дедлей остается президентом АРКА. Хочется нам, чтобы он глубоко чуял, какое великое дело он совершает, служа взаимопониманию двух великих народов. Часто мы сами не отдаем себе отчета в пользе приносимой, но посев прекрасен, и каждое семя где-то взойдет и отоплит чье-то тоскующее сердце. Шлем милому Дедлею все наши сердечные мысли. Чем больше труда и препятствий в благом деле, тем больше чести отважным деятелям. Дельное письмо Марковой. Хочется, чтобы еще больше поминались отрывки получаемых писем, — таким путем корреспонденты больше привлекаются к сотрудничеству. Если Базыкин уехал, то Вам придется сосредоточить сношения с ВОКСом. Не удастся ли через Д[утко] наконец нащупать причины странного молчания Б[ориса] К[онстантиновича]? Если не он сам, то жена его могла бы известить Вас или нас. Да и с Грабарем удивительно выходит. Впрочем, “и это пройдет”. Хвалю Уида за его соображение об ассоциированных членах — он прав, “где слишком много няnek — там дитя без глаза”. Пошлите Шкляверу и Конлану наш добрый привет. Конечно, для регулярной переписки время еще не наступило, да, вероятно, еще не скоро настанет. “Шапочный разбор” — труден. Неужели “Весна священная” все еще не дошла? Дошли ли посланные брошюры, потом “Пакт”, а теперь через одно издательство посланы четыре [монографии] Конлана. Любопытно, дойдут ли? Было из Санта-Фе письмо от Мориса, надеется на возрождение Арсуны. Ждем годовой отчет АРКА — как-то на него откликнется ВОКС. Все приходится говорить пословицами, вот опять: “Капля по капле и камень точит”. Бедная, бедная наша Катрин, как мы о ней горюем. Недавно слышали мы такой рассказ: “Летчик взят в плен, пытался бежать, пойман, расстрелян. Через два года живой и здоровый вернулся в Бомбей”. Всяко бывает! На столе — портрет Спенсера, такое славное лицо.

Видимо, у Джина все хорошо наладилось — радуемся. Теперь все больше приходится слышать о неурядицах, тем дороже сведение об успехе. Что Мясин? Получил ли ответ на свой проект? Среди всяких предмирных толков особенно приятно слышать о Культурных начинаниях. Нечасто поминается слово “Культура”, а ведь она — единственная основа прочного мира. Валентина прислала свою отличную статью “Психическая энергия”. Все лучше и лучше пишет она. Молодец! Только подумать, как сидит Валентина в Майями со своим маленьким Мишей в маленькой комнатке и пишет о

предметах, так неотложно нужных людям. Жаль, нет другой газеты. И самой ей бывает горько и смутно, впрочем, кому сейчас сладко? И никогда она не узнает, кому помогли ее добрые писания. Так и везде — посев на пользу общую, безымянную. И у Вас то же происходит.

Теперь представим себе, что было бы, если бы преступный вандал Хорш не разрушил русский Музей. Нарастали бы и русский, и американский отделы. Образовалась бы прекрасная возможность культурного единения двух великих народов. Вверху были бы соответственные учреждения. Так должно было быть, но темная рука вандалов все разрушила. Конечно, Вы можете напомнить и другие разрушения. Наш русский музей при [Обществе] Поощрения [Художеств] разрушен. Музей имени Куинджи разрушен. Музей имени Григоровича (писателя-народника) разрушен. Вероятно, это все было и уже не будет. По всему судя, не будет, а вот хоршевский вандализм и был, и будет. Прямо удивительно! Что за психика у разрушителей, особая порода двуногих! А может быть, и “лавры” Герострата подстрекают. Как-никак, а прославился. Но “и это пройдет”, а Вы, дорогие друзья, трудитесь над священным делом строительства. Будем рады получить отчет АРКА — здесь он попадет в руки добрых друзей. У нас необычная погода — мороз по утрам. Набегают снежные тучи — все переменчиво, как современное человечество! Сколько людей за это время переходило много раз из рук в руки. Что за психология складывается у этих переходящих? Хорошо, что Вы помянули в списке Магдалену — она полезна. Нет ли сотрудников из школьных деятелей и из молодежи учащейся? Илья писал о хороших инженерах из Москвы, не были ли они у Вас? Итак, смело в дальнейший путь для общего блага.

Сердечно,

Н.Перух.

15.III.45

Родные наши,

Спасибо за письмо от 17.I.45. Как печально, что у Вас опять лазарет! Может быть, с весной и здоровье окрепнет. Конечно, не надо сырых овощей и плодов — вареные лучше. Радует за Джина — сколько новых людей он встретит в своих разъездах. Мы отлично понимаем, что сейчас он ничего не может сделать для “Flamma”, но он может не забывать о Культурном деле и сеять огненные семена при новых встречах. Вы знаете, как ценны такие добрые посевы. “Flamma” есть чистый огонь сердца*, и пусть он горит и в пути, и около очага. Мы видим, что Джин и Жаннет не забывают “Flamma”, и даже их новогодняя карточка имеет знак “Flamma”. Для должностных лиц берите, кто лучше и ближе. И вообще, в нынешнее смутное время действуйте как можно проще. И без того всяких тягот много. О “Славе”, о получении ее Вы писали, но что они думают с ней делать? Впрочем, и тут пусть будет, что будет, ведь “и это пройдет”. “Шапочный разбор” нелегко совершится, и дозор может показать самые как бы неожиданные картины. Было

письмо от Ильи — и письмо доброе, и о Вас хорошо поминает. Видимо, и они ничего не имеют от родных, а ведь до войны они переписывались. Что же такое теперь случилось? Пусть Валентина еще мужу напишет — не удастся ли [эту] энигму разрешить. Полагаю, что нельзя выставлять эскизы у Тейлора; и Вы хорошо сделали, отказав им. Конечно, в Совет [Общества] А[гни]-Й[оги] можно выбрать всех, кого Вы помянули, а Сикорского — библиотекарем. Чем больше людей удастся привлечь к действительному сотрудничеству, тем лучше. Когда люди поймут, какую лепту они могут внести в дело Культуры, то они во многом прозреют. Хоть бы Магдалена нашла себе занятие поближе к Вам. Странно — людей мало, а как только покажется дельный человек, он не находит себе применения. Везде так, и даже Армагеддон не изменил такое уродливое положение. Магдалена прислала к рождению Е.И. трогательное поздравление, сопровождаемое ее хорошей графикой. Передайте ей наш сердечный привет. Отличная сотрудница, вот бы таких еще полдюжины. Какая помощь была бы Вам. Опять имеются признаки, что письма пропадают, а научный журнал из Америки, получаемый Светиком, почему-то в последнее время попадает в “отдел мертвых писем”, хотя адрес совершенно ясен. Кто знает, может быть, и письмо от художников, о котором Вы писали, где-нибудь застряло. И опять возвращаемся к загадке о “Славе” — эта энигма, которая до нас дошла, а ведь таких может быть много. К сожалению, энигма о Б[орисе] К[онстантиновиче] разрешилась печально. 9-го марта от Татьяны Григорьевны получена из Москвы телеграмма: “Борис тяжело болен, находится в госпитале”. Телеграмма шла одни сутки. Сейчас же мы телеграфировали. Вероятно, положение критическое.

Еще на днях из Мадраса я получил сообщение, что мне были высланы оттиски моей статьи, но я их так и не получил. Из Франции и из Бельгии мы ничего не имеем, а из Швейцарии даже художественный журнал больше не приходит. А ведь где-то кто-то, может быть, сетует на нас, не получая нашего ответа, и не представляет себе истинное положение вещей. Недавно экспрессная телеграмма из Лагора шла к нам пять дней (а ехать туда два дня). А что поделявает “секретарь коммерции” и его приспешники? Глаза и глаза за такую бандою. Неужели “секретарь коммерции” после всех скандалов все же может оставаться? Ведь для коммерции нужны безупречные люди. А как Ваша секретарша? Опять та же проблема — люди ищут работу, а найти людей невозможно. Вот и 24-го марта — четверть века! В какое сложнейшее время исполняется эта памятная годовщина. Пришли письма от Джорджии Формани (Буффало), Виллиам, Реед (Бостон) и поздравление от Катнера — если придется, передайте ему мой привет. Адрес Кирилла Клеменса (Общество Марка Твена, Webster Grove, Missouri). Только долетело Ваше письмо от 25-го января. Очень тронуты Вашим сердечным отношением к бедной Катрин — ведь редко бывают такие чистые сердца, как Спенсер. Наконец-то “Весна [Священная]” доплыла к Вам. Приложенная Вами газета полна значения. Воображаем, сколько таких же газет повсюду. Неужели сорок биллионов окажутся в таких грязных руках? Даже слов не хватает. Зорко наблюдайте. Тяжки последние рычания Армагеддона. Плывите вдаль во славу Культуры. Сердечный привет друзьям. С радостью принимаем Ваши избрания в [Обществе] А[гни]-Й[оги].

В духе с Вами,

Н.Перух.

1.IV.45

Родные наши,

К Пасхе скажем о весне, о победах, о памятнике Русской Славы — о Троице-Сергиевой Лавре. Запоздала у нас весна, но зато теперь расцвела она на редкость. Горы — в снегу, а внизу поля всех тонов зеленых и желтых — ячмень и горчица. У нас цветут абрикосы, персики, сливы, нарциссы, дафодиллы, гиацинты. Наливаются почки вишневые, распускаются рододендроны. Солнце еще не палит. Токуют фазаны. Заливается сова. Прилетели удоны. Лучшее время — весна, самое нежнокрасочное, многокрасочное. А победы гремят. Радио передавало монтаж нового фильма “Дмитрий Донской”. У меня была картина “Пересвет с Челубеем”.

Ваших писем за эти недели не было. С письмами просто беда! Писал мне из Англии некто Хорнеман — ответил ему, а письмо мое вернулось обратно. Вернулись мои письма к Альбуэрно (Буэнос-Айрес), к принцу Евгению Шведскому, к Мансону (Швеция), а уже о Швейцарии, Португалии, Франции и говорить не приходится. А ведь, наверно, Шауб-Кох или Коимбра провешились бы. Еще недавно Юрий не получил посланную ему из Лондона книгу.

Почему нельзя послать Вам четыре книги Конлана, а из Америки журналы постоянно приходят? Какой-то издатель из Калькутты хочет переиздать для Индии “Алтай-Гималаи”. По-прежнему спрашивают монографию Конлана. А где Лукин? Цел ли? А Блюменталь, Рудзитис? Все они писали бы, если бы это было возможно. Опасаемся, дойдет ли наша телеграмма жене Б[ориса] К[онстантиновича]. Дело в том, что через четыре дня с нас запросили копию этой депеши — не значит ли сие, что где-то она заблудилась. Ведь так мы не получим дальнейших сведений о Б[орисе] К[онстантиновиче]. Странно, очень странно, напишите им открытку. Пришло от Инге славное, сердечное письмо — вот чуткое сердце! И еще трогательное письмо от Джина по случаю его избрания в директора [Общества] А[гни]-Й[оги]. Он верный сотрудник, неутомимый деятель. И его, и милую Жанетту берегите сердечно. Как он тепло поминает Вас обоих — видно истинно любит. У нас были неиспользованные “Flamm’ю” воспроизведения индусских картин. Сейчас Ренц печатает брошюру “Культура Индии”, и я ему даю эти воспроизведения, иначе их просто насекомые уничтожат. Конечно, Ренц упомянет, что они от “Flamma” — ведь журнал “Flamma” не состоится, ибо главные подписчики были в Китае, в Латвии, Эстонии, Литве, во Франции, а теперь все они рассеялись и живы ли? Второе издание [монографии] Конлана сделано от имени “Flamma”, и это пусть Джин запишет в актив. Не упустите ничего, что можно записать и в актив АРКА. Не только выставки и собрания, но каждое доброе слово, каждая полезная посылка уже есть истинный актив. Прочтите “Письма о новостях

науки" ("Science News Letters") от 23-го декабря 44-го — там любопытные астрономические новинки и медицинские чудеса. Только бы строго исследовали новые средства, а то польза в одном не дала бы вреда в другом. Уже бывало — откроют, а потом предупреждают о вреде. Помните, на римском съезде я предупреждал о возможных последствиях рентгенизации картин. Была резолюция — вообще, от резолюций шкафы ломаются, а в жизнь они не проникают. Как ночью — в подушку! Прилагаю образец папки — мы их покупали в ботаническом магазине.

Размеры были 18 на 12 дюймов, как мои темперы. Не могли бы они послать нам, сколько в одну посылку разрешается. Они были дешевые. Инге пишет, что у Франсис были деловые бумаги — следует ли видаться с нею? Но ведь вся деловая часть не должна быть нарушена — из этого мог бы произойти вред. А ведь именно теперь дозор очень нужен. В присланной газете поминались письма — вероятно, это письма к Франсис. Так, и в самые сложные времена поминайте Псалом Давида: "Вечером водворяется плач, а наутро радость". И не знаете, откуда и как приходит эта желанная радость. Мало ее на свете, и тем драгоценнее каждый ее проблеск. Да осветит она путь Ваш! 24-го марта мы прочли новейшее сообщение ТАССа: "Сейчас реставрируется Троице-Сергиева Лавра как памятник Русской Славы".

Сердечно,

Н.Перух.

Родные и любимые,

Каждое Ваше письмо мне радость. Вижу рост духа Вашего. Истинно, дух, осознавший свое бытие и в Надземном Море, не может ограничить себя ощущением лишь мира видимого. Он понял полноту бытия и прилагает иные мерки к происходящему на плане земном. Сердце ему подсказывает, где он может лучше, тоньше и острее уявить свои сердечные энергии-качества. Так и письмо милой Инге принесло мне большую радость. Прекрасное сердце ее мне известно, и я дорожу ее привязанностью к Катрин и всем нам, родные. Прошу мою Зиночку передать ей мою благодарность и нежность к ней за уявленное мужество и понимание. Конечно, Инге можно видаться с Франсис. В жизни мы должны действовать целесообразно и не можем избегать неожиданных встреч. Часто враг оказывается лишь переодетым другом. Одно, два добрых слова могут переродить сознание. Доброжелательность — самый мощный магнит. Предоставьте всех членов их судьбе — *не вступайте* в объяснения. Напишу ей и Катрин. Пришла весточка и от Эми. Она знает, что значит утрата сына, и найдет лучшие слова для поддержания духа родной Катрин. Очень жду письма от самой Катрин, всем сердцем понимаю глубину ее горя, но надеюсь, что она найдет силу сердца осознать **Счастье**, уявленное ее сыну, и мужественно утвердится на терпении, ведь разлука лишь временная! Любовь в Море Надземном несравнима с нашим земным чувством! Нужно помнить это.

Также хорошо представить себе, сколько несчастья, сколько ужаса творится сейчас во всем мире, и много ли матерей и жен, которые могут знать о счастливом переходе их близких? О той заботе, которая может быть оявлена прекрасным душам? Но Спенсер получил исключительную заботу, и

это осознание должно твердо жить в сердце матери. Знаю, что моя Зиночка явит красоту сердца. Семья Джина и Дедлея — нам родные души.

Родные, держитесь вместе, любите и поддерживайте друг друга.

Шлю любовь и всю верность,

Е.Перух.

15.IV.45

Родные наши,

Порадовались мы Вашим письмам от 10-го февраля. И от Марковой доброе письмо — привет ей. Вы поминали письмо от Инге, но оно не было вложено. Хорошо, что выставка АРКА преуспевает. Хорошо, что напоминаете ВОКСу о “Славе”, — когда-нибудь ответят. Хорошо, что Уид входит в работу. Хорошо, что годовой отчет АРКА скоро будет готов, — ведь и в ВОКС он подойдет. Видите, сколько хорошего. А особенно хорошо то, что Вы все это хорошее усматриваете, радуетесь и набираетесь сил для будущего труда. Так и действуйте по местным условиям. Пелл — очень хороший человек, Юрий его всегда добром поминает. Мы и так думали, что месячные оповещения понравятся членам АРКА, — чем больше связи, тем лучше возникает и сотрудничество.

Скончался Шапошников — великий русский стратег. Иностранные писатели называли его “мозгом русской армии”. Многими победами обязан ему русский народ. О болезни Б[ориса] К[онстантиновича] получена еще одна нерадостная телеграмма: “Борис опасно болен мозговой болезнью. Если течение болезни позволит, надеюсь через один-два месяца перевезти его домой из госпиталя”. Кто мог думать, что именно мозговая болезнь приключится, а мы-то думали о почках — он ими с детства болел. А выходит — мозг, видно, трудна была жизнь. И вполне ли поправится, если вообще оправится? Думали, почему они не пишут, а где тут писать, верно, не до писем было. Может быть, Д[утко] узнает еще какие-нибудь подробности — будем признательны. Только подумать, когда это письмо долетит к Вам, а уже текущий сезон кончился. Опять — через все препоны — думать о будущем сезоне. А ведь так необходимо пополнить кадры сотрудников. Неужели из молодежи никого нет? Если они завалены работой, то хотя бы внутренне могли бы приобщиться. Да и русский язык будет им очень полезен. Многие ученые и писатели очень дурного мнения о нынешней молодежи, но так ли это? Все-таки молодые сердца даже и в трудных обстоятельствах должны звучать на высокие запросы. Будет катастрофично для мира, если огрубение — одичание закралось в среду молодежи. Конечно, новейшая музыка как бы не предвещает ничего утешительного, но будем надеяться, что сие есть армагеддонная судорога. Иной раз радио заведет такие раздирающие “мелодии”, а какие-то сборища шумно аплодируют. Для молодежи такое времяпрепровождение как бы злейший опиум.

Впрочем, “цивилизованные” народы способствовали распространению наркотической травы. В здешних газетах сообщается, что в Чикаго нашли распятого человека в терновом венце. Он еще был жив и показал, что принадлежит к секте “контролеры мира” и дал себя распять, чтобы напомнить об этой организации. Куда же дальше? Газеты сообщают, что конференция в Сан-Франциско будет в театре. Какой это театр — оперный, опереточный, балетный или драматический? Постоянная труппа или гастролеры? Не ставил ли там Мясин, и какая судьба его балетного проекта? Посылаю адрес ботанического магазина, где имеются папки (в прошлое письмо он не был вложен), надеюсь, этот магазин еще существует. Большие опыты терпенья: в Риге под спудом пятьдесят картин, в Париже — сорок, в Белграде — семь, в Загребе — десять, в Америке — больше тысячи, пожалуй, и в Праге (13), и в Брюгге (18) тоже под спудом. Какой-нибудь историк искусства усмотрит эти странности. Все — этюды терпенья.

А книги тоже под спудом? Целы ли книги в Риге? Не у кого спросить о них. Краски порошковые: кобальт, оранжевый кадмий, красный кадмий. Пароходным пакетом послано два экземпляра “Eternal garment” [“Вечный покров” — *англ.*] — один Вам, а другой Л.Мясиному. Я поминаю его там. Пусть в жизни и там, и тут проявится хорошее и порадует Вас. А если взгрустнется иногда о безлюдье, — тогда вспомните конец прекрасной баллады “Бэда-Проповедник”*::

“Довольно! Пойдём, никого уже нет!” —

Умолк грустно старец, главой поникая.

Но только замолк он, — от края до края

“Аминь!” ему грянули камни в ответ.

Духом с Вами,

Н.Перих.

1.V.45

Родные наши,

Заспешили большие события. Уже в третий раз русские войска в Берлине — 1756-й, 1813-й, 1945-й — каждое столетие. Помните ли Вы мою статью “Не убий”, писанную после первой мировой войны, — тогда говорилось об убийстве и разрушениях. Теперь же все “усовершенствовалось” и придется вопить о неслыханных в истории человечества зверствах и жестокостях, об этих ужасных показателях одичания. Невообразимы жестокости немецкие, даже со зверями их сравнить нельзя. Вот в какие темные тупики забрели двуногие.

У Вас крупные события. Конференция! Рузвельт ушел. Речь Трумэна хороша, чувствуется честный деятель. Наверно, он изберет добрых советников. Кто теперь вице-президент? Ни радио, ни газеты не называли. Прилетели сразу два Ваших воздушных пакета от 5-го и 21-23-го марта с

интересными вестями, с письмами ВОКСа и Пелла. Других посылок не было. Сколько и добрых, и грустных сведений. Сколько смертей и болезней! Чудовищно сведение, что Метальников от пытки сошел с ума! Сколько испытаний, в которых люди показали себя в новом свете. Да, теперь начнется прилив сведений. И все не знаешь, о чем можно и о чем еще рано спрашивать прошедших горнило жестоких испытаний. Само время покажет. Конечно, можете посылать выставку моих воспроизведений. Также можно выставить костюмы у Тейлора. Очевидно, следует много писать в ВОКС — видимо, они вообще плохо осведомлены. Значит, чем больше писать, тем лучше. Для включения в отчет АРКА я уже давно посылал Вам “Крылья победы”. Непременно помяните о “Славе”. Странно, что староселье их достигло, а нашу работу будто не знают. Не узнаете ли чего о русской выставке у Шарпантье? Где остались вещи и после Четвертынской — там были еще и мои. Краски мы употребляем лишь порошковые (кобальт, оранжевый кадмий).

Приходят и еще любопытные вести. С.Дев пишет с юга Индии, что им устроен бесплатный, с полным пансионом, “Лагерь Культуры”. Там будут читаться лекции по Культуре — искусству, науке, истории, литературе. Между прочим, Дев на телугу прочтет три лекции: “Культура и Рерих”, “Международность и Р[ерих]”, “Рерих и Гималаи”. Интересное начинание, и деятель — еще совсем молодой человек. Радио сообщило, что в Монголии (Улан-Батор) имеется Государственный театр, Гос[ударственный] симфонический оркестр и целый ряд учреждений художественных и научных. Пожалуй, Монголия хочет перегнать Индию — ведь здесь еще нет ни Государственного театра, ни Гос[ударственного] симфонического оркестра, ни выставочных помещений. Сейчас ведутся обсуждения об организации Индийской академии искусства и литературы. Чуется, что в Индии будет блестящее Возрождение. Главное, нужно, чтобы правители показали личный пример и ободрили частную инициативу. Где-то находится в Улан-Баторе моя картина “Великий Всадник”. Она была в помещении научного комитета — там был центр культурной работы. А что же поделявает мерзкое трио с их “покровителем”? Верно, Вы слышали что-нибудь об их “действиях”. Они такие лукавые, увертливые ехидны. Может быть, кто-нибудь нащупает о них. А с Еременко сохраните добрые отношения, в конце концов, намерения его были хорошие. Может быть, через свою галерею он объявит о существовании его монографии — ведь не знаете, где и как спрос обнаруживается.

Катрин прислала прекрасное письмо, и при нем письмо директора школы, где был Спенсер. Отрадно, что педагог так отмечает светлый характер милого Спенсера. Читаете ли журнал “Times”, непременно прочтите от 5-го февраля. Думаю, что Вам не раз вспоминается, как изменился бы весь аспект войны, если бы было принято наше предложение о городах-музеях. Все фабрики, казармы, военные склады были бы вынесены далеко за город, и тогда не стали бы разрушать исторические реликвии. Когда-нибудь вспомнят и сделают. 18-го апреля газеты здесь объявили, что в Кабинете Трумэна ожидаются перемены, предположен уход Штетиниуса и Уоллеса — если здесь пишут, то в Америке, наверно, много комментариев. А здесь все спрашивают рижскую монографию, и все не понимают, почему ее нельзя достать. Удивительно наблюдать, до чего люди бывают далеки от

понимания действительности. Хорошо бы иметь список всех книг имеющихся — наверное, у Вас он есть.

Пожалуйста, пришлите 12 маленьких монографий Корона Мунди и парочку [брошюр] Дювернуа (по-английски). Пришли добрые письма от Катрин, Инге и Джина, дошли неслыханно скоро — 21-го апреля, а письма от 23-го марта. Будем надеяться, что теперь сношения ускорятся. Радует, очень радуется, что деятельность Ваша растет. АРКА и [Общество] А[гни]-Й[оги] дадут много возможностей. Действуйте согласно местным условиям. Вы поминаете об адвокатах. Давно сказано: “Где суд, там и несправедливость”. Хороший человек Хекнер — привет. Письм’а от Кента еще не было. Так хорошо, что к Вам идут новые, хорошие люди. Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Микешина — внучка академика.

Дорогой друг. Если будете писать Пеллу, не откажите передать мой сердечный привет ему и Хоржу.

Ваш Ю.Р[ерух].

15.V.45

Родные наши,

Итак, война в Европе кончена. Гитлер и Муссолини ушли. Уже нет Рузвельта. Во всей жизни почувствуется пропасть, и ее нужно спешно заполнить. Сделать это можно лишь культурой. Мир через Культуру. Но велики должны быть усилия народов, чтобы ненависть заменить строительством, творчеством. Уже шесть лет царила ненависть. Ее поощряли, воспитывали. Как бы целый школьный возраст воспитался на человеконенавистничестве. Экое длинное поганое слово! Какие просветительные усилия должны быть напряжены, чтобы излечить застарелые язвы. И откуда собрать дружины культурных деятелей, чтобы преодолеть заразные психические эпидемии? Опасны психические заразы. Их не излечить наркотиками. И захотят ли явные и скрытые ненавистники перековать мечи злобы на плуги просвещения? Всякая жестокость уже есть признак дикости. Люди нагладелись на всевозможные акты жестокости, свирепости, и много заботы потребуется, чтобы вернуть их сознание к культуре. Приказом не помочь. Пресловутыми Днями Культуры не пособить. Тут уже не одинокие дни, а все часы должны быть окультурены. Помогите школьный учитель! Помогите учительница, сестра милосердия. Одна надежда на женское чуткое сердце. И на Руси столько героинь проявилось. К нам приезжал представитель ТАССа — очень восторгался картинами, у него брат

художник. Полезен будет годовой отчет АРКА и для ВОКСа, и для ТАССа. Если мы все трудились для Культуры в течение войны, то колыми паче теперь эта работа необходима. Спрашивают, что сделано у нас за время войны. Скажем (для архива). Написано более тысячи картин, и больших, и малых. Целые группы их в Индоре, в Траванкоре, в Хайдарабаде (Декан), в Майсоре, в Техри Гарвал и в частных собраниях. В журналах и в газетах прошел длинный ряд очерков и листов дневника*. Печатается в Аллахабаде "Himavat". В Амритсаре — "Радость искусства". В Библиотеке "Нового мира" (в Дели) — "Рерих", "Пакт Рериха", "Культура". Вышло второе издание Конлана "Мастер гор" [B.Conlan, "Master of the Mountains"]. В Тривандруме вышло второе, дополненное издание книги Тампи "Гурудев Рерих" ["Gurudev Roerich"]. Переиздан симпозиум из "Archer" и "Искусство Р[ериха] в Индии". Помогали Красному Кресту (Русскому и Индийскому) и военному фонду. В Коимбре мой очерк: "Прекрасное". В Швейцарии делалась книга Шауб-Коха. Через АРКА послана в Москву "Слава". Отсюда ТАСС посылал в Москву ряд очерков. Так что, когда подведете итоги военного времени, получается немало происшедшего, несмотря на все трудности и препоны. Вы знаете, как трудно было переслать Вам для Мясина "Весну священную" и "Половецкие пляски". Если бы не всякие затруднения, то удалось бы и многое другое. Были лекции Санжива Дева и Рабиндраната Деба. Запросы на переиздание "Алтай-Гималаи".

Вы пишете, что Анисфельд и Бенуа умерли, а мы об этом ничего не слыхали. Если до Вас дойдет еще что-нибудь о художественной жизни, непременно сообщите — хочется знать, что и где творится. Спасибо, что холст прислали, — большая в нем недостача. Просил послать Вам 10 Конланов и по 6 изданий Ренца — надеюсь это удастся. Ведь должны же сношения улучшаться. Когда же и как услышим о картинах и о книгах в Риге? Может быть, услышим так же неожиданно, как Вы получили сведения из Парижа. Неисповедимы пути! Русская выставка у Шарпантье тем любопытнее, что еще раз показывает живучесть искусства, не погибающего даже в самых стесненных условиях. Не удастся ли Вам узнать, кто устроил эту выставку, кто участники, нет ли каталога?

Валентина прислала две свои статьи — "АРКА" и "Эволюция духа". Обе статьи очень хороши и полезны. Сердечный привет ей. Вот бы получше газету найти — для широкого круга читателей нужны ее статьи. Можно, если хотите, пометить мое письмо в АРКА 31-м дек[абря]1944-го. Жив ли Дымов? Он работал в "Новом Русском Слове". В "Daily Mirror" 8-го марта 45-го [года] имеется очень показательный снимок. Итак, зорко приглядывайтесь к новым условиям. Привет всем друзьям. Теперь будут выясняться многие судьбы. В вихре событий перевернулась великая страница истории человечества. Да плывет счастливо Корабль Культуры!

Духом с Вами,

Н.Рерих.

Родные наши, сейчас дошло милое письмо Дедлея от 24.3.45. Как всегда, оно пропитано светлыми, сердечными излучениями. Спасибо за добрые вести. Надеюсь, Вы не посылаете в ВОКС о судьбе картин Музея. Я говорил о составлении постепенного списка русских вещей в США, но было бы рано посылать малые частичные заметки в ВОКС. Список моих картин в амер[иканских] собраниях имеется в малой монографии Корона Мунди. Но не нужно сообщать в ВОКС о переименовании Музея и об этих картинах. В Вашем письме радуется рус[ский] язык Дедлея — за лето он еще укрепитя. Привет Вам всем — значит, Дедлей читает сам наши рус[ские] письма?

Духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Говорил Макиавелли: “Самое страшное в жизни не заботы, не бедность, не горе, не болезнь, даже не смерть — а скука”. Именно этого чудовища, скуки, у Вас и нет. Скучать некогда — все время завалено трудом. Глаза — на дозоре, энергия — в напряжении. Главное в том, что Ваша работа для Культуры не ржавеет. Годы пройдут, а все сделанное Вами не устареет. Человечество так туго воспринимает все культурные основы, что приходится твердить и твердить. Ужасы вульгарности, пошлости, жестокости препятствуют прониканию к сердцу нравственных постулатов, и опять крепкие, терпеливые дятлы должны преодолевать кору безобразий. “Дятел носом тук да тук” — певали дети. Дошла из Москвы запоздалая грустная телеграмма: Б[орис] К[онстантинович] перешел в иной мир. Хотя мы после вести о тяжелой мозговой болезни имели мало надежды, но все же печально, что не исполнилось его последнее желание еще поработать вместе. Где останется архив? Посылаю Вам копию нашего письма; пожалуйста, перешлите Татьяне Григорьевне.

Из ВОКСа Вы получаете сравнительно благополучно и быстро. Может быть, Ваша линия лучше. ТАСС недоумевают, куда деваются все мои статьи, им пересылаемые. Ни ответа, ни привета! И вернее всего — просто неразбериха. Но все же Вы получаете хоть какие-нибудь ответы. Значит, упорно твердите во благо Культуры. Нам пишут: теперь Армагеддон окончен! Ничуть не бывало! Вернее сказать, к концу близится. Утро близко, но еще ночь. Рокуэлл Кент прислал хорошее письмо, и я рад, что он наш друг. Думается, что и Норман Бел Геддес тоже дружествен. Хорошо, что и Ватсон с нами. Все, кто получше, — друзья. Жив ли Бурлюк? Неужели на путях АРКА он не замечался? Где Дерюжинский? Не слышно ли о Вернадском? Ростовцев? Стравинский? Судейкин? Где-то Лаурвик? Он был в С[ан]-Франциско — жив ли? Трудно их всех проявить. Жива ли м-с Тер в

Филадельфии? Славный она человек. Помните, она хотела сотрудничать, но как увидела Хорша, так, в ужасе, отскочила. Сказала: “Да ведь это преступник!” Где же ползает преступная шайка с их покровителем? Прискорбно, что ползают мерзкие двуногие, живущие ложью и грабительством, и никакие конференции не смогут им растолковать об основах нравственности. Лишь культурные учреждения могут, как неумолчный колокол, напоминать об истинных ценностях. Последствия Армагеддона будут сказываться немалое время. Пожалуйста, пошлите прилагаемое письмо Грабарю — адрес Вы имеете.

Трудно понять, где могут теряться письма, — потому пробую посылать всеми путями. Ваше последнее письмо было от 23-го марта. Неужели сроки полета опять удлиняются? Не пропала ли Ваша очередная весть? Теперь все должно бы ускоряться и упрощаться, а между [тем] этого пока не заметно. Не было ли из ВОКСа сообщений за это время? Еще до войны я писал Щусеву об обмене выставками отсюда и оттуда. Ответа я не получил, но мое заказное письмо не вернулось, надо думать дошло. ВОКС уже устроил выставку в Тегеране — значит, и здесь было бы возможно. В письмах *помяните* им о моем предложении. Ведь в свое время и первую американскую выставку я устраивал. Пусть у них в архиве сохраняются памятки о нашей культурной работе. Газеты сообщают, что девушек-парашютисток, спущенных в Марселе, купали в вине и натирали сигарным пеплом, чтобы они приобрели запах французских девушек. О tempora! O mores! [О времена! О нравы! — *лат.*]. Постепенно попадают сведения о художественных сокровищах, награбленных немцами. Были огромные экспертные грабительские организации. Так или иначе, а искусство признано сокровищем. Прислушивайтесь ко всему, что относится до ценностей искусства. Каждая крупница таких сведений должна быть сохранена. Непременно посмотрите бюллетень Музея Современного Искусства от января 1945-го № 3. Там найдете любопытнейшие отголоски парижской жизни. Надолго протянется художественная неразбериха, а искусство, как таковое, будет страдать. Жаль, не помню хорошее стихотворение А.К.Толстого: “Дружно гребите во имя прекрасного против течения”.

Наконец дошло Ваше хорошее письмо от 2-го и 9-го апреля. Спасибо Вам за многие сведения — все это нужно знать. Спасибо Уиду за желание помочь в деле курсов русского языка. Чем шире оно образуется, тем лучше. Удивителен список художников — ни системы, ни смысла. Когда же Айвазовский был историческим художником!! Да и многое другое! Злобность Коненковых не новость, уж такая их природа. Печально, если и у Вас письма идут целый год — вот так связь! Но продолжайте упорно во благо.

Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Родные наши,

Получили телеграмму от Инге о новой грабительской проделке Хорша. Отвечаем, что Картинная Корпорация, как большинство, может протестовать. Может быть, Уид может посоветовать, ибо, очевидно, задумано перенести “действие” в другой штат. Вероятно, зная разделение штатов, грабители что-то удумали. Джин теперь живет в Вашингтоне — не услышит ли он чего на месте. Во всяком случае, в Картинной Корпорации Вы — большинство и можете протестовать. Помните, Вы писали, что они Вам предлагали через адвоката триста вещей — значит, они считались с Корпорацией. Действуя посредством публикации в журнале, грабители выказывают крайнее невежество, ибо этим путем можно лишь умышленно уронить ценность. Может быть, они и хотят совершить и такой вандализм. Кто же в мае продает картины? Самое мертвое время. Будем ожидать следующих сведений. Будем помнить, что еще недавно Хорш через своего адвоката предлагал Редфильду дать Вам триста картин, — значит, они очень считаются с Картинной Корпорацией. Мировой “шапочный разбор” ужасен! Только подумать, что впервые мирная конференция происходила под гром французских пушек в Дамаске. Еще в “Алтай-Гималаях” я напоминал, что тогдашняя бомбардировка Дамаска французами не создаст друзей. Бывало, французы говорили: “На укус мух не ловят”. Да и конференция во Фриско началась джазом: “Вернись ко мне, возлюбленный”. Вот тебе и возлюбленный! Лондон указал Парижу — прекратить стрельбу. Ну и прекратили. А как же насчет “возлюбленного”? Так он в джазе и останется? Видимо, японцы получают свою карму за свои деяния. Кроме многого, они приютили у себя целую свору фашистов из русских отбросов. В Харбине мы достаточно наслышались и натерпелись от этих бандитов. Помню, как пришел ко мне некий Юрий Лукин с упреками за мои заботы о культурных ценностях. Конечно, их фашизм и Культура не имеют ничего общего. При безусловной сдаче Японии, надо думать, и все тамошние фашистские гнезда будут искоренены. Вот и у Вас имеются всякие мерзейшие двуногие, и Вы правильно возмущаетесь, видя, как преступные рэкетеры выходят сухими из воды. Кто, когда, как покончит с этой ядовитой заразой? Много ли преуспели администраторы, пытавшиеся воздвигнуть поход против растущей преступности? А ведь она растет! Зверство множится. Жестокость вкореняется. Итак, Вы опять на “военной тропе” в защиту культурных ценностей. Можно протестовать, но помните старую поговорку “Где суд — там и несправедливость”. Особенно же, когда преступник имеет неопровержимого современного адвоката по имени “доллар”. Вполне естественно, что Корпорация может заявить письменный протест. Впрочем, и эти строки к Вам дойдут уже во второй половине лета. Неужели теперь жизнь лишь на “пути войны”, а жить в мире люди вообще не умеют?! А еще древнейший Египет заповедовал: “Мир лучше войны”. Сколько смуты в мире — от государств до очага. Нам передавали о пресловутом американце Кельце такие подлые гадости, что прямо содрогаешься — неужели подобные гангстеры существуют, а ведь эта гадина и посейчас где-то ползает и смердит. Вы, вероятно, знаете, что Базыкин занимает теперь большое место — заведующий американским отделом в Наркоминделе. Непременно

пошлите ему парочку отчетов АРКА с приветом. Пошлите и Грабарю — адрес его знаете, да и в Славянский Комитет. Десятого июня московское радио сообщило, что Уоллес сделал вредительский выпад против СССР, и многие сенаторы и конгрессмены выступали возмущенно против Уоллеса. В чем дело? И что он сейчас делает? Ранее Лондон сообщал, что Уоллес отставлен от коммерции. Вероятно, Вы слышали, где и что он? Помните, была икона “Сторучица”, а у буддистов была Дуккар — тысячеокая. Вот такую и приходится быть, чтобы увидеть за тридцать земель. Мысли наши с Вами. Мысли добра и бодрости.

Духом с Вами,

Н.Перух.

1.VII.45

Родные наши,

Наконец долетело Ваше письмо от 4-го мая. По-видимому, Ваше предыдущее письмо или где-то застряло, или, чего упаси, пропало, а ведь в каждом столько полезных сведений! Душевный привет Ирине Яссен за стихи. Отрадно, что дух ее устремлен ввысь. Относительно Академии — вполне понятно, что Вы не можете одновременно уделять силы по всем направлениям. Всему свое время, и люди подходят вовремя. Вот в древних пирамидах зерна не потеряли свою жизнеспособность. Любопытно, что за журнал выходит в Уругвае — посмотрим.

Пришел Ваш пакет с очень дельным циркуляром Дедлея — как полезны такие оповещения. Конечно, их посылаете в ВОКС. Очень хороша и статья Зины — весьма пригодится, все это — строительство. Валентина прислала свою последнюю статью “Мы и дети”. Пусть она собирает свои статьи, из них составит отличная книга — так ей и скажите. Хорошо, если бы Магдалена получила место в Нью-Йорке, — так нужны добрые сотрудники. По [Обществу] А[гни]-Й[оги] тоже ничего особого не сделаете. Главное — распространение книг. Через магазины. Сама жизнь подскажет, который канал окажется лучшим. Насколько время и силы позволяют, нужно постепенно переводить еще не изданные книги. Хорошо, что Вы имели письма из ВОКСа — они дают материал для ответа, для запросов. Некоторые переписки представляют целое творчество. Не только академическое взаимоосведомление происходит, но и зарождаются действия — такова и Ваша переписка с ВОКС. Особенно теперь, когда война кончилась, такое культурное сотрудничество должно расцвести ярко. Когда-то люди оценят работу ради Культуры, не от безделья, не от пресыщения, но от устремления к светлому будущему. Оповещайте, зажигайте сердца. Удалось ли Вам послать сюда несколько маленьких монографий Корона Мунди и Дювернуа? Кстати, кроме посланных в Ригу клише, у Вас их должно быть очень много. Где-то находятся в Риге клише, посланные Вами из Нью-Йорка? Где все картины? Даже и адреса не знаем — куда запросить? Радио

помянуло председателя ВОКСа Пименова — хотелось бы больше знать его произведения. Также хотелось бы знать архитектурные достижения Веснина. Он очень знаменит в Москве, а в Гималаях мы не имеем данных. Уже давно к нам не доходят московские газеты, а радио очень скупо. Где наши друзья-рижане — Лукин, Блюменталь, Рудзитис? Не забудем, что они издали сборник “Мысль” в 1939-ом в Риге — этот первый голос единения и братского сотрудничества с народами Союза. Проф. Кирхенштейн — глава Латвии — писал в этом сборнике. Там были мои “Оборона” и “Александр Невский”, а также В.А. [Шибарева] “Служение Родине и человечеству”. Все это имейте в виду. Хорошо бы перевести мой лист “Не замай” с годом — ведь он был написан до войны, а и сейчас неплохо о нем напомнить. Пусть бы Валентина перевела. Так в мире сложно сейчас, но зато сколько движения, а из движения образуется и достижение. Странно, что Париж безмолвствует, и видимо, и Ваши письма туда не доходят — значит, есть какая-то особая причина. Конечно, все это когда-то объяснится, но когда и как? И в то же время нельзя беспокоить друзей письмами, кто знает — какие у них особые условия? Прилетело письмо Джина от 24-го апреля — летело долго. Джин правильно говорит, что они посылали карточки “Flamma” членам. Именно такие памятки я и имел в виду, когда предлагал, чтобы время от времени отеплять друзей. Вот некоторые и откликнулись. Огнем сердца можно и привлечь, и ободрить, и простить. Что такое с Жаннет? Неужели опять неладно? Джин надеется повидать Вас в Вашингтоне. Не удалось ли Вам повидать посла или секретаря? Вероятно, Вы хотели передать им отчет АРКА. Здесь ждут отчет АРКА. Не думаете ли, что лучше начинать много раньше составлять отчет, чтобы он не выходил в самое глухое летнее время, когда все в разъездах; в передвижениях мысли рассеяны. Каждый день ждем весточку о выступлении грабителей. Вспоминаем, как Хорш проделывал свой грабительский план уже с 1924-го года. Затем он старался уверять, с 1930-го года, что план дома не практичен, и в 1935-м году, наконец, завершил ограбление. А теперь уже десять лет действует Музей, выставки, Школа, и вся наша программа вдруг оказалась настолько практичной, что даже при убогом управлении Хоршей все существует. Понимает ли публика все происходящее? Впрочем, общественное мнение не существует, а такие типы, как Гребенщиков и Завадский, даже боятся пикнуть против вандализма Хорша. Хорош и пресловутый судья Франкенталер! “Гадина, гадина, сколько тебе дадено?” И ведь мало того, что ограбили, — гадины продолжают ползать и вредить русскому делу. Впрочем, что им до русского дела! Но не будем погружаться в прошлое. Иногда полезно освежить память, но прошлое не должно заслонять будущее.

Печально, что почта опять испортилась. Между тем у Вас, наверно, набирается много всяких новостей. В ящиках — в Либерти — могут быть и ценные документы, а может быть, и книги. Все думается, а вдруг из ВОКСа добрая весточка?! Радует, что Вы предполагаете отдохнуть. А там не за горами опять труд — опять добрые оповещения об АРКА, опять переписка, опять борьба за лучшее будущее. И как трудно дается лучшее будущее, тем почетнее борьба за него. Наверно, из членов АРКА образуются хорошие друзья. Вы уже имеете несколько — пусть множатся. Всем друзьям — и старым, и новым — душевный привет.

Духом с Вами,

Н.Перух.

15.VII.45

Родные наши,

Лето стоит душное, жаркое. Ливни начались рано, и дорога уже смыта во многих местах. Почта, и без того плохая, еще больше затруднилась. По-видимому, и везде теперь нелегко. Прилетело Ваше письмо от 22-го мая, и дошел пакет с лекцией Терещенко — интересная лекция. Будем ждать теперь отчет АРКА. В письме Вашем — и доброе, и печальное. Доброе — в свидании с секретарем — пусть укрепляются хорошие сношения. Непременно пришлите шесть анкет. Печальное — в деле с грабителями. Надеюсь, что Редфильд подтвердит предложение Хорша, — это чрезвычайно важно. Ведь Редфильд порядочный человек и поймет, насколько такое заявление существенно. Знают ли проходящие, что кроме открыток можно покупать и оригиналы? Что Мясин? В газетах пишут, что Нижинский был убит немцами в Будапеште.

Спасибо за папки — прилагаю еще образец, чтобы магазин не подsunул нечто другое. Конечно, и холст всегда нужен, а папки — для маленьких. Письмо Шк[лявера] лишь доказывает, что друзей нельзя еще беспокоить перепиской. В Ригу тоже нельзя писать, да и по какому адресу? Приходит вопрос: отчего сейчас так трудно все и везде, почему рассеялись, разбежались люди, зачем лишь односторонняя наука овладела умами? Не оттого ли, что человечество задвигалось из одной пещеры в другую, обременилось переноскою своего скарба, засемило, затопталось... Много всяких причин этого неслыханного смятения. В новые сосуды переливают старое вино. Уж не прокисло ли? И если кто-то принесет очень добрую весть среди суматохи переезда, пожалуй, ее выметут с ненужными клочками бумаги. Что же делать? Опять притулиться и промолчать? Или вопреки очевидности громко твердить о подлинных сокровищах? Да, да, “дружно гребите во имя Прекрасного против течения”. А коли засмеют, примите гоготанье как похвалу гусиную — ведь иначе они не умеют. Ну, лишний раз вспомните Сократа, Аристиды, Платона, Перикла и всех, на кого клеветали современники. Жаль, не сохранилась темница, в которой томился Фидий... Вообще, какой назидательный музей ужасов, кунсткамера глупости могли бы сложиться во славу невежд. Но ведь: одно невежество — случайность, второе — совпадение, а третье — уже привычка. Упаси от скверных привычек. Очень интересно, как удалась Уиду его покупка “Помни”? Мы Вам телеграфировали: “Не начиная судебного дела, Корпорация может послать Хоршу протест, тем подтверждая существование Корпорации”. Думается, что письменное заявление можно сделать и не начиная суда. “Где суд, там и несправедливость”. Несколько тысяч долларов всемогущи. Вы уже видели, как сие делается. Главное, помните, что адвокат Хорша предлагал

Редфильду триста картин, — это было лучшее подтверждение существования Корпорации. К тому же это было совсем недавно. Значит, Хорш признает Корпорацию. Очень любопытно знать все подробности покупки “Помни” — какие цены, какие именно вещи? Вообще, всю обстановку следует зафиксировать. Только подумайте, кроме Корпорации была и единогласная декларация 1929-го года, подписанная живыми людьми, занесенная в журнал инкорпорированного учреждения, и все участники живы, и подписи Хоршей закреплены. Имейте под рукой эту декларацию — вдруг может потребоваться. Не забудем, как президент Кулидж приветствовал наше Учреждение, а затем наша декларация была представлена Президенту Гуверу. Мы ни о чем не просили Президента, но лишь осведомили его о состоявшемся постановлении. Помните обо всем этом во избежание кривотолков. Ведь Хорш и его приспешники — мастера извращать и лгать. Также Вы отлично знаете, как взял Хорш деньги за shares Картинной Корпорации. Пришли добрые письма Валентины и Мориса (он надеется возобновить Арсуну). Мисс Прат (Ист-Вест) в Лос-Анджелесе сообщает, что в канадском теос[офском] журнале появилась моя статья. Мисс Прат, видимо, наш друг. Кстати, не слыхали ли Вы о большом собирателе искусства Аренсберге — кажется, в Лос-Анджелесе? Мы только что слышали о нем много хорошего — он затратил на коллекции более пятидесяти миллионов. Слушаем радио и удивляемся, как ругают Черчилля. Мы его не знаем и судить не можем, но эта ругня через несколько дней после окончания одной войны и во время другой войны показательна. Так или иначе, Черчилль содействовал победе, болел — не щадил себя, изумлял всех своей расторопностью и энергией. И вдруг — его же собственные министры! Вот так признательность народная! Все это поучительно. А “шапочный разбор” по-прежнему труден. И вся жизнь так трудна сейчас. Но будем крепко держаться во имя Культуры. Недавно прислали из Лондона забавную невежественную книжку. В ней меня называют разрушителем западной цивилизации. Конечно, мы никогда не любили механическую цивилизацию — очаг войн и человеконенавистничества и всегда ратовали за Культуру. Очевидно, какие-то невежды даже не понимают различия между цивилизацией и Культурой. Уж мы-то, во всяком случае, не разрушители, но всегда были и будем строителями. Много строительных посевов возшло на полях земных. Вот и последнее детище наше — АРКА преуспевает и утверждает о созидательном взаимопонимании. А сейчас это так нужно, как никогда. Именно: “Через все препоны — к звездам”. Если вчера АРКА и ВОКС были нужны, то завтра они будут еще нужнее. Потому — вперед и вперед. Не смутимся, что сообщения трудны. Да, многие друзья писали и хотели бы писать, но велик провал и обвал. Такие всюду особые обстоятельства. Вот какие дела — сейчас из Москвы дошла телеграмма от Татьяны Григорьевны: “Детали болезни слишком трагичны для меня, простите молчание. Не приедет ли кто-либо?” Может быть, Д[утко] узнает, в чем дело? Очевидно, там что-то очень грустное. И везде так. Но пусть, наконец, солнце проглянет. Берегите друзей — душевный привет!

Духом с Вами,

Н.Перух.

Об анкетах знаете лишь Вы и Дедлей.

1.VIII.45

Родные наши,

Пришло Ваше доброе письмо от 5-го июня. Вместе дошло и письмо от Валентины от 7-го июня с подробностями о Б[орисе] К[онстантиновиче]. Спасибо ей за ее сердечные мысли. Из статей и писем у нее сложится отличная книга. Отлично, если Магдалена останется в Нью-Йорке, — такая прекрасная сотрудница. Интересно, как у нее пройдет выставка репродукций? В добрый час! Пусть и русский курс Марковой растет — все это так нужно. По-видимому, издатель Конлана не смог послать 10 экз[емпляров] и 6 — Ренца. Формальности невообразимые. Большая радость от Вас — пришла книга Макаренко, тринадцать малых монографий и четыре — Дювернуа; спасибо, все это полезно. Значит, посылка из Америки дошла без препятствий. А вот с холстом дело трудное. Прилагаю копию письма Эльзингера. Конечно, сейчас же мы написали по его совету в таможенную — посмотрим, что выйдет. Непонятно, почему Ваша прошлая посылка холста дошла благополучно, а теперь такая заморозка. Неужели вместо облегчений все труднее становится?! И почему Вы можете посылать книги, а мы Вам не можем?! Абракадабра! Хоть вообще картин не пиши! Как понимаем мы стремление Дедлея к новой работе АРКА и ВОКСа — преддверие. Что может быть выше культурной работы! Могут приблизиться неожиданные возможности — ведь особенно теперь для всего пути особые. Наверно, у Дедлея обостряется устремление к новой работе в предвидении всяких приближений. Ничего, что от ВОКСа редки посылки, продолжайте учащенно писать им — “Gutta cavat lapidem” [капля точит камень — *лат.*]. Пароходною почтою я послал Вам два симпозиума. Потом пошлю еще, а теперь пошлю пакет с репродукциями. Хоть таким путем пусть доходит. Жаль, что отчет АРКА все еще не дошел. Он очень полезен здесь. Но устремимся вперед. Иранский поэт XII века Низами сказал: “Не отчаивайся в несчастье, помни — светлый дождь падает из темных туч”. Кроме картинной корпорации и декларации 1929-го года надо особенно помнить, что Хорш представил в суд никем не заверенную и написанную его женою “копию” с несуществующего документа, которым все trustees будто бы подарили Хоршу свои shares Учреждения. Хорош судья, который принял такую явно сфабрикованную “копию”. Этот чудовищный факт надо помнить, ведь он достаточно выясняет всю преступную сущность грабителей. Кто такой Валерий Терещенко? Если Вы с ним хороши, то не посоветоваться ли с ним о хоршевских деяниях? Впрочем, Вам виднее. Особенно четко нужно помнить самое главное, не затуманивая мелкими фактами. Среди главного не следует забыть, как Хорш грабил Катрин, Сутро, Стокса, Дедлея. Даже не гнушался трудовыми сбережениями Людмилы и Рябинина. Эх, если бы существовало общественное мнение! Но доллар царит и запечатывает совесть. Позорная

золотая печать. “Life” сообщает, что грамотность в японской армии выше, чем в американской. Неужели это возможно? Но не стал бы американский журнал без основания пускать по миру такое прискорбное утверждение. Значит, тем ценнее и неотложнее все просветительное, все культурное. Тем непростительнее все культуру разрушающее. И ведь не одними бомбами разрушается культура. Бомбы это трескучий апофеоз мрачной оперетки “Акультура”. Но заразительный мрак сеется в семьях, в школах — всюду, где от невежества зарождается человеконенавистничество. Культурные учреждения должны перепахать все сорные поля и сеять добрые, всхожие зерна. Увы, это не трюизм, но неотложное требование. Истинно, такие ассоциации, как АРКА, должны расти. Скажите Терещенко, как рады мы были читать его лекцию “Русский — это брат народов”. Хорошо сказано. Дал переписать и посылаю в журнал. Жаль, что отчет АРКА еще не дошел. Жаль, что и все европейские друзья еще молчат. Да и когда сообщения освободятся? Сколько ступеней освобождения должно быть еще пройдено! И все время получают запоздалые подтверждения о том, что нечто пропало, не дошло. И уже не воскресить таких умерших вестников. Сейчас [пришло] письмо от Альбуэрно (сердечный привет ему); он думает, что мои письма возвращаются из-за неверного адреса. Вовсе нет — цензура полагает, что в Аргентину писать нельзя. Много моих писем вернулось, и к нам многое не дошло. Думается, что мои письма в Москву — Грабарю, Гундорову и прочие тоже не дошли или ответы пропали. ТАССу передам отчет АРКА, но хорошо бы и Вам найти местного представителя ТАССа — наверное, он имеется в Нью-Йорке. И через консула его можно найти. Ведь и ему отчет АРКА полезен. Каждая веточка даст росток. Вот и Вы, и Валентина справедливо огорчаетесь газетными выпадами против нашей Родины. “Из-за кустов леса не видят!” Близорукие злые писаки! Скажу: удвоим наши усилия во имя Культуры. Лето душное. Много смятения в мире. Каждый чует эти болезненные судороги. Превозможем. Сердечные мысли — друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

15.VIII.45

Родные наши,

Конец войны. Ваша поездка в Голливуд нас порадовала. Отдохнете, наберетесь свежих впечатлений, повидаете новых людей. Разведаете об Аренсберге. А тут, если что-нибудь спешное произойдет, то ведь Инге и Катрин на ферме. Да и что произойдет в августе — самый мертвый месяц. Телеграмма от Катрин: “Протест сделан через Редфильда. Консульские invoices высланы”. (Наверно, имеются в виду анкеты.) Может быть, именно хорошо, что протест сделан Редфильдом, — ведь ему адвокат Хорша сделал предложение о трехстах картинах. Давно не было очередного письма Зины, впрочем, почта очень плоха. Конец войны! Дошел Ваш интересный пакет с

выставочным окном, с письмами членам АРКА, со второй копией лекции Терещенко — все это очень пригодится. Одному нашему другу эта лекция так понравилась, что он хочет устроить ее издание здесь, — посмотрим. Недавно из Дели мы слушали Лядова. Вспомнилось, как мы думали о совместной работе — русский балет-пантомима. Все было уже надумано, но грянула война, и был убит талантливый сын Лядова — мой ученик. В военной буре все смелось. Много таких черточек вспыхивает при случайных напоминаниях. Тонкое, истинно музыкальное дарование Лядова еще недостаточно оценено. Сын его был бы большим художником, но был унесен еще в начале войны. Из Линца (Австрия) пришло письмо от одного рижанина. Упоминает, что картины находятся в надежных местах. Но где? Остальной инвентарь Общества ликвидирован. О книгах, о клише не поминает. Вот какие отрывочные сведения доходят из неожиданных мест. А в результате мы все-таки ничего не знаем. Для коллекции курьезов прилагаю выписку из “Malabar Herald” о находке на вершине Апарата Ноего ковчега. Русский летчик (и фамилия дана) уверяет, что он видел на вершине остатки огромной лодки. Вот и Ноев ковчег найден, теперь только дело за Раем. Но это уже много трудней. Всякие курьезы бывают, а вот толковых сведений о нужных предметах не получить. Отчет АРКА сейчас дошел. Каждый строительный камень так нужен сейчас. Некоторые организации, вспыхнувшие во время войны, начнут поникать, но АРКА останется как адамант*, высоко неся свое культурное назначение. Отчет прекрасно звучит. Подождем отзвуков из ВОКСа. Наверно, Вы послали Грабарю, Гундорову, хорошо бы в Библиотеку Академии наук и Академии художеств. Очень интересно, каковы будут ответы. Жаль, что теперь всякая переписка требует на оборот многие месяцы. Когда же человеческие отношения придут в приличное состояние? Если можно, пришлите еще десяток отчетов. Хорошо показать, как самоотверженно трудятся Культурные деятели. И ведь так редки действенная помощь и сочувствие. Недавно здесь мы читали “Завещание Бернарда Шоу”. Он правильно порицает нынешних почитателей героев. Поставив своего героя на пьедестал, они молятся ему, но подражать в жизни не пытаются. Там же он говорит о необходимости для молодежи “этической религии”. Конечно, нужна не механическая цивилизация, но культура. Не устанем твердить о культурных сокровищах. Вот новый пример. Сообщены новости Потсдамской конференции*. Много говорено о фабриках и ни слова о культурных ценностях. Точно бы этот краеугольный предмет считается неважным и не заслуживает внимания. Без Культуры ни машины, ни границы не дадут истинный прогресс человечества. Хотя бы в воспитательном значении не забывали напомнить о Культуре. Лейбористы хотят все национализировать — огромная задача! В том же потоке им придется подумать о Культуре, об Искусстве. Нельзя утешаться мечтой, что народ уже культурен. Если сами американцы признают, что грамотность страдает в их армии, то ведь от грамотности до Культуры путь еще очень длинен. Ох как длинен! ТАСС прислал книгу воспоминаний академика Крачковского. Отличная книга. Побольше бы таких мыслителей. А вот лагорская газета (“С. и М.”) рассказывает о змеином культе в Америке (Теннесси). Солдаты должны были вмешаться, чтобы разогнать тысячи сектантов, обвиняющих себя гремучими змеями. Неужели это правда? Если так, то чем же бороться с

оголтелыми гремучими змеевиками? Только культурные ассоциации могут противостоять всем диким пережиткам. Советую Вам вырезать из газет всякие курьезы. Получается своеобразное “верь — не верь”, а иногда для убедительности очень пригодится и такой человеческий сор. Да, страшна безграмотность, но еще страшнее цивилизованный дикарь. Опять великие события! Как бы люди ни были приуготовлены к ним, но все же потрясает великий ритм происходящего. При начале авиации мы писали: “Лишь бы только самолеты не послужили для убийства и разрушения”. Опасения оправдались. Теперь об атомических бомбах можно сказать: “Лишь бы они не вызвали катастрофу”. Даже сами изобретатели предупреждают, что космические лучи могут взорвать всю “фабрику”. Конец войны! Тем напряженнее пусть будет труд во благо человечества. С новыми силами — вперед!

Духом с Вами,

Н.Рерих.

1.IX.45

Родные наши,

Ваше последнее письмо было от 5-го июня — значит, по крайней мере, два Ваших очередных письма или блуждают, или, чего упаси, пропали. А в них должно было быть столько интересного. Должна была быть описана покупка Уида со всеми характерными обстоятельствами. Наверно, было и об АРКА. Вот один хороший писатель и критик Санджива Дев пишет по поводу отчета АРКА: “Искренно благодарю за Ваше вдохновительное письмо и за отчет Вашей АРКА, который я глубоко оценил. Какое прекрасное дело совершает АРКА! Слава АРКА!” Также одобряют отчет и все, кому я послал его. (Пришлите еще.) Ведь похвала в Индии несется и в Америку — никогда не знаете, где и как добро отзвучит. Семена добра всхожи — не нам судить, где и как взойдет урожай. Будем сеять без устали. 23-го августа Светик женился на Девике Рани — она племянница Рабиндраната Тагора и самая блестящая звезда Индии. В середине сентября ждем их к нам. Итак новое обстоятельство, новый союз — пусть будет счастье с ними; ее второе имя Лакшми — богиня счастья. Помните мою сказочку “Лакшми-победительница”? Люди толкуют о единении Тагора и Рериха. Кто мог думать, когда Тагор к нам приехал в Лондон четверть века назад? Где и как сплетается нить! Станные письма приходится получать: “Почему Вы не оцениваете текущих событий? Вы, как страж на Гималаях, как Святогор, перед Вами кипит котел жизни, но о нем Вы храните молчанье. Какие причины?” Милые мои, сами догадайтесь. Но они далеки от догадки, от разгадки. Вот опять запросы о книгах, и не понимают, что из Риги их нельзя получить. Тандава Кришна торопится издать книгу и просит спешно выписать цветные клише. Как ребенок — не понимает, что это не в наших возможностях. В Гоа хотят печатать — тоже просят о клише. Эта монография

предположена по-португальски и будет по третям разослана в Португалию, в Бразилию и здесь для Гоа. Автор Фонтес — совершенно не знаю его. Вполне понятно, что ему нужны цветные клише, но помочь ему невозможно. Отписываюсь — сделаю, мол, при первой возможности — но когда она представится? Другой торопит: “Пишите, пишите, мы сделаем из писем превосходную книгу”. А того не знает, что в Кулу и бумаги-то вообще нет. Все обещают, но пока безнадежно. Из-за незнания местных обстоятельств много недоразумений родится. И не рассказать их всех. Газеты сообщают, что в Калькутте ходят голые процессии из-за отсутствия тканей. Опять какой-то гротеск — “верь — не верь”. Вот сейчас радио сообщает, что американское правительство назначило пять тысяч долларов за открытие, кто преждевременно сообщил о сдаче Японии. Опять какое-то “верь — не верь”.

Вспомнилось из далекого прошлого. На одном пылком собрании художников — мне пришлось против воли на нем присутствовать — наконец принялись кричать: “Что же делать? Что же делать?” Со всех сторон начали шептать мне: “Скажите! Успокойте!” А когда я сказал: “Что делать? Писать хорошие картины”, — как они рассердились за эти три слова! Пожалуй, и теперь уже кто-то сердится за напоминание о Культуре как о ключе к действительному миру.

Всегда мы говорили о добром качестве материалов, а теперь приходится довольствоваться третьим сортом. Холста здесь вообще нет. Картонов — нет. Клей плох — приходится вспоминать о материалах Лефранка. Да и кисти приличные тоже кончились. И.Э.[Грабарь] сообщает, что все слышит о смертях друзей. А сколько мы еще услышим! Также И.Э. пишет, что им придется переехать. Неужели такая дороговизна ожидается? Впрочем, радио сообщило, что Трумэн распорядился, чтобы цены не возрастали. Но другое радио передало о массовом увольнении рабочих и служащих — ведь это начало безработных?! Трудно сейчас координировать сведения радио и газет. Где правда? Помните, как Ан[атоль] Франс писал о судьбах газетного листа. Утром газетный лист гордо вершит судьбы мира, а вечером позорно кончает свое существование. Пришел холст — спасибо, большое Вам всем спасибо. Любопытно, какова ширина его должна была быть? Дело в том, что одна сторона холста вся в каких-то вавилонях и ширина разнится от 37 до 34 дюймов. Уж не была ли часть наспех в пути вырезана? Но отлично, что холст дошел, — такая в нем нужда.

“Hindustan” — калькуттский трехмесячник — дал мое воззвание “Слушайте — спешите”, посвященное кооперации, — получилось хорошо. Да, теперь только культурная кооперация может обеспечить прочный мир. А сколько доброжелательства потребуется, чтобы сгладить щербинки кооперации! Увы, темный дар ссор и клеветы властвует. У Вас хранится мерзейший образчик клеветы — “Esquire”. Куда же дальше идти? Конечно, сей “журнал” оказался шайкою мошенников и был прикончен, но сколько подобных бандитов процветает под прикрытием пресловутых “покровителей”!! Доколе эти человечьи омывки будут торжествовать над справедливостью? И вот, когда Вы все сие видите и претерпеваете и все же сохраняете бодрость и добротворчество, — тогда тем больше Ваше преуспевание. В огненном горниле куется прочная сталь. Так и говорили, что “шапочный разбор” труден. Нужны силы, нужна воля, чтобы пережить и эту

армагеддонную фазу. Совершенно непонятно, каким образом пресловутый “покровитель” все-таки остается у денежного сундука? Впрочем, “тридцать сребреников” все еще процветают. И какие космические сдвиги требуются для обуздания мерзости! Наверно, Вы читали отзыв Б.Шоу об атомических бомбах. На всякий случай приложу вырезку. Да, в каком-то давнишнем романе ученые вычисляли количество динамита и глубину колодца на экваторе, чтобы взорвать, расколоть Землю. С воздуха теперь это ближе, если от двух бомб погибает полмиллиона людей, а сила бомб может быть безмерно умножена.

А все-таки запросите еще раз о судьбе “Славы”. Неестественно, чтобы она сгнула без последствий. Можете сказать, что это сведение Вам нужно для следующего отчета — так оно и есть. Вдруг великий интерес, а затем пузыри и на дно. Что делать, нужно исследовать. Пришло воздушное письмо Джина от 15-го июня (удивительно долго летело) — жалуется на невозможность найти достойного человека для их дела — увы! Не новость! Жалуется на отвратительных людей — и это не новость, всюду так. Трудное время — пожалуй, самое трудное. Телеграмма от Катрин о хоршевских злодействах. Советуем еще раз написать ему, настаивая на Вашем большинстве голосов в Корпорации. Пусть последнее *слово остается за Вами*. Значит, Хорш не отрицает саму Корпорацию — спрашивается, как же он действует, не спросясь сочленов? Раз Корпорация существует, то и число картин, опекаемых Корпорацией, тоже определено. У Е.И. являлась даже такая мысль: не поместить ли в том же журнале маленькое объявление о существовании Корпорации, опекающей картины? Но, конечно, нужно принять во внимание местные условия. Так или иначе, *последнее слово должно оставаться за Вами*. Не вечны же “покровители” темных дел. Кто сейчас вице-президент США? Видно, не дожидаться Вашего очередного письма — неужели условия почты и цензуры не улучшатся?! Ведь и с ВОКСом Вам так трудно сноситься, а как полезное дело может расти, если условия мешают обоюдности? Но будем преодолевать. Привет сердечный всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Анкеты все еще не долетели.

Привет членам АРКА.

Е.И. полагает, что это мое обращение ладно для письма членам АРКА (конечно, если директора согласны). Войны кончены, и теперь надо начинать мирную работу. А она должна быть зачата в радости. Конечно, много горя везде, но его надо преодолевать огнем светлого творчества. Пришлите 10 копий обращения.

Сердечный привет Вам всем, дорогим поборникам Культуры,

Н.Перух.

Родные наши,

Прилетели, долго летели, четыре пакета с бумагами и Вашим письмом от 18-го июля. Наверно, какое-то Ваше письмо не дошло, ведь прошлое было от 5-го июня, а теперь от 8-го июля, т.е. промежуток в полтора месяца. А между тем могли быть подробности о покупке Уида, какие картины ему были показаны, каково было отношение, какие были замечания и всякое такое? Большое спасибо за бумаги. Странно, что они будто не знают, что здесь представителя нет, а сношения с Тегераном не налажены. Только сейчас в газете мелькнуло, что сюда скоро едет представитель. Тогда повидаем его. Вообще, все письма, посланные через Тегеран, остались без ответа. А между тем почему бы Грабарю, после его письма, не ответить? Сейчас после долгого промежутка пришло Ваше письмо от 3-го июля — вот так беспорядочно письма идут. Значит, наши предположения о блуждающем письме были основательны. Спасибо за сведения о покупке Уида — все это показательно. Его соображения об адвокате дельны, но как бы и этот адвокат не ввел бы в огромные, непосильные расходы? Потому мы и полагали, что пока, как временная мера, не лучше ли письменно продолжать протестовать, чтобы последнее слово оставалось всегда за Вами. Конечно, Вы правы, что расхищение имущества, переданного нации, недопустимо. Но где найдется адвокат, который примет во внимание принципиальную основу дела? Может быть, найдется второй Золя, вставший на защиту справедливости; но прежде всего берегитесь, чтобы не войти в непосильные расходы. Дело наше справедливое, и красивое, и ясное, но как найдется борец за правду? Где он? Налицо ясное постановление нашего Комитета, доведенное до сведения Президента. Отказа не было, ибо Комитет не просил, а именно доводил до сведения о даре своем нации. Спрашивается, для какого такого “Общества” Хоршу нужны деньги? Почему Уиду показалось, что Хорш в стесненных обстоятельствах? Какие именно картины были показаны? Сколько Хорш запрашивал, если уступил за тысячу долларов? Всякая деталь показательна. Вообще, дело можно строить лишь красиво и общественно, как оно на самом деле и есть. Прежде среди русских защитников мы могли бы назвать таких, кто не ради денег, но ради истины встал бы против преступников. Но где оно бескорыстие и благородный подвиг? Может быть, и есть где-то? Отзовись, защитник правды! Если вчера он не объявился, то, может быть, завтра поспешит за правое дело. Повторяем: мы сообщали Вам, чтобы последнее слово всегда оставалось за Вами. Нам представляется это дело не столько судебным, сколько общественным. Но для этого должен найтись какой-то гражданин Америки, который скажет, что расхищается собственность нации, приведет текст единогласного постановления нашего Комитета и потребует, чтобы картины были переданы в один из существующих музеев Америки. Кроме 1006 картин, принадлежащих нации и оберегаемых Корпорацией, там имеются 100 картин, которыми может распоряжаться Корпорация, — у Инге был особый список этих картин. Наше единогласное постановление 1929 года не было отменено, и если другие постановления нашего Комитета выполнялись, то нет основания, чтобы именно это торжественное единогласное решение

было игнорировано. Все лица, подписавшие его, живы. Пришла Ваша отличная и своевременная статья “Мир через Культуру”. Следовало бы включить ее в следующий годовой отчет АРКА — полезно. Пришло пароходное письмо от Джина (5.07) — милый, славный друг. Чувствуется в письме Джина одиночество, а может быть тревога. Да и как ей не быть! Вот и сюда дошла тревога об атомических “достижениях”, что же отстукивается в больших газетах, в центрах! Прочтите “Принципы электричества” Майнара Шиплея. (Канзас, 1925, с.44.)

Думается, что Валентине с ребенком трудно будет ехать в суровые условия. Но, Вы правы, им самим видней. Не привез ли ее муж еще подробностей о Б[орисе] К[онстантиновиче]? Нам пишут: “Армагеддон кончен”. Отвечаю: “Ничуть не бывало!” Кончен Армагеддон войны, а теперь на человечество надвинулся Армагеддон культуры. Еще более трудный! Человек, смятенный, истощенный, духовно обнищавший, должен сокрушить многих ехидн невежества. И много этих ядовитых кобр, заползающих в жилища.

Большое спасибо за папки — будем надеяться, что теперь, в мирное время, они дойдут без скандала. Пора путям сообщения наладиться. Послал Вам статью, бывшую в рижском журнале “Мысль” (1939), — там есть дата: 1916, запомните ее. Может быть, этот материал у Вас и имеется, но на всякий случай лишний экземпляр не мешает. Также может пригодиться и оттиск “Современники” — каждому защитнику истины это нужно знать. Вам нужно всегда иметь наготове неоспоримые факты. Итак, будем помнить, что сейчас протекает Армагеддон Культуры, и безбоязненно принесем наше мирное оружие — оно непобедимо. Привет, сердечный привет друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

1.X.45

Родные наши,

Прилетели сразу два Ваших письма — от 25-го июня и 1-го августа, видите, как беспорядочна почта. В деле Картиной Корпорации пусть последнее слово всегда остается за Вами. Хорши будут писать свои злостные небылицы, а Вы продолжайте твердить Ваши справедливые заключения. Непонятно, почему shares Майтланд до сих пор за нею? Десять лет прошло. Какая-то чепуха, но ведь она против Вас не пойдет. Дело Людмилы не останавливали, но адвокат Хорша говорил Редфильду, что, пока это дело не начато, Хорш не будет ничего творить с картинами. Как ни дряхл Редфильд, он должен знать этот эпизод. Во всяком случае, без честного, культурного, энергичного адвоката никуда не пойдете. Приходится пока отбиваться повторными утверждениями о Картиной Корпорации. Чтобы последнее слово всегда оставалось за Вами.

Будем помнить, что из пяти судей двое были за нас, а трое (конечно, предубежденных) — за Хорша, таким образом, не было единогласного

решения. А Вы знаете, какие приказательные телефоны давались преступным покровителем зла. И в будущем дело будет поставлено с принципиальной точки зрения — о расхищении имущества, принесенного в дар нации. Размножьте постановление 1929 года, чтобы каждый из Вас имел его под рукой. Пусть оно будет и у Уида, и у Магдалены, и у Валентины — у всех, кто должен знать его. Повторяю, что это постановление Комитета не может быть игнорировано, — иначе все решения Комитета за двенадцать лет недействительны. А ведь Учреждения жили и действовали по этим постановлениям. Но где тот защитник, который посмотрит четко и прямо в суть дела? Прочтите это Валентине.

Одновременно с Вашими письмами пришли из Москвы от Славянского Комитета два номера журнала “Славяне” — от декабря 1944-го и от января 1945-го. В декабрьском номере мой записной лист “Славяне”, но с измененным заглавием и со многими пропусками. Так или иначе, журнал дошел, хотя и через восемь месяцев. Может быть, и еще где-то было, но осталось неизвестным. Значит, Анисфельд жив — он всегда жил в Чикаго. Привет Бурлюку. Как-то умолк Стравинский. Что делается у Завадского? Хорошо, что послали Базыкину отчет и Грабарю. Пожалуй, лучше посылать непосредственно.

Приехал Святослав с женою. Прекрасное впечатление. Не только внешне, но и внутренне чувствуется хороший человек. Видимо, и сама Девика Рани почувствовала себя хорошо. Да, индусы и русские особенно близки. Принесли местные земиндары* богиню Трипура Сундри, пришли в праздничных нарядах, танцевали, гремели барабаны и здешние трубы. Пусть будет все хорошо!

Можете ли Вы слушать Москву? Хорошо, что спросили о Веснине и Пименове. Появляются новые композиторы, среди них Тренев (балет “Лоренцо”), в характере Равеля и Дебюсси. Наверно, много новых даровитых, но слышать их не удастся. Вообще, последнее время Москва у нас плохо слышима. Хотелось бы больше знать о деятелях искусства во всех областях. Достижения! Вот, в 1932-м году вандалы разрушили памятники на Бородинском поле и писали на развалинах: “Долой проклятое прошлое”, а в 1934-м по народному требованию исторические памятники восстанавливали. Затем, и Александр Невский, и Суворов, и Кутузов пригодились. “Война и мир” Толстого опять появилась, и Куликовская битва, и Полтава — все вспомнилось. 1932-й был плохим годом, ведь и масловский вандализм* к нему относится. Где-то записаны все вандализмы, чтобы обереечь народ от безумия. Тактика фигового листа ведет к бедствиям. Перед войной в Лиге Наций немец из Данцига показал “длинный нос” всему собранию, а Иден предложил на эту выходку: “Не замечайте! Не замечайте!” А заметить и почувствовать скоро пришлось. Вот и сейчас повсюду самое беспокойное положение. Никаким фиговым листом его не прикроешь. Армагеддон Культуры!

Говорят, что цензура снята и в Америку можно посылать книжные пакеты. Послал Вам три печатных пакета. Напишите, дойдут ли? Все эти материалы Вам нужны. Пусть будут под рукою, не знаем, кому, когда, как и что потребуется. И брошюру о Знамени Мира послал Вам, ведь кто-то ее не знает, а кто и знал — мог забыть за армагеддонные годы. Может быть, и

Магдалена в своем кругу посеет добрые зерна. Все культурное близко АРКА. Следим за радио и за газетами — и ничего не слышим о культурных ценностях. Не слышно ли у Вас чего-либо? А то выходит, что мир словно бы забыл о самом ценном, чем жив дух человеческий! Столько писали о немецких, финских, румынских вандализмах и грабежах, а теперь — ни слова! Непонятно. Следите за культурными новостями. Писали, что заставят вандалов восстановить все разрушенное и вернуть похищенное, а теперь замолчали.

Нужен, нужен Красный Крест Культуры. Какая ошибка — забрасывать культурные ценности напоследок. Хотя бы с воспитательной целью они должны быть поставлены во главу. Увы, народы очень нуждаются в воспитании, а сейчас, в хаосе переживаний, особенно. Некоторые надеются, что теперь все беды кончились и наступит благорастворение, и с этими людьми нужно поступать жалостливо и не слишком огорчать их. Бедняги сами узрят действительность. Британское радио не может скрывать о голоде, о массовой безработице, о разногласиях. Министры оповещают о критическом времени. Все это нужно как-то пережить. А тут еще губительные гамма-лучи, и ученые не знают размера последствий атомических “достижений”.

Последите, какие странные заболевания сейчас обнаруживаются. Показательно! Здесь ходит странная эпидемия. Получается сыпь, сильно чешется, как бы огнем обдаёт, потом озноб. Иногда доходит до нарывов. В деревнях толкуют, что это “от войны”. Не слышно ли и у Вас что-либо подобное? Конечно, много и воспалений слизистых оболочек. Надо надеяться, что врачи подмечают все такие поветрия.

В одном из прошлых писем Вы спрашивали, как быть с Академией в послевоенное время. Думается, начните собирать почетных членов. Сперва местных, а потом, когда почтовые сношения вполне наладятся, и иностранных. Конечно, неспеша. Таким путем обогатятся силы и подойдут новые возможности. У Вас уже имеются такие полезные силы, как Ватсон, Мясин, Олин Даунс, Радославлевич и др[угие]. Потом можно будет назвать таких крупных иностранцев, как Эпстайн, Местрович, Метерлинк, Радхакришнан, Халдар, Зулоага, Шауб-Кох, Мунк, Гордон Боттомлей, Конлан и др[угие] — но это потом. Все теперь должно обновляться. Много молодежи вернется к мирному труду и познанию. Задумана картина “Новые стены”.

Вы правы, на телеграмму из Польши можете ответить, что повсюду может быть культурная работа в пользу Знамени Мира, и Вы будете рады слышать об их успехах. Наверно, и в других странах проснется подобное культурное движение. В добрый час! Лишь бы побольше сотрудников. Вот беда, что Магдалена не нашла применения в Нью-Йорке, — она такая полезная сотрудница. Трагедия в том, что добрые сотрудники имеются и где-то стучатся мысленно, но путей не находят. Ведь пришли Магдалена, Валентина, Маркова, Сикорский, Уид — много полезнейших. Армагеддон Культуры всколыхнет новые, молодые силы. Сотрудники! Привет Вам на Вашем благом труде.

Сердечно,

Н.Перух.

Родные наши,

Только что отлетело наше очередное письмо от 1.X.45, как прилетело Ваше от 23.VIII.45 из Голливуда. Одновременно пришло письмо Мориса (спрашивает, где ему записаться в члены АРКА) — пошлите ему отчет — и чудесные весточки от Магдалены — передайте ей наши сердечные приветы. Прислала она свою графику ко дню моего рождения и свой портрет — такое милое, вдумчивое лицо.

По-прежнему повторяем, без особо хорошего адвоката ничего не начнете. Явилась у нас мысль — потолкуйте о ней между собою. Не сделать ли, чтобы Магдалена в какой-то дальней провинциальной маленькой газетке напечатала постановление 1929 года как документ значительный для народа Америки? Сделать это спокойно, без сенсации, как хронику о документе национального значения. Вы возьмете сто или двести номеров этой газеты — нам пришлете десяток. Через некоторое время то же самое можно повторить в Калифорнии, и так далее пространство будет насыщаться, и новые люди придут. Ведь этот документ не секретный, и народ Америки имеет право знать о нем и должен знать о своем достоянии. Обдумайте и сделайте, ведь так много маленьких местных газет.

Радуюсь Вашей поездке в Калифорнию, это так освежает. Пришло и милое письмо от Катрин — мы ее понимаем. Славный, славный человек она и Инге. Хорошо, что нелепый эпизод с Эми давно покончен. Говорят, что скоро здесь будет представитель, тогда мы прежде всего с ним переговорим. Для всего нужны добрые сроки.

Посмотрим, как улучшится теперь почта, — пора! Вы уже знаете, что монографии Корона Мунди и Дювернуа дошли. Холст дошел — большое спасибо. Отчеты АРКА дошли. Надеемся, папки и темпера скоро дойдут. Написал очерк “Армагеддон Культуры”. Нужно сейчас напоминать, что решение дел зависит прежде всего от культурного к ним подхода. “Русь” в ВОКС не посылал — если хотите, пошлите в ВОКС и в Славянский Комитет.

Английская пресса сообщает невероятные вещи об американцах в Японии. Говорят, это не оккупация, а какой-то карнавал с покупкой сувениров. Из Бельгии жалуются на аморальность американцев, также и из Франции. Что же это такое? Откуда аморальность? Сперва писали об австралийцах, а теперь все об американцах. Конечно, и Алексей Каррель тоже не поспешил на аттестации, но теперь неблагополучие прогрессирует. К чему же поминаем эти печальные вехи? Да все к тому, что Культура больна и народы нуждаются в заботливом воспитании. Значит, каждое культурное учреждение должно быть внимательно оберегаемо.

АРКА — как цветок целебный, пусть растет и крепнет. Знамя Мира пусть развевается и зовет к доброму созидательству и прогрессу. Красный Крест Культуры откроет свои благие лечебницы. Армагеддон Культуры гремит громче пушек. Вы сетуете на трудность переписки с ВОКСом — везде трудно!

Мой манускрипт “Himavat” уже год в руках издателей, и, судя по переписке, можно было ожидать, что книга уже готова, а вместо того получаю письмо с просьбой прислать манускрипт. Телеграфировал им — вот какие дела! Опять неожиданные письма — на этот раз из Китая от незнакомых людей о незнакомых людях. А от друзей ничего, словно бы они исчезли. Кажется, если незнакомцы могут писать и письма их доходят, то тем паче дошли бы письма от друзей. И где все рижане? Уж наверно, они хотели бы сообщить.

Теперь, как в старинном балете “Волшебные пилюли”, дом стал вверх дном, и из него вниз головой побежали на руках люди. Газеты повещают, что японский император хочет отречься в пользу малолетнего сына. Малолетний японский император, малолетний король болгарский, малолетний Далай-лама, малолетний Таши-лама — может быть, и еще найдутся малолетние — недурная конференция. “Times” повествует, как маршал Жуков, подвыпивши на каком-то банкете, нацепил свою звезду на Дорис Дюк. Если это вранье, то журнал нужно преследовать, а если нет... Только из газет и радио можно слышать всякие странности, и опять думается о Красном Кресте Культуры, и не только для военных времен, но вообще для неотложного воспитания народного.

О судьбе “Славы” Вы все-таки запрашивайте. Теперь летний разъезд кончился, и когда-то должны ответить, тем более, что Вам это потребуется для годового отчета. Все мы привыкли к точной и безотлагательной корреспонденции, и потому такие безмолвия особенно удивительны. Впрочем, теперь повсюду жалуются на падение переписки — цензура и скверная почта тому способствуют.

Была ли у Вас связь с Wadsworth Atheneum (Хартфорд, кажется, Коннектикут) — там много русских театральных эскизов и костюмов. Для Ваших списков — хороший материал. Что же Мясин? Каковы его планы? Ведь не зря же эскизы посылались. Или сейчас, в “мирное” время, дела еще труднее, нежели во время войны? ТАСС прислал серию изданий Академии наук — полезный материал.

Сейчас нам передавали показательный случай с переливанием крови. Индус, природный вегетарианец, не пьющий, не игрок, опасно заболел. Без его согласия и ведома ему перелили чью-то кровь. Через месяц он потребовал мяса, вина, пива, и привычки его круто изменились. Вполне понятно, но пора подумать о последствиях.

Пришло письмо Джина от 9-го сентября. Мы очень понимаем его заботы, но у кого их нет теперь, когда загремел Армагеддон Культуры. Одно можно сказать: “Вперед и вперед”. Либерти была тесна для Джина, и ему удалось выйти на широкую дорогу, а на ней много всяких встречных, и приятных и неприятных, — ничего не поделаешь. Почему Жанетт полетела — для сердца полеты нехороши? Пусть не слишком хлопочет по дому — слишком утомляться ей вредно, пока опять окрепнет. Часто сердечно думаем о них и о Вас: сколько у Вас хлопот, и как мало помощников. Дрожат ритмы смятенного мира. Всюду смятение. “Если устал, начни еще. Если изнемог, начни еще и еще”. Такова жизнь, таково преодоление. Привет Вам всем нашим славным, родным в духе.

Сердечно,

Н.Перух.

P.S. Сейчас прилетело Ваше письмо от 12.IX.45. Относительно подарка бюста прежде всего запросите ВОКС, и если им можно послать, то и пошлите.

1.XI.45

Родные наши,

Прилетело письмо Зины от 23.IX.45 — такое содержательное и славное. Предложения Уида нам нравятся — правильны. Лучше давать страницы членам, когда взнос будет три доллара. Лучше писать самому Хоршу, а не его адвокату. Дело ясное! Хороши Ваши намерения о заместителях. Хорошо, что Магдалена получила назначение в Нью-Йорке. Все это хорошо и дельно. Правильно Зина говорила в консульстве. Так и прилагайте, все по местным условиям. Если можно, узнайте — едут ли Коненковы или она одна, совсем или временно? Очень трогательно отношение Уида к картинам. Показательно, что у него именно “Помни”. Любопытно, удастся ли Вам поместить в дальней газетке декларацию 1929-го года. Такое насыщение пространства очень важно. Не судьи подкупные, но само пространство возопит. Именно, пусть сперва на окраинах зазвучит истина, а затем круг сожмется. На зверя всегда ходят кругами. Бывало, когда в Изваре* мы на лыжах тропили рысей — долго кружили, сужая круги и замечая, чтобы не было выходного следа. Зверь через круг не пойдет. А когда круг становился малым, глядели по деревьям, ибо зверина могла притаиться и высоко на ветках. Так и с двуногими зверями-вредителями. Ух, зорко надо следить за их злыми выпадами. Ну да Вы достаточно знаете повадки грабителей. Жаль, что Валентина уезжает в Прагу, впрочем, и там она продолжит полезную работу. Может быть, и газета найдется для ее статей. Очень характерно Ваше сообщение о хладнодушии к АРКА, замеченное Вами в Калифорнии. Наверно, многие наши соотечественники тоже тому способствуют. Вы поминаете о Богдановой, бывшей жене Чишина. Может быть, это Фешин, живший в Санта-Фе? Не умер ли он? Сведения так сбивчивы. То Нижинский убит, то жив, то болен, то здоров. Поймите. Впрочем, я был дважды похоронен, и неплохие некрологи писались. Всяко бывало! Значит, Аренсберг вообще не пригоден, да, может быть, и коллекции вовсе не так уж ценны, пусть пребывает в абстракции. Ко всем слухам приходится относиться осторожно. Великие смены в мире. Давно ли французы и англичане готовили войска для посылки в Финляндию против русских. Так было, и все это знают — а теперь — союзники! Вот и гениальнейший поехал “на отдых”. Поляки не прочь подраться с чехословаками. В Палестине чуть ли не “священная война”. Аннамиты против французов, яванцы против голландцев. В Аргентине — перестановка мебели. Бурлит вселенная! Странно молчание друзей из Франции. Имеем вести из Швейцарии, из Бельгии, из Голландии, из Англии, из Алжира, из Австрии, из Китая — и ничего из Франции, ничего из

Риги, ничего из Праги, Белграда. Но не надо их беспокоить — должно быть, у них условия особые.

Читали ли Вы хорошую статью Герберта Торнбулла (вице-президент Королевского общества) об атомных бомбах — очень показательно! А губительный тайфун — тоже показательно. Не было ли в Ваших газетах описания замечательной археологической находки в Иерусалиме? У нас было радио, и в местной газете об открытии погребения, причем, был найден греческий манускрипт с описанием распятия Христа. Рукопись относится к семидесятым годам после распятия. Последите, не было ли у Вас более подробного описания такого замечательного открытия. Если бы скорее дали полный перевод манускрипта. Вот бы теперь направить освободившихся солдат и пленных на раскопки — сколько замечательных открытий произойдет! Многие заблуждения выправились бы! Вообще, если один, всего один, мировой военный бюджет дать на просвещение — сколько невежества было бы просветлено. Сколько цивилизованных дикарей превратились бы в культурных тружеников. Мало, как попугаи, выкрикивать слова “Культура”, надо, чтобы она обнаруживалась на деле. А то, как послушаете о подробностях быта в разных странах, — право, не знаешь, в каком веке люди живут. И нельзя все валить на войну, не от войны многая звериность.

Муромцев прислал доброе письмо, но как нелегка жизнь и у Вас. И как она наладится среди смятения душевного?! Вот и у нас готовятся к возвращению войска, но сама полиция предупреждает о всяких возможных трудностях и даже грабежах. Вы спрашиваете о здоровье нашем — ничего, неплохо. Трудимся, творим, действуем. Илья пишет, что читал в русской газете о женитьбе Светика, в какой? Пришлите вырезку. Верно, и в американских газетах было. Илья пишет, что “покровитель” зла* из кожи вон лезет, чтобы зверские атомные бомбы были даны всему человечеству. Илья добавляет: верно, для того, чтобы всеобщая катастрофа скорей наступила. Неужели Уоллеса все еще держат и Хорш еще в недрах пресмыкается? Какая банда клеветников и грабителей. Даже удивительно, что общественное мнение настолько слабо и претерпевает такое глумление над достоинством человеческим. Да, да пусть еще новые добрые сотрудники подходят. Пусть уроки Марковой растут. Пусть она не очень мучает грамматикой, а скорей развяжет разговорный язык. Мы знаем здесь индусов, научившихся значительному набору слов, а ошибки потом исправляются. Иначе сложность грамматики может отпугивать, а особенно многие исключения, принятые даже в литературном языке — у Тургенева, у Пушкина, у Достоевского.

Пришли картоны и краски — спасибо большое. Краски хороши, но картоны совсем не по образцу — тонкие и гладкие. Прилагаю еще образец — не найдется ли у них именно такой сорт, ведь именно у них покупались наши прежние картоны. Попробуйте, нельзя ли по образцу достать в том же магазине. И упаковку подтвердите, а то эта согнулась в пути. ТАСС прислал пачку газет “Советское искусство” и “Литературная газета”. Даты очень старые — от прошлой весны, все еще много о войне. Пришлось ли Вам встретиться с представителем ТАСС — наверно, такой имеется в Нью-Йорке. Спрашивайте о “Славе” — ведь она дар. Меня просили здесь написать большую автобиографию — было желание издать. Пришлось огорчить

друзей — как ее написать, слишком многое происходило, бесчисленные встречи, нельзя обойти события, невозможно перечислить битвы. Нет, нет, не хватает сил, да и от искусства такое писание оторвало бы — каждый день часов пять около картин. Да и забылось многое, а выкапывать старых покойников тоже невесело. Правильно замечают о многих ошибках, допущенных писателями, кто по неведению, кто по зависти. Исправлять всякую чепуху нерадостно. Вперед, вперед и вперед.

Жаль, что многие “Гималаи” уходят, а хотелось бы их довести на Родину. О ней думаем, а Юрий-то как хочет там приложить знания! Много их накопил он. Дайте, пожалуйста, Археологическому институту здешний адрес — я [избран] пожизненным членом, а изданий не получаю. Кстати, не удалось ли Вам оттуда достать две картины? Итак, действуйте, накапливайте новые силы, новых сотрудников. И любите друг друга.

Сердечно,

Н.Перих.

Для архива*

23.X.45

Туммапуди

Мой почтенный Майтрейя,

Большое спасибо за ваше очень доброе письмо от 15.10.45. Я наслаждался радостью духа, вашими возвышенными мыслями, полными раскрытых истин!

Чрезвычайно значимый случай: во время праздника Дуссера я провел неделю в деревне моего дяди по матери, где моя мать оставила свое природное тело, когда я был совсем еще ребенком.

Вблизи той деревни, на восточном берегу реки Кришны, есть место, куда приходят паломники, называемое Веда-Гири, или Холм Мудрости. В одно прекрасное утро, когда небо было темно-синего цвета, как лазурит, и нежные травинки блестели каплями свежей осенней росы, я отправился к тому священному месту Веда-Гири.

По дороге я присел у реки, наблюдая за совершающими омовение пилигримами — молодыми и старыми, мужчинами и женщинами. Внезапно я заметил старого йога, который, не отрываясь, смотрел на меня со своего уединенного места в нескольких ярдах от меня. Спустя некоторое время он сделал знак правой рукой, прося меня приблизиться. Я подошел и поклонился ему. Он был совершенно обнаженным; его полузакрытые, полные экстаза глаза все еще следили за моими движениями, он улыбнулся мне с неземным благоволением.

Затем йог заговорил со мной на телугу, моем родном языке. Я даю перевод его выражений:

“У тебя есть друг, философ-проводник, в тех Белых горах на севере. Цвет его кожи так же бел, как Химават, где находится его обитель; он все время размышляет, как придать тебе бодрости. Полностью верь ему. В будущем образуется некое кровное родство между тобой и твоим другом философ-проводником”.

Произнеся это, йог пошел к реке, не обращая внимания на мою просьбу объяснить подробнее свои слова. Он молча прыгнул в реку и исчез! Никто не знал, откуда он пришел и куда удалился! Некоторое время спустя мы увидели обнаженного человека, взбирающегося на другой берег реки!

С того момента я думал о том, как понять смысл тех слов. Я думаю, что, возможно, он сумел разглядеть посредством своего йогического видения связь между Вами и мной!

Но как я ни старался, я не мог понять значения последних слов йога: “Между тобой и твоим другом философом-проводником образуется некое кровное родство”.

Пожалуйста, проконсультируйтесь доверительно со святой Матерью о смысле последней части предсказания. Я действительно не знаю, что и думать о ней. Хотелось бы знать, что за кровное родство возникнет между нами!

Приветствия, исполненные любовью и почтения святой Матери, брату Джорджу, золовке и Вам.

С любовью,

ваш Санджива.

30.X.45

Мой дорогой друг,

Мы все очень обрадовались замечательным новостям в вашем письме от 23.X.45. Уже не первый раз высшими силами даются такие благожелательные послания обо мне. Действительно, старый йог был воодушевлен. Смысл его последних слов: бесспорно, в будущем мы встретимся как близкие родственники. Но даже прямо сейчас Вы можете осуществлять такое теснейшее сотрудничество. Все эти дни я думаю, что Вы можете быть очень полезным для Индии, пропагандируя идею Знамени Мира как Красного Креста Культуры. У Вас уже есть материал нашего соглашения, и Вы можете писать на телугу и на английском, насколько своевременна эта идея в дни потрясений и ненависти. В то же время Вы можете организовать группу из прекрасной индийской молодежи в качестве хранителей культурных сокровищ нашей Великой Родины. Эта культурная нива огромна, и все работники культуры могут применить свои способности. Будущие поколения Индии будут благодарны за такой бескорыстный труд.

Сердцем мы с Вами.

Да благословит Вас Бог.

P.S. Если Вы хотите написать о Знамени Мира для “Dawn of India” — я буду рад передать Вашу статью.

15.XI.45

Родные наши,

Прилетело большое письмо Зины от 6.X.45. Как понимаем всю Вашу перегруженность работою, болеем сердцем за Дедлея — за все его утомительные переезды. Пашня Культуры тяжка, но зато и почетна. Вот Вы имеете знаменательные запросы из Стокгольмского Университета и из Голландии. Все это показывает, что деятельность Ваша вырастает в жизнь. Такое органическое вырастание дастся лишь упорным трудом и временем. Все, что Вы пишете, доказывает, что вырастание происходит. Мы не предполагали, чтобы Знамя Мира началось обширным Комитетом. Именно, пусть оно вырастает в жизнь постепенно. Вы имеете Радославлевича, Уида, Фогеля, Джина, Муромцева, Магдалену и Ваш кружок. К хорошему корню прирастут и новые побеги. Главное, чтобы корень не засыхал. В прошлых списках имен найдутся и еще деятели и деятельницы. И молодежь накопится. А гоняться за павлинами и фазанами с их пышными хвостами не нужно. Здесь упорно говорят о скором приезде представителя. Если так, то прежде всего с ним повидаемся. В сентябрьском номере “Twentieth Century” была напечатана статья Терещенко. Послал ее Вам. Скажите ему, что статья произвела очень хорошее впечатление. Жаль, что теперь из-за недостатка бумаги редко дают оттиски. Все обещают: и обилие товаров, и понижение цен, но на деле не видно. Носовой платок, стоивший четверть рупии, — теперь пять рупий, Прилетело отличное письмо Джина (1.X.45) о добром здоровье Жаннет. Именно так, как мы и писали. Пусть только не слишком утомляется домашними хлопотами. Славные люди! Наверно, Хорш опять ответит Вам какой-то гнусностью, а Вы ему опять — по справедливости. А там, может быть, и “покровитель” зла скovyрнется. Ведь есть и Космическая Справедливость, а надеяться на “справедливость” всяких франкенталеров или франкенштейнов нельзя. Посылаю Вам два обращения к друзьям нашего Пакта и Знамени Мира. Может быть, найдете полезным дать “Знамя Мира” как письмо к членам АРКА. Ведь после военного периода следует перестраиваться на общекультурный путь, и каждое напоминание о народном достоянии полезно. Кстати, напомните этим, что группа Пакта и Знамени Мира жива и ведет неустанную Культурную деятельность. А на всяких “покровителей” зла не обращайтесь внимания. “Собаки лают — караван идет”.

Теперь о клише. Вы пишете, что у Вас больше нет клише, но они где-то есть. В 1938-ом Франсис отбирала для Риги по нашему списку. Но ведь это была лишь некоторая часть. Значит, остальные (а там были очень хорошие) где-то имеются — или у Катрин, или у Вас. Там есть набор из “Archer”, из “Himalayas” (Бринтона), из бюллетеня Музея, из открыток — словом, очень много. Мы помним, что в Ригу были посланы только по нашему списку, а где все остальные? И откуда Франсис их отбирала? Постепенно многое находится. Вот одно время казалось, что открыток больше нет, а потом Инге нашла. Может быть, Инге протелефонирует Франсис и спросит, откуда та выбирала клише для Риги. Хорошо бы выяснить, ведь клише могут потребоваться для чего-то полезного. Удалось ли Магдалене устроить выставку репродукций? Здесь индусы очень хотели купить монографию Еременко. Вообще, хорошо бы с ним наладить отношения. Ведь его монография хорошая, и будет время — она понадобится. Здесь еще в одном журнале просили быть Поч[етным] Советником. По всей Индии! И все статьи

и репродукции требуются — просто беда. Без секретаря трудно. Но весело преодолевать всякие трудности. Приходят какие-то незнакомые — все хотят купить. А как услышат, что маленькая темпера 500 рупий, — вздыхают: “не для нас”. Впрочем, теперь 500 все равно, что сто довоенных. У Вас ведь такое же положение вещей. Бевен говорил о критическом положении в Европе. Вот он — Армагеддон Культуры! Трогательное совпадение. Милое письмо от Джина от 10.X.45. В нем он поминает о нужности вызвать к жизни Пакт и Знамя Мира. Своевременно! С этой же почтой пришло письмо с юга Индии о том же. С разных концов деятели настойчиво говорят о том же. Пусть доброе семя растет. Очевидно, после военных уклонов люди ищут культурных путей. А что же будет ближе, нежели забота о народном достоянии. О том же звучит и письмо С.Дева (копию посылаю для архива). Каждый по-своему — кто более духовно, а кто земными путями — пусть идут туда же, к лазурной горе, где живет все высокое, то, что люди зовут возвышенной культурой.

Среди молодежи ищите. Неправильно обвинять молодежь в вульгарности и легкомыслии. Среди трудящейся молодежи бьются сердца, взыскующие подвига. Герои не образуются — они рождаются. Зорко различайте признаки будущего подвижника, героя. Скромно опущены крылья героя, чтобы прекрасно взлететь в час сужденный. Вот еще один кружок молодежи просит принять его под покровительство. Не знаю их, не видал, но намерения их хорошие. Если их можно ободрить, так то и следует сделать. Может быть, и еще где-то Знамя Мира воздвигнется на общую пользу. Если, как Вы пишете, Бенуа умер, то из всей группы “Мира Искусства” остались Грабарь, Лансере, Остроумова-Лебедева, Добужинский, Судейкин да я — немного. Солдатская песня говорит: “Один он остался из всей полуроты, но нет он не будет назад отступать”. Нет ли вестей из ВОКСа? Должны же теперь пути сообщения улучшаться! Или они так и останутся в убогом состоянии, так же как и все цены? Из Англии сообщается, что семьдесят миллионов бродячих, больных, без крова людей в Европе. Бедствие неслыханное! Старый Китай опять принялся за свою давнюю разруху! Индонезия кипит, уже три революции в Южной Америке. Поистине Армагеддон Культуры. Каждая газета полна убийственными заголовками. Как в бурю, надо кричать: “Крепче держитесь друг за друга”. А ураган глушит голос. Помню, в бурю ночью на корабле, за что ни схватишься — все летит, только бы руки, ноги не переломать. А океан, словно в насмешку, зовется Тихим. Вот так “тихий”! Но ничего, доплыли — так и доплывем. Уже почти к Рождеству весточка долетит к Вам — сколько у Вас всякой всячины! АРКА, Академия, Агни-Йога, Комитет Знамени Мира — какое разнообразие! А в сущности все едино — служение Культуре. Каждый корень укрепляет единое древо.

Долетело сейчас Ваше письмо от 17-го октября. Болеем за Вас. Понимаем, ох как понимаем! Прежде всего о Знамени Мира. Происходит явное недоразумение: друзья говорят об огромнейшей работе, а мы говорим об единой лампаде, которая должна теплиться неугасимо. Прежде всякой работы должен жить Комитет, должно быть местожительство. Те, кто говорят о двух годах, очевидно, забыли мудрую пословицу “Завтра, завтра — не сегодня...”. Именно Вы правы в том, что сейчас горят раны, нанесенные

Культуре. Неправы предлагающие передать идею в чужой комитет — исковеркают! Нет, пусть лампада горит и несет свой свет. Нужна непрерывность мысли, а размеры подскажет сама жизнь. Онемение ВОКСа показательно: непонятно, к чему терять дары и даже не признать посылки? А как же Культура-то?! Все сие примечайте и творите свою полезную работу. Если хотят в Индии еще печатать Терещенко — тем лучше. Если корреспонденты спрашивают, что им делать по Аг[ни]-Й[oge] — да прежде всего читать и достойно распространять книги, но именно достойно. А лекции хлопотливы. Не надрывайтесь в бурю. Сибиряки говорят: “Бывает, и корабли ломат, а *бывает, и не ломат*”. Доплываем. Привет всем друзьям.

Сердечно,

Н.Перух.

1.XII.45

Родные наши,

Прилетело Ваше многозначительное письмо от 31.X.45. Очень хорошо, если Магдалене удастся поместить декларацию 1929-го года. Пришлите нам десяток вырезок и себе возьмите. Может быть, и еще где-нибудь удастся поместить. Мысль Уида хороша, но надо к ней очень подготовиться. Джин может постепенно разузнать, кто такой стоит во главе культурных дел, чтобы не попасть в лапы банде. Может, с ним познакомиться? Мало ли, какие махинации может натворить Хорш под прикрытием своего “покровителя”. Конечно, Хорш мог манипулировать с письмом, а вернее всего, мог намекнуть, где следует, что ответа вообще не требуется. От такого преступника можно ожидать всего. Итак, пусть Джин узнает, какие там люди заведуют. Конечно, расхищение народного достояния — тема крепкая в крепких руках.

Все, что Вы пишете о ВОКСе, показательно — правильно, что их твердо запросили. Правильны Ваши действия о Знамени Мира — пусть накапливается полезный материал. Пусть Фогель и Уид постепенно знакомятся со всею огромною работою проделанною. Чувствуется, что работа по Знамени Мира откроет для Дедлея новые широкие применения. Один брат — по Красному Кресту, другой — по Красному Кресту Культуры. Надеемся, нога Дедлея зажила.

Тревожны Ваши сведения о возрастании цен на помещения. Вообще, что будет, если заработная плата не увеличивается, а все цены возрастут? Прямо бедствие! Конечно, теперь многое разрешается каким-то особым порядком, но все же время небывало сложное. Сейчас пришли Ваши пакеты с десятью отчетами АРКА — спасибо. Не успеет дойти этот отчет, а уже приходится думать о следующем.

Наверно, Валентина и в Праге разовьет свою полезную деятельность, но для этого потребуется время — осмотреться, приложиться к новым условиям. Вполне естественно, что и Магдалена на новом месте вся

поглощена новою работою. И не сразу она найдет новый ритм. Тампи пишет, что Эптон Синклер похвалил его книгу “Gurudev [Roerich]”. Кажется, и раньше Синклер к нам был дружествен. В “Известиях” пишут, что в Троице-Сергиевой Лавре и посейчас безобразия и какие-то хулиганы там поселились. А где же Грабарь и все охранители? В Москве на археологическом съезде академик Волгин сказал, что теперь удалось изжить “вульгарно-материалистические построения”. Показательно! В южноиндийском издании “Кришна Пушкарам” воспроизведены: “Орифламма”, “[Святая] Охранительница” и “Зарево” — так знак Знамени Мира трижды повторен. Отличайте для Комитета. Каждая подробность жизни лишь доказывает, насколько неотложна оборона Культуры. Вот в своей речи Молотов упомянул о многом, даже о свиньях, но ни слова не сказал о культурных ценностях. Сие весьма показательно. Где уж тут говорить об отсрочке мыслей о Культуре. Между прочим, Вы не поминали, были ли отклики на годовой отчет АРКА. Если не было, то и сие показательно. Неужели по-прежнему “писатель пописывает, а читатель почитывает” — и ничего! Все это примечайте, ведь надо все знать.

Убедительно будет слово Ваше, основанное на знании действительности. А если действительность покажет свою многоцветность, то ведь и вся жизнь разноцветна. В том и богатство сущего, а народ уже давно сказал: “Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло”.

Мы радовались Вашему сообщению, что Ваши списки русских произведений в американских музеях так удачно пополняются. Так при всяком случае и продолжайте эту полезную летопись — она очень пригодится. Помните, была большая русская коллекция в Филадельфии у Дэвиса (Америка — Ла Франс). Странно, но мы никогда не могли найти местонахождение тридцати моих этюдов, исчезнувших вместе с 800-ми русскими произведениями после пресловутого разгрома русского отдела на выставке в С[ент]-Луи[се] (1906). Метерлинк умер — значит, еще один друг ушел. Близок он был нам. Да, наверное, и еще многие друзья ушли за эти годы, только мы еще не слышали.

Непонятнее всего молчание Парижа, Праги, Риги. Ведь Лукин был в добрых отношениях с Кирхенштейном — главою Латвии. Нельзя поверить, чтобы Лукин не имел ничего спешного сообщить нам. Много странностей: неужели Югославская Академия не существует, неужели Португальская Академия (Коимбра) тоже онемела, так же как Академия (Реймс), Морэ и все французские ученые и художественные общества? Каковы там условия быта? Когда-нибудь узнаем, а теперь — лишь бы теплились Ваши лампы.

Как нужны правдивые летописи. Если на нашем веку видим множество заведомых извращений, то ведь то же самое происходило и в прошлом. Кто знает, когда больше злоумышляли двуногие, в старинных караванных легендах или теперь, при услугах радио и телеграфа?! Конечно, как в мегафоне, теперь все увеличивается. Значит, несменно дозорные должны особенно бдительно держать стражу на вышках во имя Истины. Каждая черта правды, спасенная от извращения, будет прекрасным достижением. Кто-то когда-то скажет спасибо за охрану Истины.

При беседах о Знамени Мира помните, что наш французский Комитет через полпредство в Париже писал о Пакте Верховному Совету СССР. Я

сопроводил это представление письмом Председателю Верховного Совета Калинину. Отказа не было. Все такие подробности забываются, особенно же в силу военного времени. На Вашингтонской конференции СССР не участвовал только потому, что СССР был признан Америкой лишь в последний день конференции. Все это забывается, а потом люди могут клеветать о неучастии СССР в Пакте. Получил ли Молотов в свое время мое письмо, посланное через парижское полпредство? Шклявер передавал его. У Вас могут спрашивать, и потому не мешает освежать память.

Секретарь Королевского Азиатского общества в Бенгале проф[ессор] Калидас Наг просил к их юбилею пожертвовать картину. Дам “Слава Гималаев”. Пусть и там звучат Гималаи — уж так и придется быть “Гималайским”, как один друг предлагал прибавить к фамилии. А Казинс писал: “Гималайский в душе”. Жаль, что у нас произносят “Гималаи”, а в сущности следовало бы сказать “Хималаи” — ближе к местным выговорам. Мягче.

Когда образуются ячейки Знамени Мира в малых городах и селениях, мы будем советовать, чтобы они держались тройками, — так гораздо подвижнее и им самим удобнее. А затем их достижения могут сливаться в Комитеты больших городов. Именно, пусть доброе дело идет народным путем. Сейчас во всем нужны народные сотрудники. Нужно зарождение Культурных дел там, где их прежде не было. Новые места, новые люди, новые мысли, новые применения в жизни. Всегда верили мы в молодежь. Думается, и теперь молодые примутся за широкую пашню. Молодые духом, ибо не нужны молодые старики. Колесница Культуры задвигается молодыми силами, молодым мышлением.

Вы знаете, как нужно дерзание, даже вопреки очевидности. Ведь и для очевидности требуются телескопы. Много огорчительного бывает в бытовой очевидности, но и на мельнице много пены и пыли, а как же без мельницы?! Радио сообщает, что Уоллес сказал: “Америка будет верховенствовать над торговлей всего мира и должна вести агрессивную торговую политику”. Вот в этом злосчастном слове “агрессия” и заключена могила. Можно ли навязывать Америке агрессивность, когда весь мир ищет мирную кооперацию? Атли сказал лучше: “Мы слишком много говорим о войне, а должны бы говорить о мире”. Правильно! Культурная работа для мира — теперь единственная всеобщая задача. Бомбами мир не создается. А положение вещей в мире показывает, как далеко человечество от культурного взаимопонимания.

В газетах помянуто имя Жданова — он прекрасный культурный деятель. Он — герой Ленинграда. У меня был лист “Верден” о ждановском Вердене — Ленинграде. И теперь в Финляндии Жданов нашел твердые, убедительные слова. Василевский, Рокоссовский — все это гордость русского народа, всех народов Союза. Как прошла у Вас лекция о Толстом? Может быть, и ее пришлете нам для здешних журналов? Возник еще журнал “Наша Индия”, лишь бы был долговечным. А то уже десятки журналов на наших глазах захирели и скончались. Жаль!

При повороте к зиме все мы проделали простуду — не сильную, но странную своим упорством. Теперь все какое-то особенное. Сейчас пришло письмо Тюльпинка из Брюгге — посылаю Вам копию и для архива Пакта и

для прочтения сотрудникам. Вот еще доказательство, насколько люди спешат с реализацией идеи Знамени Мира. В наш Музей в Брюгге будут сдаваться отчеты о памятниках культуры. Спрашивают, как будет действовать наш Комитет, и никто не согласится отложить неотложное на два года. Даже скромный во всех отношениях Тюльпинк в маленькой Бельгии уже действует. Полагаем, что Уиду письмо Тюльпинка будет весьма интересно. Пошлите Тюльпинку все сведения о разрушениях в СССР. Это будет мостом с Брюгге, а кстати, хорошим сведением для отчета АРКА. Также получено письмо от С.Дева — он пишет статью о Знамени Мира и будет проводить идею среди молодежи. Сохраните в архиве и это сведение. Следите за хищниками, за врагами и радуйтесь, что именно эти исчадья наши враги. Помню, Куинджи говорил мне: “Это-то хорошо, что Вы имеете врагов. Только бездарность врагов не имеет”. Кончим, чем начали. Пусть Джин разузнает, кто стоит во главе Культуры. Мысль Уида хороша, но такой снаряд должен попасть в цель — не промахнуться. Эта весть дойдет к Вам к праздникам, к Новому году, — пусть будет Вам всем хорошо.

Сердечно,

Н.Перух.

15.XII.45

Родные наши,

Прилетело Ваше огорчительное письмо от 11.XI.45. Ох как понимаем Ваши тяготы и заботы. Но творите Ваше доброе дело в пределах возможностей. Не утруждайтесь работой по Знамени Мира. Назовем для Комитета: Дедлей и Зина, Джин и Жаннет, Катрин и Инге, Фогель, Муромцев и его две дочери, Магдалена. Если хочет присоединиться — Уид. А дальнейшее само себя покажет, всегда можно дополнить. Собираться в год раза четыре и опять-таки по надобности. Таким образом, никакой чрезмерной работы не потребуется, но будет жизнь. По АРКА Вы делаете, что можете, приносите пользу, оберегаете Культуру, а переполнять чашу тоже не следует.

Вы правильно ужасаетесь тому, что “доллар — король”. Даже не король, а свирепый тиран-поработитель. А демократия — подданные рабы сего владыки. Увы, это так, но если бы было иначе, то и Культура не была бы опасна больна.

Статью из рижского сборника “Мысль” я послал для Вас — там есть даты, которые могут Вам пригодиться. Очень ждем, удастся ли Магдалене поместить декларацию. Теперь куда-то рассеялись друзья из Калифорнии, а там их было много. У одного из них было любопытное собрание газетных некрологов после моих “похорон” в Сибири, были и карикатуры Щербова и Райляна. Забавна была “Владыка нездешний”, а также на Алекс[андра] Бенуа с надписью: “Известная цыганская певица Сашка Бенуа исполнит: “Мой костер в тумане светит”...” Где они, всякие памятки? Не знаем, что

сталось с архивом, бывшим у Б[ориса] К[онстантиновича]. Как жаль, что он умер.

Жаль, что такие завзятые вредители, как Коненковы, отправились на свою новую ниву. Сколько клеветы сеется всякими злючками. А время такое напряженное, что кажется, не клеветою прозябать.

Все ждем возвещенного представителя. Два примечательных номера “Известий” (ТАСС прислал). Один от 2-го сентября с прекрасной статьей Щусева о происходящем градостроительстве. Сколько полезного уже творится и в каких опытных руках это все народное дело. Честь и слава всем, приложившим труд на восстановление и украшение народного достояния. Хорошо бы перевести такую замечательную статью и широко напечатать. Другой номер “Известий”, от 18-го сентября, дает потрясающее “Сообщение Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков”. Неслыханный список разрушений, вандализмов! Человечество не знало такого позорного разрушения Культуры. Этот доклад должен быть во всех библиотеках, во всех школах, чтобы будущие поколения содрогнулись перед явлением человеческого озверения. Такого в мире еще не бывало.

Британские газеты пишут о необычайном возрастании преступности в Англии и в Америке. Что же это такое? Впрочем, слабые мозги, потрясенные Армагеддоном, могут броситься в любые извращения. Какое же спешное культурное просвещение требуется! Также журналы сообщают о неслыханном развитии спиритизма в Англии. Опять опасность в невежественных руках. Также пишут о выкачивании крови и накачивании чужою. Опять опасность! Да, неблагополучно в большом земном доме! Мало таких крепких духом, как был Куинджи, — уже тридцать шестой год его ухода. Сколько добра он творил, и всегда безымянно. Но умел быть и настоящим Гуру. Много вспоминается. Однажды В. за глаза назвал его просто Архипом, но Куинджи услышал. Вечером, когда мы все собрались за чаем, Куинджи сказал: “Вот Вы называете меня Архипкой, а кем же Вы тогда будете?” Или Б. однажды злословил о нем за глаза. К вечеру Куинджи сказал: “Сегодня не будем пить чай. Не следует пить и есть с недовольным человеком”. Много мудрости было в Куинджи — нужны такие учителя. Всегда, а особенно теперь нужны.

Хорш способен на любую гнусность. Он может сказать, что Комитет Музея не существует, — значит, и постановленная декларация не существует. Такая гнусность опрокидывается тем, что в таком случае все постановления Комитета недействительны, а ведь они уже вошли в жизнь. Конечно, такое предположение невероятно, но ведь от преступников можно всего ожидать. Непременно прочтите журнал “Times” от 8-го октября. Неужели Рузвельты замешаны в жульничестве? Куда же дальше идти? Уж не причина ли прикрывания Уоллеса? Если же “Times” клеветает, то почему не было немедленного опровержения? Какое темное время! А вместе с тем и комизм — предлагается представителей наций посадить в Вау-вау на острове Вуху — неплохо для смешного рассказа. Так и обострился трагизм и комизм!

Думается, на следующий год [следует избрать] председателем АРКА — Уида, а председателем Комитета Знамени Мира — Дедлея. Постепенно у

Вас завяжутся интереснейшие иностранные сношения — Вы уже имеете Брюгге и Краков, подойдут и другие. Ужегодились снимки разрушений, полученные Вами из ВОКСа. Удалось ли Вам найти представителя ТАСС в Нью-Йорке? Такая дружба полезна, наверное, в консульстве знают где и кто.

Папку пришлите, не более десяти листов (потолще) — увидим, пригодится ли. Полагаю, что особых затруднений не будет, маленькую стоимость поставьте на пакете. Заранее — спасибо! Не слыхали ли о судьбе “Половецких плясок”, почему Мясин замолк?

Санжива Дев пишет от 22.XI.45: “Я говорил на собрании о Знамени Мира, и много молодых людей достойно отозвались на этот призыв”. Вот пусть в разных собраниях звучит зов о хранении Культуры. Каждое семя по-своему произрастает. Не предсказать, где почва окажется плодотворнее. Друзья Кумарасвами предполагают почтить его юбилейным сборником. Просили участвовать. Пошлю привет, ведь он много поработал для Индийской Культуры, и не всегда ему было легко.

Пусть Дедлей еще покажется доктору — так часто они ошибаются. У нас в семье были носившие бандаж, но он не отягощал их. Может быть, у Джина оказался какой-то неудачный. Странно, что он требовался лишь на короткое время. Врачебное дело с их новыми методами и средствами требует внимательных и длительных проверок. Наконец дошел пакет с бюллетенями из посольства — есть интересный материал, но сколько времени пакет странствовал!

Вы пишете, что Вам приходится по восьми часов в день с секретаршей заниматься корреспонденцией, отвечая на всякие запросы. Вот это живая деятельность! Сколько любопытных подробностей для отчета АРКА. Только подумать, где только читаются Ваши сообщения и приносят пользу. Творится богатый посев. По местным условиям эти семена взойдут разновременно, и далеко не все всходы могут быть усмотрены Вами, но знайте, что движение произошло.

Пусть будет каждое Ваше движение — продвижением. Даже если теснинами приходится идти, все-таки продвигайтесь. Помните мою “У последних врат”. Всюду “запрещено”, но только на последних вратах: “Позволено”. Итак, вперед, все-таки вперед! Друзьям — привет. На местах увидите — кто друг! А если истинный друг, то тем сердечнее и привет.

Духом с Вами,

Н.Перих.

1.1.46

Родные наши,

Вот и Новый год! Будет ли он новый или опять старый — увидим. Может быть, вернее сказать: “Еще один год”. Бывало, мы никогда “нового” года не встречали, а провожали старый год с благодарностью. Каков новый год, еще неизвестно — пусть покажется. А в прошлом году — жили, трудились,

творили — и за это спасибо. Беды миновались, трудности преодолевались, друзья обретались — и за это спасибо.

Как подумаешь о десятках миллионов несчастных, обездоленных, озлобленных — ужас берет. А радио кричит: “Зима суровая, снежная”, всюду нехватка, и как вопль отчаяния — забастовки! А цены растут, и нет надежды, что они “чудесно” опустятся. И в людях замечается какая-то смуть. Но все же скажем молодому году: переживем, не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Поет баян: “Несчастья — радостей залог”. Вот русские герои превозмогли беды и устремились к строительству. Любо читать и слышать о новой русской стройке.

Мудр русский народ. На призрачные заверения он скажет: “Мели Емеля — твоя неделя”, а не то сурово отрежет: “Говори, что хошь, а цена тебе грош!” Велико и терпение народное, впрочем, Илья Муромец тридцать лет сиднем сидел, а какие подвиги потом натворил. Есть природная Культура в русском человеке. Сколько мудрых речений, бывало, в деревнях наслышишься, а ведь нам много довелось с народом беседовать. Вот и в 1926-м году на сибирском пути к Москве мы встречали замечательных собеседников. Строители новой жизни!

В то же время в неких странах двуногие сотрясаются в нелепом джиттербаге*. А колесо прогресса катится своим путем, отмирает одряхлевшее, нарождается бодрое преуспевание. Народ мечтает о содружестве, а из него рождается добротворчество. И в эту чашу Культуры положим нашу лепту, где можно делом, а где — мыслью, мысленным приказом. Если бы вся жизнь была сахарной, то ведь от сладости и оскомины бы набилась. Представьте, все кушанья на сахаре — какое отвращение! А где же тогда будет “соль земли”? Итак “per aspera ad astra”!

Помните, об уране когда слышали? На небо поглядывали, а уран-то оказался под землею, и весь мир заговорил о пресловутом уране. Газеты опять говорят о волне преступлений в Англии. Говорят, что нынешняя зима будет труднейшей в Европе за триста лет со времени Тридцатилетней войны: холод, голод, болезни. Все это Вы также знаете, как и мы, но люди напоминают друг другу о бедствиях, как бы ища сочувствия. Но все же злоба шипит повсюду, а беспорядок — всюду, точно мусор после обвала.

Кончаю мой лист о дружестве: друзья, может быть, Вам кажется, что говорить о дружестве — трюизм? Увы, сейчас это не трюизм, но необходимость. Вот до чего дожили. И по какому такому щучьему велению снизойдет “благорастворение воздуха”? Ненависть, злобное подозрение не с неба свалились. Люди ткали злобные легенды, копали могилы. Занятие темное!

Улыбнемся к новому году. На днях поминали мы лондонскую легенду о том, что я не Рерих, а Адашев. И такая чепуха ползала по миру. Забавно, чего только не бывало! Еще в студенческие годы пришлось ставить живые картины на кавказском вечере. Понравились. Подходит Блох из “Новостей”: “Вы ведь кавказец?” — “Нет, я — питерский”. — “Ну я все-таки напишу, что вы кавказец, картины-то очень хороши”. Через год с Микешиним ставили картины на украинском балу в Дворянском Собрании. Опять вышло ладно, и на этот раз газеты называли меня украинцем. Вот Вам и биография! Впрочем, мы были и еще украинцами, когда у нас собиралось “нелегальное” общество

имени Шевченко. Дид Мордовцев и прочие щирые, добрые люди. Живы ли? Тут же Микешин зарисовал председательствовавшего моего отца, и все подписались. Этот лист должен был быть в моем архиве у Б[ориса] К[онстантиновича] — если архив вообще существует. Странно, о последних днях Б[ориса] К[онстантиновича] мы так и не имеем сведений. Даже неправдоподобно.

К новому году думали, как опять потребовалось Знамя Мира — памятка о самом ценном. Думали, как оно окажется содружником, а когда-то, может быть, заместителем АРКА. Любопытно подмечать, как в жизни одно становится труднее, а другое вырастает и делается понятнее и ближе. Так зададим новому году доброе задание, а то нахлынут неразрешимые проблемы, и вместо добра опять затуманятся дали. Уже который раз газеты говорят о неслыханной волне преступности в Англии, о каких-то странных прогромах в Польше — много тревоги. Опять что-то печальное, а к новому году надо повеселей. Что бы такое? Вот у нас куры не несутся и коровы молока не дают. Впрочем, какое же это веселье?! Радость останется в том, что Вы и мы можем трудиться и сеять добро. Это самая прочная радость, будем ценить ее и слать признательность тем, кто способствует ей. Подумаешь о радости, а она уже и стучится. Сразу две радости: одна Ваше письмо от 19.XI.45, а другая от Хейдока из Шанхая от 5.XII.45 — не только жив, но и собрал целую группу отличных сотрудников. Жил русскими уроками. Все это ладно.

В Вашем письме много радости — так и должно быть поверх всех бурь и невзгод. Действуйте бодро по местным условиям, самодействительность покажет лучший исход. Знаем, что сделаете все, как лучше. Очерк Знамени Мира в память милого Спенсера пришлю. Для ускорения включу по-английски из бывших статей.

Пусть будет Дедлей председателем Комитета Знамени Мира. Так и отплывайте в новое плаванье. Если наладятся отношения с Еременко — хорошо. Вам виднее, когда лучше дать мои обращения к членам. В конце концов, они касаются всех: и [Общества] Аг[ни]-Й[оги], и АРКА, и Знам[ени] М[ира]. Зов о Культуре общечеловечен. А сейчас он нужен неотложно. Только что пришел пакет с письмом Дедлея к членам АРКА за октябрь. Письмо звучит прекрасно и дельно. Такие письма должны целиком входить в отчет АРКА — ведь они и есть часть отчета. Вот всякие критиканы взяли бы да и сделали такое же полезное. Спрашиваете, как быть с помещением, не купить ли дом. Думается, что Уид должен знать эти местные условия. Так все переменчиво.

Пусть “Пантелей[мон-целитель]” у Вас висит с прочими картинами. В Археологический Институт две картины были даны при Маггофине и висели в колледже, где преподавал преемник его, кажется, Лорд по фамилии. Название колледжа не помню. Хорошо бы их выставить у Вас, тем более, что Институт не провещился. За десять лет они не прислали сюда своих изданий, а я ведь пожизненный член и был вице-председателем. Неужели они ничего больше не издают? По нынешним временам все возможно.

Итак, пошлем новому году наказ, чтобы был добрым, чтобы не столько о войне, сколько о мире заботился. Привет друзьям, а самым лучшим — самый большой привет.

Сердечно,

Н.Перух.

2.1.46

Родные наши,

Горы разукрасились снегами, так все красиво, что не понять, зачем люди оскверняют свое достояние. Давайте так сделаем, чтобы в каждом письме было что-нибудь радостное. Вот в Вашем описании собрания 17-го ноября была радость. Инге прислала тоже радостное описание, и мы радовались, как сердечно она описывала деятельность Зины. Даже в напряженное время можно усматривать радость. Да, да, давайте устроим в каждом письме рассадник радости. Знаем, что на льду цветы не растут, пусть же лед растает под сердечным теплом. Самые “неразрешимые” проблемы просветляются радостью. Помню, в С[ан]-Франциско было и парадно, и почтительно, и все же безысходно. Три раза ходил смотреть “Мушкетеров”. Думал, коли они обернулись, то и на нашей улице будет праздник. И был праздник! Радость — добрый магнит. И письмо Ильи тоже очень хорошее. Он понимает задачи Знамени Мира, именно теперь, когда многие ищут решение мировых задач. А что же может быть реальнее, нежели разумно понятая и примененная Культура? Пусть будет у сотрудников доброе сознание — если кто что сделал, значит, он действовал по способности и по местным условиям.

Только что начал очередное письмо, как пришло письмо от Амторга, копию его Вам прилагаю, также как и копию моего письма к Гусеву для Вашего полного ознакомления с этим многозначительным известием. Как видите, Вам придется созвониться и повидаться с Гусевым. И, конечно, это свидание будет началом хорошей дружбы. Вы понимаете, как заботливо и благожелательно нужно осведомить Гусева о том, что дело с картинами осложнено агрессией и захватничеством Хорша, который нарушил доверие наше и большинство trustees. *Не следует* говорить, что картины эти невозможно приобрести, — пусть этот вопрос остается открытым. Действительно, ведь мы и сами не знаем, как обернулось бы дело с декларацией 1929-го года. Весьма возможно, что Хорш примет при помощи “покровителя” такие злостные меры, что самые благие намерения декларации могут быть опрокинуты. Естественно, Вам придется осветить захватническую деятельность Хорша. Конечно, Вы не будете вдаваться в чрезмерные подробности, чтобы не затемнить главное, а именно желание Комитета по делам искусства иметь картины для музеев СССР. Вы знаете, как люди быстро устают от подробностей неблизкого дела и разочаровываются.

Между тем Вы видите из моего письма Гусеву, насколько я сочувствую желаниям Комитета по делам искусства. Вы скажете также, что для охраны этих картин существует особая корпорация, в которой Вы и друзья

принимаете участие. Которую Хорш пытается обойти. Теперь из конца письма Амторга можно видеть, что Комитет по делам искусства интересуется не только этими [картинами], но и вообще моим искусством, поэтому я сообщаю Гусеву, что у нас здесь, в Гималаях, находится большая коллекция моих картин, упоминание о которых Вы найдете в копии моего письма. Имейте в виду, что это обстоятельство чрезвычайно важно и должно быть доведено до прекрасного заключения. Действительно, было бы прискорбно, если бы здешние картины расплылись по чужим землям, а не сделались бы достоянием русского народа. Также Вы обратите внимание на заключительные слова моего письма о готовности служения на Родине, и со своей стороны подкрепите их известными Вам формулами о моей любви к Родине. Может быть, будет уместно и дать ему список статьи из сборника “Мысль”, которая у Вас имеется. Если бы явился интерес к моей семье, то следовало бы упомянуть о Юрии и его необычном знании восточных языков и огромном историческом труде “О народах Средней Азии”, который он не может закончить здесь из-за недостатка материалов, и в этом Родина могла бы прийти ему навстречу — ехать он всегда готов. Также, наверно, будет речь и о таланте Святослава, который сейчас является, несомненно, лучшим портретистом. Видите, какое важное обстоятельство надвинулось. И Вы чувствуете, с каким нетерпением мы будем ждать последующего. Главное, следует подчеркнуть в беседе значительность и красоту последних здешних картин, которую так оценивают здешние критики и музеи; а также и наше постоянное желание работать на Родине.

Вот какими важными обстоятельствами начинается 1946-й год. Пусть он окажется годом благого строительства. Привет друзьям — посылаем это письмо вне очереди для ускорения. По получении этого письма немедленно созвонитесь с Гусевым, и надо думать, что он уже получит мое письмо одновременно.

Надеемся, что здоровье нашего милого Дедлея улучшилось, посылали ему наши лучшие мысли.

Духом с Вами,

Н.Рерих.

Прилагаю 28-ую страницу “Banner of Peace” в исправленном виде, *замените* прежнюю. Хочется показать, что Знамя [Мира] и теперь не забыто. Думается, что Катрин даст на портрет Спенсера и на улучшение издания, — ведь *памятка* не должна быть *мизерной*. Люди не ценят слишком жидкую брошюрку.

К о п и я *

*Торговая корпорация Амторг
210 Madison Avenue, New York 16, N.Y.
7 декабря 1945 г.*

*Г-ну Николаю Рериху
Наггар, Кулу, Пенджаб, Индия*

Уважаемый г-н Рерих.

Художественный комитет Советского Союза в Москве заинтересован Вашими картинами, находящимися в настоящее время в коллекции мистера Хорша из Нью-Йорка.

Комитет попросил нас узнать о возможности покупки всей коллекции. Мы были бы очень признательны, если Вы сообщите нам о Вашем мнении по вопросу покупки Ваших картин Художественным комитетом СССР для советских музеев.

Надеемся на ответ и остаемся
искренне Вашими,

*Торговая корпорация Амторг.
А.Гусев,
отдел искусства и ручных работ.*

15.III.46

Родные наши,

Письмо Зины было от 29-го января — значит, очередное запаздывает. Неудивительно, за последнее время почта безпричинно запаздывает, а иногда мы без почты и день, и два. Дорога не обрушилась, движение как будто не прекратилось, а почта пошаливает. Вероятно, немало друзей огорчатся на медленность наших писем, но почта своеобразна: из Китая сюда — десять дней, отсюда в Китай — шесть недель. Как крокодил в цирке: от головы до хвоста три аршина, от хвоста до головы — три с половиной. И такое бывает: “Конкорд сообщает, что в Каире по коридору отеля голый англ[ийский] офицер преследовал мамзель в negligé”. Военный суд оправдал его, ибо по уставу воинские чины для спорта могут не носить форму. Куда же дальше? Много показательных знаков мелькает в печати. Можно представить, сколько их в Ваших больших газетах. А время тяжкое.

Газеты и радио стали грозными. Тиран голод свирепствует по миру, а в близком будущем, по-видимому, бедствие станет еще страшнее. А за голодом идут его ужасные родичи — эпидемии, вырождения, взрывы отчаяния. У Вас все эти беды оповещены, наверно, еще сильнее. Привожу дословно два газетных сообщения:

“Странные феномены в Хиросиме. Атомный город выдает тени прошлого. Люди страшатся новых призраков.

Лондон, 25 февраля. — Токийский корреспондент “News of the World” ночью в субботу сообщил, что сцены в Хиросиме во время взрыва атомной бомбы сейчас вновь появляются в городе “как силуэты на голой земле”.

Корреспондент мистер А.Нойес Томас, заявивший, что он наблюдал феномен, отнес его на счет некоего необъясненного замедленного действия атомных лучей. “На тротуаре тень маленькой японской школьницы, держащей под мышкой что-то, что могло быть стопкой учебников”, — написал он, добавив, что также видел силуэт исчезнувшего моста.

Появилось только несколько силуэтов, сообщил Томас, но “пережившие взрыв бомбы — теперь беззубые, с ужасными волосами, только начинающими расти у них на головах, живут в постоянном страхе перед появлением новых”.

Корреспондент сказал, что он впервые услышал о феноменах от офицеров на борту корабля ВМФ Великобритании “Гленэйрн” в токийском порту и “только после расследования этой истории на месте, содрогаясь от ужаса, я убедился в ее правдивости”. — A[ssociated] P[ress]”.

“Атомную бомбу — на свиней! Нью-Йорк, 25 февраля. Овцы, козы и свиньи заменят экипажи людей на боевых кораблях, которые подвергнутся атомной бомбардировке во время испытаний в Тихом океане этим летом. — Globe”.

Из первого очевидно, что нарушение вибраций и пространственных энергий дает потрясения, значение которых люди не хотят осознавать. При этом владыки земные уверяют, что атомная энергия не будет употребляться для губительных целей, а сами мечтают об инсценировке войны, разрушая суда и мало заботясь о последствиях. Б[ернард] Шоу назвал безумно легкомысленное обращение с атомной энергией — обезьянством. Второе сообщение уже из гран-гиньоля. Свиньи и бараны будут составлять экипаж обреченных броненосцев. А ну как адмирал Хрю или командор Козел взбунтуются — теперь бунты так приняты. Впрочем, сие флотское действо, кажется, не произойдет. Ученые запротестовали, а страховые общества отказались страховать наблюдателей. Страховые деятели проявили дальновидность.

Грозное время! По-видимому, мы радовались преждевременно отмене флотского безумия. Последние газеты говорят, что оно все-таки произойдет, а “после нас хоть потоп”. Хотят думать о мире, а сами инсценируют войну. Разве научные опыты нуждаются в броненосцах? Да что говорить, сейчас гремит Армагеддон Культуры. Пришел Ваш пакет с интересным письмом исследователя аур, вибраций, резонанса. Все очень своевременно. Передайте исследователю нашу радость о его трудах. Знает ли его Илья? Несомненно, им было бы интересно потолковать. Будем рады слышать о дальнейших достижениях — все это неотложно нужно.

Прилагаю адрес журнала в Лос-Анджелесе — там в декабрьском 1945-го года номере отличная статья о книге Конлана, хорошо бы достать Вам и нам несколько экземпляров. Когда выйдет брошюра Знамени Мира — пошлите им. М-с Коринн Хелин — большой друг. Пошлите ей и письмо Джина из “Liberty Herald” — отзовется. Еще одно хорошее издательство — “Китаб Махал” — хочет издать мою книгу. Дам, ведь опять можно напомнить новым читателям о Культуре, о Знамени Мира. Вероятно, общее название будет “Герои”. Жаль только, что это делается так медленно. Очень интересно, как у Магдалены выйдет отчет АРКА. У нее хорошее, легкое перо да и рука легкая.

Уж больно много смуты повсюду. Наверно, это отражается на всех делах. И нельзя ожидать разрешения всяких проблем. Люди думают о войнах, но не об истинном мире. Да и какой же мир без истинного просвещения. Получается уродливое зрелище: с одной стороны, чуть ли не с солнцем поцеловались, а с другой — безответственная темная масса под

дубинкой дикаря. Да, “цивилизованный” дикарь — ужасное зрелище. А теперь еще голодная, обнищавшая толпа.

Долетело отличное письмо Валентины. В нем она душевно поминает Зину, а мы так рады, когда друзья друг о друге говорят сердечно. В глаза — одно, а за глаза — много ценнее. Печалуется, что замечает в чехах признаки шовинизма. Полагаем, что эта зараза пройдет, ибо не к лицу славянскому народу мелочный, невежественный шовинизм. По счастью, русский народ не болел никогда этой гнилой лихорадкой. В моем [записном] листе “Шовинизм” это отмечено. Пребывание в Праге даст Валентине много полезного — она такая даровитая, восприимчивая. Уже пишет для местных газет и учит язык. Для русских чешский язык нетруден, но своеобразен, напр[имер] “дух’и” — “вонявка”, “театр” — “позорище”, “кресло” — “влезалище”, а некоторые слова нам совсем неудобны в обиходе. Положение трудное — квартиры не найти, еда — хлеб и картошка, видимо, и посольское положение не помогает. Булгаков болеет — в постели. Всюду нелегко. Вчера радио сообщило здешнее правительственное предписание, чтобы служебные лица ели меньше. Вот как!

Получили очередное письмо Фогеля к членам АРКА. Теперь ему предстоит составить брошюру “Знамя Мира” — материала у него хоть отбавляй. Иногда думается, зачем поминаю я Вам многое, что Вы, может быть, еще полнее из газет знаете? Но в стремительности работы, в ежедневном водовороте быта что-то могло ускользнуть от внимания. А ведь водоворот около Вас велик. И малое, и большое, как вечный телефон, трещит. Отбираю листы для “Heroica”, выбор труден, и порою не знаешь, что отобрать, а что отложить на будущее. Не слышали ли, как подвигается Фогель со “Знаменем Мира”? Относительно самого печатания брошюры, обложки, бумаги — Вы придерживитесь бывших брошюр и отчетов АРКА — по местным условиям. Тампи пишет, что им получено письмо Эптона Синклера с сообщением, что тот говорит о моих картинах в своей новой серии “Конец мира” в последнем номере. Пошлите Синклеру Конлана. Приглашали ли его в число почет[ных] советников АРКА? Или Знамени Мира? Получили ли Вы два экземпляра “Иерархии” и исправленную часть первой книги? У Вас имеется много книг Юрия “Звериный стиль” (Прага). Пришлите парочку.

Вот все тороплю Вас, а сам знаю, что Вы и без того стремительны. Да и все мы стремительны. Серов, когда писал портрет Е.И., подметил ее стремительность. Кстати, запросите Тэт-галерею [Tate Gallery] (музей) в Лондоне, там ли этот портрет. По газетным сведениям, все русское собрание инженера Брайкевича было подарено этому музею. Если не знаете адреса музея — позвоните в британское консульство. Хотелось бы установить местонахождение этого портрета. Только подумать, что Серов уже четверть века как умер. Помимо дарования, он был справедливый человек, а такое качество, увы, редко встречается. Жив ли Пеппер? Хороший друг. Помню, во время моей выставки в Бостоне я заметил высокого, грузного человека, три дня упорно сидевшего перед картинами. Спросил Пеппера, кто такой? “Да это Саргент, он так полюбил Ваше искусство. Пойдемте познакомиться”. Все друзья были. И хорошие. А куда пошли собрания Лонгир и Спольдинга? Не в Бостонский музей? Многое бесследно исчезает. Из 75 вещей после С[ент]-Луи[са] можно было уследить 36, а остальные? Кто-то говорил, что они где-то

в Канаде. Пусть себе где-то живут, может быть, уже под другим именем, ибо моя монограмма не всем понятна. Да и винить нельзя, кто знает, что это начальная и конечная буква фамилии по-русски. Многие читают “Пакт” — “мир”. Ну, это их дело. К слову, приходят такие старые вещи, а впереди столько нового. О будущем будем думать и действовать. Вы уже знаете, что Верховный Совет в Москве выдвинул Жданова. Помните, я писал Вам о нем, о великом патриоте. Где Жданов — там хорошо. Привет Вам всем, нашим милым сеятелям будущего.

Сердечно,

Н.Перух.

15.IV.46

Родные наши,

Прилетела Ваша весть от 17-го — 21-го марта. Большая деятельность. Радует, что Зина вступила в хорошую женскую организацию. Быть может, в ней найдутся и новые сотрудницы. Привет им от нас. Вполне одобряем Ваши планы об АРКА — так и сделайте, как проще для Вас. Для холста можно взять из денег, Вами помянутых. О какой именно картине говорила дочь Сутро и к какому году это относится? Не “Звезда героя”? Не относится ли это к одной из ста картин, бывших в Корпорации, не вошедших в Музей, но тоже захваченных Хоршем? Крейн не может претендовать на портрет, ибо Светик получил всего 500 дол[ларов]. Но ведь это не стоимость большого портрета. Дело было так. Я послал в подарок Крейну темперу “Гуру Чарака”, а через некоторое время Крейн прислал мне 500 долларов. Я известил его, что темпера была подарок, и я передал эти 500 дол[ларов] Светику в счет портрета, который был ему заказан Крейном. Светик больше ничего не получил и из деликатности не напомнил. Вот и все, а потом Крейн умер. Незадолго до смерти Крейн заказал мне вариант “И открываем”. Картина была готова, но наследники просили не посылать ее. Видимо, с желаниями отца не считались. Теперь картина приобретена музеем Траванкора. Для архива Вам полезно знать.

Радио из Америки сообщает совет некоего профессора, чтобы в школы не отдавать детей ранее 12-ти лет. Спрашивается, что же дети ранее этого будут делать? Да, культурная работа сейчас нелегка. Вот Юрий безуспешно ищет человека для переписки манускрипта. Просили профессоров и разных деятелей и — ничего. Миллионы голодают и безработны, а найти кого-то на хороший заработок невозможно. Вот и Вы должны довольствоваться малограмотной секретаршей за неимением лучшей. Вспоминаю, как мы в Париже искали секретаршу со знанием русского и французского, и какой балаган получился. Так и не нашли. Одна, рекомендованная и уверявшая в своей опытности, ухитрилась на одной странице сделать двадцать грубейших ошибок. За указание весьма обиделась. Какая же культура, когда малограмотность одолевает.

Журнал “Новости науки” сообщает, что в Англии родился ребенок о двух головах. Прежде бы сказали: “Очень плохой знак”, да и ругались: “О двух головах, что ли?” Но в мире многое не только о двух, но о трех головах. Хорошо, что Вы получаете “Известия” и другие газеты, и потому Ваши сведения не односторонни. ТАСС иногда посылает нам газеты, но вразбивку. Видимо, и они знают трудность почты. За последнее время мы заметили, что кто-то снимает марки с иностранных писем. Получилось престранное пояснение: может быть, это делает полиция, следящая, откуда приходят письма. Не правда ли, престранное объяснение. А некоторые письма, может быть, вообще исчезнут. За последнее время написаны четыре картины: “Кришна”, “Вестник”, “Мыслитель”, “[Будда-]Испытатель”* — все не фотографированы, да и некому, да и пленок нет. Все становится труднее — видимо, человеку не осилить “мирное” время! Газеты сообщают, что некий ам[ериканский] дипломат Эрли сказал, что хотел бы кинуть на Россию атомную бомбу. Неужели кто-то опять мечтает о братоубийстве?! “Пация бестиалиссима”*, — сказал Леонардо да Винчи. Голод их не ужасает. Вот в Симле сразу четыре эпидемии: чума, холера, оспа, менингит, а это — какая?

Джин пишет к 24-му марта славные, но встревоженные слова; да и как же иначе. Будучи в центре, Джин не только читает, но и слышит многое. Опять наносятся раны взаимопониманию. Много придется залечивать, но ведь и самое простое ранение делается смертельным, если в него втирать ядовитые вещества. Уже произносится проклятое слово “война”, но она может быть и психическая. Кто знает, которая губительнее? В такие дни самое обычное культурное действие превращается в подвиг. Но мало кто оценит, сколько психической энергии затрачивается в таком Красном Кресте Культуры. Говорят об атомной эре, но молчат, насколько она потребует утончения и возвышения человеческого сознания. Психожизнь — во всем, но возглавить ее должен человек, как превосходный микрокосм.

Вам будет высылаться “Заря Индии” с 1-го января — надеюсь, будет доходить исправно. В Калькутте начнет выходить женский прогрессивный журнал — “Torchbearers”. Просили поддержать, но будет ли долговечным? Не выдерживает часто терпение, и люди в зачатке бросают даже очень полезное дело. А мы знаем, сколько времени потребно, чтобы зерна дали ростки. Вот война убила нашу бедную “Flamma”, она только начала укрепляться. Сколько однодневков, опаленных пламенем Армагеддона! Помните, в моем [записном] листе “Каменный дождь” приведен рассказ о некоем сообществе, вычислявшем, как глубока должна быть траншея и сколько взрывчатых веществ потребуется, чтобы расколоть Землю. Кое-что из ныне происходящего напоминает подобное безумие. Ясно, что некто подогревает атмосферу, но, как Соломон говорил, “и это пройдет”.

Посылаю Вам телеграмму из Линца об основании нашего Общества. Напишите им, что отсюда нам неудобно сообщаться, что скоро выйдет новая книга о Знамени Мира, и они могут приложить ее к действию. Если хотят переводить книги Уч[ения] — пусть переводят. Люди они, по-видимому, хорошие, с добрыми намерениями, но, вероятно, не знают, что не везде еще почта удобна. Пока пусть работают над переводами и по Знамени Мира. Эта культурная работа всегда нужна, а теперь особенно. Кажется А.Ренц из Линца Вам уже писал? Пусть каждый сейчас трудится по местным условиям.

Вряд ли сейчас можно им думать о своей газете, о своем журнале. Такие ли теперь времена? И откуда средства? Может быть, они Вам пояснят. Теперь все везде так многообразно, что главное надо соотносить на месте, а друзья должны знать, что все сделанное совершенно так, как лучше. Наверно, такие соображения потребуются и для других мест, откуда обнаружатся друзья. Иным кажется, что война кончилась, и все стало по-прежнему, а на деле совсем не так. Вы-то сие отлично понимаете и чувствуете насыщенность атмосферы.

Прилетело очень сердечное письмо Брэйдона. Пишет новые книги — они расходятся очень успешно, а одна уже пятнадцатым изданием. Миссис Карпентер пожелала, чтобы его книги были во всех университетах, школах, библиотеках, и дала средства на это благое дело. Имеются добрые души! В мае в Париже будет частичная мирная конференция, но, во всяком случае, не та, о которой предполагал Тюльпинк. По поводу этой не стоит писать Трумэну. А если Тюльпинк спросит опять, то скажите, что, верно, когда-то будет общая конференция. Действительно, по-видимому, на майской конференции о культурных предметах говорить не будут. Не слышали ли, кто министром просвещения вместо Потемкина? Мы слышали о множестве министров, но о главном предмете — о просвещении — ни радио, ни газеты не сообщили. А ведь Г[усев] поминал именно Наркомпрос.

Слышим о землетрясении и чудовищной волне, опустошавшей Гавайи, Аляску, Калифорнию. Неужели и такое предупреждение не остановит безумную инсценировку войны с кораблями? “Посевший ветер — пожнет бурю”.

Вот и мертвые воскресают — радио заговорило о собрании Лиги Наций — это уже некромантия. Ох, переедет ООН в Женеву. Там и дворец обширный, и при нем бар превосходный, где любили покалякать, — так газеты подмечали. А современный быт все-таки придется пересмотреть. Присылают лондонскую “Daily Mirror” — на каждой странице преступление. Как-то даже хуже стало, нежели во время войны. Впрочем, в сердцах разве кончилась война? Кто-то зачитывается хроникой преступлений, и какие уродливые кактусы произрастут? Опасные симптомы: падение вкуса, падение высокого качества. Вот и в “Times” какой-то тип заявляет, что он ненавидит слово “Красота”, и при этом показаны отвратительные “скульптуры”, если так можно назвать безобразную бесформенность. Высокое качество и вкус накапливаются медленно. А тут еще опереточная пошлость может вторгаться. От пошлости до подлости один шаг.

Послали ли отчет 1944-го АРКА Базыкину? Хорошо бы Вышинскому, Швернику, Жданову — в консульстве или Г[усев] скажут, куда им послать. Пусть дружеская весть летит. Немного непонятно, отчего Гус[ев] не едет посмотреть, в каком помещении предположена выставка. По-видимому, он находит время быть у Еременко. Такая же выставка могла быть и в Индии, о чем я много писал и Щусеву, и Грабарю, — и все без ответа. Мое ли не доходит или они молчат по каким-то неведомым причинам? Вот и ВОКС, наверно, мне не ответит. Если предположить, что все не доходит, тогда почему же мой лист “Славяне” дошел и появился в журнале “Славяне”, и два номера сюда отлично дошли. Да ведь и первое письмо Грабаря до Вас дошло, а потом?!! Все это когда-то выяснится. Вот и здесь бывает заморозка:

получаю номер журнала бомбейской молодежи “Эстетика”, смотрю и глазам не верю — объявлено, что у них продается моя книга “Прекрасное единение”, а я ее и не видал. Удивительно!

Конференция индийской культуры в Калькутте умоляет приехать председательствовать, но это совсем невозможно. Прекрасные друзья, но пришлось огорчить их. Письмо от Валентины — нелегко ей, бедной. Жаль, она не знала, что мы выехали в Финляндию еще в 1916-м году. Она писала в газетах о расхищении Музея и о перерыве в деле Знамени Мира. О Музее в Европе пока писать не нужно, а Знамя Мира не прерывалось, но лишь невольно примолкло в течение войны. Удивительно молчание Конлана. Но не будем его трогать — наверно, имеются какие-то особые, местные причины. Санжива Дев написал еще статью о Знамени Мира — пусть добрые вести где-то ходят. Фонтес тоже пишет о Знамени — прилагаю копию его письма для прочтения Комитету Пакта. Мадахил можно теперь же избрать в поч[етные] члены. Получен Ваш пакет с январским письмом для АРКА — все очень хорошо.

“Бикон” — чепуха. Все эти выдумки о Тибете надоедят наконец. Завадский, видимо, действует. Как их Академия? Зилотти, Рахманинов ушли — ему больше места. Пусть работает во славу русскую. Сердечный привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перух.

1.V.46

Родные наши,

Пришло письмо Катрин и Инге от 25-го марта с предположенным содержанием “Знамени Мира” и с вопросами. Мы вполне согласны с порядком содержания книги. Пусть Фогель подпишет свою статью, а сама книга есть издание Комитета, он распорядится, как виднее по местным условиям. На вопросы отвечаю: 1) Список стран, участвовавших в Вашингтоне, находится во втором томе, изданном в Америке, — очевидно, он имеется и у Вас, и у Катрин (их надо перечислить). 2) Конечно, “Мир через Культуру”, а не “Паспорт к миру”. 3) Речь Уоллеса можно дать не полностью, но лишь часть, где ближайшие упоминания. 4) Комитеты Пакта перечислите из статьи Шибаева, еще были в Китае. 5) Нужно включить два моих воззвания: одно, бывшее на второй день войны, и второе — письмо в АРКА. За время войны всякие сношения были затруднены и пресечены. Книга Тампи “Gurudev [Roerich]” у Вас имеется. Точное название книги Фонтеса еще не знаю, она в печати. О Португалии я Вам писал в прошлом письме — это нужно помянуть.

Мои книги “Himavat” и “Heroica” — обе в печати. Должно быть, скоро выйдут — зависит от издателей. Статья Санживы Дева у Вас есть. Библиография до 1939-го года, а затем — война. Нужно помянуть, что наш французский комитет писал Верховному Совету СССР. В Вашингтоне СССР

не участвовал, ибо признание Америкой произошло при окончании Конференции. Надо бы помянуть статью “Стража Матери Мира” из “Державы Света”. Вообще, и “Держава Света”, и “Твердыня Пламенная” в их отделах, посвященных Знамени Мира, дадут Фогелю материал. Первая статья, написанная Фогелем, должна быть им подписана. На обложке может стоять его имя как составителя (впрочем, как хотите), а издана книга Комитетом. Все будет ладно. Стихотворение Хари не включайте. Он давно помер и мало известен. Выдержку из письма Рабиндраната Тагора следует включить — она у Вас имеется. Пусть книга звонко выйдет. Статью Шибаева можно целиком включить в историю Пакта — она была хороша; я послал ее Вам из “Educational Review”, и менять не надо. Моя статья “Культурное единение народов” у Вас имеется. Вообще, сложите в одно место все, что относится к Знамени Мира, к Культуре. Книга весьма своевременна. У Вас теперь сношения с Бельгией, Голландией, Португалией, Польшей. Который мой портрет предполагаете? — верно, Светика, что в Люксембургском музее? Бюллетень Музея Фогель видел и читал? Бедный Фогель — ему необходима была операция, а затем надо окрепнуть.

А какие торнадо и подводные толчки. Неужели дуракам еще нужно кидать атомные бомбы, чтобы нарушить океан?! Впрочем, для них ничего не значат вызванные беды. Такое легкомыслие поразительно, неслыханно. Вполне понимаю мысли Зины об Еременко. На его письмо я, по обыкновению, немедленно ответил, но он больше не отозвался. Теперь он прислал набор карточек, без письма, но при них счет, при сем прилагаемый. Пожалуйста, заплатите ему из тех денег, о которых Вы поминали, когда писали о холсте. Кроме того, мы уплатили 32 рупии — пошлину, так как был вложен счет. Вот как!

Прилетело Ваше письмо от 31 марта с приложением письма Грабаря и Археол[огического] Института. Не дадут ли они Вам выставить эти две картины? Прилагаю письмо Грабарю — может быть, возьмут через Консульство отправить, а то прямо по его адресу. В моих письмах я поминал о “Славе”, но он ничего не пишет. Бенуа, оказывается, жив и в Париже. Письмо Грабарю послал воздушной почтой — принимают. Радостно, что 24 марта у Вас прошло так дружественно. Пусть нарастают новые связи.

Печально, что Магдалена бедствует в своей новой должности. Действительно, проблема трудная — отдых или потеря должности. Главное, прискорбно, если она сомневается в своих силах. Сомнение и уныние — худшие враги человека. Стара эта истина, но постоянно нуждается в повторении. Чрезвычайно трудно, даже невозможно советовать в таком личном деле, как сейчас с Магдаленой. Тут и вопросы службы, и дома, и матери, и отдых — все так сложно, что только волна местных условий вынесет к берегу. Вот и Валентине трудно, но там другое, там она получает новый опыт, новое достижение и познаёт новые условия жизни.

Жена Грабаря, Валентина Михайловна, служит в ВОКСе. При случае она может поспособствовать. Гусев сносился с Комитетом по делу искусства в декабре, и его письмо ко мне было после этих сношений, от конца декабря. Теперь письмо Грабаря было от 15-го января — о гусевских запросах он ничего не пишет, а между тем участвует в том же Комитете по делам искусств. Впрочем, Грабарь поминает о своем письме, ранее отправленном.

Может быть, в этом письме были поминания, но где оно застряло и дойдет ли вообще? С почтою небывалая заморочка: вот письмо из Манали, на расстоянии 14-ти миль, шло к нам десять дней — куда же дальше? А люди не поверят в такую действительность. Когда жеждеждемся представителя? Все происходящее указывает на близкую возможность, а дни идут за днями.

Фонтес прислал телеграмму: “Благодарю за назначение делегатом. Сообщаю Мадахил в Португалию. Фонтес”. Сообщите это Комитету Знамени Мира при следующем собрании. Таким образом в Португалии произойдет движение. И это в протокол собрания занесите. Удивительно наблюдать, как движение обычно происходит неожиданно, откуда и ждать было трудно. А самые обычные движения нередко запаздывают. Может быть, Хелины захотят сделать Комитет в Калифорнии — напишите им. Эптону Синклеру я послал Конлана. Все добрые силы должны быть на дозоре.

Значит две “Иерархии” не дошли до Вас. Папки еще не получены. Ясно, что по-прежнему кое-что не доходит. Даже и телеграммы иногда исчезают. Надеемся, что “Звериный стиль”, посланный Вами, дойдет. Очевидно, где-то имеется еще много “Звериного стиля”, ибо из Праги было послано 500 экземпляров. Где-то они упокоятся? Также, наверно, где-то еще имеются клише картин. В Ригу были посланы лишь по нашему списку и далеко не все. У Еременко могли остаться только большие красочные. Еще где-нибудь найдутся, так же, как открытки нашлись. В Аруне много вещей да и в Либерти тоже немало. Найдется! Пишут, спрашивают: “Какова судьба собраний Юсупова, Боткина, Шуваловой, Кочубея, Шидловского, Рериха, Шавинского, Рейтерна, Тевятова, Лейхтенбергского, Браза и других собирателей”. Ответим, вероятно, собрания поступили в Эрмитаж — к нему присоединен и весь Зимний дворец — так что получилось огромное помещение. Одни древности из прежних и новейших раскопок занимают множество залов. Грабарь правильно пишет, что теперь заняты Русской Культурой, которую, по его словам, “проворонили”. Вот в этом я неповинен. Всегда работал для Русской Культуры, и за это некие любители Версаля меня поносили. Тем ценнее слышать, что наши устремления оказались правильными и теперь дружные изыскания направлены именно по этому пути. Множество находок подтвердят, какие многозначительные открытия предстоят.

Светик привез из Кативара древнюю египетскую статую богини Баст (с кошачьей головой) и византийские монеты — как давно были сношения Индии! Недаром Древний Египет называл Индию страной богов. Как опасны стали теперь передвижения: Светик и Девика подверглись смертельной опасности ночью на пути из Дели в Лагор. Через окно вагона забрались громилы и ограбили ценные вещи. По счастью, Девика и Светик крепко спали, а если бы пошевелились, то их убили бы. Вот каковы дела! А тетку первого министра Пенджаба и ее слугу грабители ночью зарубили в вагоне. Много таких зверств и грабежей. Что будет дальше?

Опять всюду трудные дни. Обидно, что желанные подвижки как-то застревают. Каким путем торопить людей?

Хейдок прислал из Шанхая третье письмо, а мои к нему письма, видимо, еще не дошли. Досадно! Пишет он добрые вести. Оказывается, две книги, изданные в Урге, — “Основы буддизма” и “Община” — имеются в обращении и, как пишет Х[ейдок], “многим помогли”. Также читали там и мой лист

“Славяне”, и он тоже “укрепил многих”. Когда Хейдок помянул меня Щеголеву, директору ТАССа в Шанхае, тот заметил: “Рерих — сила. Хорошо, что эта сила оказалась в антифашистском лагере”. Хейдок также сообщает, что при приближении наших войск Родзаевский с фашистами убежали куда-то на юг. Где же могла притаиться эта мразь? Всеволод Иванов сейчас в Хабаровске во главе газеты, понемногу друзья находятся. Но почему Рига молчит? Беспокоит нас это. Странно то, что Лукин был очень хорош с Кирхенштейном, теперешним главою Латвии, и все-таки молчит, и адрес его мы не знаем. Нет ли в Нью-Йорке консула Югославии? Если есть, хорошо бы запросить о моих картинах в Белграде. Там было семь, и особенно было бы жалко “Земля Славянская” и “Святые гости”. Вообще было бы хорошо Вам связаться с югославами и чехами — наверно, они есть в Нью-Йорке. В их консульствах можно узнать адреса да и пригласить на какую-нибудь лекцию. Все это не к спеху, а на будущее. Пока что можно послать отчеты АРКА в югославское и чешское консульства. Так и будем действовать не покладая рук. О Культуре нужно всячески твердить, когда где-то еще имеется запас атомных бомб.

Прилагаю отрывок моего письма одному молодому писателю — опять нужно посылать SOS: “По-видимому, мы сейчас проходим дни, когда слово о Культуре опять становится немодным. Недавно мы были потрясены, услышав ужасные изречения одного “образованного” лица. Когда рассказали ему о вандализме в Хайдарабаде, он преспокойно возразил: “Чего Вы беспокоитесь. Картины эти принадлежали не Вам, а государству”. Бедняга, он вообще не понимал мрачного значения вандализма. Такой невежда — природный враг Культуры. С одной стороны, происходят Культурные конференции, а с другой, двуногие готовы уничтожать ценные наследия человечества. Поистине, все культурные силы должны быть на сторожевых башнях в готовности защищать достояние народа. SOS! Тяжкое время, но оно приумножит и силы. Знаем, что и Вы на бессменном дозоре. И у Вас местные условия не очень-то хороши.

Сезон кончился, как начнется новый? Уже должен быть ответ на письмо Гус[ева], но ничего не слышно. Все время слышим о чем-то опоздавшем, пропавшем. “Замедление — смерти подобно” — этот завет Петра звучит как глас трубный. Пришли Ваши два пакета: один с бумагой Знамени Мира (очень полезно), другой с газетами (очень интересно). Газета из Вичиты весьма пригодится. Посылаю копию письма Фонтеса — видимо, энергичный деятель. Приголубим его. Февральское письмо АРКА очень деловито — все это так неотложно нужно. Во славу Руси Вы творите благое дело. Вегетарианская газета прислала пачку статей — поблагодарите автора — видимо, они хорошие друзья. Я им посылал мою статью “Пища” (“Food”) — дошла ли? Телеграмма Катрин: операция Фогеля удачна — шлем добрые мысли. К 1-му мая скажем еще раз трудовой клич: “Вперед, вперед и вперед!!”

Сердечно,

Н.Рерих.

Известите Шауб-Коха об избрании Поч[етным] Совет[ником] Знам[ени] Мира.

Пожалуйста, вложите две последних страницы из отчета АРКА за 1944-ый — там “Герои” и сведения об Индии.

15.VI.46

Родные наши,
Ах мой сизый голубочек,
Ты несёшь ли мне письмо?

Голубочек не летит. Никакого письма нет как нет. Не думаю, чтобы Г[усев] считал это нормальным. Если письмо было, то, значит, оно где-то исчезло. Не могу же я писать неизвестному мне лицу: “Земля слухом полнится, что Вы писали мне какое-то письмо”. Кроме смеха, такое обращение ничего не возбудит. Пришли два письма от Магдалены, как всегда, сердечные. Напрасно она считает свое выступление ошибкой, напротив, оно дало полезное следствие и показало, чем оперируют преступники. Ответ ее очень хорош. Отлично отмечена преступность Хорша с налогами. Ведь он вносил налоги и распоряжался моими деньгами. Не забудем, что Хорши и их шайка ненавидели все русское. Это не должно быть забыто в деле их преступления над русским музеем. Да, да, именно против русского дела. Какие множества ненавидящих все русское. Множество завидующих русскому народу! А что может быть гнуснее зависти, клеветы. Если Магдалене удастся и еще где-то протолкнуть правду — спасибо ей большое. Сделайте особую папку и сложите в нее всю эту переписку и две статьи: из Либерти и из Вичиты. И мы также сделаем — ведь это история, и когда-то кому-то она очень пригодится. Как бы вдохнуть Магдалене мужество и веру в себя. Самовнушение и здоровье поправит. Главное, чтобы не свыкаться с мыслью о болезни, о непреодолимости чего-то. Все преодолимо, если дух в себе победил препятствия. И помощь приходит, когда ей врата открыты. Всякое уныние должно быть изгнано, ведь за ним ползет и змея сомнения — ядовитая тварь.

В Индии широко перепечатана статья Перль Бек из воскресного “New York Times” (Вы, наверно, ее читали) о ненависти к американцам во всей Азии. Печально, что такие статьи появляются, и еще печальнее, если они имеют основание. Конечно, когда всякие “покровители” и их приспешники Хорши позорят нацию, то всего можно ожидать. И инфляция может поднять свое ядовитое жало. Если не читали статью Перль Бек — прочтите. Вообще, и пресса, и радио дают мрачный материал для размышления. Оповещаются нередко такие намеки, что, право, не знаешь, где черта между выдумкой и прискорбной истиной?!

Что же это такое? Перед нами большая бомбейская газета “Воскресный стандарт” № 500. На первой странице крупный заголовок: “Террор янки в Европе”. Затем идут выдержки из американских газет о вопиющих безобразиях американских войск в Европе. Грабежи, убийства, насилия —

целый мрачный синодик самых недопустимых преступлений. Какие же меры принимаются против такого аморального состояния двуногих? Ведь эти зверюги позорят всю нацию. Никакими банкетами и многотысячными приемами не прикрыть мрачную молву, обежавшую весь мир. С одной стороны, раздача зерна, а с другой — безобразия. И разве не нашлось порядочных, дисциплинированных солдат для оккупационных отрядов? А где же офицеры и генералы? На той же странице и тоже из американской прессы сообщение о возрождении ку-клукс-клана и о принадлежности к нему Президента Трумэна. Разве это возможно? То снимут Трумэна у ног голливудской дивы, то произведут в ку-клукс-клан! Возможно ли? Допустимо ли?

А тут еще всюду печатают, что Америка изобрела человекоубийственную атомическую пыль неслыханной силы. Давно ли ругали немцев за газы и бациллы? Криво в мире, пошло. Каждая газета — какой-то обвинительный вердикт человечеству. Так и перед войною крутилась какая-то бешеная сарабанда*. Все предостережения, сказанные тогда, и сейчас должны быть повторяемы. Аксиомы и трюизмы опять стали новыми, нерешенными. Толстые журналы говорят все о том же, ибо опять память человеческая нуждается в освежении. “Не умрем, но изменимся”. Сказано две тысячи лет и много больше тому назад. Между тем по-прежнему недоуменно рты разеваются. Или Атлантида — десятки тысяч томов о ней написано, но по-прежнему двуногие считают ее сказкой. Всегда истина менее правдоподобна, нежели выдумка. Суды скорее воспринимают ложь, нежели правду. Овидий сказал: “Слушать клевету — проклятие, но не возразить на нее — еще хуже”. Так то.

Еще одно показательное газетное сведение. Европа наводнена биллионами фальшивых денег. Бедная фальшивая Европа! Спрашивается, как освободить народ от таких фальшивок? Ведь не все же проходит через банки. И сколько опять невинно страдающих. А здесь все ловят вооруженные шайки. Только что в Калькутте поймали злодейскую организацию — 32 англо-индийца и один китаец. Прилетело письмо Валентины. Она уже должна уехать из Швейцарии — двухмесячная виза кончилась, а продления никому не дают. Опять она, бедная, на городскую картошку. Опять ее Миша чуть не убился — упал со скалы. Печалуется об ограниченном кругозоре окружающих. Да, даровитому интеллигентному человеку везде нелегко. А письма так и нет. Только подумайте, что письма нет. Пишет один хороший инженер: его мать, старушка, приехала сюда из Шанхая. Перед отъездом хотела взять сов[етское] гражданство, но ей сказали в брит[анском] консульстве, что в таком случае ее виза будет отнята. Станные эпизоды между союзниками. Весьма показательно и прискорбно.

Поминаю все это, чтобы еще раз подтвердить, насколько сейчас трудна культурная работа. Московское радио передавало хорошие речи на митинге в честь сов[етских] писателей в Мэдисон-сквер. Было много приветствий. Наверно, АРКА тоже посылала — сердечный привет всегда хорош. Наверно, послали трем писателям отчеты АРКА за 44-ый и за 45-ый годы — полезное осведомление. Кстати, когда Гус[ев] надеялся иметь сов[етскую] выставку? Хорошо бы связаться с Мексикой (через мек[сиканское] консульство) и двинуть туда выставки репродукций, а потом, может быть, и выставки

оригиналов. Если верить газетам, Мексика теперь самая богатая страна, и в ней двадцать шесть тысяч миллионеров и шесть тысяч мультимиллионеров. Пожалуй, и Америку перегнали. Не знаю, может быть, в Мексике искусство вообще не нужно, но все же, если удастся сделать что-то полезное, — пусть оно будет сделано. Опять слышали мы, что с Францией до сих пор невозможно установить нормальную переписку. Наверно, и всякие культурные дела там трудны. Писала Дэвид Ниль, что хочет вернуться во Францию, а проезд не достать. Все затруднилось.

Послал еще письмо Татьяне Григорьевне в Москву, по прежнему адресу. Может быть, она уже переехала куда-нибудь. Уже целый год полное молчание. “Times” сообщает, что Америка наводнена астрологами — десятки тысяч! Даются сроки событий, смерть деятелей и всякие пророчества, конечно, до биржевых сделок включительно. Да, астрология — многозначительная наука, если она в руках истинных исследователей. Но много ли настоящих астрологов среди тысяч прорекующих за вознаграждение?! То волна астрологии, то волна ку-клукс-клана — какие-то бурные волны.

Пришло за подписью Катрин хорошее письмо АРКА за март. В том же пакете чепуха так называемого “тибетца”. Также пришло отличное письмо к членам [Общества] Агни-Йоги. В той же почте сумасшедшее письмо какого-то Дикгофа — по-видимому, душевнобольного. Из С[ент]-Луи[са] Тернер пишет, что покупает у Бринтона “Himalayas”. Почему не от Вас? Верно, не знает, что у Вас еще имеется эта книга. Другие книги он покупает от Вас. Сохранно пришло пять книг [Юрия] “Звериный стиль [кочевников Тибета]”. Нет ли у Вас “Основ буддизма” и “Flame in Chalice”*, если есть, пришлите по парочке. А письма все нет, и что-то надо предпринять или смирно ждать. Вот мы торопимся, а бывают люди, не знающие торопливости. Может быть, я Вам уже говорил о курьезном эпизоде в Лондоне. В 1920-м году мы жили на Кюин Гэйт Террас [Queen Gate Terrace]. Каждый вечер в послеобеденные часы из дома напротив через улицу раздавались унылые звуки флейты, и неудачный музыкант никак не мог преодолеть один трудный пассаж. Нам он порядочно надоел своей злосчастной настойчивостью — каждый вечер одно и то же. Через десять лет, в 1930-м году, мы опять были в Лондоне. Захотелось побывать у нашего прежнего жилья. Пришли вечером и, о ужас! услышали ту же флейту и с тем же фальшивым пассажем! Вот пример терпения. Надеюсь, мы не будем подражать ему в деле с письмом. Где же оно наконец!

Санджива Дев женится. Надеюсь, эта перемена не отвлечет его от культурной деятельности. Наш давний сотрудник Р.Тандан имеет домашние осложнения, покидает Аллахабад и не может быть секретарем нашего Центра Культуры. Жаль, но ничего не поделаешь — такова жизнь. Прилагаю отрывок одного моего письма. Для Вас оно любопытно как страница к истории вандализмов. Да, активные и пассивные вандалы должны быть громко и сурово осуждены. Вандализм — не трюизм, если такая мерзость и посейчас происходит. Как здоровье Фогеля? Теперь он уже мог оправиться, но, вероятно, должен быть строг в своей новой диете. Книга “Знамя Мира” даст движение вод. Пусть она пойдет по новым каналам, минуя старые иссохшие канавы, — так лучше. Прислушайтесь, нет ли где выпадов со

стороны грабителей. А поверх всего — привет друзьям. Сердечное: “Радоваться Вам”!

Духом с Вами,

Н.Перух.

15.VIII.46

Родные наши,

Сейчас дошло Ваше воздушное письмо от 11-го июля. Оно не очень веселое, но это так понятно в наши смутные дни. Одновременно прилетело письмо Брэгдона. В первый раз за все годы он кончает его: “Нью-Йорк стал невозможным, и, очевидно, мы на грани инфляции, давно ужасающей и давно ожидавшейся”. Уже и философ не может молчать о современном положении — раньше всегда его темы были иные. Впрочем, газеты сообщают астрономические цифры. Так, в Венгрии денежная ценность, прежде равнявшаяся 500 миллионам рупий, теперь стоит один шиллинг. В Китае стоимость предметов обихода возросла в 6900 раз. Разве это не падение иерихонских стен? В то же время, если верить газетам, ам[ериканская] консульша в Москве обучает нелепейшей пляске “буги-вуги”. Пожалуй, доедем до “трясунов” и “хлыстов”.

Хорошо, что Вы нашли в Либерти целый архив, ведь это исторические материалы. Если имеется инвентарь архива, хорошо бы и нам его иметь. При разборке исторических документов невозможно бывает решить — что нужно, а что не имеет значения. Сегодня одно привлекает внимание, а завтра совсем другое обрисовывает быт. По-видимому, в Америке нет таких учреждений, где бы хранились архивы общественные и частные. Булгаков пишет, что в Прагу приезжала комиссия нашей Академии наук и взяла его архив, чтобы хранить в Академии под названием: “Архив Булгакова”. Радостно слышать о таком внимании — оно сохранит вехи культурной жизни. Вспоминая о Праге, жалею Валентину — ей трудно. Но зато — какая школа жизни! При ее даровании все нынешние впечатления ей очень пригодятся. Дни небывалые. Вот Трюгве Ли вопиет к державам — не разрушайте мир. Не бывало, чтобы генеральный секретарь трепетал за целостность мира. А ведь конференция еще в начале. Во всех странах всплыли неурядицы. И здесь не лучше. Хорошо, что нашлось много медалей. Ведь они работы Дропси, известного профессора Академии, — их можно дарить музеям. Значки могут пригодиться для членов Комитета Пакта. Пришлите сюда несколько маленьких. Клише где-нибудь найдутся. В Риге была только часть по нашему здешнему списку. Среди архива были вещи Юрия — два сундука, картина, чемодан и ящик книг. Я называл почет[ными] членами-корреспондентами — ибо таких может быть много, а секретарей не может быть чрезмерно — впрочем, как хотите. К.П.П.Тампи можно уже теперь внести на бумагу, я ему писал, и он очень доволен. А бумага Ваша об избрании обернется не так скоро. Теперь все так медленно!

Что же Вам делать с Магдаленой? — только время покажет, насколько она горит культурными делами. Хорошо, что Джин материально может жить делом в Либерти. Если Красный Крест неустойчив и не ценит прекрасных работников, то ведь культурная деятельность всегда открыта такому способному человеку, как Джин. Хорошо, что Альбуэрно понимает, что отсюда почта плоха. Привет ему за его труды по издательству. Не понимаю, почему Тюльпик замолк, — все ли у него ладно. Так шатко все теперь. Вполне понимаем, что Вы не перегружаете Гус[ева] — там какие-то особые отношения. Спасибо, что переслали письмо Грабарю. Боюсь, что “воздух” не ускоряет оборот письма. Эх, жаль, что Бориса больше нет! От него могли быть достоверные сведения и толкования. Не слыхали ли, кто такой Сысоев? Художник, писатель или другой деятель? В газетах нам не встречалось его имя, а для сношений все такие сведения нужны.

На подоконнике стоит открытый компас. Стрелка неизменно тянет к северу. Пишу ли, читаю ли, глаз вскидывается за путеводной стрелой — к северу. И невозможно убрать эту стрелку — она зовет, она напоминает. Кажется, и без нее помним, но она как символ зова. Молодые деодары* позади Гуга Чохана* разрослись и угрожают закрыть снега Гепанга, а маленькая липка, посаженная Еленой Ивановной, превратилась в кудрявое дерево. Да и то сказать — восемнадцать лет! Хотели было мы послать Сысоеву наминательную телеграмму, но неудобно настаивать — так и пребываем в неизвестности. Не знаем, как действует воздушная почта, быстро ли идут телеграммы, хотя телеграмма о смерти Бориса дошла в один день. Значит, бывает, доходит, да и последнее письмо Грабаря дошло сюда. Поминаешь все об одном и том же, но что же делать, если оно полно значения. Вы удивились моим словам о приеме Коненкова в Москве. Удивительно, что сов[етский] гражданин, покинувший СССР около двадцати лет назад, принят торжественно и завален заказами. Это делает честь правительству, если оно, забывая прошлое, почтило деятеля искусства. Не без причины Грабарь так подробно остановился на этом эпизоде. По возвращении в город Вам придется протелефонировать Гус[еву] (ничем его не утруждая) о содержании нашей телеграммы — мы последовали его совету.

Очень рады, что Вы внесли в “Знамя Мира” существенные поправки и дополнения. Конечно, надо считаться с жертвователями, но из этого не следует, чтобы книга вышла бледной. Она пойдет по новым каналам, к новым людям и должна зажечь новые сердца. Так да будет! Яна Масарика пока не трогайте, у них сейчас и своих дел по горло. А Рокуэлл Кента хорошо бы теперь же включить. Немного таких даровитых творцов. Привет ему от меня. Книга “Знамя Мира” тем значительна, что темные личности удостоятся, что движение не прекратилось. Для темных праздник думать, что движение за мир, за культуру замолкло. Им бы война, да разрушение, да грабеж — вот их мрачная сфера! Сотрудники наши и жертвователи должны сознавать, какому великому благу они служат во имя всего человечества. Поэтому Ваши труды для Знамени Мира особенно ценны, ведь Зина — единственный свидетель и участник обсуждения и подписания Пакта. Подчеркиваю это обстоятельство. Новички не могут представить себе всю работу, и от них нельзя и требовать. Наверно, даже печатные материалы не

могли быть ими полностью прочитаны, а если и были, то все же это не есть личное свидетельство.

В книге “Знамя Мира” непременно нужно упомянуть Конгресс наших Балтийских Обществ, бывший в октябре 1937-го года в Риге. На странице 235-й “Zelta Gramata” (она у Вас имеется) Вы найдете постановления о Пакте — они тем значительнее, что подчеркивают работу в предвоенных годах. Конечно, и французский Комитет, и Комитет в Харбине говорят о том же. Балтийский Конгресс был многолюдным, о чем свидетельствует фотография, имеющаяся у нас. В “[Roerich Museum] Bulletin” имеется снимок со второго Конгресса в Брюгге. Помните, как торжественно он выглядел в старинном зале Ратуши? Вообще, когда соберете все снимки собраний, приветствия, речи, издания, встает вопрос: где же все эти множества деятелей, объединявшихся во имя Культуры? Подумайте, и придет страшный ответ о разрушительном урагане войны, разметавшем культурные гнезда. А кто остался, не скоро выйдут из убежищ, из скорлупы самоохранения. Конечно, Вы читали о сильнейшем подводном землетрясении около Вест-Индии, отозвавшемся на берегах Доминиканской Республики. Такой подводный переворот мог отозваться и на Флориде — будем надеяться, этого не случилось. Подводные катастрофы влияют на широкую округу в виде всяких атмосферных воздействий. И без того весь мир кипит. А письма нет как нет.

Мы еще находимся в сумбуре после почтово-телеграфной забастовки — неведомо, что идет, что не доходит. Такая неразбериха происходит уже месяц, но “и это пройдет”. Не так ли? Пусть и в эти трудные дни Вам будет хорошо. Ждать и надеяться. Привет сердечный,

Н.Перух.

Сейчас пришло Ваше [письмо] от 29-го июля, также и майское письмо АРКА, и от Ильи о высылке холста. Обо всем в следующем письме.

1.X.46

Родные наши,

У Вас трудовой сезон уже будет в разгаре, когда эта весточка долетит. Неужели Сысоев молчит и на Вашу телеграмму? Нет ли чего от Бабенчикова, от Грабаря? Не знаешь, куда он ответит — через Вас или прямо сюда? Ну и ждется! Ведь если что затянется, то опять на год, до следующих холодов. Светик давал Ваш адрес некоему Азиму Гусейну — он едет с какой-то здешней комиссией, теперь их так много. Конечно, ни о каких хоршевских историях ему говорить не будете, а так — все в превосходной степени. Эптон Синклер прислал подписную свою последнюю книгу. Пошлите ему от меня книгу “Знамя [Мира]”, когда она выйдет. Все в мире замедлилось. Некий писатель задолго до войны просил мой очерк “Вечная жизнь” для его симпозиума. Я уже и забыл давно, а теперь пришло извещение, что симпозиум скоро выходит. Впрочем, во втором веке до Р[ождества Христова]

китайское посольство в пути к индо-скифам было задержано гуннами на пятнадцать лет, а потом преспокойно прибыло по назначению. Пример медлительности!

Предполагали, что хоршевский покровитель будет убран, и вот совершилось. Видимо, такая психическая инфляция происходит; настолько понизился уровень, что даже такая человекообразная пародия могла плавать и шуметь на позор нации. Конечно, гангстеры очень находчивы и увертливы, но все же и Космическая Справедливость существует. Прислушивайтесь. Присматривайтесь. Широко по миру гроыхает свистопляска, а добрые элементы запуганно прячутся в норки, чтобы не получить кинжал в спину. “Доколе, Катилина, будешь испытывать терпение наше?”, — вопрошал Цицерон, и много речей было произнесено прежде, чем общеизвестный преступник был низвержен. Сократа легко было отравить, Аристид Справедливого мясники изгнали, Платон в рабстве, Анаксагор осужден, Перикл оклеветан, Фидий в темнице. Так распоряжался классический мир со своими великими мыслителями, творцами. А теперь еще и инфляция.

Недавно я писал друзьям в Китай об удивительном, хотя и вполне понятном явлении. Повторю это газетное сообщение и Вам. Газеты обеспокоены так называемой каменной болезнью, разрушающею скульптуры в городах Европы и Америки. Даже изваяния Парижского Собора Богоматери заболели. Причина предполагается от газов нефти. Может быть, и разные иные газы и яды начали свою истребительную деятельность. Полвека назад писалась статья “Боль планеты”, а с тех пор мировое отравление возросло. Гуманизм был отставлен, и человечество устремилось к самоистреблению. Давно мы знали, что деревья погибают в городах, отравленные ядовитыми испарениями, но теперь очередь дошла до камней — куда же дальше? Гнилая “цивилизация” готова отравить всю планету. Была давно статья “Крылья”* с вопросом: не слишком ли рано полетели двуногие, что понесут железные птицы — убийство и разрушение или просвещение? Вот почему Знамя Мира оказалось таким неотложным. Пусть чертяги корезаются при упоминании о Культуре, о Знамени Мира — им ненавистно понятие добротворчества и мира. Но человечество в сердце своем всегда взывало “о мире всего мира”. Истина не ржавеет, в какой бы промозглый подвал ее ни пытались запрятать. Прекрасный жар-цвет правды и добра преоборет любой мрак. В какое бы самоомрачение ни впадали слабовольные люди, но Надземная Истина их опять-таки просветит. Жаль, что “Надземное” еще не могло быть издано. В нем много повелительных зовов, так неотложных сейчас.

Хейдок пишет: “Я-то забыл день нашего Великого подвижника, но там-то, на Руси, не забыли. ТАСС передавал, как торжественно справлялись службы по Сергию там при громадном стечении народа. Знать — уже вынесли, подхватили, гремят...” И еще Х[ейдок] пишет: “Я принес три ваших статьи Чебыкину в ТАСС, но прежде всего я спросил его, знакомо ли ему Ваше имя. К моему удивлению, он признался, что нет. Ч[ебыкин] очень славный человек и доброжелателен ко мне. Я ему прочел очень краткую лекцию о Вас и дал ему прихваченный из дому (на всякий случай) номер московских “Славян” с Вашей статьей. Мне показалось, что действие этого номера было весьма близко к действию так называемых верительных

грамот. Вчера я посетил Ч[ебыкина] опять, и он сказал мне, что Ваши статьи уже направлены в газету для помещения; он также послал редакционному персоналу номер моих “Славян” для ознакомления. Кстати, мой молодой друг В.Степаненков нашел достойного китайца, с которым он уже работает по линии Знамени Мира. Я советовал В.Степ[аненкову] написать лично Вам о том, как идет подготовительная работа”.

Хорошие труженики, а ведь в каких трудных обстоятельствах сами находятся. По-истине, чем труднее людям, тем больше Света излучиться может. Великий двигатель — трудовое напряжение.

На дозоре создается расширенное напряжение. Бояться его не следует. Почему не прислушаться ко множеству разнородных звуков? Ведь сейчас очень звучит пространство. И у Вас происходит многое показательное, да и оттуда каждый день особые вести. По внешним признакам трудно распознать, что именно означают отдельные отрывки, долетающие издалека. Во всяком случае, нечто задвигалось. Остается внимательно прислушиваться. Не посетуйте, что пишу по-эзоповски, — это осталось со времени войны. Впрочем, и сейчас в мире не лучше, если не хуже. “Голос Америки” сообщает, что отставка Уоллеса принесла облегчение. Теперь этот тип превратится в “миротворца” и начнет вводить в заблуждение человечество своими новоизмышленными “мирными” идеями. Есть такой жук — “вор-притворяшка”. Каков притворщик! Не он ли десять лет тому назад рассылал всюду вредительские письма о том, что он не имеет ничего общего с мирным движением. Лгун надеется, что ему никто не напомнит его собственных “деяний”, причинивших столько вреда мирному движению. А вдруг кто-то ему напомнит?! Очень прислушайтесь к его проделкам и к судьбам его ставленника, к которому он ходил по черному ходу с поднятым воротником и в нахлобученной шапке. Горько ошибутся, кто ему поверят, — обманет волк в овечьей шкуре. Прислушайтесь! На разных концах шевеление. Любопытно, что мое печатает ВОКС — в своем русском или английском изданиях?

Сейчас вернулось из Брюгге мое письмо с надписью о смерти Тюльпинка. Жаль, безмерно жаль! Если еще не поздно, помяните его добрым словом в книге “Знамя Мира”. Во время войны охранил Музей, а теперь ушел!

Нужно установить положение Музея. Ведь там 18 картин. Вероятно, кто-то назначен от городского правления — дом был дан от города — на каких условиях, не знаем (об этом Тюльпинк не сообщал). Морис пишет из С[ент]-Луи[са], там ему предложили вести класс в Музыкальном институте. Он видел Франсис в Санта-Фе и очень печалится о ее непримиримых жалобах на всех. Отвечая ему, я писал: “Печальны Ваши сообщения о Франсис. Мы слышали о ее жалобах направо и налево — без разбора, получается вредительство. Она умеет жаловаться на всех, кроме себя, умалчивая о своих поступках. А ведь ее поведение многому способствовало. Вы правы, с таким характером ничего не поделаешь. Должно быть, и от Учения окончательно отступилась, а такое отступничество добра не принесет. Карма!..”

От Магдалены прилетело поздравление ко дню рождения — очень милая графика. Передайте ей мой сердечный привет и пожелание успехов в

ее работе. Не слышали ли чего от Мясина? Где мои эскизы? Если его постановка не вышла, теперь эти эскизы нужны Вам для выставки. У Вас постоянное круговращение народов. Кстати, где теперь выставка моих репродукций? Была ли она в С[ент]-Луи[се] и в Канзас-Сити? Жива ли м-с Тер в Филадельфии? — хороший человек.

На днях разобрал картотеку адресов — вернее, бывших адресов. Какой синодик! Осталось меньше десятой части, а все остальное ушло — вымерло или в безвестном отсутствии. Кабы были живы, наверное, искали бы сношений. Правда, какие-то новые проявились, но не знаем их, можно ли положиться? У Вас, видимо, то же самое происходит. Вы пишете об астрономических ценах. Мировое явление! И чем может оно уравновеситься? Пока неразбериха лишь возрастает. Культура, гуманизм опять на запятках, не о том люди думают. Забыли о главном, о жизнедателе. Робсон с делегацией у Трумэна — против многих линчеваний негров. Вот Вам и “цивилизация”, не сумевшая вырасти выше зверского линчевания. Прискорбно! Тем усерднее будем служить Культуре, каждая борозда на этой пашне неотложна. Привет Вам, привет всем друзьям.

Духом с Вами,

Н.Перих.

Доверительно

Родные Зин[а], Амр[ида] и Мор[ис],

Сейчас получили Вашу телеграмму и ответим относительно Миллера, как Вы и предлагаете. Неужели против него может быть какая-то скрытая оппозиция? Ведь он со своим другом Ках. только что дал такие явные доказательства своей полезности. Ведь когда другие адвокаты отказались от дела Соф[ьи] Мих[айловны], он именно удачею в этом деле положил начало и прочим удачам. Кроме того, его приятель Ках. имеет большие знакомства именно в тех кругах, которые могут так сильно пригодиться. Таким образом, именно комбинация Милл[ер] — Ках. может быть чрезвычайно необходима во всех случаях, где publisher’ы не имеют связей и опытности или почему-то не хотят обратить должного внимания. Из второго извещения о комментариях Брата к условию Адриана мы понимаем, что, вероятно, это условие писано вилами на воде. Может быть, приезд Клайд в Тульсу даст новое определенное движение.

Теперь, что касается до рам, то, во всяком случае, их будет дешевле сделать в Америке, а стоимость их будет вычтена из суммы Флор[ентины]. Вы правильно просили высылать вещи как parcel — мы так и сделали для первой посылки (42), и вторая уже посылается (20). Ведь для картин требуются самые простые рамы из общепринятого в Америке машинного багета. Конечно, никаких закругленных углов не нужно, а именно вроде того, как простые рамы в Музее. Конечно, может быть, опасно обращаться к тому же Брекстону, как знает Морис, делавшему все прежние рамы. Ведь нечто может просочиться. Но такие простенькие дешевые полуциркульные

рамочки, рисунок которых прилагаю, имеются буквально в каждом рамочном магазине.

Приблизительный профиль рамы:

Ведь не нужно никакого особого дерева. А краска рам, подобно музейным, делается самым машинным образом. Кстати, здешний орех в рамах весьма коробится. К тому же сейчас совершенно нельзя достать его в достаточно сухом виде. Делать же рамы из деодара нельзя, ибо из него все время сочится смола. Такая проба уже испортила одну картину.

Кроме того, как Вы правильно замечаете, каждая посылка объемистого ящика может причинить большие осложнения. Ведь такая посылка должна непременно идти через консула, тогда как посылка-parcel обходится без этого прекрасного участия. Вспоминая рассказы пианистки, ведь можно ожидать, что консулы знают и имеют кое-какие указания. Ведь о гараже местный консул очень старался и старается. Конечно, третью посылку мы рискуем сделать пароходным грузом через Макинон Макензи отсюда на указанную компанию, дай Бог, чтобы она дошла без осложнений — ведь такая посылка без консула не обойдется. Потому-то так необходимо сделать хотя бы дешевенькие рамки в Америке. Ведь во всяком случае стекла придется поставить в Америке. Значит, картонные все равно пришлось бы вынимать из рам и прибавить сзади *предохранительную папку*. Также, во всяком случае, для рам, совсем не нужно орехового дерева. В Америке ведь есть какое-то совершенно доступное, и притом не тяжелое, дерево — я сам видел подходящие рамки в магазине Фридриха, который находится на 57-ой ул[ице] около Карнеги-холл. Раньше он мне всегда делал узенькие простенькие рамки без всяких украшений, и конечно не красного дерева. Посылать же отсюда ящик с пустыми рамами и истратить на его посылку 60 — 70 ам[ериканских] долл[аров] и невыгодно, а кроме того, такой ящик с дровяными пустыми рамами обратил бы на себя всеобщее внимание, и, полагаем, что сорок две узеньких рамки даже со стеклами обойдутся приблизительно в те же цифры. Поэтому очень просим Вас заказать на 62 *рамки* со стеклами в величину присланных Вам двух картин, ибо все картонные абсолютно того же размера и требуют совершенно одинаковых размеров рам. В первой посылке, повторяю, будет 42 картины, а во второй — двадцать, вот почему требуется в общем 62 рамки. После того как картины будут вставлены в рамки под стекло с предохранительными папочками с обратной стороны, их можно будет показать Флор[ентине]. Когда мы перед отправкой разложили их на полу нашей гостиной, они заняли почти всю комнату — получилась большая плоскость. Такие избранные вехи Азии имеют значение как порознь, так и как целая сюита — симфония. При перепродаже в них могут быть заинтересованы и музеи, которые сразу получают целую неповторенную панораму. Помнится, что Даллас[овский] музей, а также Хессемер интересовались, и такая симфония может их заинтересовать еще ближе. Мы уже писали, насколько опасно показывать картины просто в случайных гостиных. Картинам соответствует для их выставки галерея, или музей, или же места частных коллекций. Помните

результат аукциона, бывшего во время receivership'a. В моей статье "Неизвестные художники" упоминаются эпизоды с картинами Рембрандта и Коро. Словом, знаем, что Вы сделаете как можно лучше и бережнее. Ведь публика часто не разбирается в ценностях, но Вы и об этом знаете. Итак, берегите Искусство.

Крепко целуем Вас и шлем лучшие мысли. Ждем новых обстоятельств. Щит над Вами.

Сердцем всегда с Вами, родные наши. Берегите друг друга. Все придет.

I.XI.46

Родные наши,

В Ваших вестях от 27-го — 29-го сентября много отрадного. Ладно, что Ваша переписка с ВОКСом, видимо, упрочилась и Вы получаете интересные материалы. Любопытно, получает ли Гус[ев] картины сов[етских] художников и когда и где предполагается их выставка. Запросите Гус[ева] об этом ввиду того, что у Вас бывают люди интересующиеся. Непременно так сделайте — таким образом выяснится, что Гус[ев] по-прежнему сносится с Комитетом по делам искусства. Также скажите, что Вы хотели бы оповестить членов АРКА — они Вас спрашивали, где можно видеть такие картины. Непременно так сделайте — тогда и сысоевский миф может проясниться. Ведь более чем странно, что Сысоев после переписки с Гусевым замолчал, а оставление оплаченной ответной телеграммы — неслыханно! Значит, надо как-то выяснить положение вещей. Холст оказался хуже предыдущих, но "a la guerre comte a la guerre" [на войне как на войне — *фр.*] ведь теперь еще хуже войны. Пошлину за "подарок" взяли семьдесят рупий — тоже как на войне. Переживем — и не такое переживали. Показательны Ваши сведения из Праги, значит, и там труднее войны. Последите, в каком номере бюллетеня ВОКСа будет моя статья, — я хочу сообщить это в Шанхай. Спасибо за передачу телеграммы Грабаря, подождем письмо. Куда он посылал телеграмму — на консульство или Вам? Неужели от него прямо в Наггар не приняли, ведь известия о смерти Бориса шли прямо сюда. Куда придет письмо — сюда или через Вас?

Морис, видимо, доволен своим новым назначением — порадовались за него. А вот назначение Хорша — поразительно. Будем думать, что Гарриман поймет сего гангстера. Катрин спрашивает, кем будут Р.Ренц, Альбуэрно и Фонтес, но ведь давно уже было установлено, что они почет[ные] секретари. "Знамя Мира", пишет К[атрин], будет готово к 17-му ноября. Пусть к хорошему дню поспеет и доброе оповещение. Памятные дни — как маяки. Или, как в древности говорили: "Отмечу доброе событие белым камнем". Древние белые камни напоминали о радости, пролетевшей над этим местом. "Радоваться Вам", нашим дорогим друзьям! Забыть всякие тернии и собрать из лучшего сада цветы Культуры. Так и скажите, когда соберетесь в памятный день. Будьте добрее в памятные дни. Много безобразия в мире, а Вы соберете прекрасное и прикроетесь щитом терпения. Все вспоминаются

мудрые слова Леонардо: “Терпение для оскорбляемых подобно теплой одежде для зябнувших. Удвой одежду и не почувствуешь холода”.

“Важную” новость сообщило радио из Лондона: у Уоллеса бронхит, и он не мог читать лекцию в Мичигане. По счастью, мир не провалится без лекции матерого притворщика. Неужели какие-то легковуры еще ему доверяют? Помните, как мать Рузвельта называла его злым гением своего сына. Перед смертью Рузвельт понял изменническую природу Уоллеса. Иначе случилось бы неслыханное бедствие для Америки, сквернявчик мог бы стать президентом. И теперь-то тяжко, а могло быть гораздо ужаснее. Радио и газеты все время поминают о ценах, растущих у Вас. Можно представить, что происходит в действительности и во что превращается жизнь. Интересно, каково существование художников? Каковы условия выставок, цен и всех подробностей стоимости материалов. И чем могут покрывать художники вздорожание жизни? По ценам во время войны из Франции и Швейцарии можно было судить о каком-то существовании художественного быта, во что оно обратилось сейчас, в дни “мира”? Очень интересно, что у Вас слышно? А у нас все продолжают убийства неповинных прохожих, грабежи и поджоги. Каждый день радио оповещает о новых безобразиях. Иногда губернатор облетает бедственные местности и с высоты аэроплана в один день в чем-то убеждается. Но как усмотреть с воздуха насильственные обращения населения в ислам, похищения женщин, насилия и прочие ужасы? С ковra-самолета вопли не услышать. В газетах бывают такие заголовки: “Не было больших инцидентов. В Дакке сожжено пятьсот домов”. Так человечество приучается к крупным масштабам. Скоро, пожалуй, скажем о небывалом наводнении в Ассаме, обездолившем триста тысяч человек, что это маленький эпизод. Конечно, рассуждая космогонически — такое бедствие ничтожно, но ведь мы земляне — горя, горя-то сколько! А вот в Бенгале целый округ осажден крепко вооруженными бандитами и ограблено более двухсот селений. Опять поток горя! Двинуты войска. Теперь, вероятно, Сураварди объявит, что это пустяки. Многие сотни уничтоженных домов, многие тысячи убитых и обездоленных — все бедствие окажется “пустяками”. А вот и еще нечто прискорбное. Неру полетел с дружеской миссией к пограничным племенам, и там целый день обстреливали его аэропланы не только из винтовок, но даже из пушки. По счастью, в аэроплан Неру не попало, но машину, летевшую около, пуля пробила. Неслыханно! Вот Вам и дружеская миссия! Кто устраивает безобразие?

Ну, теперь давайте обернемся опять к доброму, к хорошему. Как-то очень давно Морис написал сюиту поэм к моим картинам, вроде того, как была ремизовская “Жерлица дружинная”*. Теперь, через много лет, поэмы Мориса начали появляться в “Кочин Таймс”, в “Our India”. Удивительны эти обороты колеса времени. Соберу и pošлю Морису, он будет рад. Из Китая [пришли] письма от каких-то новых друзей. Всем им хорошо бы послать “Знамя Мира”. Приложу несколько адресов — прошу Катрин и Инге, пусть pošлют книгу в память Спенсера, во славу Культуры и мира. Где на списке будет цифра два или три — значит, туда можно послать несколько. Конечно, нам можно прислать пачками — несколько десятков. В Америке можно послать в лучшие библиотеки, в университеты, в музеи. На месте Вам

посоветуют, куда лучше послать, где меньше вредительства. Вегетарианцам можно дать и в магазины, а цены назначить в зависимости от себестоимости.

Сейчас пишу “Бум Эрдени поражает девятиголового черного мангуса” — монгольское сказание. Кто знает, может быть, и эта картина попадет в музей Улан-Батора. Помните, любопытнейшее время было в монгольской столице. Помните, как Вы летели в Москву, и летчик коленом держал выпадавшую часть машины. И как только Вы добрались, а Бори-то уже и нет. От Татьяны Григорьевны на днях было письмецо. Все спрашивает о нашем приезде. Здоровье ее все еще не вполне наладилось. Упоминает о письме Бабенчикова, по-видимому, оно где-то в пространстве шествует. Живет Т.Г. на прежней квартире. Всем трудно живется. Вот и Валентине трудно, не вмещается она в рамки окружения. А Вам разве легко? Только твердое осознание полезности производимой работы может помочь. И всюду трудней и трудней пашня Культуры, откуда столько камней навалилось? Но, вопреки очевидности, будем очищать почву во имя светлых памятных дней. Пусть по обочине пути высится много белых камней, светлых свидетелей. Индия и Америка установили дипломатические сношения. В Дели уже американский посол и тибетский посол, а нашего все еще нет. Завидно и обидно! Почему же еще нет посла от ближайшего соседа? Скорей бы! Скорей!

Доброе письмо от Грабаря (13.IX.46) — скоро дошло, хотя и не по воздуху. Среди хороших вестей и много грустного. В параличе скончался Е.Лансере — прекрасный мастер и человек, Богаевскому в Симферополе немецким ядром оторвало голову. Лукомский умер. Где-то в Германии померли Пурвит и Богданов-Бельский. Самокиш умер в Крыму в оккупации. Дом Г.Лукомского разрушен в Лондоне бомбой. Целый синодик! От “Мира Искусства” кроме Грабаря и меня остались Добужинский, Остроумова, Бенуа, Щусев... совсем мало! А группа была немалая, могла называться “могучей кучкой” — вроде как такая была в музыке. Остальные сведения Грабаря хороши, и пока к совету Гус[ева] (о чем Вы писали) нет нужды обращаться. А все-таки в Индии ам[ериканский] посол, а нашего еще нет. И это придет! Все придет, но невозможно терять время, когда весь мир в неслыханном напряжении.

Опять письмо от А.Ренца (доставленное через вице-короля) — теперь речь идет о Roerich University! Просто беда! Хоть бы оставался он при Знамени Мира. Не можем мы отсюда писать ему. А если кто хочет работать для Знамени Мира, то ему не нужны сложные построения — делай добрый посев, где возможно. Елена Ивановна подвернула ногу в саду. Уже несколько дней не выходит, но, по счастью, на этот раз не так сильно, и дело идет на поправку.

В день Деваля — индусский Новый год — у нас были обычные вечерние огни. Собрались индусы всех каст. Буддисты, мусульмане, русские. Все было дружелюбно, никто никого не обижал. Спрашивается, откуда же “средневековое зверство”, происходящее в восточной Бенгалии и в других городах Индии? Кто же вдохновители этой дикости? Ох уж эти злые политиканы, всякие Джинны да Сураварди! И откуда такая людская злоба бездонная? Призовем все добро Культуры! Джин прислал превосходное обращение к фламмидам. Такие весточки останутся как живоносные зерна Культуры. Эта “Flamma” — огонек пробежит и осветит чьи-то обиталища.

Безразлично, будет ли внешний отклик, но душевный след останется. Живая мысль не погибает. Пусть в вихрях пространства светит огненная “Flamma”. И АРКА радуги пылает как свидетельство Культурного Единения. И Академия искусств напоминает о будущем. А Знамя Мира и Агни-Йога нерушимы как победный стяг человечества. Да будет! Другьям, добрым другьям наш сердечный привет.

Радоваться Вам,

Н.Перух.

28 октября отправлен Вам пароходом пакет “Надземного” до 613-го [параграфа] включительно. Когда дойдет?

15.XI.46

Родные наши,

Прилетели Ваши добрые вести от 21-го августа. Можно радоваться, они являются хорошими предвозвестниками трудового сезона. Так оно и будет. Будем рады получить бюллетень ВОКСа с моей статьей. Совершенно не представляю, какая именно, ведь им было послано несколько. Полезно, что у Вас добрые отношения с ВОКСом и с консульством. Вы правы, без разрешения Гусева неудобно поминать его консулу. Все ведомства очень разделены. Также и ТАСС, по-видимому, стоит обособленно, и нельзя произвести междуведомственную путаницу. Увидим, каков ответ Сысоева будет на Вашу телеграмму. Конечно, Вы осведомляйте Гусева о всех подробностях.

Катрин писала и предлагала прислать еще холста. Будем очень благодарны, но холст должен быть по прилагаемому образцу. Также радостно, что книга “Знамя [Мира]” закончена и одобрена. Произойдет прекрасное движение вод, так неотложное по нынешним обстоятельствам. Если Радхакришнан и Амарнат Джа не успеют мне ответить (они все в разъездах), то достаточно будет для почет[ных] вице-председателей — Л.М.Сен и Азит Кумар Халдар, а для почет[ных] сек[ретарей] — Санджива Дев и К.П.П.Тампи. Достаточно для одной страны, а если другие запоздают, — не наша вина. Если книжка будет печататься у того же печатника, где и “М[ир] О[гненный]” — хороши и шрифт, и бумага! — в добрый час! С тревогой слушаем радио о биржевом крахе в Америке, о забастовках и всяких неурядицах. Передавал “Голос Америки”, что крах был такой же грандиозный, как 15 лет назад, а ведь тогда вся жизнь была потрясена. А теперь еще и инфляция, и стачки. Передавали, что вследствие забастовки 2500 кораблей не могут выйти из портов, а среди них и грузы зерна для голодающих. Как жестоко всё! Из газет Вы знаете о пробегающих здесь мятежах, убийствах, грабежах. При этом происходят показательные эпизоды. Так, правительство Центральной провинции высказалось за суровые меры против гундов (хулиганов), а мусульманские члены при этом вышли.

Получилось впечатление, что мусульмане покровительствуют хулиганам, то есть убийцам, грабителям. Прискорбно, когда официальное радио передает такие вещи. Казалось бы, нужно искоренять разбой самыми суровыми мерами, а не прикрывать их демонстративным уходом из собрания. Всюду так много столкновений, а в результате Культура терпит вред. Страшна была война, а теперь послевоенная буря еще ужаснее. Было дельное письмо Валентины, было письмо из Китая — там удастся сеять полезные зерна среди молодежи. Но, спрашивается, сколько вестей вообще не доходит и почему многие друзья почему-то должны молчать?

Часто приходится поминать о таинственной потере наших писем и писем к нам. Последние годы все сваливалось на войну. Теперь войны нет, а тайны продолжают. Для Вашего сведения скажу показательный эпизод. Одно культурное европейское общество недавно обратилось к здешнему правительству об открытии здесь отдела Общества. От секретаря вицекороля получилось любезное извещение о возможности такого открытия и об избрании президента. Тогда Общество просило передать мне их телеграмму об избрании меня президентом. Вот тут-то и произошло таинство — телеграмма мне не была передана. Если это возможно в одном случае, то почему тому же не быть при других обстоятельствах? Как уследить, что именно *наше* не доходит по назначению и что посланное *к нам* исчезает? Во всяком случае, все это весьма показательно. Получаете ли Вы “Dawn of India” — доходит ли? Во втором номере “Our India” (Дели) был мой “Красный Крест Культуры”. В “Malabar Herald” — мое обращение к друзьям Знамени Мира — так всюду весточки о Культуре. Московское радио сообщает, что в Харбине повешена группа мерзких фашистов, так много и нам вредивших. Справедливость их настигла. Удалось ли узнать, кто в русском художественном обществе, о нем Вы поминали. Где и как живет оно? Вот прошел великий день Индии второго сентября? Воображаю, сколько о нем у Вас в газетах. Вообще и у Вас, и у нас, да и везде неспокойно. Из-за мятежей умолкают культурные издательства. Когда теперь выйдет большой труд Юрия? Когда наконец закончится печатание моих трех книг? Когда друзья о них запрашивают, им отвечают “скоро” — значит ли это месяцы или годы? А между тем события поспешают и все условия меняются. Вот Катрин с Инге собирались в Индию, но условия пути очень осложнились и возникли всякие новые опасности. То же происходит и во многих других обстоятельствах. Как стрела сейсмографа бьется и пульсирует напряжение жизни.

Привет Альбуэрно — его работа трогательна. Нам пока будет достаточно четыре книги. Кто мог думать, что Альбуэрно — бедный, трудящийся, окажется таким деятельным. Никогда не знаете, где будет лучший урожай. Пришли два [экземпляра] “[Основ] буддизма” и два — “Пламени в Чаше” — спасибо, они очень пригодятся. В Мадрасе вышел журнал “Сильпи” под моим “мотто” и со статьей “Истинные ценности”, таким образом, опять Знамя Культуры было поднято. Долго ли просуществует журнал в эти трудные дни? Нежданно нашелся М.В.Добужинский. Оказывается, он работает в фильмах в Лос-Анджелесе. Прислал мне привет, отвечаю ему тем же. Неожиданными путями отзываются друзья. М.В., с его тонким вкусом, принесет много пользы ам[ериканским] фильмам. Радио сообщило об ужасных непоправимых разрушениях исторических зданий на

Мальте. При этом отмечается, что многие здания разрушены своими же защитниками и совершенно напрасно (так замечает доклад). Если бы больше думали о Культуре, такие вандализмы могли быть избегнуты. Увы, не трюизм все наши зовы о Культуре. Жаль, если Мальта и врагами, и защитниками исковеркана. Там, наверно, были ценные русские памятники. Сколько таких памятков раскинуто и не отмечено. Может быть, и на Аляске, и на форте Росс, и на Галапагосе имеются знаки отважных русских искателей. В Гренландии находили во льдах замерших древних викингов — так много [мест], где могли храниться останки русских богатырей.

Читали ли Вы, что недавно был пойман мальчик бедуин, вскормленный газелями в пустыне. Он бегал с быстротой пятидесяти миль в час. Питался травами и водою. Понимал язык газелей, а в людских отношениях совершенно дик. В бомбейском журнале было его фото. Вот прекрасный пример вегетарианства. Пожалуй, в людском обиходе такое дитя пустыни скоро погибнет. Также читали ли Вы замечательный случай в Стокгольме, где молодой человек увидел в окне через улицу убийство молодой девушки, которое совершилось через три месяца. Если бы всякие такие особенные эпизоды внимательно изучались! Помните знаменитое видение шведским королем и его свитой события, совершившегося в будущем, через несколько десятков лет? К сожалению, наука предубежденно относится к таким редким явлениям. Впрочем, в сущности, они вовсе не редки, но люди, по невежеству, скрывают и стыдятся их. Сейчас неожиданно, после десяти месяцев, воскрес [журнал] “Искусство и Культура” — во главе мои [картины]: “Святые гости”, “Ригден[-Джапо]” и “Светлый витязь”. Удивительно, как может существовать журнал с такими почти годовыми перерывами без всяких объяснений. Мысленно мы его давно похоронили, и вдруг покойник воскрес. Надолго ли? Непременно прочитайте журнал “Times” от 22-го июля. Там любопытные сведения о псевдойоге Бернаре, о том, как жена его, Ганна Вальска, наконец откупилась от этого деятеля. А ведь многие легковверные уверовали в него. Интересно, что произошло с другой парой — м-с Пуллман и ее лихим фашистом “графом” Вонсяцким? Тоже мрачное сочетание! Сколько таких вредоносных комбинаций где-то вращается, сколько сору порождается.

Сейчас Катрин прислала копию очень странного письма Франсис, о котором Катрин будет советоваться с Вами. Не передаю все содержание письма, ибо Вы прочтете в оригинале. В письме поминается какая-то задолженность Press’a и чуется попытка вовлечения в какие-то неприятности. Чуется адвокатская рука, имеются упоминания о каком-то взаимном соглашении. Словом, и Катрин, и Вам нужно быть на страже и очень оградиться. Кроме изданий Press’a (их, по счастью, не так много) были издания Бринтона, Стокса, Корона Мунди, Страдфорда, Адьяра, Праги и другие, до которых Press не имел денежного касания. Некоторые из этих изданий появлялись ранее основания Press’a. Письмо Франсис имеет намеренно официальный характер, а подчеркнутая какая-то задолженность Press’a заставляет думать об адвокатском подкопе. По счастью, серия “Агни-Йоги” издавалась не Press’ом. Думается, письмо имеет в виду не столько склад, о существовании которого никто и не знал, а нечто иное. Поспешу отправить мое письмо, чтобы предупреждение дошло до переговоров — в них нужна сугубая осмотрительность. Сердечный привет всем Вам.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Е.И. чувствовала себя эти дни не очень хорошо и не могла писать на машинке. Теперь — лучше, и она Вам скоро напишет на Ваши вопросы об А[гни]-Й[огe]. Е.И. также думает, что письмо Франсис имеет скрытое значение. Между собою обсудите его подробно.

1.XII.46

Родные наши,

Печально письмо Ваше от 20.XI.46. В каждой строке — печаль. Да и как иначе, когда и внешние, и внутренние обстоятельства так тяжки. Из семьи Митусовых из семи человек в 1942-м осталось всего двое. А ведь не исключение такая гибель. Уже не увидаться здесь с нашим милым Степою. Сведения о Лукине неутешительны. Вообще, молчание Риги показательно. Неужели всё и все пропало? Молчание Парижа тоже мрачно. Все, что пишете об ужасах инфляции, — повсеместное бедствие. Всюду цены растут, доходы уменьшаются, и конца не видно. В деле о Франсис Зина совершенно права. Нелепо выбрасывать за грош ценный неповторимый материал, который расходуется по полной цене. Увы, Франсис много вредительствовала, очевидно, и теперь она собирается на ком-то вымещать свои ошибки. Будем надеяться, что брошюра вышла прилично. Адреса, после рассылки по ним Катрин, сохраните у себя — могут понадобиться. То, что пишете о ВОКСе, прямо поразительно! Как же мог пропасть весь материал за целый год, Вами посланный, только из-за перемены заведующего — непонятно. Может быть, Вы правы, и эпизод с телеграммой следует объяснить отставкой Сысоева. С кем же теперь переписывается Гусев? Знает ли Гусев о телеграмме? Как же Вы обернетесь с возросшей сметой по АРКА? Даже страшно подумать о таких нерешимых задачах. Конечно, прежде всего надо исключить оплаченные лекции. Бывало, в деревне говорили: “податься-то некуда”. Но Зина права, добавляя: как-нибудь выкрутимся. Ох, закрутилось человечество — облака пыли. В тумане суматохи решения являются нежданно и люди объявляются нежданные. Сообщайте, как удастся выкручиваться. Продать бы что-нибудь. Молчание Рокуэлла Кента странно, не в отъезде ли он? Среди печалей, что бы такое Вам рассказать веселое. Хотя бы смех и горе, хоть бы улыбнуться чему-то житейскому, хоть бы гран-гиньоль показался. В вечерние часы сумерничаем (керосина мало), вспоминаем встречи — и добрые, и недобрые. Нередко поминаем сердечно нашего друга Тагора. Милая Девика — племянница поэта — с детства часто бывала с ним. Поэт любил детей, и около него всегда их бывало немало. Бывали и курьезы. В Корнуэле летом принимал важную делегацию шведских ученых. Тут же вертелась маленькая местная девочка. Среди высоких суждений она подбежала к поэту и громко воскликнула, указывая на бороду: “Дяденька —

вошка!” В бороде была крошка хлеба. Все притихли в ужасе, а поэт откинулся со словами: “Шарбонаш!” (Конец всему — рушение небес) и снял крошку: — “Это просто хлеб”. Вспомнили мы, как во время лекции Тагора в Нью-Йорке американский импрессарио, сидевший на эстраде рядом с лектором, откинулся на спинку, широко разинул пасть, и захрапел на всю залу. С каким огорчением взглянул на него поэт. Не в коня корм. И высокое, и малое — всё в одном котле.

Из Мадраса, Дели, Траванкора неотступно просят клише картин, а у нас ни одного. Где-то они имеются, но журналы не дают своим конкурентам. А сколько клише пропадало при всяких несчастиях. Вот в Риге была готова вторая часть монографии: и клише, и текст, и бумага — война все разметала. В Нью-Йорке Бринтон уже объявил второй том, но редактор куда-то уехал, и все провалилось. В 1914-м году в Москве толпы разгромили печатню Гроссмана и Кнебеля, приняв их за немцев, а они были евреи. В серии Грабаря был готов к печати мой том с отличным текстом Александра Иванова со всеми клише, и все пропало. Иванов имел только один список текста! Также пропала в 1918-м году моя книга, а копии текста не было — была спешка. Е.И. до сих пор не может забыть — она хотела сама переписать. А где картины, данные Добычиной в Сердоболе? А картины, оставленные в Москве в 1926-м? Вот сейчас картины есть, а ни клише, ни фото — люди обижаются, воображают, что именно им не хотят дать. В ходу, в печати, пять книг: “Himavat” (Китабистан) Аллахабад, “Heroica” (“Китаб Махал”) Аллахабад, “Алтай” (Калькутта), “[Himalayas] — Abode of Light” (Наланда-Бомбей), “Прекрасное Единение” (Бомбей — Кружок молодежи) — только эта, самая маленькая, уже увидела свет. Условия всей жизни ненормальны. Книга Тампи “Gurudev [Roerich]” вся распродана, нужно третье издание — спрашивают. Посылаю Вам письмо некоего Уайта из Вашингтона — совершенно сумасшедший, вести с таким типом переписку невозможно. По некоторым фразам его письма можно судить, что Зина его знает. Какие типы живут! Пришел Ваш пакет с письмами и бумагами Ал.Ренца. Когда же они поймут причину нашего молчания?! Да и как им понять? Юрий получил книгу о Синдзяне и очень ей рад. Бернард Шоу заявляет, что он подает голос за Уоллеса. Вот и мудрый человек впал в ошибку и не знает, о каком злостном притворщике он испортил газетный лист. Вы поминаете Мюриель Дрепер, неужели она еще жива? Никогда не мог понять ее истинного направления. Выставка в этом сезоне не устроится — не такие настроения. Кстати, сделайте на машинке перечень моих картин, находящихся у Вас на выставке, а то я не знаю, что именно имеется. Не пришлось ли Вам повидаться с сестрою Неру — Шримати Пандит, главою делегации Индии? Светик письмо Уида получил. Посылаю Вам пакет в пять [экземпляров монографии] Конлана, Вы писали, чтобы не превышало пяти книг. Также пароходом послано “Надземное” от 614-го до 772-го [параграфа]. Калькуттское общество Искусства просило привет к своему десятилетию. Послал им на бланке нашей Академии. Поминаю об этом, ибо, может быть, они захотят ответить в Нью-Йорк. Было письмо Мориса — хочет устроить в С[ент]-Луи[се] выставку моих и московских воспроизведений от АРКА. Вероятно, он писал Вам об этом. Опять поминает Франсис и печалится ее непримиримости. Злоба до добра не доведет. Свои ошибки она знать не

желает. Тяжкий характер. Сын Клода Брэгдона Генри Брэгдон прислал из Экзетера письмо о смерти отца. Сообщает, что Брэгдон завещал кольцо, мною данное, Вальтеру Хемпдену. С кольцом на руке Брэгдон скончался — никогда не снимал его.

Только подумать, что это письмо дойдет к Вам уже в половине сезона, а может быть, к новому году. Каков-то будет новый год? В Париже конференция по образованию. О многом толкуют, но о вандализме не упоминают. О защите самого ценного не говорят. А народы в таком состоянии, что, казалось бы, им необходимо твердить о позоре вандализма. Получаете ли “Dawn of India”? На всякий случай посылаю копию статьи Санджива Дева. Можете прочесть Комитету Знамени Мира. Вот так мир! Была такая картина Венецианова — мальчик сидит над разбитым горшком, название: “Вот те и батькин обед”. Пишу Шауб-Коху — у него жена померла, и сам он был болен — понятно, что писем от него долго не получали. Не имеете ли ответа от муниципалитета в Брюгге? — надо же знать положение Музея. Меня они не извещали. Все ли благополучно с Мадахилом? Фонтес очень удивлен его молчанием. Де Лара прислал книги для отзыва, но они по-испански, и вряд ли здешние журналы осилят их. Может быть, Фонтес в Гоа на них отзовется? Здешние наши друзья еще не получили от Комитета извещения о поч[етном] избрании. Верно, оно в пути.

Да, что несет новый год, неужели всякие юнески? Чему свидетелями будем? Чего только не пересмотрели за всю жизнь. Сколько войн, и каких свирепых! Сколько рушений империй! Сколько державных изгнанников, и сейчас в Египте целый королевский клуб. Сколько народоправств и коренных переустройств. Поразительно, что все эти сдвиги произошли за семьдесят лет. Помним все перевороты, куда же еще переворачиваться? Остается строиться, творить, преуспевать в великом сотрудничестве. Поэт Михаил Исаковский вдохновенно читал свои “Советская Россия” и “Русской женщине” — сильные зовы. Да, да, там творят, там любят Россию и служат ей. Вот почему Ваша культурная, жертвенная пашня так неотложна. Уже слагаете новый отчет, и он опять полетит и близко, и далеко. И сделает полезное дело, крепя АРКА великого свода. Может быть, не столько члены АРКА, но какие-то совсем другие порадуются и пошлют Вам мысленный привет. Много раз приходилось убеждаться, как своеобразно отзвучит зов. Мир все еще в каком-то кошмаре. Приходится говорить о женском равноправии, о равенстве рас и верований, даже о цвете кожи. Неужели нет стыда у “дикарей”, еще твердящих об этих пережитках? Миллионы земных лет протекли, но еще мутна и грязна река жизни. Газета сообщает, что в Лагоре стоимость жизни возросла на четыреста процентов. Могли бы и не сообщать, и без того мы чувствуем сие “умиротворение”. Да и Вы достаточно ощущаете такое “продвижение”. Ох, биллионы и триллионы — прямо астрономия.

Но ведь “и это пройдет”. И скажем новому году: “Вот ты стращаешь, а мы не боимся”. Теперь всюду сложно — и у Вас, и у нас. Вот прилетело Ваше письмо от 8-го — 9-го ноября. Сквозь добрые известия проглядывает напряжение — как же иначе! Хорошо, что Зина познакомилась с Молотовым. Хорошо, что имели ладную беседу с Ермолаевым. Для нас было новостью, что Посольство туда писало. Вполне понимаем напряженное положение АРКА. Теперь Вы видите, почему был совет Дедлею быть председателем

[Комитета] Знамени Мира. Если уже покушаются на украинских делегатов, то куда же дальше? Неужели среди бела дня улицы Нью-Йорка уже небезопасны? Вот тебе и “security council”! Уж не провокация ли? День ото дня все усложняется. Совершенно правильно Вы подчеркивали международность Комитета Знамени Мира, но нельзя иметь два комитета. И я не могу быть покровителем в одном и председателем в другом — получится ерунда. О единстве комитета я уже писал. Не жалеете, если ВОКС не пришлет выставку, не до выставок сейчас — не такое положение. Видимо, и у Гус[ева] не шибко идет. Кто историк-экономист, встреченный Вами? Конечно, пусть Катрин и Инге пошлют брошюру по данным адресам, а Вы сохраните копию. Отчего Катрин не была на Комитете, здорова ли она? От Катрин телеграмма — просит подождать письмо Дедлея от 17-го ноября. Прилагаю выписку из письма Булгакова от 10-го ноября — Вам она интересна. Странно, он, по-видимому, не видел на приеме Дутко — и ее, и его. Как будто дипломаты бывают на таких приемах.

Прилетело доброе письмо нашего милого Дедлея от 17-го ноября со всеми приложениями. Доброе письмо и в такой хороший день. Вы уже получили нашу ответную телеграмму: “Одобряем список Комитета согласно заседанию шестого ноября. Сообщите Катрин, также спросите, когда назначена операция”. Конечно, список можно помещать и в брошюре, и на бумагах. Если Р.Кент молчит — оставьте его в покое. Синклер — не работник. Дедлей еще больше почует, почему он должен быть при “Знамени Мира”. Многие дела изменчивы, но мир — во всех его значениях велик, непоколебим. Ал.Ренцу скажите прямо, что никаких обществ в оккупированных местностях начинать теперь не следует. Если он лично интересуется А[гни]-Й[огой] и Знам[ением] Мира — это его личное дело. Е.И. шлет Вам душевный привет. Она нездорова: сильные головные боли, зубы, общее воспламенение. Всеми силами держите единение — время-то какое сложное.

Духом с Вами,

Н.Перух.

Из письма Булгакова

10.XI.46

7-го ноября мы с женой были на торжественном приеме в Советском посольстве по случаю 29-й годовщины Октябрьской революции. Посол В.А.Зорин был чрезвычайно любезен и познакомил меня с находящимися временно в Праге, в составе парламентской делегации, секретарем Президиума Верховного Совета СССР тов.Горкиным, подписывающим все законы Советского Союза, и председателем Президиума Верх[овного] Совета Украины тов.Гречухой. Из них особенно первый произвел на нас самое приятное впечатление. Не прощу себе, что при этом не спросил у Валериана Александровича,

получил ли и прочел ли он брошюру Юрия Николаевича. При первом случае сделаю это обязательно.

3-го ноября в Праге произошло общее собрание всей эмиграции, на котором обсуждалось постановление Советского правительства о предоставлении эмигрантам права восстанавливать свое русское, советское гражданство. Посол произнес на этом собрании прекрасную речь. Прочитан был и список новых советских граждан, получивших в здешнем консульстве в течение одной-двух недель со дня подачи своих прошений советские паспорта. Обо всем этом имеются очень интересные подробности в только что сегодня вышедшем номере нового пражского журнала “Наш путь”, издающегося объединением “Советская Родина”. Постараюсь поскорее достать и послать Вам этот журнал.

15.XII.46

Родные наши,

Прилетела Ваша весть от 18.XI.46. Рады слышать об удачной лекции Сомервелла, конечно, его можно избрать в директора. Хорошо, что завяжутся добрые культурные сношения с Румынией. Любопытно, что ответит Кеменев на письмо Дедлея? Когда же Ермолаев получит ответ? Хотя и морозы, но эти вещи не должны замерзать, подобно Сысоеву. Возвращаю присланное Вами письмо. Бедные люди — весь мир стремится в Америку, не думая, не зная, какова она сейчас. Конечно, им ехать нельзя. Может быть, Канада или Южная Америка, но если есть хоть какая-то возможность пожить во Франции, пусть там и побудут — время изменчиво. Пусть на всякий случай сообщают адрес. Моего имени не поминайте. Конечно, жаль Мейера, но ничего не поделаете — уж такое тяжкое время сейчас. Спросите в “Нов[ом] Рус[ском] Слове” о Дымове. Может быть, через него можно узнать, что случилось с Румановым. Ужас, сколько друзей растерялось в Армагеддоне. Хорошо, если Катрин откупится от Франсис. От продажи книг эта сумма вернется. Франсис не умела распространять книги, а теперь торговец, чего доброго, возьмет их на бумагу. Весь этот материал неповторим, и Вы отмечаете, как постепенно он расходуется в хорошие руки. Всегда наше желание было не о количестве, но о качестве. Имеете ли Вы список статьи “Служение Родине” из рижского журнала “Мысль”? Я посылал Вам, но, может быть, Вы ее отослали, и потому прилагаю — может понадобиться. Как бывают нежданно нужны старые вехи. Иногда помнишь, что нечто где-то было, а оно провалилось в архиве. И кто разберет его? Рыться в нем радости мало, все вперед стремится. На днях искал мой лист о Дягилеве — просили для нового бомбейского журнала — еле нашел. А хотелось помянуть друга.

Записываю для Вашего сведения два прискорбных газетных сведения. Среди всяких потрясений и восточные монахи обезумели и занялись самоуничтожением. В знаменитом даосском монастыре недавно монахи сожгли живьем на костре своего настоятеля. Вот тебе и благостное Дао, чем так гордился Китай! Теперь сообщают, что буддийские монахи на Цейлоне собрались для обсуждений, передрались, переранили многих и сожгли свою

же буддийскую школу. Вот тебе и “мир всему сущему”! Вот тебе и хинаяна*, чем так гордился Цейлон! Среди чудовищных вестей из разных частей Света, среди линчеваний, разбойных нападений, ужасных условий жизни теперь и восточные монахи отличились. Да, огромное Знамя Мира требуется, чтобы напомнить озверелому человечеству о самом нужном, самом прекрасном. На собрании ЮНЕСКО Радхакришнан хорошо сказал о духовном обнищании. Лишь бы такие зовы не оставались гласом вопиющего в пустыне. Да, да огромное Знамя Мира необходимо, чтобы прикрыть, излечить язвы невежества. Все озверение, в основе, порождается невежеством, гнездящимся не только в безграмотных лачугах, но и во фраках, в бальных нарядах. Цивилизованный дикарь — зрелище отвратительное. Некоторые думают, что Знамя Мира ограничено статьями договора. Но Вы знаете, что эти статьи — лишь первые врата, а значение, вернее, назначение Знамени безмерно шире, о чем я поминал в моем листе “Дозор”. Нужно, чтобы друзья осознали ясно, что договор есть лишь вход в обитель Культуры. Если хотите, можете сказать: вход в лечебницу “Культура”, ибо только такими целительными постулатами можно оздоравливать поникшее сознание человека. Так и скажите друзьям, ведь им придется утверждать новичков, мысль которых часто склонна к умалению, к ограничению. Расширение сознания приходит не сразу, и лишь в редких случаях вспыхивает мгновенное озарение. Многие целебные травы нужны, чтобы врачевать духовное обнищание. Очень надеемся, что брошюра выйдет ладно и пролетит по всем частям Света как призывная искра. Когда Катрин будет рассылать брошюру, пусть пошлет К.П.П.Тампи десять экземпляров, он дает в журналы на отзыв. Вы, может быть, уже слышали, что в марте в Дели будет конференция всех азиатских стран? Будет при ней и выставка — [меня] избрали вице-президентом, президент — Абанидранат Тагор. Будем надеяться, что и Москва примет участие. Вы, должно быть, читали о голодных крысах в Париже. Они заедают детей и бросаются даже на взрослых. Бедствие! Всюду бедствия, люди так несчастны, что иногда даже не замечают своего несчастья.

Почта опять шалит. Последнее письмо Грабаря было от 26-го сентября и дошло к концу октября. А теперь пришло его письмо от 1-го июля — было в пути более пяти месяцев. Вот Вам и корреспонденция. Между тем именно в этом ожидаемом письме могли быть срочные извещения, а вдруг оно вздумает гулять полгода — от такого прогула многое может измениться. Может быть, Грабарь пошлет и по Вашему адресу, тогда телеграфните нам. Такие чудовищные проволоочки вторгаются и ломают жизнь. Почта опять плоха — замечены пропажи писем и телеграмм. А вот получено от Стефана Сикорского престранное английское письмо (он не знает русского). По-видимому, он хочет затеять свою отдельную группу и быть руководителем. Для этого он желает получить от Учителя именной message за подписью. Отвечать не буду, а Вы скажите ему по моему предложению, что переписка с Америкой ведется через Зину. Если у него какие-то конкретные вопросы, он может передать их нам через Зину. Мы этого человека совсем не знаем, но, помнится, Зина имела с ним неприятности. Потому, если Вы имели бы какие-то особые причины, то можно бы и вообще отмолчаться, — Вам виднее. Катрин пишет, что на складе многие книги испорчены — очень жаль! Какие

именно? Вообще, какие книги на складе? Вы писали, что у Инге был инвентарь. Пусть пришлет нам с пометками — что цело? что попорчено? и что вконец обезображено? Слегка испорченные можно продавать по уменьшенной цене. Е.И. поправляется — уже вышла из своей комнаты. Долго было воспламенение, но все же пришло к доброму концу. Шлем Вам всем к Новому году сердечные приветы. Пусть год принесет продвижения.

С Новым годом!

Духом с Вами,

Н.Перух.

1.III.47

Родные наши,

В марте, перед 24-м числом, положи руку на сердце, скажите себе, что борозда на пашне Культуры Вами проведена твердо и четко. Как бы ни старались злобники, они ее не сотрут. Самый ненавистник воздержится прямо похулять Ваш труд бескорыстный. Ну а что касается до замалчивания, то уж тут не только враги, но и некие “друзья” охулки на руку не положат, онемеют, как рыбы, как монахи за едою. Такова природа некоторых зоологических видов двуногих. Бывало, когда ректор Академии Беклемишев в чем-то собирался “умыть руки”, Куинджи кричал: “Скорей подайте воды, ректор хочет руки умыть. — И тут же добавлял: — Это они, бедные, не знают, что творят”. А эти “бедные” с ним самим поступали жестоко. К марту не будем слишком поминать о жестокости. Лучше смажем ее “замруком” — такая мазь, от всех болезней помогает. Вспомним что-то особенное, вдохновительное.

В марте — в этом памятном для нас всех месяце — хочется вспомнить знаменательную встречу в музее Метрополитен четверть века назад. Многие сотрудники об этом вообще не знают. Помните, предполагалась в музее деловая встреча с одной влиятельной особой из Чикаго. Как всегда, я пришел несколько раньше и поджидал в большой входной зале, где висят гобелены. Заметил, что вокруг меня обошел высокий, сухощавый пожилой человек в темном костюме. Незнакомец остановился около и, смотря на гобелен, сказал: “Они имели стиль, а мы его утеряли”. Я подтвердил. Незнакомец обратился ко мне: “Вы, кажется, поджидаете кого-то? Может быть, и я пришел с кем-то повидаться. Сядемте на скамью, отсюда Вы увидите, когда придут друзья”. Мы сели, незнакомец прикоснулся указательным пальцем к моему лбу (посетители ничего не заметили) и сказал тихо, внушительно: “Вы пришли говорить по делу. Вы не должны об этом говорить. Еще три месяца Вы не должны ничего предпринимать. Условия будут неблагоприятны. Потом все устроится со стороны, Вам неожиданной”. Затем незнакомец дал несколько знаменательных советов, встал, сделал приветственный знак рукою и со словами “Доброго счастья!” быстро ушел к выходу. С опозданием приехала особа из Чикаго. Мы прошли

по музею, но о деле я не говорил, чему она, видимо, была несколько удивлена. Как Вы знаете, по указанию незнакомца, через три месяца все устроилось. Удивительно, что я не спросил имя доброго советника и не пошел проводить его. Вышло, что он никого не ждал, а пришел повидаться и предостеречь меня. Удивительно, что многочисленные вокруг ходившие посетители не замечали его необычного движения, а я выслушал его советы без единого слова, как бы так и следовало. Вот и в Нью-Йорке, на Пятой авеню, может происходить нечто знаменательное.

Другой памятный эпизод — в Сан-Франциско. В очень тягостном ожидании я сидел в комнате гостиницы. Раздались три удара в дверь. “Войдите!” Входит маленькая старушка в скромном черном платье, остановилась у двери и, не здороваясь, тихо говорит: “Мы признаем Вас, и так далее”. После одобрительных слов поклонилась и ушла. И опять почему-то я не спросил, кто она, не предложил сесть и молча стоя выслушал. На другое утро появилась милая мисс Кастль из Гонолулу — Вы знаете об этом. Поминаю лишь об Америке, о многом другом — о Париже, о Лондоне, об азиатских чудесах не говорю — на то и Азия, на то и Гималаи. А вспомнить все чудесное и величественное около Елены Ивановны! Ведь эта великая эпопея, прекрасная, неповторимая и почти никому неведомая. К тому еще помянул только об Америке, ибо Вы там иногда можете огорчаться, что ничто не случается и новые друзья не объявляются. Не знаете ни дня, ни часа. Трудовой подвиг не пропадает.

Опять газеты марают себя именем Уоллеса. Он объявил: “Я не коммунист и не русофил”. Проще было бы сказать всему Миру: “Я — pincompoor!” Все бы такой истине поверили, и дело с концом. У pincompoor’a много неприятелей, вполне его раскусивших; видимо, ему приходится хитрить и вывертываться. Наверно, Вам будут писать наши друзья из Тяньцзиня, будут просить прислать брошюру Знамени. Имейте в виду — они люди очень хорошие. Теперь брошюра, наверно, уже рассылается. Любопытно следить за откликами. Неужели муниципальный совет в Брюгге еще не ответил? Непонятно! Брошюру можно послать в Югославскую Академию наук в Загребе и в Рикс Музеум в Копенгаген. Конечно, следует послать в Лондон, в Британский Музей и в Виктория Альберт Музей (он в Кенсингтоне). Вообще, всякое движение вод всколыхнет болота.

В Законодательном собрании Неру был запрошен, правда ли, что в Ассаме расхаживают охотники за черепами? Пришлось сказать, что за год в деревнях нагов найдено 350 черепов, но теперь в деревне будет полицейский. Можно было надеяться, что охотники за черепами отошли вместе с Купером и Майн Ридом, а они себе, в перьях, со стрелами, стерегут прохожих. Но довольно о темных чудесах, есть и светлые. Прекрасное письмо от Булгакова из Праги. Никуда он не уезжал, значит, Грабяр был кем-то введен в заблуждение. Уже не первый раз ему приходится пользоваться неверными слухами. Так или иначе, Булгаков в Праге, сейчас уезжать не собирается. Друзья предостерегают его о трудностях жизни в Москве, особенно нелегко с квартирами. Ну, переждет, пусть кризис уладится. Он и в Праге сейчас творит много полезного, и отношение к нему дружеское. Среди адресов, посланных Вам, был и его, так что можно ему послать брошюру, он ее хорошо использует.

Опять печаль о Риге, о всех добрых там начинаниях.

Опять зверский вандализм! Опять дикари. Опять выплыли темные масловы. На складе было множество изданий. Кроме всей серии [Живой] Этики были “Письма Е[лены] Р[ерих]”, была “[Тайная] Доктрина” Блаватской, было “Знамя преподобного Сергия [Радонежского]”, была “Zelta Gramata”, были монографии — русская и английская, был Всево[лод] Иванов [“Н.К.Рерих. Художник-мыслитель”], были мои “Пути Благословения”, “Врата в Будущее” и “Нерушимое”, были книги Рудзитиса, книги Клизовского, Зильберсдорфа, сборник “Мысль”, сборник имени Феликса Лукина, Ориген [“О Началах”], многие книги из Америки, воспроизведения, все клише, книги о Знамени Мира — весь богатейший культурный материал! Какой зловещий вандализм! Горюем, когда читаем о варварских уничтожениях книгохранилищ в далеких веках. Но ведь случившееся несчастье произошло теперь, на глазах “цивилизованного” мира на позор человечества. А еще говорят, что осуждение вандализма — трюизм. Нет, забыта Культура. Очерствели, омертвели сердца. Грустное Ваше письмо от 28-го января. Хотя и к марту, а пришлось отметить Вашу новую грустную весть о гибели рижских изданий. Придется очень беречь все оставшиеся издания. Может быть, они последние. Раздавать не придется. Конечно, Вам не удастся посылка Митусовой — все равно не получит. “Himavat” тоже нельзя отсюда посылать — замучают формальностями и курсовыми разнищами. Помните многомесячную мучительную процедуру с посылкой эскизов? Не понимаю, о каком folder’e говорит Де Лара? Может быть, он предполагает фолдер в две странички о содержании брошюры. Такой folder мог бы быть очень полезен в широком распространении. Что думают об этом Катрин и Инге? Вы спрашиваете, от кого присланы пять Конланов? На конверте было имя отправителя — конечно, от нас. Там же был журнал “Our India”.

Спасибо, если пошлете кобальт — все равно какой, все пригодится. Вот уже и “мир”, а с материалами трудней, чем в годы войны. Письмо от Грабаря. Стремится уехать в экспедицию в Сербию, в Софию, даже в Среднюю Азию. О том, о чем писал ранее, — ни слова. Понимаем, почему Вам не хочется отвечать на некоторые письма, — уж больно много вредителей — и вольных, и невольных. Уж такой март выдался — о вредителях, о гибели, о жестокости, о вандализме! Сложное время! Капица хорошо сказал: “Думать о применении атомной энергии лишь к атомным бомбам все равно, что мыслить об электричестве лишь в применении к электрическому стулу”.

Среди всяких сложностей усмехнемся шуткою. Катрин прислала “Tribune” от 17-го ноября. Там две забавных карикатуры к вопросу о мире. На одной человек старается проявить в фотованне надпись “мир”, но проявитель плох и вытаскивается нечто темное с еле заметной надписью. На другой — земной шар, и на нем сидит маленькая птичка, держа большое знамя с надписью “Мир”. В пригласительном классе мы пели:

*Мы птички на веточке —
Сидим, сидим, сидим!
На солнышко в надежде —
Глядим, глядим, глядим!*

Вам всем, друзьям всем, радоваться Вам.

H.Pepux